



№ 2015/1011

Министерство образования и науки Республики Казахстан  
Комитет науки

Институт литературы и искусства имени М. О. Ауэзова

Посвящается  
Году Ассамблеи  
народа Казахстана

# СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА НАРОДА КАЗАХСТАНА

Алматы, 2014

УДК 821.0  
ББК 83.3  
С 56

Рекомендовано к изданию Учёным советом  
Института литературы и искусства им. М.О.Ауэзова КН МОН РК

**Редакционная коллегия:**

С. С. Кирабаев, У. К. Калижанов, С. В. Ананьева (ответственный редактор), Б. Б. Мамраев, А. К. Машакова (ответственная за выпуск)

**Рецензенты:**

Ш.Р. Елеукинов – доктор филологических наук, профессор,  
К.Р. Нургали – доктор филологических наук, профессор,  
А.К. Калиева – кандидат филологических наук

Издание осуществляется в рамках грантового финансирования КН МОН РК по проекту «Литература народа Казахстана на современном этапе» (госрегистрация № 0112РК02858)

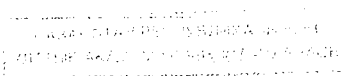
**С 56** Современная литература народа Казахстана. Коллективная монография / Под ред. С. В. Ананьевой. – Алматы: Evo Press, 2014 – 488 с.

**ISBN 978-601-230-046-8**

Современная литература народа Казахстана представляет собой эстетико-культурный и художественный феномен, развивающийся в уникальной социоисторической, цивилизационной ситуации. Важнейшей особенностью и характерной составляющей разножанрового и тематически богатого современного литературного процесса республики является обогащение национальных культур и литератур традициями казахской литературы. Русская, уйгурская, корейская, немецкая, белорусская, татарская, курдская, узбекская литературы рассматриваются в аспекте влияния на формирование, содержательность и вектор идентичности, укрепление межнационального согласия, толерантности народа Казахстана. Сложившееся в республике поликультурное пространство с единой духовной основой способствует их поступательному и динамичному развитию. Исследование современного литературного процесса направлено на пропаганду казахстанской модели межэтнической толерантности, межкультурного и межрелигиозного сотрудничества, общественного согласия и общечеловеческих ценностей.

**ISBN 978-601-230-046-8**

**УДК 821.0  
ББК 83.3**



00326294

© Институт литературы и искусства  
им. М. О. Ауэзова МОН РК, 2014

## СОВРЕМЕННОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ

На современной карте мира независимый Казахстан представляет несомненный интерес как содружество многих наций и народностей, демонстрируя мировому сообществу не декларативное, а глубокое взаимопонимание и взаимоуважение этносов, что особенно важно в современном мире, когда на первый план выходят феномены мультикультуральности (культурного разнообразия) и мультикультурализма, вызывающие полярно противоположные оценки в странах Европейского Союза и США. Казахстану удалось превратить мультиэтничность из фактора потенциального риска в конкурентное преимущество, ибо только в диалоге с другими нациями, по глубокому убеждению Лидера Нации Н.А. Назарбаева, «наша страна сможет достичь успеха и влияния в будущем». В XXI веке, как обозначено в Послании Президента Н.А. Назарбаева «Стратегия «Казахстан-2050: новый политический курс состоявшегося государства», Казахстан должен «укрепить свои позиции регионального лидера и стать мостом для диалога и взаимодействия Востока и Запада».

Обозначая в числе фундаментальных приоритетов развитие культуры и самобытных традиций народа Казахстана, Глава государства акцентировал внимание на том, что «нам следует оберегать нашу национальную культуру и традиции во всём их многообразии и величии, собирать по крупицам наше культурное достояние». В республике созданы и успешно функционируют многочисленные этнокультурные центры, развиваются национальные литературы, создают произведения именитые писатели и поэты, драматурги и публицисты, издаются газеты на казахском, русском, украинском, польском, английском, немецком, корейском, узбекском, уйгурском, турецком и других языках.

В XXI веке происходят кардинальные изменения в области международного взаимодействия. Расширяются историко-географические и социально-культурные границы литературы и всех видов искусства. Системообразующим фактором современного развития выступает гуманитарное сотрудничество, а межкультурный диалог – камертоном, с помощью которого

настраиваются на толерантность народы планеты. Стремление к межкультурному диалогу, развитие его во имя мира, укрепление гуманистических ценностей – важнейшие принципы в основе деятельности ООН, Совета Европы, ЮНЕСКО и многих авторитетных международных организаций. При личном участии Главы государства и под его пристальным вниманием в Казахстане реализуется ряд приоритетных задач по дальнейшему укреплению потенциала межэтнического согласия, гражданской идентичности, толерантности, уважения к культуре и традициям всех этнических групп. Поощряются инициативы, направленные на гармонизацию межнациональных отношений, раскрытие духовного родства этносов и культур и их межэтнического взаимодействия. Прогрессивным фактором развития казахстанского общества являются поликультурность и толерантность.

К настоящему времени накоплен колоссальный материал и огромный опыт в области изучения отдельных национальных литератур, разработаны принципы сравнительного рассмотрения художественной эволюции человеческой мысли. В XX веке развитие казахской, русской, уйгурской, немецкой, корейской, белорусской, татарской, курдской, узбекской и других литератур Казахстана в стадийном отношении происходило в едином направлении. В условиях усиливающейся интеграции и углубления инновационных процессов на новом теоретическом уровне продолжается переосмысление всего пути, пройденного национальными литературами республики. Определяются его основные вехи, этапы, периоды, раскрываются тенденции и особенности развития, самобытность и динамика каждой литературы.

Культурное единство Казахстана имеет в своей основе исторические традиции взаимовлияния культур и литератур. Ренессанс евразийской идеи, возникшей в двадцатые годы XX-го столетия, вновь властно заявил о себе в работах и выступлениях Президента Казахстана Н. Назарбаева, акцентирующего внимание на наращивании потенциала традиционного культурного взаимодействия. Существует давняя и глубокая культурная традиция взаимодействия этносов, диалога крупных культур на территории Казахстана и Евразии в целом. Поэтому проблематика

евразийства диктует необходимость комплексного научно-теоретического исследования в аспекте философского, исторического, филологического, социокультурного и политологического дискурсов современного литературного процесса.

Лидер Нации Н. А. Назарбаев, приветствуя участников XIV съезда писателей Казахстана (сентябрь 2012 г.), особо подчеркивает значение литературы в сплочении нации, укреплении государственности, независимости и роль писателей в формировании ее духовного потенциала. На встрече с Президентом страны Н. А. Назарбаевым состоялось всестороннее обсуждение дальнейшего развития гуманитарной науки и роли интеллигенции в современном Казахстане, которая, по мнению Главы Государства, должна внести особый вклад в формирование казахстанского патриотизма, в строительство сильного процветающего государства.

Способность одной нации трансформировать достижения другой, стремление щедро делиться своими духовными ценностями – важнейшие критерии жизненности национальных культур и литератур в XXI веке. Литературы Казахстана представляют собой единый и целостный эстетико-культурный феномен, актуальность поступательного изучения которого очевидна. Диктуется она самой логикой историко-культурного развития страны. Основные тенденции развития литературного процесса Казахстана, по мнению авторов коллективной монографии «Современная литература народа Казахстана», протекают в русле мировых веяний и в то же время имеют свою специфику, что обусловлено исторически. В последние десятилетия в казахской, русской, уйгурской, корейской, немецкой, татарской литературах наблюдается реконструкция историко-культурного процесса, восстановление памяти национальных культур и литератур. Это востребовано самой жизнью, слишком многое оказалось изъято и изолированно. Национальные образы культуры и мира обуславливают богатство стилевых течений и решений, многообразие творческих индивидуальностей. Впервые попытка осмыслить основные тенденции развития литератур Казахстана в историческом аспекте была предпринята авторским коллективом

книги «Литература народов Казахстана» (Алматы: Ылым, 2004). Научный труд обобщающего плана подготовлен научными сотрудниками отдела мировой литературы и международных связей Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова МОН РК под общей редакцией академика НАН РК С. А. Каскабасова с привлечением ведущих специалистов по национальным литературам М. Абдрахманова, Ян Вон Сика, Г. Бельгера, В. Бадикова, К. Мирзоева, Ф. Фаткуллина, Т. Кривошаповой, Е. Зейферт. В свое время книга получила положительную оценку на страницах отечественных и зарубежных научных изданий, республиканских СМИ. В 2014 году вышло второе, дополненное издание монографии «Литература народа Казахстана».

В 2005 году Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук издает словарь «Литературы народов России», на страницах которого представлено более 50 национальных литератур в общих главах и персоналиях. Максимально охвачены не только факты, но и осуществлена систематизация «с учетом научных требований и открывшихся возможностей значительного восполнения содержательного объема материала». Научный труд российских литературоведов сочетает критерии национальной неповторимости литератур народов России и историко-культурные закономерности их взаимосвязей. Обязательную главу о литературе российских немцев и ряд персоналий написал Г. Бельгер. Объективно и взвешенно повествует он о литературе, опирающейся в своем формировании на немецкую и русскую классические традиции. «Словарь...» явился первым опытом широкомасштабного научного издания, выявления «новых проблемных узлов, связанных с генетическими особенностями национальных литератур России, условиями их историко-культурного развития и нынешнего бытования».

Постсоветские литературы находятся в состоянии «внутреннего переустройства» (И. Калита). Современная компаративистика, основываясь на равном соотношении, соразмерности, сравнении, сличении, освещает круг вопросов, связанных с осмыслением природы *многообразия* и *уникальности* (культурной и литературной), с одной стороны, и выявляет сходство

в культурах и литературах в рамках их многообразия – с другой. В Гарвардском университете (США) разрабатывается научный проект Лонгфелло по изучению литературы, написанной не на английском языке, и литературы, переведенной на английский язык. Проведенные Институтом мировой литературы им. А.М. Горького РАН Первые Международные Ломидзевские чтения «Изучение литератур и фольклора народов России и СНГ: Теория. История. Проблемы современного развития» (Москва, 2005) включали секции «История национальной литературы: новые факты, новое осмысление», «Литературы народов России и СНГ на современном этапе» и «Фольклорное наследие народов России и СНГ». Современное состояние национальных литератур и их ретроспективный обзор – в центре научных трудов «Литература народов Севера» (Якутск, 1990), «Nation als Stereotyp: Fremdwahrnehmung und Identität in deutscher und Französischer Literatur» (Ed. R. Florack. Tübingen, 2000), «Нация. Личность. Литература» (Москва, 1996-2007. Вып. I–III), «Iberic Americans: Latinoamericana cultura в дискуссиях конца XX–XXI веков» (Москва, 2009), «Немецкоязычная литература: единство в многообразии» (Москва, 2010), «Литературна компаративістика» (Киев, 2004-2011. Вип. I–IV), «История национальных литератур. Перечитывая и переосмысливая» (Москва, 1995-2014. Вып. I–V) и в эпицентре обсуждения участников XV Международного съезда славистов (Минск, 2013), VI–VIII Форумов творческой и научной интеллигенции государств – участников СНГ в Киеве (2011), Ашхабаде (2012) и Минске (2013). Изучение национальных литератур неотделимо от проблем художественного перевода, о чем свидетельствуют симпозиумы «Страны СНГ и Балтии: единое межкультурное пространство» (Москва, 2010), «Актуальные проблемы художественного перевода литератур стран СНГ» (Баку, 2012), «Перевод как средство взаимодействия культур» (Краков, 2014), международные круглые столы «Художественный текст как средство общения народов» (Сморгонь, 2009), «Созвучие. Язык и литература в контексте историко-культурного наследия» (Быхов, 2013), «Созвучие: литература как зеркало эпохи» (Минск – Заславль, 2014) и др.



Выявлению основных тенденций развития современной литературы республики посвящена Международная конференция «Литература народа Казахстана» (Алматы, 2013), организованная Союзом писателей Казахстана с участием писателей, критиков, ведущих литературоведов Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова МОН РК (модератор – лауреат международной молодежной премии «Серпер» С. Камшыгер). Вслед за приветственным словом заместителя Председателя СП РК, лауреата международной литературной премии «Алаш» М. Ибраева с основными докладами выступили писатель, лауреат международных литературных премий «Алаш» и «Ильхам» А. Ашири, заведующая отделом аналитики и внешних литературных связей Института С. Ананьева, заместитель Председателя Совета Ассамблеи народа Казахстана, президент Ассоциации курдов Казахстана «Барбанг» К. Мирзоев, главный редактор газеты «Жийана курд», поэт, переводчик Г. Хаджисулейман. Пропаганде и продвижению казахской литературы и культуры в Германии, Англии и Голландии, новым изданиям произведений Ч. Айтматова в Европе было посвящено выступление президента Академии Айтматова (Лондон) и Kazakh Arts Academy (Amsterdam, Netherlands) Р. Абдувалиевой. О казахских мотивах в творчестве сибирских писателей и литературных контактах представителей писательских союзов России и Казахстана рассказал директор Омского Государственного литературного музея им. Ф. М. Достоевского, заслуженный работник культуры России, профессор Российской академии естествознания, член СРП В. Вайнерман. Внимательно и заинтересованно встречено присутствующими выступление директора Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, член-корреспондента АН РТ К. М. Миннулина, раскрывшего казахско-татарские литературные связи, их истоки и современное состояние.

Актуальным проблемам современной критики и литературоведения Казахстана, России и стран дальнего зарубежья посвящены Международная научная конференция «Теория литературы и актуальные проблемы современного литературоведения» (ИЛИ им. М. О. Ауэзова МОН РК, 2013) и состоявшаяся

в Национальной библиотеке Республики Казахстан в рамках III Центрально-Азиатского книжного форума и литературного фестиваля «Открытая Центральная Азия» Международная научно-практическая конференция «Взаимодействие литературы и культурная трансформация как форма диалога Востока и Запада» (ноябрь 2014) с участием генерального директора НБ РК, писателя А. Аскара, академика Академии российской словесности Г. Пряхина, С. Ананьевой, Р. Томсона, Л. Хамилтон, Д. Масури, А. Улько, Я. Вишневого и др.

Впервые лауреатом конкурса «Научная книга-2012» шестой сессии Совета по книгоизданию при Международной ассоциации академий наук (Москва) в номинации «Общественные науки» стали коллективная монография Института «Новейшая зарубежная литература» и Издательский дом «Жибек жолы». Дипломом лауреата международного конкурса «Лучшая научная книга в гуманитарной сфере – 2013» Межрегионального центра инновационных технологий в образовании РФ отмечены «Интеграционные процессы и казахская литература». В 2013 году в Нью-Йорке впервые в истории казахско-американского литературного сотрудничества по инициативе Посольства Республики Казахстан Колумбийским университетом при непосредственном участии Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова издана «The Stories of the Great Steppe. The Anthology of Modern Kazakh Literature» (Edited by Dr. Rafis Abasov). Антология востребована как учебное пособие в ряде университетов США.

Инновационной моделью «всенародного представительства интересов всех граждан и успешным инструментом нашей молодой демократии» называет Ассамблею народа Казахстана Президент страны Н. А. Назарбаев. Авторский коллектив книги «Современная литература народа Казахстана» работал над данным проектом в контакте с Ассамблеей народа Казахстана, АНК г. Алматы (председатель АНК Алматы – А. Есимов, руководитель Секретариата и заместитель Председателя АНК г. Алматы – М. Абдалиева), научно-экспертной группой АНК г. Алматы (председатель – зав. отделом политологии ИФПиР КН МОН РК, доктор философских наук М. Шайкемелев), с редколлегиями журналов

и газет «Нубар», «Жийана курд», «Уйгур авазы», «Корё ильбо», «Deutsche Allgemeine Zeitung», «Давар» и др. Участники проекта выступили авторами коллективной монографии «Литература корейской диаспоры Казахстана» (Алматы, 2013), Антологии немецкой литературы второй половины XX – начала XXI веков «Der misstrauischen sonne entgegen... Навстречу недоверчивому солнцу...», изданной Международным союзом немецкой культуры при поддержке Министерства иностранных дел Федеративной Республики Германия в Москве (Москва, 2013). Увидели свет монографии С. Ананьевой «Морис Симашко. Опыт филологического прочтения», А. Хамраева «Уйгурская поэзия независимого Казахстана», А. Машаковой «Казахская литература в современной зарубежной рецепции», Указатель Г. Кима и А. Машаковой «Исследования художественной литературы корейцев СССР и СНГ» (совместно с Международным Центром корееведения КазНУ им. аль-Фараби), сборники научных статей «Мир Олжаса Сулейменова» и «Великий немец Великой Степи», раскрывающие восприятие творчества О. Сулейменова и Г. Бельгера отечественными критиками, литературоведами, издателями, журналистами и учеными-гуманитариями России, Германии, Монголии, Польши, Республики Корея, США, Франции.

Коллективная монография «Современная литература народа Казахстана» включает разделы: Современность и национальные культуры (У. Калижанов), Казахстан в творчестве и судьбе (Б. Мамраев, С. Ананьева), Русская литература (С. Ананьева, В. Савельева), Уйгурская литература (А. Хамраев), Немецкая литература (С. Ананьева), Белорусская литература (С. Ананьева), Татарская литература (А. Машакова), Корейская литература (С. Ананьева), Курдская литература (К. Мирзоев, А. Калиаскарова), Узбекская литература (А. Машакова, А. Пратов), Русскоязычная литература Казахстана (С. Ананьева). Главы даются в авторской редакции.

Национальные литературы играют основополагающую роль в сохранении межнационального согласия и в формировании единой национальной идентичности в соответствии со Стратегией «Казахстан – 2050: новый политический курс состоявшегося государства».

## КАЗАХСТАН В ТВОРЧЕСТВЕ И СУДЬБЕ

В литературе Казахстана новейшего времени ясно просматриваются модификации литературного процесса, многоаспектно и в разных жанрах раскрывается тема Казахстана. Полижанровый синтез выступает одной из ведущих тенденций современной казахстанской прозы. Важнейшие аспекты диалога национальных литератур, качественно новые идейно-художественные этапы развития и проблематики – тема большой и малой Родины, судьба художника на рубеже эпох, тема политических репрессий и травма депортации, этнический экзистенциализм, постмиллениумная эстетика ответственности и сознательности, культурная память в процессах межкультурного взаимодействия обусловлены единым духовным и культурным континуумом расширяющегося диалога рубежа XX-XXI столетий. Творческая личность в современной литературе Казахстана, как и герои создаваемых ею художественных произведений, находятся на перекрестке культур, в едином духовном пространстве этнического и культурного взаимодействия.

Весомым и особо значимым является евразийство. Евразийские идеи в национальных литературах Казахстана играют консолидирующую роль, выявляя их творческое взаимодействие и взаимообогащение общими концептами, темами, идеями. Этноперекрестки и трансграничье, контакты и взаимодействие культур имеют особый смысл в картинах мира Евразии. Волею судеб находившийся в центре огромной евразийской равнины, по которой когда-то прошли десятки, сотни племен и народов, М. Симашко в острой, интеллектуально насыщенной художественной публицистике «Дорога на Святую Землю», которая вышла из-под его пера в результате поездок с Н. А. Назарбаевым, в очерке «Прообраз Евразии и искушения Президента» пишет о том, что наиболее полно открытую миру Евразию выражает Первый Президент Казахстана: «Родившись в многонациональном селе, где как раз и жили все сто народов, населяющих ныне Казахстан, он с истинно казахской ментальностью учился понимать мир как единую общность. Это особенная философия степи,

впитываемая с первых дней жизни» [1, с.89]. Великим предтечей евразийства называл М. Симашко Абая.

Реальные стимулы будущего Президента к человеческому общежитию утверждались в техническом училище на Украине. «Границы Евразии раздвигались далеко за пределы родной степи, где жили, трудились, вместе бедствовали после колхозного строительства и страшной войны все те же соседи. То есть по древнему казахскому закону – родственники. А дальше – возвращение в родную степь и нелегкий, прямой, без отклонений путь строителя домны, чугущика разливочных машин при ней, горнового доменной печи, старшего газовщика. Это вперемешку с учебой – очной и заочной – в политехническом институте. И все это в Темиртау, где те же сто народов Евразии плавил сталь для евразийских машин, тепловозов, тракторов, танков, ракет, спутников. Такое родство у настоящих людей не забывается, что бы там ни происходило в минувшие века» [1, с.91].

Реальной исторической перспективой, основанной на уже свершившейся истории, выражением ее и стала евразийская идея президента Н. А. Назарбаева. Идея эта родилась с человечеством: «Едва ощутив себя неким интеллектуальным единством, человечество стало стремиться к ее воплощению. На этом природном чувстве строятся все мифы древности, где бы ни родились они – на берегах Нила, Двуречья, Маверанакра, Инда, Янцзы, Орона и Керулена. И единобожие, обозначившееся здесь, на этом континенте, в полной мере выражало это естественное чувство. Сегодня это пространственно суженное мироощущение именуется евразийством» [1, с.83]. Центральноазиатский регион издревле служит культурным источником ренессанса. Свобода мысли преобладала в учениях и творчестве Хайяма, Аль-Фараби, Баласагуни. В менталитете проживающих на этой территории народов остался след великих караванных путей, кочевий.

«Философией жизни, путем через века и цивилизации» называл Великий Шелковый путь М. Симашко. Не придуман он людьми, а является «продолжением человека как творения Божьего, с назначенными ему помыслами и устремлениями. На этом пути, когда пульсировал он без препятствий, вспыхивали

в космической тьме костры человеческого духа. Именно тогда, когда день и ночь двигались по нему караваны, на всем протяжении его являлись имена Авиценны, Бируни, Фирдоуси, Хайяма, Хорезми, Рудаки, Рашидаддина, Улугбека, Саади, Фараби, Яссави, Навои, Фраги и много других, без которых распадается связь времен. Большинство их произошло от названий станций и караван-сараев на этом пути. Имена эти иранские, туранские, арабские, еврейские, индийские, тибетские, китайские и те, о которых не ведаем: белых гуннов – эфталитов, саков, тангутов, кушан. Тут, в непрерывном движении, сохранены были от европейского сумрачного застоя Аристотель, Платон, Гиппократ. Костры разгорались от сквозного, дующего через всю ойкумену ветра и меркли, когда закрывались двери» [2, с.43]. Мусульманский ренессанс, уверен писатель, происходил на полтысячелетия раньше европейского.

Народный писатель Казахстана М. Симашко убежден: «...Ни для кого нет какого-то особого пути. Только соединение народов, никак не теряющих своего национального имени, своей души, в единую человеческую общность. Евразийская идея – один из краеугольных камней этого будущего» [1, с. 85]. Евразийству посвящена его статья «Время собирать камни», открывающая сборник Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова «Евразийский талисман». Идея евразийства в разных формах и проявлениях веками вызревала «на огромных пространствах самого большого земного материка, омываемого с четырех сторон всеми четырьмя мировыми океанами». Писатель придерживался «теории в большинстве случаев автохтонного бытия народов на занимаемой ими территории. Они зачастую меняли способ жизни, верования, смешивали языки, вбирали в себя другие этнические элементы, часть их уходила в иные пределы, но основа оставалась. Об этом, помимо археологических исследований, свидетельствуют топонимы. Москва, Цна, Мста, Ока, Мурوما – угро-финские языковые понятия, естественно вошедшие потом в великорусскую цельность. Так же в западном степном Приднепровье мы вдруг обнаруживаем местечко Бершадь – прямо производное от древнего могучего проказахского, хазарского рода Берш. Того самого,

к которому причислял себя знаменитый египетский султан Бейбарс. Таких примеров неисчислимо множество...» [3, с.4].

Но намного раньше, в 80-е годы XX века, в рецензии на трилогию И. Есенберлина «Кочевники», напечатанной на пишущей машинке и бережно хранящейся в Центральном Государственном архиве РК, на которой рукой М. Симашко указано «*«Кочевники» И. Есенберлина. Издательство «Жазушы» (язык казахский). 1976. Издательство «Советский писатель». 1976*», явственно ощутимы подступы к теме евразийства. Называя центральными в трилогии И. Есенберлина проблемы войны и мира, М. Симашко пишет: «Гигантской тысячекилометровой подковой охватывают с юго-востока казахскую степь высочайшие в мире горы. Они – естественная граница этого открытого всем добрым и недобрым ветрам края. Трудно проходимы эти горы. Но в одном месте, там, где снижаются, уходят в землю каменные хребты Тянь-Шаня и лишь в туманной дымке проступает Алтай, самой природой оставлены ворота, откуда вместе с ледяным ураганным ветром век за веком, тысячелетие за тысячелетием вырывались на бескрайние евразийские просторы кровавые, всё уничтожающие нашествия. Волна за волной приливали оттуда полчища Атиллы, тумены Чингис-хана, безликие полки великоханьских фангфуров. Большие и малые смерчи обрушивались прежде на тот древний народ, который испокон веков пас свои стада, строил города и возделывал землю у гор, а потом катились дальше, через всю страну казахов, оставляя пепел и кости. Вот почему от века, лишь только загорались сигнальные огни на сопках, все способные держать оружие устремлялись сюда, чтобы телами своими преградить путь врагу» [4].

Научиться жить в сосуществовании культур и религий, быть приверженными диалогу культур и цивилизаций призывает Лидер Нации – Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев: «Казахстанская культура должна стать неотъемлемой частью глобального культурного наследия. Она должна четко распознаваться в системе восприятия культурных ценностей различных народов мира». Директор Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова член-корреспондент НАН РК У. Калижанов вводит в научный

оборот понятие «культурный код народа», закодированную информацию, позволяющую идентифицировать культуру и литературу: «В мировой истории в соответствии с эпохой, политикой государства и уровня культуры роль социокультурных кодов трансформируется, но сохраняются их самобытность и национальные черты. Культурный код нации выступает ключом к пониманию данного типа культуры, так как вбирает в себя культурные особенности, передающиеся от предков» [5, с.3].

Евразийские идеи получили воплощение в произведениях В. Даля, М. Пришвина, Г. Гребенщикова, А. Новоселова, Н. Лескова и других русских писателей и поэтов. Мощное «облучение» В. Даля «русской культурой и экзистенцией в целом как бы включили в душу писателя безошибочную интуицию и духовные радары для полного, стереоскопического восприятия жизни казахского народа. И появились повести, полные боли, родственной горечи и надежды» (Н. Ровенский). В. Даль выступал противником бутафорски-романтического истолкования казахского народного творчества, его повесть «Бикей и Мауляна» изумляет знанием быта и жизни казахов и занимает в творческом наследии писателя особое место. В биографии, судьбе и в творчестве В. Даля, который почувствовал и сумел раскрыть «микрокосм бытия иного народа», всё переплетено теснейшим образом: «И потому так дорог для литературы писатель, который не просто изображает новый жизненный материал, но и знакомит народы друг с другом, сближает их, открывая два главных начала – общечеловеческое и национальное, конкретно-историческое, величины постоянные и переменные...» [6, с.19].

Об истинно евразийском характере М. Пришвина свидетельствует широта его интересов – от севера России, Олонецкой губернии до жарких степей Казахстана, от пасмурных лесов и равнин Сибири до дебрей Уссурийского края. Мощные пласты евразийства в прозе М. Пришвина «щедро выходят на поверхность из недалеких глубин». М. Пришвин выступает на стороне коренных жителей степи, за сохранение кочевого образа жизни. Новый виток темы евразийства в его творчестве – сердцем постигнутая и исторически ему близкая душа кочевника в повести



«Черный Араб», которую Н. Ровенский считает событием в русской литературе. На степном материале созданы прекрасные легенды Дм. Мамина-Сибиряка «Баймаган» и «Лебедь Хантыгая».

Литература как главный стержень духовной ценности евразийского пространства. Об этом шла речь на круглом столе «Литературно-художественный процесс на евразийском пространстве в XXI веке» в рамках встречи литераторов России и Казахстана в Москве по инициативе посольства Казахстана в России и при содействии «Литературной газеты». Напомним, что шестой, апрельский выпуск 2012 года «Литературной газеты» (Москва) в рамках совместного проекта Московского центра международного сотрудничества «Всемирное русское слово» был посвящен литературе Казахстана. Издан совместный номер журнала «Юность»: «Казахстан и Россия. Две страны – одна судьба». В гостях у журнала «Простор» побывали «Москва» и «Наш современник», «Сибирские огни» (Новосибирск), «Сибирские Афины» (Томск), «Отчий край» (Волгоград), альманах «Орёл литературный», писатели Азербайджана, Белгорода, Омска, Барнаула, Оренбурга, Калуги, Харькова, Сыктывкара, Кишинёва и др. Публикуются авторы из Германии, Бельгии, Израиля. Совместно с Посольством Франции в Казахстане издан специальный номер журнала «Простор», посвященный современной французской литературной критике. В разделах «Литературной газеты» «Евразийская муза», «Всемирное русское слово», в «Литературной России» и других изданиях публикуются поэзия, проза литераторов суверенного Казахстана, статьи и рецензии специального корреспондента «ЛГ» по Казахстану Б. Канапьянова о М. О. Ауэзове, Ч. Айтматове, современном литературном процессе.

Чрезвычайный и Полномочный Посол Казахстана в России М. Тажин в ходе встречи представителей творческой интеллигенции Казахстана и России, напомнив слова Президента Н. Назарбаева на II Съезде лидеров мировых и традиционных религий о том, что «жесткая культурная экспансия вызывает не менее жесткое сопротивление, и только уважение к историческим традициям других народов, справедливость и искренность в отношениях цивилизаций, религий и народов способны создать мир согласия

и духовности», обозначил основные темы диалога – роль литературной критики, проблема художественного перевода и др. «Литературной газете» было предложено 2-3 раза в год публиковать профессиональный обзор современной казахстанской литературы.

Писатели двух стран говорили о повышении роли литературы в жизни современного общества, значении качественного перевода, актуальных вопросах взаимодействия писательских сообществ. Председатель Союза писателей Казахстана Н. Оразалин, «дав краткий очерк развития казахской литературы, подчеркнул важность взаимообогащающего общения писательской среды и взаимосвязи литератур, где особая роль принадлежит художественному переводу. Н. Оразалин отметил, что в последнее время благодаря новым переводам самобытного писателя и тонкого стилиста А. Кима обрели новое звучание на русском языке романы М. Ауэзова «Путь Абая» и А. Нурпеисова «Последний долг» [7, с.17]. Новое осмысление истории страны, по мнению директора Национальной библиотеки Республики Казахстан, прозаика А. Аскарлова, предпринимают казахские писатели. Проза и поэзия в Казахстане развиваются полнокровно, соединяя традиции и новаторство, а литературный обмен «является кратчайшим и надежным путем для достижения взаимопонимания между народами и культурами, развития национальных языков, традиций и духовности».

Многообразие современного литературного процесса Казахстана представлено на страницах книги «Независимый Казахстан: Антология современной литературы», увидевшей свет в Ордене Трудового Красного Знамени издательстве «Художественная литература» (Москва, 2013-2014). Первый том Международного издательского проекта открывается высказыванием Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева: «Книга – плод человеческой мысли, наделенный дыханием времени и пространства. Книге человечество доверило свои священные прозрения, открытия души. Только книга может научить, как двигаться вперед, как избежать катаклизмов и как взобраться на вершины человечности. Книга – самый терпеливый учитель. Мы оставляем

будущему своей страны – молодежи – единственное и наиболее полное завещание: Книгу» [8, с.6].

Международный издательский проект подготовлен при участии Союза писателей Казахстана (председатель Н. Оразалин), ООО «Союз литературных переводчиков – Тәржіман» (председатель К. Бакбергенов), Союза писателей России (председатель правления В. Ганичев). Руководитель издательской группы – Г. В. Пряхин, заместитель руководителя – Р. М. Маженкызы. Руководитель проекта К. Н. Келимбетов во Вступительном слове к первому тому особо отмечает тот факт, что в изданных томах собраны лучшие произведения казахстанских авторов: «Современный казахстанский литературный процесс сегодня невозможно представить без той своеобразной ноты, которую приносят в него писатели и поэты многих национальностей, обогатившие литературу именно в годы независимости прозаическими и поэтическими произведениями на темы современности и исторического прошлого... Антология показывает состояние нашей современной литературы, связанной с многовековой литературной традицией, тысячами нитей вплетенной в выпавшее каждому автору и его творениям время. Это – своеобразный мост, который ведет к более глубокому знакомству с нашей культурой, крепит духовные основы многовековой российско-казахстанской дружбы» [9, с.7-8].

Все тома Антологии «Домбра и колыбель» (Детская литература. I-ый том), «Моих степей полынная звезда» (Проза. II-ой том), «Дорог небесных вежи» (Жемчужная поэзия. III-ий том) содержат сведения об авторах, среди которых писатели и поэты русской, немецкой, уйгурской, корейской, курдской литератур – Дм. Снегин, Ян Вон Сик, В. Антонов, Г. Бельгер, А. Ашири, В. Михайлов, Л. Степанова, Н. Чернова, Л. Шашкова, Н. Лушникова, Т. Фроловская, Г. Хаджисулейман, З. Чумакова, Т. Васильченко, А. Загрибельный, С. Назарова, О. Григорьева, Г. Доронин, Н. Веревошкин, П. Махсатова, Ст. Ли, Р. Артемьева, Г. Аутова, Е. Титаев, С. Комов, Е. Тикунова. Выступая на презентации Антологии в Национальной библиотеке РК, К. Бакбергенов подчеркнул, что в изданных томах представлены художники слова всех

поколений, среди них масса интересных имен, чьи произведения специально переводились для Антологии. В следующие тома войдут эссеистика, драматургия, литературные портреты, малые формы прозы. Директор издательства «Художественная литература», академик Академии российской словесности Г. Пряхин предлагает на базе своего издательства провести конференцию переводчиков и поддерживает идею выпуска ежеквартально казахстанско-российского литературного двуязычного альманаха.

Изданную Институтом литературы и искусства им. М. О. Ауэзова совместно с Колумбийским университетом при поддержке Министра иностранных дел Республики Казахстан Е. Идрисова и с его вступительной статьей Антологию «The Stories of the Great Steppe. The Anthology of Modern Kazakh Literature» (Edited by Dr. Rafis Abasov) [10], включающую произведения Г. Мусрепова, М. Макатаева, А. Кекилбаева, Д. Амантая, Р. Сейсенбаева, О. Бокеева, Т. Абдикова, М. Магауина, О. Сулейменова, Иран-Гайыпа, Ф. Онгарсыновой, Ж. Абдрашева, Б. Канапьянова, Ш. Сариева, актуально исследовать в контексте казахско-американского культурного трансфера. Широкая научная общественность имеет возможность получить научные данные о состоянии казахской словесности. В Предисловии У. Калижанова «Kazakh Literature and Modernity» дана краткая картина ее современного состояния. Перевод на английский язык осуществили С. Левшин и И. Бернштейн. Книга полиграфически великолепно оформлена, снабжена глоссарием.

Презентации Антологии успешно проведены в National Press Club (Washington), Евразийском национальном университете им. Л. Н. Гумилева, Казахском национальном университете им. аль-Фараби и в Республиканской государственной детской библиотеке им. С. Бегалина с участием Генерального Консула США в Алматы Т. Гренчик. На презентации Антологии в Астане проректор ЕНУ им. Л. Н. Гумилева член-корреспондент НАН РК Д. Камзабекулы особо подчеркнул вклад Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова в подготовку Антологии. Заместитель Министра иностранных дел К. Сарыбай акцентировал внимание присутствующих на том, что МИД РК наряду

с дипломатической деятельностью целенаправленно уделяет внимание широкой пропаганде достижений казахской культуры, искусства и литературы в мировом сообществе. По инициативе ряда дипломатических миссий Казахстана за рубежом, посольств РК в Турции и Польше изданы «Күнге ұшқан сұңқар» (на турецком и казахском языках), «Кыз Жибек», «Кобланды батыр», казахские сказки на польском языке. К. Сарыбай призвал представителей дипломатического корпуса активно знакомить соотечественников с современной казахской литературой.

«Антология, – по мнению профессора Колумбийского университета Р. Абазова, занимающегося исследованием интеллектуального дискурса, культурной глобализации, истории, политики и современных тенденций политического развития Центральной Азии и России, в том числе культуры и обычаев республик Центральной Азии, – была подготовлена для аудитории США как представление литературы Казахстана после 1945 года. К сожалению, очень немногие произведения современных казахских писателей переведены на английский и другие европейские языки в течение последних двадцати лет... Отобранные для «Антологии» произведения в прозе и стихотворения – лишь небольшая часть современной литературы Казахстана. И я надеюсь, что многие переводы станут доступны нам в будущем» [10, с.5]. Изданию Антологии предшествовали книги Р. Абазова «Культура и обычаи республик Центральной Азии», «Зеленая пустыня: Жизнь и поэзия Олжаса Сулейменова» и «Избранное» О. Сулейменова.

Особо значим вклад Р. Абазова в пропаганду достижений фольклористической, литературоведческой наук и искусствознания Казахстана. Его перу принадлежат рецензии на монографии академика НАН РК С. Каскабасова «Золотая жила», Г. Жумасеитовой «Хореография Казахстана. Период независимости» и А. Мукана «Казахский театр оперы в период независимости» («Тәуелсіздік кезеңіндегі қазақ опера театры») в журнале «Central Asian Survey» (Issue 2012 – august 2012). Рецензии Р. Абазова на книгу «Русская проза Казахстана» С. Ананьевой опубликована в «The Russian Review» (4 January 2012), на книгу «Идея независимости

в изобразительном искусстве Казахстана» (С. Каскабасов, Р. Ергалиева) – в «Central Asian Survey» (2013).

Разнообразие литературы в мультикультурном и мультиязычном центре региона, каким является современный Казахстан, раскрывает Н. Каффи в статье «Расширяющиеся горизонты казахской литературы». Казахстанцы становятся гражданами мира и создают новые культурные связи с Западной Европой, Северной Америкой и регионами мира, публикуют свои произведения, в которых находят отражение широкий международный опыт, политические связи и влияние различных культур, в России и странах СНГ, Китае, США, Канаде и т.д. В современном мире не существует преград желающим участвовать в литературной жизни. Интересно творчество Б. Кенжеева, русскоговорящего иммигранта в Канаде. Важны публикации и социальные сети «Mysaget», online-журнал «Апполинарий». Социальные сети (Live Journal, Facebook, Twitter, V Kontakte.ru, Stikhi.ru) – поле для неформальных публикаций. Узнаваемость казахской культуры за рубежом – результат географического и виртуального распространения творчества.

Представитель Департамента общественной информации ООН В. Самек выразил организаторам презентации признательность за приглашение и особую благодарность присутствующим главам, представителям дипломатических миссий и пресс-атташе Хашимитского Королевства Иордания, Швеции, Финляндии, Пакистана, Ирака, Китая, Саудовской Аравии, Польши, Индии, Афганистана, Кыргызстана, Сербии, Англии, Венесуэлы, представительству Европейского Союза в РК: «В 2012 году мы отметили 20-летие вступления Казахстана в Организацию Объединенных Наций. В 2013 году – 20-летие присутствия ООН в Казахстане. Изданная в США Антология приближает казахскую литературу к глобальному миру, делая более доступной ее красоту читателям стран англоязычного ареала и раздвигая границы восприятия».

О важности продвижения за рубеж достижений науки и культуры Казахстана как приоритете ускоренного развития страны, о роли художественного перевода в современном мире ярко и убедительно говорили народный писатель Казахстана, лауреат Госпремии РК Ф. Онгарсынова, директор Института дипломатии

Академии государственного управления при Президенте РК кандидат исторических наук С. Сайлауқызы, Заслуженный деятель Казахстана, кавалер Золотой медали Европейского общества им. Ф. Кафки Ш. Сариев. Произведения отечественных авторов вошли в Антологии и изданы отдельными сборниками на русском, украинском, корейском, французском, болгарском, малазийском языках. Одним из первых в США увидел свет поэтический сборник Б. Канапьянова «Время тишины» (1996). Скакуны-аргамаки казахской литературы, по образному выражению поэта, писателя, переводчика, президента ИД «Жибек жолы» Б. Канапьянова, запечатленные на обложке Антологии, мчатся по просторам американского континента от Нью-Йорка до Калифорнии. И эта поэтично-литературная байга богата познанием и открытиями ландшафта единого, неповторимого мира Евразии и Америки. «Step by step», шаг за шагом нас ждут новые открытия на пути взаимовлияния литератур.

Антологию украшает ряд отзывов авторитетных американских ученых. Профессор Роберт Д. Гутман из Университета Джона Хопкинса (Johns Hopkins University) называет ее увлекательной, позволяющей совершить интеллектуальное и литературное путешествие в Казахстан. Широкий диапазон Антологии, уверен Поль Майкл Тейлор, директор Азиатской культурно-исторической программы Института Смитсониан (Smithsonian Institution), открывает для англоязычного читателя новый мир литературы Центральной Азии – разнообразие культуры и полиязычие Казахстана.

О новом издании в США получают информацию посетители научного портала «Академические и научно-исследовательские институты и центры в области филологии» <http://filolconf.narod.ru>. Научный портал включает крупные исследовательские центры, с которыми Институт литературы и искусства им. М. О. Ауэзова проводит совместные научные исследования: Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом), Институт литературы Академии наук Болгарии, Институт литературы им. Т. Г. Шевченко НАН

Украины, Институт грузинской литературы им. Ш. Руставели, Ассоциацию сравнительного литературоведения Грузии и др.

Издания последних лет позволяют выявить и проследить ведущие тенденции интертекстуальных исследований как аспект «cultural studies» и проанализировать художественный текст как модель казахской культуры и его восприятие зарубежной критикой. Особенно важны сопоставления концептуальных парадигм современного отечественного и англоязычного литературоведения в новом структурно-модифицированном социо-культурном контексте Запада и Востока, включение казахстанского литературного текста в контекст мировой культуры. Диалогичность как внутреннее свойство национальных культур придаёт литературному процессу международный характер, через диалог происходит обновление современных сравнительных исследований. В коллективной монографии «Литературно-художественный диалог» [11], подготовленной Институтом литературы и искусства им. М. О. Ауэзова МОН РК и Институтом мировой литературы им. А. М. Горького РАН с участием ведущих литературоведов Румынии и Молдовы, прослежено, как новый литературный процесс наследует достижения прежних эпох.

Главный объект изучения в книге – казахский литературный текст, живущий в вечном диалоге с другими культурами. Творчество выдающихся классиков казахской литературы Абая, М. Ауэзова, поэтов С.-М. Торайгырова, М. Жумабаева и их преемников получает новое осмысление и освещение в контексте диалога культур, одной из форм которого выступает литературное взаимодействие. Лирике Абая и его эпистолярному роману, являющемуся не переводом романа в стихах «Евгения Онегина» А. С. Пушкина, а самостоятельным произведением, по глубокому убеждению Ш. Елеукенова, принадлежит особая роль в становлении казахского романа. О гетевской «Ночной песни странника», переложенной Абаем и зазвучавшей по всей казахской степи, размышляет Г. Бельгер в статье «Отзвуки (Шиллер – Лермонтов – Абай)». Философская доминанта творчества немецкого и русского поэтов оказалась близка и созвучна абаевской музе, в которой слышится лейтмотив шиллеровской «Оды радости», так ликующе,



так страстно воспевающей родство, единение душ («породнись душа с душой»), призывавшей «к откровенью в сердцах» и объединению миллионов.

Яркая модель решения литературной рецепции, восприятия инонационального мира в современной ситуации на примере взаимоотношения русской литературы с литературами Кавказа – статья «Конфликт ценностей или ценность разнообразия? О литературной рецепции инонационального мира» К. Султанова (Москва). Литературные контакты М. Ауэзова изучены М. Мадановой в контексте мировой литературы. «Абай за рубежом» – такой макрокосм в библиографическом аспекте постигается А. Машаковой. Особую актуальность для литературоведения представляет малоисследованный вопрос о развитии символизма и романтизма в казахской литературе как явления художественно-литературной системы Казахстана начала столетия. Ведущими тенденциями казахской литературы начала XX века выступают интенсивное развитие романтизма, символизма, реализма, углубление социальной дифференциации, усиление философского звучания, обогащение психологического анализа, новые, нетрадиционные формы прозы и поэзии. Л. Которча (Румыния) в статье «Николай Гоголь и Велимир Хлебников (непрерывность в срыве)» раскрывает, как Хлебников, подобно Гоголю, с самого начала своего творческого пути, видит себя пророком и медиумом. Проблематика «Украина и украинцы» становится знаковой для мышления и творчества Хлебникова. Об ориентализме в творчестве поэтов и графиков Бессарабии пишет М. Метляева (Молдова), анализируя эстетический феномен воздействия живописи и поэзии Китая и Японии на поэзию Молдовы. Условность пространства и времени, пребывающих в произведениях живописи и поэзии по отношению к бытовому восприятию этих двух параметров, можно уподобить условности языка.

«Авторы разделов монографии используют различные литературно-«археологические» инструменты. Б. Мамраев (Алматы), размышляя о романтизме и символизме в казахской литературе в контексте русской, – художественную систему. К. Султанов (Москва), постигая литературную рецепцию

Кавказа, – тематические аспекты текста. С. Ананьева (Алматы), воссоздавая казахстанскую пушкиниану (Н. Раевский, К. Гайворонский и др.), – мемуары, письмо, дневник. А. Машакова (Алматы), изучая восприятие творческого наследия Абая за рубежом, – библиографический источник, – пишет Е. Зейферт [12, с.80]. Казахский литературный текст исследуется в контексте мирового, казахская литература становится узнаваемой в мире.

На XV Международном съезде славистов (Минск, 2013) презентована серия книг «Созвучие сердец», знакомящая читателя с лучшими произведениями, созданными, в основном, в постсоветское время поэтами и прозаиками, представителями стран, входящих в Содружество Независимых Государств. Сборник произведений писателей Беларуси и Казахстана «Не ведая границ. Казахстан – Беларусь» продолжает на новом уровне сотрудничество наших писателей и поэтов, у истоков которых Э. Сераковский, Б. Залесский, А. Янушкевич, Жамбыл, Я. Купала, Я. Колас, И. Жансугуров, Х. Бекхожин, М. Танк. Обороняли и освобождали белорусскую землю А. Шарипов (его именем названа улица в Гомеле), Ж. Молдагалиев, С. Сеитов. В Казахстане издавались произведения Я. Коласа, М. Танка, И. Шамякина, П. Бровки, А. Адамовича, В. Быкова, М. Богдановича. На страницах журналов «Полымя», «Нёман», «Молодость» и других публиковались «Казахстанские блокноты», «Целинные дневники» белорусских писателей, поэтов, публицистов и т.д.

В серии «Созвучие сердец» издано восемь книг: две книги в серии Беларусь – Россия «С думой о Родине» и «Звездный родник»; «Счастливая встреча. Беларусь – Азербайджан», «Люблю тебя, Отчизна. Беларусь – Армения», «Золотая струна. Беларусь – Украина», «Светлая даль. Беларусь – Таджикистан», «Святая любовь. Беларусь – Туркменистан». Под одной обложкой книги «Не ведая границ» объединены произведения 12-ти казахстанских и 10-ти белорусских авторов. «Язык отцов, язык тысячелетий» – первой строчкой стихотворения О. Сулейменова назван раздел, в который вошли произведения М. О. Ауэзова «Путь Абая» (отрывок), К. Искакова «Запах молока», А. Кекилбаева «Возвращение», О. Бокеева «Камчигер» и поэзия М. Макатаева, К. Мырзалиева,

Н. Оразалина, Ф. Онгарсыновой, О. Сулейменова, В. Михайлова, Л. Шашковой и Н. Алпамыскызы. Раздел сборника «Я вечности пою...» открывает «Партизанский парад» Я. Сипакова и завершают стихотворения Л. Турбиной.

В Предисловии «Откуда мы пришли и куда путь свой вершим?..» к казахско-белорусскому тому директор издательского Дома «Звезда» – главный редактор газеты «Звезда» А. Карлюкевич пишет о своем восприятии казахской литературы, что очень важно в аспекте имагологии: «Космическое осмысление О. Сулейменовым Слова и «Слова о полку Игореве» дало один из главных уроков, научило быть читателем, но не соглашателем, научило еще больше любить свое, родное, но не за счет чужого, а во имя открытия чужого и бесконечного» [13, с.5]. Белорусский издатель и ученый-литературовед находит точные и образные слова, раскрывая в наших литературах этнокультурную идентичность (национальная + культурная идентичность, термин – Д. Наливайко) и определяя выход в мировую литературу: «Постижение себя, утверждение себя – это и открытие мира».

Интенсивность процесса национальной и личностной самоидентификации активизирует, по мнению российского литературоведа и критика К. Султанова, потребность вхождения в расширяющийся контекст межкультурного диалога. И А. Карлюкевич, и К. Султанов встраивают национальные литературы в мировой контекст. Мир открытый без казахской литературы был бы «гораздо меньше, – уверен А. Карлюкевич. – И когда в Беларуси, России, других краях и весях кто-то выберется в новую дорогу, в его дорожной котомке, в арсенале его духовного оружия непременно займут достойное место произведения писателей Казахстана» [13, с.6].

Парадокс глобализации, как считает К. Султанов, заключается в усилении механизма этнокультурной самозащиты на фоне нивелирования национально-культурных различий. Своевременно звучит вывод литературоведа о том, что «с позиции каждой национальной культуры, озабоченной самосохранением в усложняющемся мире, с позиции литературы как выразителя и двигателя национального самосознания резонно отстаивать специфику

и индивидуальность как исходную предпосылку диалога, непохожесть как условие сближения и межкультурной коммуникации» [14, с.11]. Непохожесть белорусской и литератур Казахстана способствует не только интересу друг к другу, но и позволяет ярко показать взаимное видение народов через литературу, ведь «каждый народ осознанно, полуосознанно или неосознанно – несет свою идею, свой мир представлений и о себе, и о других» [15, с.5].

В ряду учителей А. Карлюкевич называет Абая, М. Ауэзова: «Давно прочитав «Абая», сейчас перечитываю новый перевод великой эпопеи, осуществленный А. Кимом. Энциклопедия казахской жизни – пожалуй, из тех книг, которые нельзя не прочитать, нельзя не осмыслить. Вот как раз этого всеобъемлющего представления о других народах, их своеобразии, отличительных чертах нам сегодня и не хватает». И, видимо, не случайно, на юбилейной сессии Национальной Академии наук РК, посвященной 150-летию со дня рождения Абая, академик АН Беларуси В. Гниломедов сравнил стихотворения «Лето» Абая и «Лето» Я. Купалы. При описании красавиц фигуры обеих и у Абая, и у Я. Купалы «взяты в динамическом повороте, на ходу, когда на них особенно приятно любоваться». В стихотворении казахского поэта речь идет о степных шелковых травах, пастбищах, табунах «тяжко дышащих кобылиц», у Купалы же – «стройно загоны бегут колосистые», хлебороб готовится к жатве. Белорусский ученый отметил созвучность «Слов назиданий» Абая и мудрых «Сказок жизни» Я. Коласа. Просветительство Абая перекликается с просветительским началом Ф. Богушевича. Так образы чужой жизни «в большом историческом времени складываются в традицию, в инвариантные, устойчивые структуры сознания, отражающие исторический опыт своей нации. Они не только обогащают знания о другом народе, но и характеризуют собственную этническую ментальность. «Свое» не только более зримо выступает на фоне «чужого», но и формируется во взаимодействии с ним» [16, с.62-63].

Казахстан и казахская литература входят в творчество и судьбу белорусов. В Минске открыт барельеф М.О. Ауэзову, улица и средняя школа №143 белорусской столицы носят его имя.

Заведующая школьной библиотекой, учителя литературы проводят большую воспитательную работу и знакомят подрастающее поколение с казахской литературой и культурой. Старшеклассники пишут сочинения, победители конкурсов «Что я знаю о Казахстане?» по приглашению руководства Восточно-Казахстанского государственного университета им. С. Аманжолова во главе с директором школы Д. Бочаровым посетили родину Абая и М. О. Ауэзова, побывали в Семипалатинске и Усть-Каменогорске. В Доме дружбы г. Минска проводятся конференции, посвященные А. Кунанбаеву и С. Сейфуллину, поэтический вечер О. Сулейменова и др.

В журналах «Простор» и «Нёман» за 2009-2010 годы представлены рубрики «Содружество» и «Сябрына»: литература стран СНГ». «Сябрына» открывается статьей А. Карлюкевича «Солнце Абая и Купалы»: «В дружбе, согласии, уважении друг к другу и жить становится легче. Понимая это, и «Нёман», журнал, известный некогда на всем пространстве Советского Союза, обретает новых друзей, восстанавливает связи со старыми. Публикация переводов казахской поэзии и прозы – хорошее тому подтверждение». В рубрике белорусского журнала представлены поэзия и «Слова назидания» Абая, глава из романа М. Ауэзова «Путь Абая» – «Абай. Возвращение», поэтическое творчество Н. Оразалина, Ж. Дарибаевой, И. Оразбаева, Б. Исакова, М. Макатаева, В. Михайлова. О новом переводе романа М. Ауэзова «Путь Абая» пишет Л. Шашкова, с Г. Бельгером беседует Е. Зейферт. В седьмом номере журнала «Простор» за 2009 год одна из рубрик «Содружество литератур» открывается статьей Л. Шашковой «Пути взаимного сближения». Читатель имеет возможность познакомиться с творчеством А. Карлюкевича, Н. Метлицкого, Н. Ветошевич, И. Чароты.

В 2014 году в Минске по заказу и при финансовой поддержке Министерства информации Республики Беларусь издан первый на просторах СНГ альманах «Созвучие», задача которого – всемерно способствовать популяризации национальных литератур стран СНГ. Под одной обложкой опубликованы проза и поэзия азербайджанских, армянских, белорусских, казахстанских,

кыргызских, молдавских, российских, таджикских, туркменских, узбекских, украинских литераторов. Казахстан представлен рассказом К. Исакова «Запах молока», поэзией В. Михайлова и Л. Шашковой. «Женщины в наших судьбах, или Вечер поэзии для двоих» Ч. Айтматова и М. Шаханова в равной степени презентует Кыргызстан и Казахстан. Выступая на первом Форуме писателей и культурологов «Культурное наследие в диалоге традиций» (Минск, 2008), главный редактор журнала «Полюмя», лауреат Государственной премии Республики Беларусь Н. Метлицкий отметил важность и ценность того, чем мы наполним наши литературные отношения, как выстроим диалог, уважая свои национальные корни. «Поэты и деятели культуры раздвигают границы человеческого духа», – так глубоко символично заканчивается статья «Полюбив поэта, полюбишь его народ» в альманахе «Созвучие» Н. Метлицкого, благодаря которому Абай заговорил по-белорусски. В своей работе над поэтическими переводами казахского классика поэт особо подчеркивает, что «надо просто окунуться в его стихию, надо просто ею жить и дать ему возможность остаться им же на твоём уже родном языке» [17, с.67]. Не менее важным, чем оригинальное творчество поэтов и прозаиков стран СНГ, является публикация в альманахе «Созвучие» статей, эссе и интервью критиков и мастеров художественного слова о развитии национальных литератур на постсоветском пространстве и творческом сотрудничестве. С точки зрения «проблемы другого и идентичного в национальных стереотипах писателей, принадлежащих к другой литературе» (Р. Флорак) представляют интерес статьи А. Карлюкевича «От Бреста до Барановичей: адреса русской литературы в Беларуси», «Стихи, которые лечат сердце», В. Лозовской «Белорусские писатели в Татарстане», П. Ольсового «Отличный здесь народ! Петро Глебка в Таджикистане», М. Берлежа «Следы пустыни: белорусские писатели в Туркменистане в XIX-XX вв.», К. Ладутько «Агагельды Алланазаров и Беларусь».

Особо значимы в плане компаративистики, литературных связей и художественного перевода, основная миссия которого – знакомить читателей с мировой литературой, новые белорусские издания. В 2010 году вышла в свет Антология переводов

Н. Метлицкого «Сопричастность», объединяющая переводы из поэзии Азербайджана, Армении, Болгарии, Боснии и Герцеговины, Венгрии, Грузии, Индии, Испании, Казахстана, Канады, Китая, Кубы, Латвии, Польши, России, Турции, Туркменистана, Украины, Черногории, Чили, Сербии, Узбекистана, Молдовы. Книга переводной поэзии доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой теории литературы Белорусского госуниверситета В. Рагойши «Глаза в глаза, мысль в мысль» включает раздел «Из казахской поэзии». На белорусском языке опубликованы стихотворения поэта и литературоведа С. Сеитова «Моя анкета», «Брест», «Минск», «Константин Заслонов» и т.д.

В уникальную антологию «Францыск Скарына на мовах народа да свету» (Минск, 2014) вошли переводы классика белорусской литературы на 64 мировых языка. Составители книги выражают благодарность К. Бакбергенову за организацию поэтических переводов на казахский (У. Есдаулетов), курдский (Г. Хаджисулейман), уйгурский (Г. Аутова), корейский (Ким Бён Хак) языки. Литературным связям посвящена новая книга А. Карлюкевича «Братэрства». В сентябре 2014 года в рамках круглого стола «Созвучие: литература как зеркало эпохи» в Дни белорусской письменности в Национальной библиотеке РБ состоялась презентация сайта «Созвучие» ([sozvuchie.viazda.by](http://sozvuchie.viazda.by)), на котором размещены новые материалы о национальных литературах стран СНГ. Казахстан представлен весьма солидно научными статьями, аналитическими материалами и рецензиями К. Ладутько «Казахстанский вариант», «Надежда для всех», У. Калижанова «Культурный код народа Казахстана», Ш. Елеукунова «Новая литература нового Казахстана», Б. Мамраева, С. Ананьевой «Книга – фундамент духовной культуры», А. Негиной «Казахстанская составляющая в мировом литературном процессе», С. Ананьевой «Великий Абай», Д. Шариповой «Памятник Абаю в Ташкенте», Л. Шашковой «Писательские встречи на белорусской земле» и ее поэтическими произведениями, интервью В. Михайлова радио «Азаттык» «Во время голода в Казахстане погибло 40% населения» и его же интервью «Там, где кончается

асфальт» – «Литературной газете», статьей В. Савельевой «Наш современный роман как жанровый микс и некоммерческий проект», рецензией Н. Батраковой на «Чернобыльскую молитву» С. Алексиевич и др.

Казахстан входит в творчество и судьбу современных деятелей культуры и литературы всего мира, в сердца читателей разных стран и континентов. В начале второго десятилетия XXI века впервые издана поэзия Абая на немецком, польском, белорусском и корейском языках. Новые факты международного сотрудничества и актуальные проблемы современной компаративистики исследует авторский коллектив монографии «Интеграционные процессы и казахская литература» [18]. Книга ценна наличием фактов переводов произведений Махамбета, Абая, М. О. Ауэзова, А. Нурпеисова, О. Сулейменова, С. Досанова, М. Шаханова и других казахских писателей и поэтов в странах Ближнего Востока, Западной Европы и Восточной Азии как необходимого условия возникновения диалога культур. В статье Ш. Р. Елеукенова «Новая литература нового Казахстана» дана широкая картина развития современной казахской литературы. В разделах Б. Б. Мамраева, А. К. Машаковой и С. В. Ананьевой исследуются новые переводы произведений Абая на русский, корейский, белорусский, немецкий языки, обобщается вклад А. Фишлера (Франция), неоднократно посетившего Институт, и Л. Кошута (Германия), с которым на протяжении более десяти лет поддерживаются творческие и личные контакты, в исследование казахской литературы за рубежом.

Поэтический сборник «Абай. Стэпавы прастор. Выбраныя вершы» в переводе лауреата Государственной премии Республики Беларусь Н. Метлицкого, ставший итогом активизировавшихся культурных и литературных связей между нашими странами, был презентован в Институте литературы и искусства им. М. О. Ауэзова весной 2013 года в рамках визита А. Карлюкевича, затем в Минске, Бресте, Гомеле и т.д. Полиграфически изящно изданный «Літаратурой і Мастацтвам» сборник украшает портрет Абая. На обложке – степные просторы в обрамлении элементов казахского национального орнамента. Перевод поэзии



Абая на белорусский язык настолько удачен, что стихотворения сами ложатся на музыку. А. Карлюкевич справедливо пишет о том, что «заглядывая в другую литературу на таком уровне, заставляешь проснуться в себе новые символы, метафоры и образы... Абай, зазвучав по-белорусски, идет в широкий белорусский мир, в европейский простор» [19, с.156].

Центр Абая открыт Евразийским национальным университетом им. Л.Н. Гумилева в Белорусском национальном техническом университете. Восточно-Казахстанским государственным университетом им. С. Аманжолова и Атырауским государственным университетом им. Х. Досмухамедова созданы Центры Абая в Алтайском государственном техническом университете им. И. Ползунова, Илийском государственном педагогическом университете в Китае, Центр казахстанской науки и культуры – в Калмыцком государственном университете (г. Элиста).

В поэтический сборник «Абай. Песни золотой юрты» вошли 100 стихотворений великого поэта-мыслителя, его биография и комментарии (автор комментариев и Предисловия – Ким Бён Хак). Книга «Абай. Песни золотой юрты» оформлена иллюстрациями художника Е. Сидоркина. Читатели Республики Корея получили уникальную возможность познакомиться с пейзажной, философской лирикой Абая, лирикой о любви, лирикой скорби, восьмистишиями и сатирической поэзией. «Слова назидания» Абая были переведены на корейский язык поэтом, главным редактором газеты «Корё ильбо» Ян Вон Сиком. Цитируя высказывания Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева во время визита в Республику Корея – «Наши корни одинаковы», Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Корея в Республике Казахстан Ли Бен-Хва приводит знаменательные факты в области казахско-корейских культурных связей в интервью с символичным названием «Мы духовно близки» и дополняет их поистине компаративными исследованиями: «Астана означает «ас» – светлый, «тана» – дала, степь. Три тысячи лет тому назад первая столица корейской династии называлась «Асадаль» (аса – яркий, даль – дала). Далее. Флаг Казахстана имеет солнце и птицу самурык. Две тысячи лет назад флаг Ко-Ку-ре династии имел

изображение символа Ко-Ку-ре. Символ Ко-Ку-ре – это трехногая птица, которая находится внутри солнца, а на казахстанском флаге птица расположена параллельно. Это тоже подтверждает близость наших истоков» [20, с.3]. В Предисловии к поэтическому сборнику «Абай. Песни золотой юрты» Ким Бён Хак выражает благодарность от имени корейского народа казахскому за уют и поддержку в трудные годы депортации: «В дар казахскому народу от благодарного корейского народа, нашедшего на земле Абая свою гостеприимную родину».

В рамках Года Казахстана в Республике Корея в переводе Ким Бён Хака изданы «Перелистывая степные страницы» (Сеул, 2010), «Возвращение в посёлок Мопр» (Сеул, 2010). Автор подстрочных переводов – К. Бакбергенов. Впервые в Республике Корея издан поэтический сборник «Перелистывая степные страницы» (составитель – Ст. Ли), ставший победителем конкурса Министерства культуры, туризма и спорта Республики Корея в номинации «Книга года – 2011». В книгу вошли 122 стихотворения О. Сулейменова, Е. Курдакова, В. Михайлова, Б. Канапьянова, Н. Черновой, А. Шмидта, К. Бакбергенова, Б. Каирбекова, Ст. Ли в переводе на корейский Ким Бён Хака.

О зарубежном абаеведении рубежа веков пишет А. Есенжан. В разделе С. Ананьевой «Тема Казахстана в мировой литературе – результат Независимости» выявлены казахстанские мотивы в творчестве прозаика В. Кинг (США) и поэта А. Шмидта (Германия). Встреча с американской писательницей В. Кинг, выпускницей КНК им. Курмангазы, автором романов «Отшельница», «Виктуар», «Мачехи», вызвала большой интерес у сотрудников Института. Перемена места жительства писателя или поэта обостряет имагологический дискурс творчества. В прозе В. Кинг отражается казахская тематика, интересны зарисовки картин XX века, перестройки, сложных 90-х годов. В воспоминаниях действующих лиц романов оживают картины казахстанской действительности, пейзажи, образ художника С. Калмыкова и казахстанские реалии.

Немецкого издателя и переводчика Л. Кошута и французского исследователя А. Фишлера связывают с Институтом давние научные и дружеские отношения. Интересны раздумья Л. Кошута

над проблемами перевода, его рассказ о том, как он переводил Абая и оценка изданных на немецком языке произведений казахских писателей, в том числе романа Г. Бельгера «Дом скитальца». Статья Л. Кошута «Литература Казахстана в Германии: издание и изучение» переведена с немецкого языка А. Машаковой. Ей же принадлежит перевод с французского статьи известного исследователя казахской культуры и литературы, почетного профессора Парижского университета А. Фишлера «Литературная критика Франции о Нурпейсове и Сулейменове». Открыв для себя Казахстан в начале 1990-х годов, А. и М. Фишлер считают нашу страну своей второй духовной родиной. Европейские литературоведы рисуют картину распространения казахской литературы в Европе и раскрывают свою творческую лабораторию.

Авторы книги «Интеграционные процессы и казахская литература» убедительно показывают, как национальные литературы расширяют сферы влияния друг на друга. С позиций сравнительной рецепции (К. де Грев) и имагологии (Г. Дизеринк) А. Хамраевым всесторонне исследован вопрос диахронии современной казахской литературы в Китае, которая преодолевает феномен «литературного безвременья», порожденного жесткой социалистической действительностью. Народные и фольклорные истоки питают художественное творчество казахских поэтов и писателей Китая.

На 15-ти языках народов мира вышли в свет книги лауреата премии им.Кюльтегина за достижения в тюркологии и кавалера Золотой медали Европейского общества им. Ф. Кафки Н. Келимбетова «Зависть», «Не хочу терять надежду», «Письма к сыну». Книги Н. Келимбетова переведены на арабский, немецкий, китайский, турецкий, азербайджанский, белорусский, узбекский и другие языки. На французском языке изданы книги Р. Буркитбаевой-Нукеновой и «На вершинах Каркаралы» Д. Амантая (с Предисловием О. Сулейменова). Книга Д. Амантая, включающая роман «Цветы и книги», повесть «Томленье», сборник новел и рассказов «Post Scriptum», философские эссе и стихотворения, критические материалы, переведена на турецкий и монгольский

языки. Двенадцать стихотворений Г. Шалахметова и И. Гранитски изданы на русском и болгарском языках в Софии.

В серии «Kasachische Bibliothek» (Германия), открывшейся в 2006 году выходом в свет на немецком языке романа А. Нурпеисова «Долг», изданы «Путь Абая» М. Ауэзова, «Кочевники» И. Есенберлина, «Дом скитальца» Г. Бельгера, произведения А. Кекилбаева, О. Сулейменова, Т. Ахтанова, М. Симашко, С. Санбаева, Д. Досжана и др. Книги А. Нурпеисова переведены на английский язык. Книги О. Сулейменова переведены на украинский, польский, английский и другие языки. Однотомник поэта издан на английском языке (Нью-Йорк). В Лондоне, в Британском книжном фонде и в Кембридже в рамках Недели казахской литературы в Великобритании при поддержке посольства Республики Казахстан в Соединенном Королевстве состоялась презентация повестей «Гаухартас», «Молчун», рассказа «Каблан», пьесы «Памятник» Д. Исабекова. Впервые на сцене экспериментального театра «Единорог и лев» на северо-востоке Лондона при поддержке президента Aitmatov Academy (London) и Kazakh Arts Academy (Amsterdam, Netherlands) Р. Абдувалиевой осуществлена постановка пьесы Д. Исабекова «Транзитный пассажир» на английском языке (в переводе Kate Judelson). Спектакль-диалог вызвал большой интерес у английских зрителей, представителей дипломатических миссий, студенческой молодежи. Д. Исабеков «почувствовал открытость британцев, их желание узнать глубже культуру далекой страны и сблизиться с ней через литературу и театр» [21].

В 2013 году, в год 85-летия со дня рождения Ч. Айтматова, лауреатом международной премии ICAA (International Chingiz Aitmatov Award) объявлен Мемориальный Дом-музей М. О. Ауэзова в связи с 50-летием его создания. Дом-музей М. О. Ауэзова проводит большую научно-исследовательскую работу и пропагандирует творчество писателя в мировом масштабе, о чем свидетельствуют визиты глав дипломатических миссий, Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в Республике Казахстан М. Бочарникова, первой леди и супруги Президента Кыргызской Республики Р. Атамбаевой и многих других

зарубежных представителей. Специальной премии ИСАА за заслуги в развитии казахской тюркологии и словесности удостоен (посмертно) писатель и ученый Н. Келимбетов.

В Лондоне, в одном из крупнейших европейских издательств политической литературы STACEY International издана книга В. Михайлова «Великий джут» – «The great disaster» в переводе К. Юдельсон. Предисловие написал Р. Киндлер (университет Гумбольда, Берлин). На немецком языке «Великий джут» вышел в Германии в 2009 году.

В Сеуле издана книга «Kazakhstan», включающая казахские эпосы и сказки. Совместно с Министерством культуры, спорта и туризма Республики Корея, Министерством культуры РК Институтом проведено IV Центральноазиатско-Корейское совещание по развитию культурных ресурсов «Современная культура и культурное наследие». В серии «Классика литератур СНГ» в издательстве «Художественная литература» (Москва) при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества стран СНГ изданы два тома казахского фольклора и литературных памятников «Летит песня под домбру» и «Небосвод над моей головой». В тома включены шедевры устного народного творчества и памятники казахской литературы. В 2010 году в издательстве «Художественная литература» (Москва) при содействии МФГС издан двуязычный том фольклора и литературных памятников стран СНГ «Под парусом вечного неба» («Sailing under eternal skies Monuments of Folklore and Literature of the CIS Countries»). Впервые за двадцать лет создания СНГ под одной обложкой собраны выдающиеся памятники устного и письменного творчества национальных литератур, некоторые произведения переведены на английский и русский языки впервые. С. Ананьевой написаны разделы «Исследование творчества Достоевского в Казахстане» для XX-го, юбилейного тома серии «Достоевский. Материалы и исследования» (Санкт-Петербург, 2013) и «Переосмысление трагических страниц истории прошлого в литературе Казахстана. Концепт “память” для IV выпуска серии «История национальных литератур. Читая и перечитывая» (Москва: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2014). Издательством «Художественная

литература» при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ осуществлено издание книги академика НАН РК, лауреата Премии «Звезды Содружества» стран СНГ С. Каскабасова «Золотая жила. Очерки о фольклоре и духовной культуре Казахстана».

\* \* \*

Важнейшая особенность творчества мастеров художественного слова Республики Казахстан и характерная его составляющая: принципиальный выход за рамки одной национальной культуры и литературы, обогащение традициями казахской литературы. Историческая сопространственность культур и литератур, их постоянные контакты и взаимодействия получили свое художественное отражение в произведениях С. Т. Аксакова («превосходные картины степных просторов чередуются с реальными сценами суровой действительности»), М. Л. Михайлова («езде стараюсь, по мере возможности, говорить откровенно, без прикрас о положении края»), А. Н. Плещеева, Дм. Мамина-Сибиряка. Хорошо знал жизнь казахского народа Н. С. Лесков. Объективно рассматривает последствия переселения русских крестьян с учетом положения и интересов кочевников-казахов в очерке «Кочевники и русские переселенцы» Г. И. Успенский. Пестрой, многоликой жизнью привлек внимание Л. Н. Толстого Оренбург, наполовину европейский, наполовину азиатский. Серию очерков «У казаков» написал В. Г. Короленко. Очерки содержат интересные размышления писателя об управлении и административном устройстве в степи, наблюдения за бытом и нравами кочевников, высказывания о казахской песне и музыке, описание базара в Карачагане. В. Г. Короленко покоряют красота степи, ее «спокойная нега, степное раздолье охватывает и баюкает его». Особую страницу в историю русско-казахских отношений вписал А. Е. Алекторов, создатель уникального биобиблиографического «Указателя книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах (казахах)», увидевшего свет в Казани в 1900 году и впервые изданного в Казахстане в рамках серии «Классические исследования» в 2013 году.

Проникновенные строки читаем мы у Вс. Иванова: «Одним из лучших воспоминаний моего детства навсегда останутся песни под домбру, услышанные где-нибудь в «джатаке», на окраине казахского поселка. Мы, казачата, с раннего детства знали два языка: русский и казахский – так нас тесно жизнь сталкивала с казахами. Помню темную закоптелую мазанку, окно, затянутое промасленной кожей. Зима. Сидим на черной кошме, пахнет дымом и куртом – сыром, а за окном такое сверкание снегов, что оно прорывается сквозь тусклую кожу «брюшины». Пастух берет домбру, – и голос певца вдруг передает весну, разлив Иртыша, колыхание трав и выход в степь – всю неистребимую тоску надежды. Прошло много лет. Но какой сладкой тоской наполняется сердце, когда слышишь казахский язык певца...». Пойти наборщиком в типографию к колчаковцам и тем самым спастись от мобилизации посоветовал известному в будущем писателю и драматургу Вс. Иванову литературная легенда Омска начала XX века А. Сорокин. «Он объяснил, что «Вперед» – колчаковская типография, находящаяся в вагонах и печатающая фронтową газету. Начальник типографии, полковник – человек либеральный, журналист, любящий литературу и охотно принимающий литераторов, которым почему-либо не нравится мобилизация. «С Колчаком он на ножах»... Так я стал наборщиком типографии «Вперед», – вспоминал Вс. Иванов [22, с.101]. Эти и многие другие факты стали известны благодаря новому изданию книг А. Сорокина «Голос Степного края», «Тридцать три скандала Колчаку», «Манифест короля», презентация которых состоялась 17 сентября 2014 года в Мемориальном Доме-музее М. О. Ауэзова совместно с Консульством Республики Казахстан в Омске, ОАО «Омский аэропорт» и Омской государственной областной научной библиотекой им. А. С. Пушкина и была приурочена к 130-летию со дня рождения писателя.

Издательство благодарит Омский областной музей изобразительных искусств им. М. Врубеля и Павлодарский Дом-музей П. Васильева за предоставленные материалы. Любовь к казахскому народу, умному и энергичному, у А. Сорокина не случайна. Евразийство проходит лейтмотивом всего, созданного

и написанного сибирским писателем, родом из Павлодара. Такие личности соединяют наши культуры, литературы, государства. Автор вступительной статьи «Отстаивая интересы человечества» к книге А. Сорокина «Голос Степного края» В. Вайнерман называет его рассказы о степи необыкновенно лиричными. «Это не просто стилизация под легенды, которые передают из поколения в поколение местные сказители, не просто напевный речитатив, напоминающий песнь акына. Каждый раз это оригинальный сюжет, полная драматизма и сострадания история» [23, с.9].

Литература в произведениях А. Сорокина – зеркало эпохи, непонятной для большинства жителей Сибири и Казахстана, манящей новыми идеалами и пугающей неизвестностью, расшатывающей привычные жизненные устои.

Он искренне уважает тех, о ком пишет, кого воспевает. И так же искренне не приемлет то, что противоречит его идеалам. Критикует открыто, высмеивает, воспринимает в штыки. Не боится и не склоняет головы перед невежеством, глупостью. Проза его современна настолько, насколько трудно в это поверить, так как временные рамки охватывают целый век. В 1913 году в рассказе «Запах Родины, или дар степи – трава джуусан» А. Сорокина выступают определяющими концепты Родины и памяти.

Это рассказ – обращение престарелого отца к сыну, просьба вспомнить Родину и вернуться домой: «А ты, сын мой... Даже запах родины не доходит до сердца, покрытого пылью с улиц великого города. Кто ты, страшное чудовище? Кто отец твой, кто мать твоя? Я тебя не знаю... Я забыл тебя ... как ты забыл запах родины – траву джуусан» [24, с.36]. Он посвящал свои рассказы А. Букейханову (орфография сохранена. – Б. М., С. А.) – «Страшный танец кутерме» и др. Своей деятельностью предвосхитил многие направления авангардистского искусства XX века: мэйл-арт («искусство почтовой коммуникации»), рэди-мэйд (искусство присвоения чужих текстов), документирование и архивирование деятельности художника, перформанс, «серийное» искусство и др. М. Горький писал в свое время сибирскому литератору М. Никитину: «Вам, сибирякам, следовало бы собрать все, что написано об Антоне Сорокине, и собрание этих очерков издать. После того,



как будет издана эта книга, можно приняться за издание работ самого Сорокина». Омские издания произведений А. Сорокина дают уникальную возможность познакомиться не только с его рассказами из сборников «Напевы ветра», «Запах родины», но и, как подчеркнуто в аннотации к книге «Манифест короля», с текстами, «извлеченными из дореволюционных сборников, газет и журналов, а также рукописного фонда А. Сорокина и впервые опубликованными в книге «А. С. Сорокин. Сочинения. Воспоминания. Письма» (Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2012)».

На презентации новых омских изданий У. Калижанов раскрыл роль сибирского города в истории русско-казахских культурных и литературных отношений и историю обращения казахстанских исследователей к самобытному творчеству А. Сорокина. Уроженец степи, он неплохо владел казахским языком, знал казахский народ, жил его тревогами и нуждами, что и отразил художественно в рассказах «Зарзаман», «Последние баксы Ижтар», «Песня Айдагана», «О чем плачет Кенжтай», «Халат и медаль», «Песня о живом кургане Азах», «Гибель аула Батырбека» и др. В 1915 году из Семипалатинска А. Сорокину пригнали в дар 50 лошадей, это и был первый литературный гонорар автору за рассказы в защиту казахского народа. Для коллективной монографии Института «Творчество русских писателей Казахстана» (под ред. И. Габдирова и Ш. Елеукенова), изданной в 1992 году, статью о его творчестве подготовила С. Сагалович. Для сборника «Евразийский талисман» (1996) ею же написан раздел «Казахстан в литературе Сибири первых десятилетий XX века». Книги стали библиографической редкостью.

О жизни и творчестве омского писателя говорили Консул Республики Казахстан в Омске Э. Конаев, генеральный директор ОАО «Омский аэропорт» В. Титарёв, директор Омской государственной областной научной библиотеки А. Ремизов, директор Республиканской государственной детской библиотеки им. С. Бегалина С. Раева, директор ИД «Жибек жолы» Б. Канапьянов, заместитель Председателя секции русской литературы СП Казахстана Р. Артемьева, заместитель генерального директора

Национальной библиотеки А. Юсупова. Интересные повести об А. Сорокине и П. Васильеве создал в свое время П. Косенко, по мнению которого «с переездом в Омск интерес А. Сорокина к жизни степи не уменьшился, а возрос. В Омске жило немало казахов – и грузчиков в порту, и студентов учительской семинарии, и представителей национальной интеллигенции. Среди них были люди разных взглядов и разных судеб – от будущего вождя Алаш-орды Алихана Букейханова до будущего председателя Совнаркома Казахской Советской Республики Сакена Сейфуллина». Дом Сорокина на Лермонтовской улице был «центром культуры Омска (а, может, всей Сибири? Или всей России?)», – задает вопросы читателям и всем, кто заинтересовался судьбой и творчеством писателя, В. Титарёв.

Полиграфически красиво изданные книги А. Сорокина имеют научный справочный аппарат, их страницы украшают уникальные фотографии автора, членов его семьи, родителей, друзей. В книге представлены копии рукописей, автобиографии, тексты писем Вс. Иванову, знакомым литераторам и художникам, замечательные рисунки, портреты, фотографии жизни Степного края, сделанные им самим, портрет Сорокина кисти Бурлюка, афиши, каталог выставки картин с участием А. Сорокина в пользу детского дома №26 (цена 5 коп.) и т.д. Редкие фотографии, документы и графика А. Сорокина – все это удивительным образом создает атмосферу конца XIX – первой трети XX вв. «В нас музыка солнца поет!» – восклицал он, призывая в «Манифесте» к битве с глупостью и подлостью человеческой, объявляя мобилизацию, призывая ополчение, посылая «наши верные непобедимые войска-мысли солдатами-буквами, стройными рядами-строчками, страницами-дивизиями, книгами-армиями в битву...»

Единственное собрание сочинений П. Васильева в 2-х томах [25], посвященное 100-летию со дня его рождения, издано в Казахстане. При жизни поэта, яркой, искрометной и быстротечной, увидели свет только небольшие книги «Люди в тайге», «В золотой разведке», сборник «Песни киргиз-казаков» и поэма «Соляной бунт». Л. Кашиной изучены фонды поэта в архивах и музеях Москвы, Омска, Новосибирска, собраны и систематизированы

материалы и стихотворения из частных архивов, архивов его родных и близких. Поэта арестовывали трижды (1932, 1935, 1937 гг.). Трижды уничтожался его архив. Творческое наследие П. Васильева включает более 200 стихотворений, 14 поэм и ярко отражает фольклорно-песенную культуру Сибири и национально-самобытное поэтическое искусство Казахстана. «Поэт широко использует образы и мотивы казахского фольклора. В сборник «Песни киргиз-казаков» вошли самоклады казахов Павлодара, Кызыл-Орды, образцы народного творчества и оригинальные произведения по мотивам казахских песен и легенд», – подчеркивает в Предисловии «Слово о поэте» Л. Кашина [25, с.8]. Лирические шедевры П. Васильева переведены на языки народов мира.

В первый том вошли стихотворения, «Песни киргиз-казаков», переводы с казахского И. Джансугурова «Родительница, степь, прими мою...», с татарского – А. Ерикеева, с чувашского – В. Митты, с башкирского – Б. Файзи и Б. Ишемгулова, с таджикского – Г. Абдуллаева и с грузинского – Г. Леонидзе. Впервые изданы эпитаграммы, стихотворения на всякий случай и шуточные, отрывки, неоконченные и несохранившиеся целиком. Второй том состоит из поэм, прозы и писем П. Васильева.

105-летию со дня рождения П. Васильева посвящена книга Л. Кашиной «Протяни мне, Родина, ладони свои...», своеобразная летопись Дома-музея поэта в Павлодаре, истории его наследия и ближайшего литературного окружения, жизни и творчества павлодарских поэтов. Искренняя, исповедальная интонация автора подкупает и не дает ни малейшей возможности отложить книгу, не дочитав ее, поскольку материал в ней уникальный. Многие из героев «испытали тяготы репрессий и гонений, годы преследований и забвения, перенесли ужасы Великой Отечественной, восстановления разрушенной войной страны, но все они сохранили в себе любовь к прекрасному, к людям и к своей Родине» [26, с.3]. обстоятельное Предисловие написано О. Иост. Ольга Александровна раскрывает поистине подвижнический труд Л.С. Кашиной по превращению Дома-музея П. Васильева в методический центр васильеведения, в культурный центр Павлодара и его визитную карточку. Организующим началом

исследования О. Иост называет любовь к Отечеству как героев повествования, так и самого автора.

Материал в книге разный: исследовательский, литературно-критический, художественный, сравнительно-сопоставительный (П. Васильев и О. Мандельштам). П. Васильев и С.-М. Торайгыров – «два поэта, рожденные на казахстанской земле, два сердца, любящие эту землю и воспевающие ее, оставили после себя богатое творческое наследие, внесли огромный вклад в литературу Казахстана» [26, с.408]. В книге Л. Кашиной очерки и статьи, рецензии и заметки, воспоминания и рассказы. Яркие личности, известные поэты и писатели, в жизнь которых навсегда вошел Казахстан: «Казахстан в жизни С. Маркова», «Сын степного простора» (И. Шухов), «Нет, в этом мире я не гость...» (А. Алдан-Семенов) и многие другие. В павлодарском издании – редкие фотографии Н. Титова и П. Васильева, А. Ахматовой, Н. Кончаловской, С. Маркова, А. Алдан-Семенова и т.д.

Л. Кашина собрала трогательные отзывы, отклики, мнения о мастерах художественного слова, их дружбе и сотрудничестве. Народный писатель Казахстана Дм. Снегин к 10-летию юбилею Дома-музея П. Васильева написал о том, как хранил любившееся ему четверостишие П. Васильева («Боже, какая нежность и мощь!») в нагрудном кармане гимнастерки всю войну. Дом-музей неоднократно посещали делегации из США, Франции, Польши, Германии, Китая.

Мотивы Казахстана – ключевые в поэзии П. Васильева: «Я рос среди твоих степей», «Я по душе киргиз с раскосыми глазами...», «Хоть волос русый у меня, но мы с тобой во многом схожи». Образы казахской степи (пестрая кошма степей, пахучие поля полыни, бубен алый зари) ввел в русскую литературу П. Васильев: «И в час, когда падут туманы, / Ширококрылой стаяй вниз, / Мы будем пить густой и пьяный / В мешках бушующий кумыс».

Казахская степь вошла в его поэзию навсегда:

Родительница-степь,  
прими мою,  
Окрашенную сердца жаркой кровью  
Степную песнь!

Казахстанская земля «одарила его огромным поэтическим талантом, напитала его душу живительными соками родной земли, привила любовь к родным просторам... – приходит к выводу Л. Кашина. – Павлу Васильеву удалось сложное творческое перевоплощение в народного сказителя, акына, это талантливая стилизация казахского фольклора». Поэт пишет под псевдонимом Мухан Башметов, представляет наиболее яркие в национальном плане стихотворения «Рыжая голова», «Песнь о Серке», «Джут», «Охота с беркутами» как перевод из Амре Кишкинали. В сборник «Песни киргиз-казаков» включены «Самокладки казахов Семиге», «Павлодарские самокладки», «Самокладки казахов Кызыл-Орды», «Песня о торговцах звездами и Джурабае» и т.д. «Густая живописная образность органически сочетается в его стихах с ощущением стремительного порыва» (С. Куняев). Поэт искренен: «Здравствуй, утренняя степь, / Свежая, как мое детство!». И хотя его творческий взлет реализовался в Москве, «но и здесь основные мотивы его творчества неразрывно связаны со степным Прииртышьем: «Хоть цепями память стреножь, / А вспомнишь о Павлодаре».

Павлодар помнит своих поэтов. В канун 65-летия Победы в Доме-музее П. Васильева прошел вечер памяти поэтов, членов Литературного объединения имени П. Васильева – Дм. Приймака, П. Гусева, И. Сарафанова, Э. Ваганова. Об этом статья Л. Кашиной «Глядит солдат глазами незабудок». По-прежнему актуально звучат слова академика, писателя Г. Мусрепова: «Чтобы жить в сегодняшнем мире, надо лучше знать друг друга. Истина эта старая, но она не перестает быть верной оттого, что старая... И нельзя прекращать работу, способствующую такому взаимному узнаванию». Эту работу и продолжает павлодарский исследователь, литератор, крупнейший специалист по творчеству П. Васильева – Л. Кашина.

Новую страницу в российско-казахстанское литературное сотрудничество вписали павлодарские исследователи в 2014 году. В Омском государственном литературном музее им. Ф.М. Достоевского была организована фотодокументальная выставка «В степном краю возвращенная душа...», посвященная жизни

и творчеству П. Васильева. Уникальные экспонаты представили Музей, библиотека им. П. Васильева и Дом-музей П. Васильева (Павлодар). Директор Дома-музея П. Васильева З. Мерц пишет о том, что «евразийский поэт П. Васильев объединил русскую душу и казахскую степь. Многие города России и Казахстана нашли отражение в его поэзии. Здесь и «затаивший звонкость Зайсан», и Семипалатинск, «город верблюжий», и Владивосток, который расположился на «обвитом облаками взгорье», и его творческая колыбель – «ястребиный Павлодар». Омск «в голубом морозе, как во сне» занимает в судьбе поэта особое место... Здесь Васильев встретился и продолжил дружбу с молодыми литераторами – И. Шуховым, А. Алдан-Семеновым, Е. Забелиным. Вместе они ходили в гости к А. Сорокину, Е. Минину. Был Павел и у П. Драверта, высоко отозвавшегося о его творчестве» [27, с.8]. Безусловно, подобные проекты, достойно представляющие историко-культурное наследие нашей страны, помогают «раскрыть и понять образ поэта, душу «неистового детеныша Иртыша», его самобытное творчество».

Русские писатели и поэты, живущие в Казахстане, привносят в свое творчество элементы казахской культуры: это и детали казахского быта, и песенная культура, и яркая образность, присущая казахской литературе, и ее неповторимый художественный колорит. Это связи более глубинного характера, получающие свое отражение в ткани произведений: в стиле, языке, архитектонике. «По велению сердца» (такое удачное выражение находит автор вступительной статьи «Второе рождение Николая Титова» Н. Шафер к «Избранному» поэта. – Б. М., С. А.) обращался к казахской тематике Н. Титов, лучший переводчик И. Алтынсарина, Ж. Саина, К. Аманжолова, Х. Бекхожина, Т. Жарокова, Х. Ергалиева и многих других казахских поэтов в 40-е – 50-е годы XX века (А. Брагин). «Он был очарован людьми, с которыми общался, его восхищал фольклор, обычаи и традиции казахского народа. Создав оду в честь этапного произведения казахского кинематографа «Амангельды», он стремился разглядеть в зрительном зале потомков славного батыра – таких же гордых и смелых, как он... Незабываем образ седого акына, поющего о «сопках Коунрада,

века хранивших залежи руды», как, впрочем, забываем и сам образ темпераментной домбры во многих других стихотворениях» [28, с.13].

Тема Казахстана в творчестве Н. Титова раскрыта в сказках «Шелковая кисточка», «Семиголовый Дельбеген», в которых неустанно утверждается победа добра над злом. Тема Казахстана в творчестве Н. Титова постоянна. Один из разделов книги так и называется – «Земли степной любимые сыны (Стихи о Казахстане)». Названия стихотворений отсылают к родной земле и ее героям: «Мартбек Мамраев», «Горняки», «Балхаш», «Карагандинский ветерок», «Шахтерская поступь», «В Казахстан», «Семиречье», «Зыряновск», «Акыны», «Что такое айтыс?» и др.

Н. Шафер предлагает знакомиться с разнообразным и разножанровым творчеством поэта внимательно и вдумчиво. Веря в невиданный расцвет страны, «с особым вдохновением Н. Титов переводил айтысы акынов, в которых доминировала тема соревновательного шахтерского труда. Современный читатель, чтобы правильно их понять, должен отбросить прочь возникшую иронию и внимательно вжиться в поэтический текст, соотносящийся с проблемами прошлых десятилетий. И лишь тогда перед ним раскроются печаль, радость и тревога целого поколения, чье бытие было пропитано не только горечью, но и счастливым мироощущением» [28, с.15]. Самый солидный и содержательный раздел «Переводы казахских поэтов» от И. Алтынсарина до Г. Орманова и Г. Деверечи (с венгерского). Не каждый современный поэт Казахстана может включить в свой сборник переводы стихотворений на казахский язык. Н. Титова переводили Х. Ергалиев, А. Сарсенбаев, К. Бекхожин, Т. Жароков и др. Тепло, искренне, доброжелательно и задушевно о поэте вспоминают Н. Анов, А. Брагин, О. Мацкевич, М. Бушмакина-Титова, Ж. Молдагалиев, Ю. Попов, Ю. Титов, Л. Алдан.

Казахстан очаровывал многих известных мастеров пера своими просторами и богатством недр, душевной теплотой и открытостью жителей. Об одном из старейших нефтяных промыслов пишет К. Паустовский в рассказе «Испытание пустыней»: «Мы шли на соляное озеро, где на дамбах стояли вышки и нефтяные насосы,

посапывая, качали из-под земли маслянистую коричневую с золотым отливом эмбинскую нефть. Мне нравилось на озере. Вода в нем – густая и соленая – пахла крепчайшим йодом. В неярком свете фонарей, редко расставленных на дамбе, была видна осевшая на сваях розовыми кристаллами крупная соль. Кроме йода, озерная вода пахла нефтью. Запах этот вызывал обманчивое впечатление некоторой ночной прохлады. На самом же деле ночь была насыщена мельчайшей и теплой пылевой пудрой, и, может быть, от этой пыли свет фонарей приобретал душный жемчужный оттенок... В Доссоре, сидя на бревнах на дамбе и вдыхая душную тьму закаспийской ночи, мы говорили о покорении пустынь».

В Алматы увидели свет замечательные книги-исследования пушкиниста с мировым именем Н. Раевского «Когда заговорят портреты» и «Портреты заговорили», дневниковые записи, документальные повествования и т.д. Именно в Казахстане оказался востребованным его писательский и исследовательский дар. В Алма-Ате «благодаря председателю Госкомиздата Ш. Р. Елеукинову ему дали квартиру», – вспоминала его супруга Н. Бабусенкова на страницах газеты «Караван» (22.07.1994). «Город совершенно удивительный, – напишет впоследствии Н.А. Раевский, – сплошной старинный парк».

120-летию со дня рождения Н. Раевского в Национальной библиотеке РК был посвящен литературный вечер, показан документальный фильм В. Татенко «Портрет с кометой и Пушкиным». Заместитель председателя секции русской литературы СП Казахстана Р. Артемьева в очерке «Николай Раевский: портреты заговорили» вновь обращает внимание читателей и специалистов на жизнь и творчество удивительного, разносторонне образованного человека, крупного ученого, приоткрывает завесу над новыми находками, фотографиями, документами. Изданы книга О. Карпухина «Неизвестный Раевский», очерки Л. Енисеевой-Варшавской, Р. Артемьевой, произведения Н. Раевского «Добровольцы», «1918», воспоминания «Возвращение» и др. О его творчестве как представителе русского зарубежья говорят участники Международных конференций «Святоотеческие традиции в русской литературе» (Омск, 2008), «Русская литература в мировом контексте»



(Усть-Каменогорск, 2009), «Михайловские чтения» (Михайловское, 2012), «Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции» (Барнаул, 2013), «IV Измайловские чтения, посвящённые 180-летию поездки А. С. Пушкина в Оренбург» (Оренбург, 2013), Международных симпозиумов в Румынии (Яссы, 2008), Турции (Стамбул, 2011), Беларуси (Минск, 2013) и др. Судьба Н. Раевского «была необычной, подчас трагичной, иногда удивительной, щедрой на множество замечательных встреч, событий, открытий. И, возможно, – пишет Р. Артемьева, – еще многое в биографии Н. Раевского предстоит открыть нам» [29, с.16].

В 2014 году исполнилось 175 лет со дня рождения основоположника новой коми литературы, ученого-лингвиста, философа, поэта И. А. Куратова, служебная деятельность которого связана с г. Верным. Представительная делегация творческих деятелей Республики Коми приняла участие в мероприятиях Союза писателей Казахстана и Национальной библиотеки РК, приуроченных к юбилейной дате, что нашло отражение в публикациях В. Владимирова («Вечерний Алматы»), Р. Артемьевой («Литературная Россия», «Казахстанская правда», «Простор») и др. Письмоводитель Верненского управления, судья и следователь оставил на земле Казахстана светлую память. Улица его имени есть в Южной столице, как и улицы М. Зверева, Дм. Снегина, К. Хетагурова и других известных деятелей культуры и литературы Казахстана. Оказалась востребованной уникальная книга Н. Ивлева «Куратов в Казахстане» (Сыктывкар, 1981), жанр которой сам автор определял как промежуточный между литературным произведением и научным исследованием. Книга ценна источниками, раскрывающими верненский период жизни поэта. Среди знакомых Куратова – Н. Н. Пантусов, Н. А. Аристов, Б. А. Карпов, Г. А. Колпаковский, П. Пичугин, Л. Ф. Костенко, П. М. Зенков и др. Н. Ивлев убедительно доказывает, что И. А. Куратов жил в Верном в окружении образованных и творчески мыслящих людей. В 1871 году занимался сбором добровольных пожертвований на памятник А. С. Пушкину. Сохранились его подписи под документами по организационным решениям и финансовым операциям по застройке города. Верненский период нашел отражение

в его поэтическом творчестве как самый результативный. Именно здесь создана значительная часть литературного и научного наследия. Посвящая все время служебной работе, написал в 1868 году – 8 стихотворений, в 1869-ом – 13. Наиболее продуктивным стал 1870 год (19 стихотворений), продолжается работа над грамматикой, языковедческими трудами.

Казахстан вошел в судьбы многих деятелей культуры и литературы. О творчестве Ю. Домбровского пишут Л. Енисеева-Варшавская, Аркадий Арцишевский, Р. Мусабекова и др. Авторский дискурс прозы исследуют Б. Джолдасбекова и Н. Сарсекеева, подчеркивая, что «в эпоху стремительно нарастающей языковой и культурной интеграции, обострившей проблему личностной самоидентификации, эта проблема оказалась особенно созвучной современности и востребованной как писателями и их читателями, так и специалистами-филологами в целом» [30, с.16].

Творчество прозаиков рубежа XX-XXI столетий наследует тенденции разных художественных систем. Крупные художники слова не вмещаются в четко очерченные границы тенденций и литературных направлений. В русской прозе Казахстана наблюдается эволюция жанров: от историко-революционных повествовательных форм к романам-эссе, метажанру с преобладанием воспоминаний (ретроспективность, многоплановость, открытая авторская позиция, документальный «образ эпохи»). Русские писатели Казахстана предпринимают попытки философского осмысления эпохи в соотнесённости с судьбой отдельной личности (Дм. Снегин, М. Симашко, И. Щеголихин В. Михайлов, Н. Доронин, Н. Чернова, Л. Шашкова, Н. Веревошкин и др.). Жанры не всегда поддаются четкой дифференциации, трудно вычленишь одно из другого, отделить, провести грань.

Литературный процесс суверенного Казахстана разнообразен и ярок. Ведущим жанром русской литературы Казахстана остается роман, имеющий «особую художественную энергетику» (В. Бадиков). Роман воссоздает динамику сложной социально-психологической и личностной жизни, реконструирует историческую личность, восстанавливает исторический контекст. Роман начала 90-х годов XX века – это уже история. Ситуация

рубежа веков и начала второго десятилетия XXI века приводит к образованию синтетических жанровых форм. Комплексный подход к изучению разножанрового литературного материала раскрывает изменения жанровой системы, новизну разрабатываемых национальными литературами тем и проблем. При изучении новейшей литературы художественное произведение анализируется как «особый феномен смыслового целого» [31, с.281]. Более того, в национальных литературах Казахстана воссоздается уникальный образ мира, полиэтничного, мультикультурного. Вслед за Н. И. Конрадом академик Д. С. Лихачев утверждал, что при встрече двух культур именно «другая» культура, «встреча двух разных культур обладают наибольшими “генетическими способностями”» [32, с.322].

На вопрос: «Что есть русский поэт (прозаик) в национальной республике?» предпринимал попытку ответить Н. Ровенский. Он четко акцентировал внимание на том, что работа русских писателей «не адекватна работе национальных художников... Не только несправедливо, но и принципиально неверно относиться к русским поэтам, живущим и работающим в республике, как к дублерам своих национальных коллег или почтительным подражателям московских, ленинградских или вологодских собратьев. Да, у них есть общие обязанности перед русской художественной литературой, но есть и свои задачи, дополнительные источники, способные обогатить их творчество» [33, с.6]. Живя среди другого народа, он «обладает тем дополнительным преимуществом, что может свободно пересекать этнографическую границу и становится обладателем ценнейших знаний, новых, ярких и поэтических образов» [33, с.11]. Это относится и к корейским, татарским, узбекским, уйгурским, курдским, немецким деятелям литературы и представителям литератур этносов Казахстана.

У казахстанцев есть все возможности для реализации своего творческого и духовного потенциала в любых сферах общественной деятельности. Этому во многом способствует Ассамблея народа Республики Казахстан, идея создания которой была озвучена Президентом страны Н.А. Назарбаевым в декабре 1992 года. В Указе «О стратегии Ассамблеи народов Казахстана»

провозглашены ее основные цели – национальное согласие, безопасность, гражданский мир. «Обладающая конституционным статусом Ассамблея народа превратилась в базовый институт межнационального согласия в нашей стране. В ее состав входит 820 этнокультурных объединений. Мы создали все условия для того, чтобы представители всех этносов сохраняли свои язык и культуру», – констатировал Н. А. Назарбаев в докладе «Независимый Казахстан: 20 лет», обращаясь к участникам сессии Ассамблеи народа Казахстана. – Языки 22 этносов преподаются в качестве самостоятельного предмета в 108 школах, а в 88 школах обучение ведется на узбекском, таджикском, уйгурском и украинском языках» [34, с.2].

В Казахстане успешно функционируют республиканское общество «Казак тілі», Всемирная ассоциация казахов, Русская община Казахстана, Русский культурный центр, Республиканское славянское движение «Лад», русский национально-культурный центр «Согласие», славянское культурно-просветительское общество «Истоки», «Светоч», «Панагия», Республиканский татарский культурный центр, Ассоциация развития культуры чеченского и ингушского народов «Вайнах», Ассоциация «Барбанг» курдов Казахстана, Ассоциация русских, славянских и казачьих организаций, Еврейский конгресс Казахстана, Ассоциация румын и молдаван, Ассоциация РК «Мицва», Ассоциация общественных объединений немцев Казахстана «Возрождение», Ассоциация татар и башкир Казахстана, осетинский культурно-просветительский центр «Ирныхас», культурный центр крымских татар «Ватандаш», Ингушский культурный центр «Вошил» («Бауырластық»), азербайджанский, сирийский, белорусский, болгарский, венгерский, греческий, дунганский, кыргызский, китайский, корейский, польский, турецкий, туркменский, узбекский, уйгурский, чеченский и другие этно-культурные центры. Многие культурные центры издают газеты на своем языке, имеют телепрограммы, при них функционируют курсы изучения родного языка и воскресные школы. Театральные и музыкальные постановки идут на сценах казахских и русских драматических театров, корейского, уйгурского, узбекского и немецкого

театральных коллективов. Уникальность культуры и искусства народа Казахстана демонстрирует телепроект «Мой Казахстан». Новым импульсом активизации межкультурных связей стало провозглашение Астаны – столицей тюркского мира (2012), Алматы – культурной столицей СНГ (2014).

Современный литературный процесс включает казахскую, русскую, уйгурскую, немецкую, корейскую, белорусскую, татарскую, курдскую, узбекскую литературы. Издаются журналы «Простор», «Нива», «Тан – Шолпан», «Достык – Дружба», «Мысль», «Жулдыз», «Акикат», «Аманат», «Тамыр», «Евразия», «Нурбах», альманахи «Литературная Азия», «Книголюб», «Аполлинарий», «Литературная Алма-Ата» и другие, выходил альманах «Феникс» и т.д. Государство финансирует газеты на немецком, украинском, уйгурском и корейском языках, пяти национальных театров. Выходят в свет «Уйгур авази», «Українські новини», «Давар», «Жийана курд», «Дойче альгемайне цайтунг» (на русском и немецком языках), «Корё ильбо» (на русском и корейском языках), «Фикер» (на татарском, казахском и русском языках), «Азия бүгін» (на уйгурском, казахском и русском языках), «Ahiska – Ахыска» (на турецком и русском языках) и т.д. «Українські новини», первым главным редактором которых был видный общественный деятель, ученый-тюрколог А. Гаркавец, в этом году отметили 20-летний юбилей. Единственная государственная газета на украинском языке из издающихся в странах СНГ имеет рубрики: «Мой Казахстан», «Життя діаспори», «Вісті з України», «Детская страничка» и др.

При содействии Посольства Украины в Республике Казахстан издан сборник воспоминаний и документов «Казахстан-Украина: дороги и перекрестки. 1917-2008 гг.», открывающийся вступительным словом Чрезвычайного и Полномочного Посла Украины в РК Н. Селивона: «В этой книге воссозданы образы удивительных людей, живших в различные эпохи... С огромным интересом узнал об удивительном переплетении судеб выдающегося генерала И. Панфилова и великого украинского поэта и мыслителя Т. Шевченко, которого помнят и почитают как в нашей стране, так и в Казахстане. Их гены соединились с генами

известной казахской семьи Каралдиных – Байкадамовых, проявившись в талантливых потомках. Узнал о годах, проведенных в Алма-Ате в эвакуации известным украинским композитором М. Скорульским, о том, что в АЛЖИР была сослана почти вся труппа Харьковского оперного театра... Публикуемые документы представляют возможность проследить благодатные истоки дружбы между братскими украинским и казахским народами, которую мы считаем аксиомой наших отношений». Рецензия «Истоки дружбы двух народов» С. Ананьевой об интересном издании опубликована в журнале «Нива» (2010, №1).

В Казахстане чтут память Т. Шевченко, ценят и изучают наследие Великого Кобзаря. По мятежному духу Шевченко сравнивают с поэтом-воином Махамбетом, по богатству лирической палитры – с поэтом-мыслителем Абаем. 17 октября 1850 года прибыл в Казахстан Тарас Шевченко. Согласно древнему восточному поверью, Шевченко посадил дерево и вырыл колодец в Мангыстау. Творчество Т. Шевченко волею судеб стало неотъемлемой частью истории и культуры Казахстана, историей духовного родства наших народов. Специальный номер газеты «Українські новини» (7 березня 2014 року) ее главный редактор Т. Чернега посвятил 200-летию со дня рождения Великого Кобзаря. Каспийский государственный университет технологий и инжиниринга им. Ш. Есенова в Актау выступил организатором Международной научной конференции «Кобзарь: идеи Независимости», перед началом работы которой участники конференции и руководители этно-культурных центров приняли участие в презентации кафедры Ассамблеи народа Казахстана (Актау. 30.05.2014). Заместитель директора по науке Института литературы им. Т.Г. Шевченко НАН Украины С. Гальченко и главный редактор научно-образовательного портала «Институт Т. Шевченко и украинистики», руководитель Научно-методического центра по изучению славянских языков и культур Уфимского филиала МГУ им. М.А. Шолохова Д. Черниченко получили уникальную возможность посетить музей Т. Шевченко в г. Форт-Шевченко, директор которого Н. Суин не только провела экскурсию по залам музея, но и организовала поездку в укрепление, где поэт отбывал ссылку.

Третьи Международные Шевченковские чтения «Шевченко – символ духовной связи украинского и казахского народов» начали свою работу 17 апреля 2014 года в Зале заседаний Ученого совета ЕНУ им. Л. Н. Гумилева. Организаторами чтений выступили Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Украинской центр науки и культуры при Посольстве Украины в Республике Казахстан, Институт литературы и искусства им. М. О. Ауэзова МОН РК, Конгресс историков Казахстана, Республиканское объединение «Рада украинцев Казахстана», научное общество украинистов имени Т. Г. Шевченко. Открыл Чтения Временный поверенный в делах Украины в Республике Казахстан доктор филологических наук Ю. Лазебник.

Приветственное слово участникам чтений Министра образования и науки РК А. Саринжипова зачитал директор Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова У. Калижанов, выступивший с научным докладом «Шевченко и степная культура». Прозвучало приветствие от имени ректора ЕНУ им. Л. Н. Гумилева Е. Сыдыкова.

Директор Института литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины, академик-секретарь Отделения литературы, языка и искусствоведения НАН Украины доктор филологических наук, профессор Н. Г. Жулинский рассказал о жизненном и творческом пути Великого Кобзаря и передал в дар ЕНУ им. Л. Н. Гумилева и ИЛИ им. М. О. Ауэзова ряд красочных изданий – фотоальбом «Украина», книгу «Три літа» Т. Шевченко, подготовленную по оригиналам рукописи поэта, хранящейся в отделе рукописных фондов и текстологии Института. Книга открывается вступительной статьей Н. Г. Жулинского. Одним из центральных событий Третьих Международных Шевченковских чтений стало подписание Договора о сотрудничестве между Институтом литературы и искусства им. М. О. Ауэзова МОН РК и Институтом литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины и принятие Резолюции. Директор украинского центра П. Токар пригласил к диалогу ученых разных стран мира (И. Шишкин, Салермо, Италия и др.). На Чтениях обсуждался широкий круг проблем: проблемы и перспективы исследования жизни и творчества Т. Г. Шевченко в научных трудах,

шевченковедение как междисциплинарная область знания, работы Т. Г. Шевченко в современной культуре и искусстве, Т. Г. Шевченко и национальные литературы (произведения, переводы, издания), Шевченко и Казахстан, Шевченко и Украина, Шевченко в мировых интернет-ресурсах и медиа пространстве и др.

Бесценный опыт социокультурного и межэтнического взаимодействия, реализуемый Ассамблеей народа Казахстана, презентация которой состоялась в ООН и ряде крупных международных авторитетных организаций, заинтересовал многие страны мира. Подготовлена заявка на включение АНК, одного из значимых объектов мировой цивилизации в список Всемирного наследия ЮНЕСКО как объекта «Памяти мира». Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев постоянно подчеркивает необходимость воспитания «у казахстанцев, прежде всего у нашей молодежи, высокого чувства ответственности за мир и согласие в нашем общем доме». Научно-экспертные группы в городах Казахстана, депутатская группа «Ынтымақ» маслихата г. Алматы, Секретариат Ассамблеи народа Казахстана г. Алматы, депозитарий АНК г. Алматы, являясь активными проводниками целей и задач Ассамблеи, работают на повышение роли АНК в дальнейшей демократизации и гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений, на формирование единой национальной идентичности представителей всех этнических групп Казахстана. Усиленно ведется работа в данном направлении исполнительным секретариатом АНК г. Алматы и Алматинским городским филиалом партии «Нұр Отан» (круглый стол «Единство и согласие – основа процветания страны», 9.04.2014 и др.). Депозитарий АНК г. Алматы в Национальной библиотеке РК является постоянно действующей в открытом доступе выставкой научной и популярной литературы по проблемам межэтнических и межконфессиональных отношений, презентационной площадкой новых научных монографий и учебников М. Шайкемелева, Г. Кана и многих ведущих специалистов, председателей этно-культурных центров и т.д.

Казахстанская модель межэтнического единства и согласия, при всей своей эффективности, по мнению участников III



городской научно-практической конференции НЭГ г. Алматы «Вопросы методологии казахстанской модели межэтнического единства и согласия» (10.12.2014), требует постоянного обновления, творческого переосмысления ключевых подходов и принципов. Изучение этнопсихологических особенностей различных этносов нашей страны, как считает председатель АОО «Культурный центр крымских татар «Ватандаш» С.У. Бабалиев, «позволяет решать многие внутри- и межэтнические проблемы осознанно, выходя на новые уровни научных исследований». Участники названных мероприятий едины в том, что уникальный опыт межнационального согласия должен передаваться от поколения к поколению и воспитывать у молодежи уважение, терпимость и толерантность к этносам Казахстана, их культуре, языкам, традициям. Роль литературы и культуры велика и особо значима.

Наиболее важные литературные процессы в национальных литературах Казахстана в сравнительно-сопоставительном плане, основные этапы развития наших литератур исследуются авторским коллективом монографии «Литература народа Казахстана. Издание второе, дополненное» [35], на страницах которой освещены вопросы стадийности литературного процесса, имагологический дискурс и исторический контекст, выявлено значение творческой личности художника в процессе взаимоузнавания культур и литератур. Включение курса «Литература народа Казахстана» в программу высшего образования республики внесет существенный вклад в сохранение межнационального согласия в стране, укрепление толерантности и взаимопонимания. Развитие художественной литературы в многонациональной Республике Казахстан «вобрало в себя две ментальности: азиатскую и европейскую, тесно связанную с идеей евразийства. Правоммерно, что в нашей республике, – указывают авторы книги «Многонациональная литература народа Казахстана в годы независимости», – на практике может осуществляться принцип культурного взаимодействия разных эстетических систем. Русскоязычная литература Казахстана, являющаяся частью казахстанской литературы, имеет богатую и неповторимо индивидуальную историю, реальное бытование которой связано с непрерывным

эстетическим праксисом, то есть творческой деятельностью конкретных писателей» [36, с.8].

Современной уйгурской литературе и юбилеям известных писателей З. Самади и А. Ашири была посвящена научная конференция в Институте литературы и искусства им. М. О. Ауэзова МОН РК (декабрь 2013), на которой выступили У. Калижанов, Ш. Елеукенов, С. Корабай, А. Хамраев, Н. Акыш, Г. Орда и др. Современный литературный процесс был в центре внимания ученых-литературоведов на Международной конференции «М. Ауэзов и Ч. Айтматов. О нерасторжимости казахско-кыргызских историко-культурных связей» (совместно с Ассамблеей народа Казахстана) и др. Стали ежегодными Пушкинские чтения и Дни славянской письменности, проводимые Управлением развития языков, архивов и документации акимата г. Алматы совместно с Институтом и при участии Генеральных консульств России и Украины. Проведены «круглые столы» и литературные вечера, посвященные юбилейным датам и презентациям книг Дм. Снегина, П. Мариковского, И. Щеголихина, М. Симашко, Н. Ровенского, М. Абдрахманова, А. Арцишевского, Б. Джилкибаева, Г. Белгера, В. Гундарева, В. Семерьянова, Э. Джилкибаева, В. Михайлова, В. Бадикова, Г. Шалахметова, Т. Фроловской, Б. Канапьянова, А. Жаксылыкова, А. Кодара, О. Жанайдарова, К. Гайворонского и др. Представляет определенный интерес художественное воссоздание образа Казахстана в национальных литературах республики, о чем пойдет речь в последующих разделах монографии. Так, в каждый поэтический сборник поэт Ф. Тамендаров, финалист конкурса «Open Central Asia Book Forum and Literature Festival» (London, 2013) в номинации «Художественный перевод» включает раздел, посвященный Казахстану. Тема Казахстана – ведущий лейтмотив в произведениях Б. Бала, С. Саяди, Г. Хаджисулеймана, Ст. Ли, А. Весалоглу, И. Жуманова, С. Камоловой, У. Каримовой, Э. Султоновой и других, характерной особенностью творчества которых является сохранение национальной идентичности, важность исторической преемственности и этнической памяти, усиление этнических мотивов.

О прошлом размышляет лирический герой цикла Ст. Ли «Над небесной рекой...»: «Над руинами Аккыртас / ветерок, / озорной и степной, / как и тысячу лет назад. / Откуда пришли / и куда ушли караваны, / знали эти стены. / А теперь таинственно / молчание хранят...» [37, с.122]. Уштобе – особая территория памяти, со своим кодом, встроенным в вечность, со следами землянок, которые бессильны выровнять и время, и песок. Благодарные потомки приходят в эти места «пред мужеством колени преклонить»: «... Ниже, ниже / кланяйся земле, / и помни, / мы живы от того, / что выжили они тогда, в тридцать седьмом...» [37, с.123]. Музыку вечности поэт, кажется, угадал. Но в краю степном, среди тюльпанов, маков и других цветов, он по-прежнему узнает «по запаху, / по цвету, по изгибам лепестков / цветы багульника» и бежит за тенью (отца, исторической Родины, прошлого?): «Но зачем я за тенью бегу, / столько света, пространства / вокруг...»

Каспий снится З. Бадоевой, осетинской поэтессе, живущей ныне в Москве. «У моря дней абсурд исчез мгновенно... / Пространство здесь предельно откровенно...». В «Избранном» (Алматы, 2003) поэтесса признается, что кружево жизни прилежно вязала, как могла, а «Доброе понятие «отчий дом» / с понятием «счастье» вместе слито». В ее поэмах Душа ведет диалог с Разумом. Философ и тонкий психолог З. Бадоева рассуждает о вечности. Ряд стихотворений посвящен городам Казахстана: «Город Шевченко» (где «дом приветлив и радушен»), «Город Гурьев» («свернулся свиток этих лет... / во мне твой облик и твои года»), «Город Алматы», «Журчал арык приветливо с утра...», «Мы прилетели в Актау сорок лет спустя...» Прошлое для героини стихотворения «Дом – бездомность, безмятежный образ детства» окутано туманом вдохновений. Она словно призывает своих читателей одноименным стихотворением «В детство отворяй почаще дверь...» увидеть прошлых лет живой ковер. У автора особые отношения со временем: «Время равнодушно и бездонно». Или: «День кивнет и улыбнется». Мимолетная зарисовка: «Лист печаль в себе таит. Осень... / Одиночество летит в просинь».

Своеобразием стиля поэтессы член Ассамблеи народа Казахстана г. Алматы, председатель общественного этнокультурного

объединения «Осетинский культурный просветительский центр «Ирныхас» К. Масуров считает недосказанность, аллегоричность: «Поэзия З. Бадоевой глубоко личностна и отражает жизненную позицию автора. Стихи о природе интересны философскими мотивами. Творчество З. Бадоевой разножанрово, наполнено духовностью, интересно глубокими размышлениями о сегодняшнем и вечном, согревает своей теплотой» [38, с.34].

На вопрос: «Что значит для меня, дочери депортированного чеченца, Казахстан?» член АНК, Союза журналистов и Союза писателей Казахстана, прозаик и поэт, автор книг стихов и прозы «Осенняя рапсодия», «Звезды Жезказгана», «Диалектика души», «Иволга», «Свет и тени» и других З. Чумакова отвечает поэтическими строчками: «Мне край этот – с детства единственный рай. / Я песни пою про Марьям с Дударай. / И звуки домбры мое сердце пленят – / Они меня с жизнью казахов роднят». Лауреат Международной литературной премии им. К. Симонова, кавалер орденов им. Г. Державина и М. Мамакаева, заслуженный работник РК, член Московской городской организации СП России, председатель Жезказганского городского клуба творческой интеллигенции, директор Жезказганского историко-археологического музея пишет на русском языке. Стихотворения З. Чумаковой переведены на казахский, чеченский, польский и украинский языки. В ее творчестве, по мнению С. Усенбековой, важны нравственно-этические вопросы, «составляющие суть человеческого бытия. По ее мысли, это три главные вершины – свобода, совесть, любовь, к которым и должен лежать путь каждого, «чтоб сохранить и званье Человека, / и то, что с ним под небом рождено».

В Казахстан вернулась лирическая героиня стихотворения Э. Беккер «Здесь моя душа», потому что «речь немецкая легко / с казахской здесь переплеталась, / где я душою оставалась, / хоть и летала далеко. / Сердечность здесь и простота, / и необъятные просторы, / и в синеве сияют горы / как запредельная мечта». Последний по времени издания поэтический сборник А. Шмидта назван глубоко символично – «Здесь и там» (Берлин). Причем: «здесь» – это Казахстан, а «там» – это Германия. И сам ведаёт

миру о парадоксе: «Вне России / Здесь! / В самом центре Германии / Россия во мне / А Германия / Вне».

Лейтмотивом творчества турецких писателей и поэтов Казахстана является благодарность казахскому народу за возможность реализовать свои жизненные планы в суверенном Казахстане, создавать произведения на родном языке. Тема депортации освещена в документально-игровом фильме «Судьба», в основе сценария которого – драматургическое произведение историка, писателя, драматурга, поэта и журналиста И. Турки, созданное на основе архивных материалов Грузии, Турции, Казахстана. Тема утраченной родины раскрыта в «Surgun» Б. Сахбазоглы, «Ватан Арзуси» Р. Диляварова и других произведениях [39]. Картина депортации воссоздана Б. Сахбазоглы в стихотворении «Депортация», персонажи которого в жестокий мороз покидают родные места: «В двери постучались солдаты, / Дома по одному обошли, / Зашли, выломав замки, / Изгнали с родной земли» [40, с.102]. Метафоричны образы страданий, людского горя: «От плача младенцев глаза / превратились в кусочек льда». Мотивы трагического одиночества переданы образами оставшихся на родине разоренных садов, умолкнувших соловьев и др.

И. Турки (Хукиев) – поэт, пишущий на турецком, казахском, азербайджанском, узбекском языках. Автор стихотворений «Всевышний, дай мне терпения», «Пусть льют кровавые слезы» и др. В стихотворении «Воспоминания о матери» лирический герой возвращается в ноябрьский день 1944 года: «Осенние листья упали слезами / На светлый и горький песок. / Не ведали сами, не ждали мы сами, / Что выпал трагический срок» (перевод Ю. Кунгурцева). Мотивы недавнего по историческим меркам и далекого прошлого, воспоминания о депортации и военных годах – горькая ноша автора-повествователя: «Где осталась родная земля? / Куда забросила меня судьба?». Суровый безжизненный пейзаж тех лет воссоздан в дастане И. Турки «Пусть льют кровавые слезы»: «Ударили морозы по родной земле, / От этой боли застыли и камни, и горы...»

Автором стихотворений, дастанов и документальных повестей, объединенных темами дружбы, любви к родной земле,

является Али Паши Вейсалоглы. Журавли в одноименном стихотворении, пролетая над землей, шумят в высоком небе, тоскуя, как и главный герой, по родной земле. Не можем не согласиться с выводом Т. Тагаровой по поводу дальнейших перспектив развития турецкой литературы в Казахстане: «Осваивая глубины нашей исторической действительности, современная турецкая поэзия находится в непрерывном поиске свежих средств художественной выразительности, развивая при этом лучшие поэтические традиции» [40, с.103].

Заметным явлением современного литературного процесса стало издание книги публицистики Т. Исаева «Переплетенные судьбы», которая открывается напутственным словом председателя Всемирной ассоциации турок-ахыска, президента правления турецкого этнокультурного центра РК «Ахыска» З. И. Касанова, подчеркивающего, что «дружба является причиной развития культурной, духовной и экономической жизни государства» [41, с.3]. В предисловии «У народа, возродившего свое прошлое – прекрасное будущее» И. Турки напоминает о нашей единой истории: «... Нам не стоит забывать наше бурное и беспокойное прошлое, трудные и лихие годы, дороги, по которым прошли наши предки. Наш народ не зря утверждает, что будущее начинается с сегодняшнего дня. Каждый день, который мы прожили сегодня, тоже является золотой страницей завтрашней истории. Темирхан Исаев, патриот своего народа, считает своим долгом написать о земле, на которой вырос, и о хороших людях, живущих на ней» [41, с.4]. В книгу Т. Исаева включены материалы «Листая страницы истории», «День победы», «Мои воспоминания», «Будни и праздники центра «Ахыска», «Урок турецкого языка», «День языка и культуры турецкого народа» и многие другие. Небольшой по объему очерк «Народ гордится своим сыном» посвящен удивительному человеку Х.К. Мамедову, мастеру спорта СССР по вольной борьбе, самбо, дзюдо, известному врачу-терапевту, бескорыстно занимающемуся благотворительностью. Герои статей, очерков, репортажей, заметок Т. Исаева каждодневным трудом укрепляют мир и согласие в республике, трудятся во имя Родины и народа Казахстана.

Историческими сведениями об оккупации Крыма в годы Великой Отечественной войны интересна документальная повесть Т. Павленко «Формула жизни Дм. Клинцева». Но не успели привыкнуть к празднику освобождения, который еще не стал «обыденностью, радость новизны не покидала сердце», как над Крымом нависла новая беда. В тексте повести цитируются документы под грифом «Совершенно секретно», в том числе – Постановление ГОКО №5859 от 2 июня 1944 г о выселении из Крыма «немецких пособников из числа болгар, греков и армян в Гурьевскую, Свердловскую, Молотовскую, Кемеровскую области и Башкирскую АССР».

В стихотворении «Казахстан» О. Сулейменов обращается к державе: «Страна, ты прошла испытание Казахстаном, / Есть сегодня земля, на которой крестам не расти». И далее адресно: «О, ингуш, мою землю прости!»

М. Симашко в книге «Дорога на Святую Землю» находит удачный образ страны, *вобравшей* в себя народы, лишённые своего дома. Отзывчивость и чуткость казахов он объединяет с духовностью. «Шевченко, Достоевский, ссыльные русские, поляки, украинцы, венгры, а в наше время многое могут рассказать депортированные Сталиным в голую степь целые народы: немцы, чеченцы, ингуши, греки, балкарцы, корейцы, турки, курды, караимы, крымчаки и другие... Так принято здесь от века, что не позволит казах умереть с голоду находящемуся рядом с его юртой человеку, какого бы роду-племени тот не был. Благим делом в этом народе всегда считалось воспитать сироту из другого народа. Эта традиция тоже уходит в века, и много есть воспитанных в казахских семьях осиротевших в страшные времена детей – русских, немцев, татар, чеченцев, евреев и других. Их не отличали от своих детей, кормили, учили, выводили в люди. Это была обязанность перед собственной совестью, то есть то, что и называется духовностью».

В повесть Т. Павленко включен рассказ о выселении из родного дома Д.Х. Клинчевой-Бостанжиевой: «... Гнездо свое оставили... Это неправда, что животные ничего не понимают, все они понимают и чувствуют... Стон стоял над селом». Как веточку надежды воспринимают персонажи произведения – тоненькую

ветку тополя, привезенного из районного центра Косчагыл в место их нового проживания – нефтепромысел Кульсары. Победа не изменила положение спецпереселенцев. Искренняя благодарность адресована казахскому народу: «Город Гурьев во время войны дал приют тысячам эвакуированных, сосланных, депортированных. И большинство выжило благодаря уральской рыбе да помощи казахов, народу гостеприимному, сострадательному и милосердному. Вспоминают, ловят казахи рыбу, вынимают из сетей. А к ним уж, как воробьи, слетаются дети. И первой рыбой казахи наделяют чужих детей – берите, ешьте на здоровье!.. Депортированные корейцы выращивали в пойме рис. Стали появляться в продаже помидоры, огурцы, арбузы, дыни, которые выращивали болгары и других научили. Жили все очень дружно...» [42, с.33].

Повесть Т. Павленко, безусловно, найдет своего читателя, как найдут его и «Гурьевские гиштории (Хроники красного города)» А. Улдуза (Гаджиева), журналиста, драматурга, режиссера, прозаика и поэта, с 2006 года переехавшего в Атырау. Главный редактор журнала «Культура», издаваемого Фондом Полада Бюльбюль оглы, лауреат премии «Гранд» (2000) в номинации «Журналист года», член Союза писателей-переводчиков России, лауреат Международной премии им. А.П. Чехова (2011) поставил в Атырау камерный мюзикл «Море любви». По либретто А. Улдуза осуществлена постановка балета «Раст» на сцене Азербайджанского ГТОБ. В активе писателя – второе место на конкурсе Русского писательского клуба (2009) за рассказ «Четверть тона In Orient». Победитель конкурса «Золотое перо» (2010) с рассказом «Пандоркина Коробейка». Режиссер-постановщик спектакля «Носители» в Москве на сцене ЦДРИ (2012) и спектакля «Осторожно – женщины» на сцене школы-театра «Фламенкерия».

Аждар Улдуз снял документально-игровую картину об истории Атырауского драматического театра им. Махамбета, на сцене которого идет спектакль по его пьесе «Ене». Принимал активное участие в реализации проекта «Зеленый Атырау», инициированного культурно-историческим литературным фондом «Алшы» и его руководителем Б. Карашиным при поддержке «Тенгизшевройл». В итоге – в городе появился сквер Великой



Победы. Большой читательский интерес вызвал роман А. Улдуза «Сейд. Джихад крещеного убийцы» (Москва: Снежный ком, 2011). Авторский вечер автора и презентация романа состоялись в Атырау, в книжном кафе «Просто Хобби». Жанр произведения определен как нереальная проза. «Культурные маркеры в изобилии... Выдержки из Священных писаний, молитвы, газели, касыды, баллады, рондо, поговорки... Безумно порадовало лингвистическое разнообразие: в романе звучит латынь, арабский, тюркские наречия и даже – йола. Объемная картина, полная звука и запаха, и теплого, сухого, пыльного ветра пустыни», – пишет о романе Х. Альварсен. Многие называют произведение одним из лучшим об эпохе крестовых походов.

Ю. Либединская особо отмечает притчевость языка, красивый и незаурядный синтез. Поэтические перебивки между главами – рондо – считает удивительной находкой автора, подчеркивая, что «жанр альтернативной истории и не подразумевает четкого следования учебнику. Скорее он требует умения моделировать различные исторические ситуации, а с этим автор справился на ура». О флере мистики и загадочности в романе рассуждает О. Ладыженский. Автор работает в разных жанрах: пьеса-роман «Comedie l'sovientiq» (Голубой экран), рассказ «Жиголо» (Зимняя сказка Солнечного Города), рассказ, «грозящий вылиться в роман» – «Водкин» (третье место на конкурсе Русского Писательского Клуба), научно-фантастический рассказ «Attractor «Selena-2015». E-mail теневого биржевика», литературный сценарий «Война миров – «М» и др. Цикл А. Улдуза «Гурьевские гиштории» [43] включает сказку, новеллу, два рассказа, повесть, пьесу-инсценировку. Цикл имеет Вступление «Гурьев городок... моя любовь» («Бежишь... до степи-матушки бежишь, туды, где и река – велика, а степь – уж и вовсе без края... к Хазару бежишь, к Отцу-Яйку») и Послесловие – «книксен» («К реальной истории, как Вы, Читатель, наверняка уже догадались, описываемые события имеют весьма отдаленное отношение. Криптоистория? Возможно...»). Интерес к истории города на Урале не случаен, что, несомненно, направлено на воспитание патриотизма, любви к родной земле, ее славной истории.

Казахстанские авторы активно публикуются в журналах «Дружба народов», «Новый мир», «Наш современник» (Москва), «Листья» (США), «Нёман», «Польмя» (Минск), «Сибирские огни» (Новосибирск), в альманахах «Мегалог» (Пятигорск), «Ренессанс» и «Дикое поле» (Украина), «Созвучие» (Минск), «Графит» (Тольятти), «Голоса Сибири» (Кемерово), в газетах и журналах Армении, Азербайджана, Германии, Турции и др. Становятся лауреатами престижных литературных премий (В. Михайлов, Н. Гундарев, В. Садыков, Н. Веревокин, И. Одегов, Ф. Тамендаров, Р. Ахтямова, З. Чумакова, Г. Аутова, О. Григорьева, А. Загрибельный, С. Комов и др.). Талантливый, самобытный поэт с неповторимым авторским стилем Вл. Шемшученко издает свои новые книги в России. Но как дань памяти казахстанскому прошлому почти в каждой из них – стихотворения из книги «Арифметика смерти», вышедшей в печать в Алма-Ате в 1990 году. Поэт обращается к темам творчества, любви, дружбы, политики, войны, смерти, городской тематике, приоткрывает двери своей творческой лаборатории.

Изданы собрания сочинений Вл. Владимирова, Г. Бельгера, С. Санбаева, Б. Канапьянова, книги В. Михайлова о П. Васильеве и М. Лермонтове, В. Владимирова о Дм. Снегине, С. Акашевой о М. Звереве, С. Ананьевой, К. Нургали, А. Бейсембаевой о Н. Ровенском, сборник статей о творчестве ученого-литературоведа, поэта, критика М. Абдрахманова и др. Книга В. Михайлова «Лермонтов. Один меж небом и землей» вышла в свет в Москве в издательстве «Молодая гвардия» (серии «ЖЗЛ») и включена в подарочный набор ЖЗЛ «Поэтическая Россия», а ее автор стал лауреатом премии им. М. Лермонтова на 43-ем Лермонтовском празднике в музее-заповеднике «Тарханы». Опубликован сборник «Иван Шухов. Современники и земляки о жизни и творчестве писателя». Издательским домом «Библиотека Олжаса» с предисловиями С. Абдулло изданы книга Г. Бельгера «Тамыр тамыров. Мурату Ауэзову – 70», сборники статей о Г. Бельгере и С. Санбаеве – «Великий немец Великой Степи», «По следам белой аруаны» и др. Вышли в свет литературоведческие исследования В. Бадикова «С вечностью – начистоту», В. Савельевой «Художественная гипнология и Онейропоэтика русских писателей»,

А. Есенжани «Магия художественного слова», А. Жаксылыкова «Художественный перевод и литературный процесс», С. Алтыбаевой «Казахская проза периода независимости: традиции, новаторство, перспективы» и др. Широко востребованы научной и педагогической общественностью коллективные монографии «Национальный космос в контексте современной литературы Казахстана», «Проза и поэзия Казахстана 1970-2000-х годов в контексте литературы Центральной Азии» (под общей редакцией У. К. Абишевой), «Постмодернистская литература Казахстана: поэтика и семантика» (под редакцией Л. В. Сафроновой) и др.

О детской литературе и о судьбе детской книги в Казахстане, проблемах книжной культуры и книгоиздания, о том, как привлечь интерес детей к чтению, размышляла на впервые проведенном книжном фестивале «KITAP FEST ALMATY 2014» главный редактор альманаха «Книголюб», тринадцать лет выходящего в свет в Казахстане, Л. Калаус. В рамках фестиваля прошли мастер-классы К. Тасибекова «Ситуативный казахский», А. Кудайкуловой «Женщина и литература в Казахстане», Д. Кадыржанова «Роман-Верлибр. Уникальный жанр или возможность полного выражения идеи автора», А. Кумано «Литературная документалистика», А. Цоя «Музыка прозы» и др. Молодые поэты и писатели Казахстана П. Банников, К. Омар, И. Бекетов, Ю. Серебрянский, Е. Жунис, А. Елгезек пробуют свои силы в международном проекте фонда ArtsLink (США).

Литература «позднего времени» (О. Седакова) создает эффект перенасыщенности культурного пространства. Национальные литературы обогащаются новыми трендами, инновационными приемами раскрытия характеров персонажей, сложными пространственно-временными конструкциями. Литература народа Казахстана входит в мировой культурный контекст в качестве субъекта литературно-художественного процесса, определяются векторы ее дальнейшего развития и жанровая динамика, происходит моделирование классического, модернистского и постмодернистского дискурса. Поэтизация Родной земли, героизация истории и осмысление судьбы этносов выступают в национальных литературах доминирующими, консолидируя общество

и укрепляя идейно-политическое единство полиэтничного и поликонфессионального народа Казахстана.

#### Литература:

1. Симашко М. Прообраз Евразии и искушения Президента // Симашко М. Дорога на Святую Землю. – А.: ИД «Жибек жолы», 1996. – С.83-100.
2. Симашко М. Великий Шелковый путь или анабазис с иностранцами // Симашко М. Дорога на Святую Землю. – А.: ИД «Жибек жолы», 1996. – С.5-57.
3. Симашко М. Время собирать камни // Евразийский талисман / Под ред. Ш. Р. ЕлеуKENOVA. – А.: Білім, 1996. – С.3-7.
4. ЦГА РК. Опись №1. Дело №294.
5. Калижанов У. К. Культурный код народа Казахстана // Литература народа Казахстана. – А.: КАЗакпарат, 2014. – С.3-13.
6. Ровенский Н. Единое русско-казахское поле // Евразийство и диалог литератур. Т. 19. – А.: Әдебиет әлемі, 2013. – С.311-329.
7. Темиргалиев С. Диалог друзей // Казахстанская правда. 28.11.2014.
8. Независимый Казахстан: Антология современной литературы. Детская литература. Том I. – М.: Художественная литература, 2013. – 568 с.
9. Келимбетов К. Эта Антология – еще один духовный мост между нашими народами // Независимый Казахстан: Антология современной литературы. Детская литература. Том I. – М.: Художественная литература, 2013. – С.7-8.
10. The Stories of the Great Steppe. The Anthology of Modern Kazakh Literature (Edited by Dr. Rafis Abasov). – New-York Columbia University: Cognella Academic Publishing, 2013. – 147 p.
11. Литературно-художественный диалог / Отв. ред. С. В. Ананьева. – А.: Unique Service, 2008. – 214 с.
12. Зейферт Е. Культурные слои литературы // Ловец смыслов, или культурные слои. Книга критики. – М.: МСНК-пресс, 2010. – С.77-80.

13. Не ведая границ / Сост. А. Бадак. – Минск: Издательский дом «Звезда», 2013. – 256 с.
14. Султанов К. От Дома к Миру: этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог. – М.: Наука, 2007. – 302 с.
15. Топоров В. Н. Образ «соседа» в становлении этнического самосознания // Славяне и их соседи. Выпуск II. Этнопсихологический стереотип. – М., 1990. – С.4-14.
16. Хорев В. Имагологический аспект изучения культурных связей // Літературна компаративістика. Вип. IV. Актуальні проблеми структури й стратегії літературної імагології. Часть I. – Київ: Видавничий дім «Стилос», 2011. – С. 61-70.
17. Метлицкий Н. Полюбив поэта, полюбишь его народ // Со-звучие. Альманах / Сост. А. Бадак, А. Карлюкевич. – Минск: Звезда, 2014. – С.67-70.
18. Интеграционные процессы и казахская литература. – А.: Арда, 2011. – 256 с.
19. Абай. Стэпавы прастор. Выбраныя вершы. – Мінск: Літаратура і Мастацтва, 2011. – 158 с.
20. Ли Бен Хва. Мы духовно близки // Время Астаны. №4 (77). 2.07.2011.
21. Турысбекова А. Первая ласточка казахской литературы на берегах Темзы // Казахстанская правда. 18.04.2014.
22. Цит. по книге: Сорокин А. Тридцать три скандала Колчаку. – Омск: Типография «Золотой тираж», 2014. – 159 с.
23. Вайнерман В. Отстаивая интересы человечества // Сорокин А. Голос Степного края. – Омск: Типография «Золотой тираж», 2014. – С.7-11.
24. Сорокин А. Голос Степного края. – Омск: Типография «Золотой тираж», 2014. – 156 с.
25. Васильев П. Собрание сочинений в 2-х томах / Сост. Л. С. Кашина, З. С. Мерц. – А., 2009.
26. Кашина Л. «Протяни мне, Родина, ладони свои...» – Павлодар: ЭКО, 2014. – 625 с.
27. Мерц З. «В степном краю возвращенная душа...» // Казахстанская правда. 27.12.2014. С.8.

28. Титов Н. И. Строки, летящие сквозь время. – А., 2012. – 432 с.
29. Артемьева Р. Николай Раевский: портреты заговорили // Казахстанская правда. 20.12.2014. С.16.
30. Джолдасбекова Б., Сарсекеева Н. Авторский дискурс прозы Ю. Домбровского в контексте современной казахстанской прозы о художнике. – А.: Қазақ университеті, 2013. – 210 с.
31. Гей Н.К. Категория художественности и метахудожественности в литературе // Литературоведение как проблема. – М.: Наследие, 2001. – С.280-301.
32. Лихачев Д. С. Текстология. – Л., 1983.
33. Ровенский Н.С. Пересекая этнографическую границу... // Ровенский Н.С. Портреты. – А., 1983. – С.5-18.
34. Казахстанская правда. 19.04. 2011.
35. Литература народа Казахстана. Изд. второе, дополненное /Отв. редактор С.В. Ананьева. – А.: КАЗАКПАРАТ, 2014. – 380 с.
36. Многонациональная литература народа Казахстана в годы независимости / К.И. Мирзоев, Т.С. Тебегенов, А.Т. Тохметов. – А., 2012. – 311 с.
37. Ли С. «Над небесной рекой...» // Простор. – 2012. – №7. – С.121-124.
38. Мамсуров К. Поэзия души // Керуен. – 2013. – №5. – С.32-39.
39. Касимова З. Сохранение и функционирование музыкального искусства турок-ахыска в Казахстане // Музыкальное искусство народа Казахстана. – А.: Evo press, 2014. – С.381-443.
40. Цит. по: Тагарова Т.Г. Тема утраченной родины в поэзии турков Казахстана // Хабаршысы. Қ.А. Яссауи атындағы Халықаралық қазақ түрік университетінің. – 2008. – №3. – С.100-103.
41. Исаев Т. Переплетенные судьбы. – Шымкент, 2012. – 228 с.
42. Павленко Т. Формула жизни Дмитрия Клинчева // Простор. – 2012. – №5. – С.3-43.
43. Улдуз А. Гурьевские гиштории // [ajdarulduz.ru](http://ajdarulduz.ru)

## РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Русская литература Казахстана, являясь составной частью общелитературного процесса страны, представляет собой в то же время самостоятельный творческий феномен, оказывающий существенное воздействие на духовную атмосферу и единое культурное пространство эпохи рубежа веков. Современные исследователи в истории русской литературы выделяют два крупных проблемно-тематических блока: литература русского зарубежья и русская литература, создаваемая в России. Разрабатывая, в основном, проблематику русского литературного зарубежья, русской поэзии, говоря о логике развития русской литературы в XX веке – от «разделения, рассечения» до преодоления «насилованного раскола национальной культуры» и возвращения в «естественные берега», отмечает К. К. Султанов [1, с.68], А. И. Чагин с сожалением пишет о «резком сужении поля взаимодействия русской литературы с теми национальными литературами, культурами, которые на протяжении нескольких столетий были активнейшими участниками такого взаимодействия... литературы народов, живущих и в России, и на пространствах бывшего Советского Союза... Причины этому известны – они существуют и ввне литературы (прежде всего), они, вместе с тем, связаны и с особенностями того «промежутка», той кризисной полосы, через которую проходит русская литература сегодня» [2, с.571-572].

Литература Республики Казахстан «была и остается интернациональной» [3, с.191]. Нередко употребляется термин «казахстанская литература», которую В. Бадиков определял как «полинациональную литературу с казахской во главе». «Литература Казахстана (наши национальные литературы), – продолжал развивать свою мысль критик и литературовед в интервью журналу «АМАНАТ», – живет и развивается по тем же принципам (что и мировая. – С. А., В. С.) и, безусловно, вносит свой посильный вклад в копилку художественных ценностей всего человечества. Так, например, казахская литература обогащает общий творческий опыт литератур Востока, прежде всего

тюрко-арабо-персидского региона. Но за последние 20-30 лет все более пристально следит за опытом литератур Латинской Америки. Об этом очень глубоко и убедительно писал в своей книге «Иппокрена» Мурат Ауэзов... Если говорить о русской литературе, то она, учитывая опыт российской материковой литературы, отличается еще и маргинальным характером: русский писатель Казахстана работает на скрещении разных культур и потому, возможно, имеет некоторое преимущество перед своими зарубежными земляками» [3, с.192].

Из русской литературы Казахстана вышли неподражаемые классики И. Шухов, П. Васильев, Ю. Домбровский, Ю. Герт, Р. Тамарина, М. Симашко и др. На рубеже веков наблюдается оживление и активизация литературного процесса. Увидели свет «Избранное. Горькая линия. Пресновские страницы» И. Шухова, «Избранное в трех томах», «Дорога на Святую землю» и «Четвертый Рим» М. Симашко, «Хроника великого джута» В. Михайлова, книги прозы А. Арцишевского, двухтомник избранных произведений В. Семерьянова, книги очерков Ю. Поминова, А. Таракова, О. Григорьевой, поэтические сборники Л. Гирша, В. Михайлова, В. Гундарева, Н. Черновой, А. Матвеева, Р. Артемьевой, И. Синельникова, В. Савельевой, Н. Валуйской и др. За последние годы специальные выпуски журналов «Дружба народов», «Дом Ростовых», «Роман-газеты», «Литературной газеты», «Юности», страницы «Евразийской музыки» были посвящены прозе и поэзии Казахстана. В Москве в издательстве «Серебряные нити» продолжается издание антологии «Современное русское зарубежье» (руководители проекта – В. Сергеев и В. Иванов). Среди авторов: В. Михайлов, В. Гундарев, Л. Шашкова, Б. Кенжеев, Л. Степанова, Н. Чернова, Ст. Ли, Н. Веревошкин, Г. Доронин, О. Марк, О. Григорьева, П. Поминов, О. Шиленко, С. Комов и др. Стихотворения русских поэтов Казахстана включены в «Антологию русского лиризма. XX век» (Москва, 2000), «Независимый Казахстан: Антология современной литературы» (Москва, 2013) и др. Рубеж XX-XXI столетий в национальных литературах мира поражает мозаичными россыпями, разнообразными



вкраплениями в классическую тенденцию развития литературы, постмодерн, постконцептуализм и т.д.

Литература рубежа веков развивается «в уникальной социо-исторической, цивилизационной ситуации» [4, с.219], что обуславливает различные вариации прозаических форм и влечет за собой трансформированность литературной критики. Литературоведение пытается сформулировать определения новому состоянию российской словесности: ситуация литературного «промежутка» (А. Чагин), «калейдоскоп» (И. Дедков), «мозаика» (А. Марченко), «конец культуры» (М. Эпштейн), литературная «радуга» (Н. Иванова), «мультилитература», «конгломерат» (М. Черняк), «хаос» (М. Липовецкий), «рипарография» (Г. Гусейнов), «метафизический реализм» (Ю. Мамлеев) и др. «Начало литературы XXI века прошло под знаком «кризиса постмодернизма» (М. Берг), его «конца» (В. Курицын) и «исчерпанности» (М. Липовецкий), духовной и интеллектуальной энтропии, «нового реализма» и т.д.

Русскую литературу, развивающуюся вне территории России, называют «русской нероссийской», «зарубежной русской», «международной». Словарь-справочник «Зарубежье. Русская литература сегодня» известного критика, лауреата премий Союза писателей СССР, «Литературной газеты», журналов «Литературное обозрение», «Октябрь» С. Чуприна содержит сведения о наиболее заметных авторах, писательских ассоциациях, периодике, Интернет-ресурсах и литературных премиях русского зарубежья. Словарь – одна из 3-х составных частей авторского проекта «Русская литература сегодня». Нет еще сколько-нибудь систематизированного свода сведений о русской литературе зарубежья ни в Сети, ни на бумаге. Этот пробел и пытается восполнить С. Чупринин, прекрасно понимая, что охватить весь материал не под силу ему одному, но словарь «дает совершенно ошеломляющую, многослойную и многоцветную картину русской литературной жизни в современном мире», дает сведения «пусть не исчерпывающие, пусть не всегда безукоризненно точные» о том, «кто, для чего и о чем пишет на русском языке» [5, с.7].

На сегодня это самое полное представление русской литературы Казахстана за территориальными границами ее существования. В разделе «Союзы» названы Союз писателей Казахстана, «Мусагет», Пен-клуб Казахстана, Среднеазиатский литературный фронт, объединяющий 16 молодых писателей под руководством М. Земскова. Среди периодических изданий обозначены журналы «Абай», «Ай», «Алем», «Аполлинарий», «Берега», «Дар слова», «Евразия», «Книголюб», «Литературная Алма-Ата», «Нива», «Простор», «Семипалатинская лира» и «Литературная газета Казахстана». Указаны литературные премии: Алаш, Казакова Юрия, Тарлан, Шабыт. Среди Интернет-ресурсов находим Арба.ru, Литературный Казахстан, Русскоязычная Азия. Как видим, не представлен ежеквартальный литературно-художественный и общественно-публицистический журнал «AMANAT» (главный редактор – Р. Сейсенбаев), издающийся с 2000 года. Журнал учрежден Международным клубом Абая и продолжает традиции литературно-художественных изданий «Дружба народов» и «Иностранная литература». По инициативе Президента Международного клуба Абая, академика Всемирной академии культуры и искусства (Сан-Франциско) Р. Сейсенбаева в Лондоне открыт Дом Абая и продолжается издание 200-томной «Библиотеки народов мира». Пьесы, повести, романы и рассказы Р. Сейсенбаева известны и читаемы далеко за пределами республики. Роман «Трон сатаны» назван лучшим зарубежным произведением в Великобритании (1994).

Книжное обозрение «Книголюб» (главный редактор – Л. Калаус) выходит с мая 2001 года и отслеживает процесс книгоиздания в Казахстане, его авторы рецензируют книги, воспитывают культуру чтения. Это мудрый и преданный друг читателя в современном книжном мире.

Самый объемный раздел в Словаре-справочнике С. Чупринина «Писатели»: А. Арцишевский, Е. Аскарбеков, Е. Барабанщиков, Г. Бельгер, Вл. Берденников, М. Бердыев, М. Величко, Н. Веревочкин, Вл. Владимиров, В. Гордеев, О. Григорьева, В. Гундарев, Г. Доронин, А. Жаксылыков, О. Жанайдаров, Е. Зейферт, М. Земсков, М. Исенов, Д. Кадыржанов, Б. Каирбеков, Л. Калаус,

Б. Канапьянов, Л. Костевич, С. Лешаков, Л. Мананникова, О. Марк, В. Михайлов, Д. Накипов, И. Одегов, К. Омар, Ю. Поминов, В. Растегин, К. Рогожникова, В. Савельева, Р. Сейсенбаев, В. Семерьянов, О. Сулейменов, Ж. Султанов, Тажи Айгерим, Тути (Туниянц Тигран), Л. Усова, А. Утегенов, Н. Чернова, Дм. Чиров, З. Чумакова, Л. Шашкова, О. Шиленко.

Состояние современного литературного процесса Казахстана отражено в книге критики Е. Зейферт «Ловец смыслов, или Культурные слои». Профессионально, со знанием дела московский критик беседует с известным прозаиком, переводчиком, эссеистом, признанным и авторитетным специалистом в области литературы российских немцев Г. Бельгером, академиком НАН РК С. Каскабасовым, главным редактором журнала «Тамыр», известным поэтом и переводчиком А. Кодаром и т.д. В монографическом плане проза и поэзия русских мастеров художественного слова Казахстана исследованы С. Шаймерденовой «Язык и стиль Павла Васильева» (Павлодар, 2000), Б. Джолдасбековой «Эпическая проза И.П. Шухова» (Алматы, 2003), С. Царегородцевой «Грани судьбы и творчества Г.Д. Гребенщикова» (Усть-Каменогорск, 2004), Р. Мусабековой «Отражение кризиса гуманизма в произведениях Юрия Домбровского» (Астана, 2005), Л. Демченко «Литература народов Казахстана и стран ближнего зарубежья» (Усть-Каменогорск, 2010) и др. Современная литература Казахстана является объектом исследования в монографиях В. Савельевой «Художественный текст и художественный мир» (Алматы, 1996), «Художественная антропология» (Алматы, 1999), в учебном пособии «От художественного текста к художественному миру. Теория. Методика. Практика» (Алматы, 2000). «Неповторимая атмосфера литературной жизни Казахстана на рубеже тысячелетий» (Адольф Арцишевский) запечатлена в книгах критика и литературоведа В. Бадикова, автора многочисленных литературно-критических статей, эссе и рецензий по актуальным проблемам современного литературного процесса, опубликованных в республиканской и зарубежной периодике. Книги В. Бадикова «Поэтика прозы Юрия Олеси» (Олыштын, Польша, 1983), «Мастерство и правда. Литературно-критические

статьи» (Алматы, 1989), «На изломе времен. Судьба и голос художника» (Шымкент, 1996), «Авторское сознание и социальный заказ. Запрещенная советская литература 20-х годов» (Алматы, 1997), «Линия судьбы. Творчество Бахытжана Канапьянова в историко-литературном контексте эпохи» (Алматы, 2002), литературно-критическое эссе «В потоке времени не потерять себя» (Алматы, 2004), сборник статей «Новые ветры. Очерки современного литературного процесса Казахстана» (Алматы, 2005) посвящены поэтике русской литературы 20-х годов прошлого века и современной литературы.

На примере творчества А. Нурпеисова, М. Симашко, А. Жовтиса, А. Тарази, О. Сулейменова, М. Абдрахманова, Г. Бельгера, М. М. Ауэзова, Б. Канапьянова, Д. Накипова и других в сборнике «Новые ветры. Очерки современного литературного процесса Казахстана» рассматриваются проблемы смены и взаимодействия писательских поколений и традиций классиков – Пушкина, Пастернака, Булгакова, Ауэзова, Мусрепова, Нурпеисова. В «Предупреждении для читателя», открывающем книгу, автор напоминает о том, без чего критика просто немыслима: «Писатель и читатель должны помнить друг о друге, им порознь нельзя. А критик – их посредник, может быть некий лоцман для проводки новых произведений к читателю или читателя к ним. На критике лежит нелегкая ответственность – указать на «литературный факт» нашего времени, на литературные явления, заслуживающие серьезного внимания. Вторая сторона ответственности – разоблачать псевдолитературу» [6, с.6]. В. Бадиков пишет о казахских и русских писателях нашей республики, причем его литературоведческая оценка дополняется острым критическим взглядом на то или иное произведение или творческий путь писателя в целом, ибо твердо уверен, что «профессиональная критика не существует без опоры на серьезное академическое литературоведение. Надо основательно понимать художественную природу словесного искусства, чтобы судить о качестве и актуальности новой литературы... Литературная современность – это уходящее сегодня. У нас на глазах оно становится следствием завтрашнего дня. Не будем останавливать литературные мгновения, чтобы

не отстать от истории, но сохраним их в нашей культурной памяти как предзнаменования будущего – ветры перемен» [6, с.8].

По программе «Издание социально-важных видов литературы» Министерства культуры Республики Казахстан в 2014 году издан сборник литературоведческих статей и очерков В. Бадикова «С вечностью – начистоту» (составитель – А. Арцишевский), включающий разделы «Лики слова», «Литературный факт», «Metoria», «Уроки классики», «Реальная критика». «Рассказы о писателях» – фрагмент неоконченной книги мемуарно-дневникового плана В. Бадикова «Необщая тетрадь».

Очерки и статьи о писателях (от В. Даля до И. Есенберлина), повесть «Из мглы забвения. Звали его Петр Симон Паллас» о тюрко-славянских связях трех веков, германо-российских контактах и взаимовлияниях и другие исследования включены в изданные четыре тома запланированного пятитомника известного писателя, историка, политолога, литературоведа Вл. Владимирова. Накануне 100-летия со дня рождения И. Есенберлина особо тепло и проникновенно написанные размышления о его творчестве и судьбе приближают к нам писателя масштабного дарования с поразительно гигантской творческой отдачей: «Сам Есенберлин, конечно же, понимал недюжинный масштаб своего таланта. И знал ему настоящую цену. ... Есенберлин всегда чувствовал бешеный темп Времени и актуальные вопросы своей (нашей) бурной эпохи... Каждый земной час свой он, внешне всегда невозмутимый, даже чуть-чуть меланхоличный, жил в гигантском, адски нечеловеческом напряжении» и шагнул в бессмертие в благодарной памяти родного народа [7, с.1].

Рубеж тысячелетий, соединяющий «начала и концы», «итogi» и «кануны», всегда – «период философской рефлексии, стремления осмыслить достижения современной науки и определить ее перспективы» [8, с.1]. Книга Б. Джолдасбековой «Русская литература Казахстана» [9] – монографическое исследование проблем поэтики и изображения положительного героя, средств создания инационального характера, своеобразия художественной структуры и принципов организации сюжета, проблем традиций и новаторства русской литературы Казахстана

20-х – 70-х годов XX столетия. Четвертая глава книги посвящена русской прозе Казахстана конца XX – начала XXI веков. В ней анализируются автобиографический роман И. Щеголихина «Не жалею, не зову, не плачу...», «Сказать себя, или Пелым и его обитатели» Дм. Снегина и «исповедальная» проза. Творчество Ю. Домбровского исследуется в ракурсе отражения темы Казахстана.

Художественные миры казахстанских писателей второй половины XX – начала XXI века изучаются в компендиуме «Художественный мир литературы Казахстана» под редакцией С. Абишевой [10]. Русская проза и поэзия Казахстана освещены в разделах В. Савельевой «Архетип «душа» в поэтической антропологии казахстанских поэтов», Л. Сафроновой «Казахстанская постмодернистская проза», Т. Чаплышкиной «Многих голосов переключки: мотивы и образы казахстанской поэзии», Л. Рыгаловой «Художественный мир прозы М. Симашко» и З. Поляк «Типология цитат в автобиографическом романе И. Щеголихина «Не жалею, не зову, не плачу...» Национальная картина мира в современной литературе Казахстана как особый феномен, отражающий духовность народа, его менталитет и культурные традиции, получила теоретическое осмысление в коллективной монографии «Национальный космос в контексте современной литературы Казахстана» под редакцией У. Абишевой. А. Абдулина, К. Ахмедьяров, Н. Могилевская, Х. Мухамадиев исследуют «социальные, нравственно-философские, метафизические аспекты национальной жизни, они стремятся понять и объяснить национальный космос и образы мира в Слове художника, – пишет в Предисловии У. Абишева. – Стержневыми здесь выступают проблемы миропонимания, диалектики духовности / бездуховности в современной жизни. Пристальный жанрово-тематический и стилистический анализ позволяет воссоздать художественный мир малой прозы Казахстана в ее развитии и становлении с середины XX века до настоящего времени» [11, с.7]. Один из разделов У. Абишевой «Интертекстуальность в поэзии В. Муратовского» посвящен русскому поэту Казахстана.

К ведущим тенденциям критики и литературоведения Казахстана, безусловно, относятся ориентация на традицию,

отражение национальной картины мира, сохранение этнического архетипа, автобиографичность дискурса, новая перспектива видения панорамы развития национальных литератур. Проза и поэзия Казахстана 1970-2000-х годов в региональных контекстных связях с национальными литературами Центральной Азии исследуется авторским коллективом – У. Абишевой, Л. Абдуллиной, Г. Мучник, Э. Когай, Х. Мухамадиевым, Г. Шаиновой в коллективной монографии «Проза и поэзия Казахстана 1970-2000-х годов в контексте литературы Центральной Азии» (Алматы, 2014). Русская литература республики исследуется в монографиях А. Темирболат «Категории хронотопа и темпорального ритма в литературе» (Алматы, 2009), С. Ананьевой «Русская проза Казахстана» (Алматы, 2010) и в учебно-методическом пособии Н. Исиной «Русская литература Казахстана» (Астана, 2012). Изучению концептуального фонда и отдельных элементов постмодернистской поэтики литературного процесса Казахстана на примере прозы Б. Джилкибаева, Т. Абдикова, А. Кима, Н. Веревошкина, А. Жаксылыкова, И. Одегова, Г. Королевой, Ю. Серебрянского, А. Баянова, С. Алексеенок, А. Швабауэра и других авторов посвящена книга литературоведов КазНПУ им.Абая «Постмодернистская литература Казахстана» (Алматы, 2014). Руководитель проекта – Л. Сафронова, авторы разделов Ш. Адibaева, А. Джундубаева, А. Харламова.

Этапным событием в изучении русской литературы в Казахстане считает издание коллективной монографии «Литература народов Казахстана» (2004) В. Савельева, в которой раздел «Русская литература» представляет собой «историко-литературный очерк идейно-тематического и жанрово-стилевого многообразия литературного творчества писателей за весь прошедший век» [12, с.44]. В 2014 году по программе «Издание социально-важных видов литературы» Министерства культуры Республики Казахстан увидело свет второе, дополненное издание «Литература народа Казахстана».

В книгу У. Калижанова «В потоке времени» (2014) включены статьи о Дм. Снегине, о новом исследовании жизни и творчества

М. Ю. Лермонтова «Один меж небом и землей» В. Михайлова, об А. Сорокине «Сибирский певец ковыльной степи» и др.

Переосмыслению творчества замечательного русского поэта М. Ю. Лермонтова, уяснению его судьбы и раскрытию многогранной личности посвящена книга В. Михайлова «Один меж небом и землей. Лермонтов», своеобразный взгляд из XXI века на поэтическое наследие и переводческую деятельность классика русской литературы. Главный редактор журнала «Простор», лауреат международной премии «Алаш» Союза писателей Казахстана, член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Казахстана В. Михайлов – автор стихотворных сборников «Прямая речь» (1983), «Весть» (1994), «Немерцающий свет» (1996), «Ограда» (1999), «Молитвенный дым» (2003), «Колыбельная из-под небес» (2005), «Золотая дремота» (2005), «Молчун-трава» (2005), «Пыльца» (2006), «Годовая свеча» (2006), «Паслен» (2008) и др. Его стихотворения печатались в журналах «Простор», «Москва», «Наш современник», «Юность», «Сибирские огни», «Сибирские Афины», «Всерусский Соборъ», «Нива», в «Литературной газете», в газетах «День литературы», «Литературная Россия» и т.д. Включены в «Антологию русского лиризма. XX век» (Москва, 2000), «Современное русское зарубежье» (Москва, 2007) и в антологию «Независимый Казахстан: Антология современной литературы» (Москва, 2013). В. Михайлов – автор серьезных и глубоких исследований о крестном пути большого русского поэта Ю. Кузнецова и поэта первой четверти XX века П. Васильева, исследования по творчеству М. Булгакова. Завершена новая книга о Е. Боратынском.

В. Михайлов прослеживает историю создания поэм М. Ю. Лермонтова, вступает в полемику с исследователями его творчества, порой соглашается с ними, цитирует их труды, вводит в научный оборот новые, неизвестные ранее факты. Привлекает точность формулировок В. Михайлова, образный стиль. Он внимательно слушает, вслушивается в лермонтовское слово, и происходит это еще и потому, что главной темой творчества русского поэта XIX века и русского поэта века XXI является Душа, Небесный Дом, жизнь за гранью земной жизни, Божественное сияние



вокруг нас (Н. Чернова). По мнению Н. Черновой, В. Михайлову удалось достичь музыкальной передачи мыслей и чувств – через слово, но как бы и без слов, и в этом его родство с Лермонтовым, поэтом, не похожим ни на кого, бесконечно одиноким. «В нем нет искромётного жизнелюбия Пушкина, нет его легкости и души нараспашку, но он притягивает, завораживает, как звездное небо, с которым у нас запредельная связь».

Участники круглого стола, проведенного в Институте литературы и искусства им. М. О. Ауэзова МОН РК – сотрудники Института, преподаватели КазНУ им. аль-Фараби, КазНПУ им. Абая, Академии искусств им. Т. Жургенова, Академии спорта и туризма, представители культурной общественности города высказали свое мнение о новой книге В. Михайлова. Роман-биография, роман-исследование, книга-молитва вызвала неподдельный интерес присутствующих. Поэт пишет о поэте, углубляясь в его творческое, душевное состояние и тонко чувствуя его. Великий Абай больше переводил Лермонтова, чем Пушкина. По-прежнему актуально и научно значимо исследование академика НАН РК З. Ахметова «Абай и Лермонтов». Академик НАН РК С. Каскабасов подчеркнул восточную направленность творчества Лермонтова и особо тот факт, что в Казахстане продолжают изучать русскую литературу, творчество русских писателей и поэтов.

У Лермонтова всегда виден Восток. Он творит на стыке восточной и западной цивилизаций. Многие стихотворения и поэмы Лермонтова прочитаны Михайловым свежо, ново и неожиданно. Есть и подлинные научные открытия, уточнения, восстановление забытого. Так, поэма «Мцыри» первоначально называлась «Бэри», в переводе с грузинского языка – монах. По признанию автора книги, он стремился уяснить личность и судьбу Лермонтова через поэзию. Поэт мысли и музыки, Лермонтов сегодня более современен. Академик Академии российской словесности Г. Пряхин постоянно обращает внимание на годы жизни русского поэта: 1814-1841. Через сто лет начнутся самые кровопролитные войны XX столетия.

Книга В. Михайлова выдержала несколько изданий и вышла в серии «ЖЗЛ» в Москве. Получила премию «Лучшие книги 2013

года» Российской государственной библиотеки, «Литературной газеты» и Российского биографического института и премию им. М. Ю. Лермонтова (2014). Новое исследование о Лермонтове раскрывает литературоведческий дар В. Михайлова, поэта, публициста, полемиста. Он убедительно отстаивает свою точку зрения на уникальность поэтического дарования русского поэта. Лирический герой и герой-автор свободно перемещаются в пространстве. Звездный мотив и Млечный Путь являются сквозными в творчестве В. Михайлова: «Сиверком сизым повеяло, / Звездчатым да рассыпчатым»; «...проступают, как соль, неподкупные звезды, / И ветром ночным потянуло, и Млечным Путем»; «Из глубины земной в окно летит криница, / Колодезной водой летит звезда упиться»; «Тихо звезды цветут на Руси / И срываются вниз головою»; «В тусклом небе предутреннем тает звезда...»; «Там звезды живые, как ягоды спелые, тише»; «Ушло на дно земли мерцанье звезд...»; «Небо мутное впотьмах / светилося млечным светом»; «пылающие звезды»; «поезд мчался прямо в звезды»; «лететь безоглядной звездой»; звонкая звезда; «звезды осколками жгли»; «чаша звездного мига»; роса живая «спелых звезд падучих» и т.д. Звезды моргают в недоумении. Земля ладью летит в космосе. Звездочки и небо слушают песни цикад: «Вон звездочкам звонким цикады, как в праздник, запели / И темная синь чуть надвинулась, словно вникает...». Ночные бездны «звезды на такыр роняли жесткие».

В. Михайлов – неповторимый мастер пейзажных зарисовок. В его поэзии «в ночь летят, полыню вея, степи», плывет по небу солнышко, «две бабочки сиреневых, две стрекозы малиновых» встречаются и разлетаются «в объятьях крепдешиновых». Поэт слышит «их крылышек касание, шуршанье, трепетание» и тополиных листьев шум, замечает белым-белую черешню у речки городской, которую хранят «лишь милость Божия / да звезд покой» и березовый лист – золотое сердечко», скользящий по реке. Степь постоянно присутствует в его поэзии, она такая же родная, как леса России. Но степь может быть теплой, золотистой, как ее пыль, и строгой. «Соль земли», серая трава клочками, верблюжья тусклая колючка, «бледный вусмерть солончак» – это тоже

степь, высохшая, иссушенная солнцем. Легкие летние зори и неподкупные звезды, теплые ветры и зыбкий нежный плен нелепой мечты, заката лучи золотые и сизая в дым стрекоза.

Музыкальность ритма, фраз, образов – отличительная черта поэзии В. Михайлова. «Песни в звезды ушли». При звуке девичьей песни «как из белого сна, из тумана / Выплывает навстречу душа...» («Голос»). Лирический герой стихотворения «Полет» «в тихом позолоченном паденье» касается Душой «последней музыки». В поэтическом сборнике «Паслен» (2008), в стихотворении «Земля» поэт находит особые слова, обращаясь к Родине:

Ненагляднолюбая,  
Родная земля!  
.....  
Чую, дышишь словом ты –  
Вглубь, и вширь, и ввысь –  
Сине-злато-кованным.  
Им ли не спастись!  
Сенокосно-сладистым,  
Млечно-земляным,  
Цветяным и таистым,  
Как зеленый дым.

Но помнит он и трагические страницы нашей общей истории. Однажды, в Майкудуке, видел он цветную радугу над мертвеющей степью, «где голод когда-то так сосланных мучил... почище, чем ад, / Где, кажется, стонет земля до сих пор отрешенно и глухо / И черные руки погибших, взывая к пощаде, из снега торчат». Никто в ледяной степи не заметил радугу, может, «ее с облаком снега метель унесла?..»

Так происходит осмысление темы Родины – России в творчестве ведущего казахстанского поэта В. Михайлова, в сердце которого навьлет «родина сквозит / Потусторонним или свежим дымом». Безусловно, серьезное и глубокое исследование В. Михайлова о крестном пути большого русского поэта Ю. Кузнецова, как и блистательное стихотворение «Хлебников» – это тоже грани

осмысления темы России, русской культуры и ее места в мировой. Поэт остается верен себе. Пересечение пространства и кочевья, птичья клинопись веков летучих, бешеные погони, змеящиеся токи подземного огня, говор родного племени – и расцвет поэтического таланта В. Хлебникова.

Цветы ему степные песни пели,  
Лягушки, словно Будды, бронзовели,  
Он аист был задумчивый в траве.  
Зрачок его пил дальнее пространство,  
И ветра кочевое постоянство,  
Свободное, струилось в синеве.

В далеко не простое время выпало жить русскому поэту: «Летели цифры журавлиной стаей, / И смысл времен, как зыбкий клин, растаял». Земля дышала глиной сотворенья. А вот и более реальные черты юга России: «Кузнечиков рассыпчатое пенье / Звенело словно золотистый зной». Диссонансом звучит язык камней, «будто гул глубокий». Ворчат и ворочаются хребты Урала, сонного и пылкого Кавказа. Черных солнц цветут протуберанцы. «Глубинно отзывались недра слова / В обветренных от времени словах».

От малой Родины поэт переходит к многострадальной Руси, где «вздмалось до небес людское море, / Голодное как зверь шаталось горе / И Русь в шальной купалась крови...» Но Хлебникову казалось, что это «муки возрожденья», поэтому он продолжал сеять «очи чистые любви».

Космические мотивы раздвигают границы произведения:

Земля ладьёю в космосе летела.  
Весь мир был слово. Это слово пело.  
И волны бились чередой в эфир.

Лейтмотив, думается, не только конкретного стихотворения, но и всего поэтического творчества В. Михайлова в следующем: «Лишь песня неподвластна злу и тленью...» В поэме «Русский хаос» у В. Михайлова встречался «странник по судьбинушке

земной». В. Хлебников же «земного Шара нищий Председатель, / И волн хвалыньских трепетный вниматель, / Священник пылкий полевых цветов, / Птиц собеседник, облаков избранник, / Небесной воли бескорыстный странник, / Земных не знавший никаких оков».

Диапазон творческих интересов В. Михайлова необычаен. Ю. Кузнецов, продолжатель поэтических традиций своих предшественников, по мнению В. Михайлова, «был необходим России в ее нынешние страшные времена, а значит, он необходим будущему. Он был наделен редким по пронцаемости даром слышать голос крови, и он воплощал в слове этот прикровенный голос родовой памяти с потрясающей выразительностью. Все это – корневые свойства национального поэта. В поэзии Кузнецова, как облака в небе, клубятся русские, славянские мифы, в ней живут обновленной жизнью предания, былины, песни, поговорки – все наше кровное, изустное, народное, что исподволь и составляет сказку русского лица, отличную от всех других на Земле. И все это не нарочито (как, видимо, полагают некоторые толкователи), а естественно, умно, живо и свободно. Это же тот самый русский дух в ярком и вольном словесном воплощении...» [13, с.91]. В. Михайлов убедительно отстаивает свою точку зрения на уникальность поэтического дарования Ю. Кузнецова, предлагая читателям самим взять в руки томики его стихов и убедиться в этом.

В последние десятилетия XX века и в наступившем XXI столетии продолжается процесс воссоединения оборванных струн в литературах и культурах многих стран мира. Возвращенная литература, литература эмиграции вливаются в единый поток национальных литератур. Элегантно, со вкусом издана на родине поэта книга стихотворений Ю. Софиева «Парус» [14]. Открывается она вступительной статьей И. Софиева «О моем отце». Тепло, задушевно и в то же время лаконично рассказывает сын о судьбе своего отца, о годах учебы в Хабаровском и Нижегородском кадетском корпусе, Константиновском артиллерийском училище. Ю. Софиев участвовал в «ледовом походе», в чине поручика воевал в кавказской конно-горной артиллерийской батарее. Затем эвакуация в Галлиполи. Белград, учеба

на историко-филологическом факультете... Париж, завершение учебы во Франко-Русском институте.

Людские судьбы оказывались втянутыми в водоворот исторических событий. Позже поэт напишет в одном из стихотворений: «О, времени внезапный лёт...». Эпохи грозный бег коснется и его судьбы: «Умиralи за белое знамя. / Умиralи за молот и серп». В стихотворении «Вот нищий ждет с протянутой рукою...» он находит удачный поэтический образ нависшего грозовой тучей беспощадного века: «И век наш виснет тучей грозовой, / Борясь, страдая, гневаясь, грозя...». Ветер будущего, «ветер свежий летит в лицо, и прошлого не жаль».

В Париже молодой поэт становится членом Республиканского Демократического общества и председателем «Союза молодых поэтов и писателей во Франции», встречается с М. Цветаевой, С. Эфроном, А. Куприным, И. Буниным, В. Ходасевичем, Ант. Ладинским и многими другими. Его поэтический дебют состоялся в 1926 году на страницах журнала «Звено», выходившего под редакцией Г. Адамовича. Но в 1923 году увидел свет поэтический сборник «Гамаюн», в который вошли поэтические произведения молодых авторов, лидерами среди них были И. Голенищев-Кутузов, А. Дураков и Ю. Софиев. На одном из литературных вечеров произошло знакомство с будущей супругой, двадцатилетней поэтессой И. Кнорринг, чье творчество высоко ценила А. Ахматова. Во время войны Ю. Софиев был связан с французским сопротивлением. В 1943 году его насильно угоняют в Германию на работы:

Почти ничего не осталось  
От прошлого. Даже сны  
Концом своим и началом  
Уходят в годы войны.

Поэт всегда тосковал по родине, отсюда – пронзительные строки о любви к Отчому краю в стихотворении «В больнице»:

И теперь страна иная снится,  
Только к ней заказаны пути.  
Если б через горы и границы  
По снегу, пешком, босым дойти!

Тоска по родине обострилась после смерти супруги в 1943 году: «Эта рана – ее никогда не залечишь – беззащитная голая совесть моя».

В 1946 году семья получает советские паспорта. Посол СССР во Франции А. Е. Богомолов посоветовал вернуться в Алма-Ату: «Там Академия наук, много научных учреждений, там вы сразу устроитесь». С 1955 года Ю. Софиев стал работать художником-анималистом в Институте зоологии АН КазССР, участвуя в научных экспедициях по Центральной Азии и печатаясь на страницах литературно-художественного журнала «Простор». Жизнь поэта, ученого, художника-графика оборвалась в 1976 году. Но остались стихотворения о времени, родителях, родине, земном счастье, о судьбе «обманчивой и зыбкой», о жизни мужественной, настоящей, в которой очень важно сохранить верность человеческому слову.

Книга стихотворений «Парус» состоит из двух сборников «Годы и камни» (Париж, 1936 год) и «Парус». Сын выполнил завещание отца, издав его «скромный труд – два томика стихов», среди которых есть найденные в архиве и нигде еще не публиковавшиеся. И. Софиев в стихотворении «Памяти отца» сожалеет о том, что на его долю выпало «горе изгнания» и гордится «подвигом высоким солдата». Память – вечная спутница поэта: «Горят огни сторожевые / Несытой памяти моей» («О времени внезапный лет...»), «Я каждый миг сносил, как пчелы в соты, / Чтоб мед воспоминаний загустел...» («За расточительность в какой-то час...»), «И я коплю, как алчный рыцарь, / Богатство этих страшных лет» («О, романтические дали...»).

«Помню все – бережно складывал...» – стихотворение камерное, очень личное.

Помню все – бережно складывал  
На самое дно души –

Запах крови, полей и ладана,  
Все, что думал, видел, вершил.

Первая четверть XX века насыщена этапными, поворотными событиями. Поэт под грузом пережитого ощущает себя двадцативосьмилетним стариком, бледным, худым, сутулым, потерянным в блеске парижских улиц: «Ничего не забыл, не растратил – / Дотащил к чужим берегам. / Столько было рукопожатий, / Поклонялся стольким богам». Сквозь годы видит автор своего деда, уланского майора, разговаривающего со Скобелевым. И верит в то, что все эти годы «горького и тревожного пути», через ежедневные потери вел его по жизни суровый ангел. И ни за какое небо не отдаст поэт «корку простого хлеба» жизни земной.

«Я с детства странствиями окрылен», – провозглашает Ю. Софиев. И как итог – стихотворения «Альпы», «Замок Ричарда Львиное Сердце», «Hotel de Sens», «Версаль», «Ла Рошель», «Сен-Мало», «Дубровник», «Остров Рэ», «Албания», «Черногория» и др. Книга вторая «Парус» имеет подразделы: «Парус», «Синий дым», «Черный свет», «Парижская нота», в которых мотив пути ведущий:

Всегда мне снились далекие страны,  
Морская синь, дорожная пыль,  
В горячей пустыне – путь каравана,  
В пустынной степи – белый ковыль  
«Острым пером на листе бумаги...»

Читатель запоминает словно акварельный набросок белокурого мальчика с черным псом, сидящих на морском берегу («Детство»); юношу, влекомого простором и далью: «Я шел на дальний мыс, открытый волнам» («Остров Рэ»); лирического героя, грустящего о том, «что не хватает в жизни этой высокой нежности и теплоты» («Сегодня месяц тонок и двурог...»).

Книга «Парус» иллюстрирована редчайшими фотографиями деда, отца, самого поэта в разные годы жизни, супруги, рисунками Ю. Софиева и фотографиями рукописей поэта. В конце книги помещена статья-отклик Ю. Иваска на известие о кончине Юрия



Бека Софиева, к сожалению, с некоторыми неточностями, на которые указал Игорь Софиев. «Жизнь выпита почти до дна, так неожиданно и скоро», хотя сердце бьется так «молодо, так сильно», и кажется – «еще совсем не жил». Ю. Иваск подчеркивает принадлежность поэта к так называемой «гумилевской школе» в эмиграции: «Его привлекала леность и конкретность акмеизма, четкость образов, продуманное отношение к эпитетам и отсутствие «потусторонних туманностей» и разговоров о «несказанном», которым грешили символисты и нарождавшееся в то время в Париже «неоклассическое» направление». Но И. Софиев продолжает традиции Лермонтова, Тютчева, Фета:

В случайной встрече перешли на «ты».  
В случайном разговоре вдруг узнали.  
Вернее, догадались... (я и ты),  
Но продолжать случайное не стали.  
«В случайной встрече перешли на “ты”...»

Поэтические образы Ю. Софиева ярки и незабываемы, полны очарования и только им присущего своеобразия и колорита. Они обладают особой аурой поэтического воздействия на читателей через года и века. В его поэзии большая летучая мышь не просто летит во тьме ночной, а «режет желтое поле луны». Дорога не только вьется и скрывается вдали, она кажется поэту длинным свитком, выбежавшим из-под колеса. Сквозь лаконичные поэтические строки Ю. Софиева «летит обыкновенная, дневная, земная жизнь – навстречу и в ответ». Она вбирает в себя все краски жизни, ее многоцветье и красоту: «Волшебство этой яви иль сна я с собой навсегда увезу...». Поэт внимателен к эпитетам и метафорам. Они точны и образны, поэтичны, строгие и воздушны. Земная жизнь, так быстро завершившая свой бег от Парижа от Алматы, вмещает в себя все боли, радости и тревоги, парижский, рождественский вечер, осеннюю синеву, ветер весенний с полей, подснежник сквозь слой прошлогодней листвы, пронзительной грусти строку, звездного неба восторг и бережно пронесенные через века «верность, дружбу, любовь, доброту, чистоту».

Вот так и жизнь,  
Суровая,  
Простая,  
Лишь озаренная сияньем слов,  
Как синий дым  
Восходит в высь и тает  
В безмолвии осенних вечеров.

Вынужденные покинуть родину, эмигранты надеялись, что «кошмар большевизма скоро закончится и воспитывали в детях чувство принадлежности к Родине, утрата русской национальной идентичности рассматривалась как духовная катастрофа» [15, с.18]. К читателям возвращаются неопубликованные произведения, одно из последних – «Возвращение» Н. Раевского и др. Роман, повесть, эссе, воспоминания, дневниковые заметки и другие жанры представлены в современной казахстанской прозе. Роман исторический («Лобное место» Н. Корсунова, «Орлы приятицкие» А. Ялфимова), роман-эссе («Эффект неприсутствия» К. Гайворонского), эссе («Не надо грустить, господа офицеры...» Вл. Владимирова), дневник («Дневник» Г. Доронина), фантастическая повесть («Свет земной» Г. Доронина), повесть в рассказах («Великие скитания» Н. Черновой), роман странствий и приключений («Остров» Г. Доронина), филологическая проза («Пролетная птица» В. Савельевой), документально-историческая повесть («В земле их корни» Г. Бодаева), горно-таежная повесть («На таежных профилях» Г. Бодаева), произведения Н. Веревочкина, В. Мосолова, рассказы С. Комова, книга очерков («Я люблю этот город» В. Шупейкина), современный роман («Нефтянка» А. Загрибельного) и т.д. Поминов Ю. – автор книг «Крупяной клин», «Помню и люблю», «Характеры», «Живу», «Мои современники», «Между прошлым и будущим», «Хроника смутного времени» (в 3-х книгах)» и др. В его книгу «Свет отчего дома» включены очерки, новеллы, лирические миниатюры.

Участник Великой Отечественной войны, видный общественный деятель, член Ассамблеи народа Казахстана Л.Ю. Гирш неустанно пропагандирует идеи согласия, толерантности,

межкультурного взаимодействия и диалога, казахстанского патриотизма. По его личной инициативе изданы уникальные книги «Сквозь пламя войны» (Авт.-сост.: Л. Гирш, Л. Мананникова), «Жди меня и вернись» и др. За последние годы увидели свет сборники поэзии и статей Л. Гирша «Прохладные травы», «Близко к сердцу», «Наедине с памятью», «Во имя жизни» и др.

Символично назван юбилейный вечер в Павлодаре, посвященный 75-летию поистине народного поэта В. Семерьянова – «Казахстан – моя жизнь». Известный литературовед Н. Шафер уверен: «В стихах поэта – любовь к родине, к природе и людям павлодарского Прииртышья. Прозрачная радость языка, открытость, почти исповедальность мысли вводят творчество Виктора Семерьянова в русло пушкинской поэтической традиции. Снимаемая покровы с явлений и лиц, поэт сердцем видит их драгоценную сущность, которая и питает образное богатство его стихов» (Казахстанская правда. 14.12.2012).

Роман-эссе В. Мосолова «Зов степи» предваряет эпитафия А. Майкова «Степной травы пучок сухой...». Интересна и необычна композиция произведения. Рассказчик-повествователь передвигался по Устьурту со стороны Аральского моря по направлению к Каспийскому, от Кунграда – к колодцу Кугусем по старой караванной дороге (Южной). Станные, похожие на ностальгические ощущения вызывает великое безлюдное пространство с останками былой культуры, напоминающими о жизни простой, своеобразной и уже безвозвратной. «Попадались на пути одинокие мавзолеи и обширные акрополи, стены самых древних могильных сооружений были выложены из плоских камней, а над могилами не столь удаленных веков стояли мазары из обработанного ракушечника, часто с рисунками на стенах» [16, с.9].

Автор-рассказчик побывал на Мангышлаке в мае 1994 года и случайно обнаружил у знакомого Валеры три тонкие тетради, которые тот нашел вместе с бумажными деньгами в пещерке во время экскурсии на море. Из записанных рассказов конструируется и выстраивается повествование: «В историях, о каких я возымел намерение поведать, меня самого как бы и не существует по причине весьма основательной – я не совершил ни

географических открытий, не принес зоологических находок отечественной науке, не могу похвастать героическими и кровопролитными подвигами, я прикладывал свои скромные усилия лишь для оказания помощи недужным и раненым, а, насколько мне известно, подобная деятельность в истории не запечатлевается, человеческая память сохраняет лишь тех, кто более других сделал завоеваний и более других пролил людской крови» [16, с.15]. Тетради пробудили любопытство к тем, «ушедшим навсегда временам...» Автор-рассказчик старается «по мере сил и способностей проникнуть душой в ушедшую навсегда эпоху...»

Главный герой произведения – один из первых исследователей Устюрта и Каспийского моря – Григорий Силыч Карелин, собиратель богатых коллекций растений, животных, минералов, составитель карты восточного побережья Каспийского моря (в 1834 году построил Ново-Александровское укрепление). Запоминаются образы руководителя Канцелярии Аракчеева, обладающего неограниченной властью, умного, с сильной логикой и необыкновенной работоспособностью («Он немало сделал для России, особенно в области преобразования артиллерии, но бесчеловечная жестокость ставила его в разряд нелюдей. Не говоря уже о строгостях в военных поселениях, в самом его поместье Грузино царили бесчеловечные порядки») и др. Павел Воцанов – одноклассник Карелина, осваивает лекарское искусство под руководством доктора и естествоиспытателя Эдуарда Эверсмана. Замечателен портрет персонажа: «... Выше среднего роста, худощавый и белокурый, задумчивый и слегка рассеянный. За глаза его называли «ученый немец». Несмотря на рассеянность, во всем, что касалось науки, он был точен, в спорах довольно резок и не щадил самолюбий» [16, с.28].

Автор задается риторическим вопросом: «Как древние колодезные мастера узнавали, где следует копать?» Старинные колодцы, выложенные ракушечником, выкапывали на расстоянии дневного перехода на верблюдах, примерно в 25-30 километрах друг от друга: «Неглубокие колодцы с деревянным креплением изнутри называются кудуками, мелкие, слабо укрепленные – эспе, большие и глубокие, с каменными креплениями

изнутри – шынграу. Возле некоторых колодцев сохранились каменные корыта – астау, из которых поили лошадей и скот» [16, с.9]. Казахская степь, искусные мастера, населяющие ее в давние времена, – в центре исторического повествования В. Мосолова, в котором оживает прошлое.

Современная литература, интеллектуальная, ироничная, с особой, «отстраненно-припоминающей» интонацией [17, с.334], избегающая проникновенного тона, избирательна. Она «упорно пасует перед лицом непосредственного внутреннего опыта, перед лицом сильного переживания и глубокого чувства. То есть или – или: эмоции или интеллект; переживание или память» [17, с.334]. Жанровую структуру характеризуют как «поливариантную, интертекстуальную... Центр тяжести в собирании художественного целого отчетливо смещается в область стиля» [18, с.235].

Автобиографическая память русского писателя Казахстана пытается воссоздать этапные моменты истории: «Четвертый Рим», «Дорога на Святую землю» М. Симашко, «Не стану искать побед», «Не жалею, не зову, не плачу...» И. Щеголихина, «Флами, или очарованные собой» Дм. Снегина и др. Воспоминания о Родине, России проходят определяющим концептом в поэзии В. Гундарева и А. Матвеева. В поэтическом сборнике А. Матвеева «Зарубки на память» мотив памяти – ведущий:

Моя память... Ты словно клише  
Выбиваешь по белому черным  
И, срывая безжалостно шоры,  
Оставляешь зарубки в душе.

Поэзия А. Матвеева интертекстуальна. Лирический герой деятелен и активен, бороздит морские и речные просторы, помнит о прошлом и обращается к крупным российским поэтам. Стихотворение «Пересильный пункт на Второй речке» посвящено памяти Осипа Мандельштама

Нас растили в злости,  
Нам мололи вздор...  
...Я смежаю веки,

И сдается мне,  
Все мы где-то зэки  
Были в той стране.

Рубрика «Память» ежегодного альманаха «Литературная Алма-Ата» (главный редактор – Р. Бектемисова) за 2012 год посвящена главному редактору и основателю журнала «Нива», известному поэту В. Гундареву. Открывается она очерком-интервью члена Союза журналистов и Союза писателей РК, председателя Павлодарской областной организации Союза журналистов РК Ю. Поминова «Все, что смогу, я на себя беру!», Стихотворение «Гундарев» посвящает поэту лауреат Международной литературной премии им. М. Цветаевой, республиканской премии им. П. Васильева О. Григорьева, перу которой принадлежат поэтические книги «Середина сентября», «Вечный сюжет», «Одинокое стоящее дерево», «Дверь», «Поют мои друзья», «Из Павлодара с любовью», «Никогда не оглядывайся», «Больше неба, чем земли» и другие, книги очерков «Вы – история, не поколение», «Золотой песок бытия», «Юноша с серебряной трубой», книги для детей. Искренними размышлениями о поэзии В. Гундарева делится Н. Мельникова в публикации «Моя вечерняя заря, не угасай еще немного...»

Журнал «Нива» считал В. Гундарев главным делом всей своей жизни. Первый номер журнала вышел в свет 17 апреля 2002 года, а предложил взяться за издание регионального литературно-художественного журнала А. Дебольский. Это особо значимый факт в литературном процессе. Немецкий литератор и переводчик, заслуги которого в российской и казахстанской литературе велики, фактически, дал путевку в жизнь новому изданию. За двадцать лет, которые возглавлял «Ниву» В. Гундарев, журнал, «его любимое детище, приобрел не только всеказахстанскую, но и российскую, а с созданием его электронной версии – мировую известность, его читателями стали тысячи людей в десятках стран. «Нива», – пишет Ю. Поминов, – была удостоена мировых наград за качество, получать которые В. Гундарев ездил в Париж, Нью-Йорк, Лондон. Это он – мальчик из глухой сибирской

деревни, начинавший свою трудовую биографию прицепщиком... О своей малой родине он, кстати, никогда не забывал и ездил туда при любой возможности, почти каждый год. Редактор «Нивы» все эти годы был, пожалуй, едва ли не главным собирателем литературных сил в Казахстане, месяц за месяцем, год за годом формировал своим журналом, который он нес по жизни, как крест, новый культурный слой людей» [19, с.55]. Мудрость и глубину поэзии В. Гундарева, свежесть чувств подчеркивает Ю. Поминов особо. Его переводили на казахский, украинский, немецкий, корейский, словацкий, французский, испанский, португальский языки.

Лауреат республиканской литературной премии им. П. Васильева и ряда других особо дорожил медалью Пушкина. В. Гундарев – автор поэтических сборников «Деревенька моя деревянная», «Зимопись», «Светлынь-река», «Капля в море», «Продолжение жизни», «Медовый месяц при полной луне», «Я живу на планете любви», «Свет родины, свет любви», «Душа стремится к небесам», «Без пяти двенадцать», однотомника избранных произведений «Ветка молнии» и художественно-документальных книг «Какого цвета поле», «Через все испытания», «Главный агроном целины», «Жизнь на светлой земле», «С заботой о земле», «Трудовая поступь юных», «Семь дней и вся жизнь», «Здесь прописаны наши сердца», «В сердце и памяти поколений» и др. В сборнике лирических стихотворений «Я живу на планете Любви» В. Гундарев демонстрирует широту диапазона восприятия явлений жизни, которая и предопределяет разнообразие лирических мотивов и многоцветность лирического отражения современности. Поэт стремится услышать в «огромном мире грохота и аритмии», в сбивчивом ритме времени нежный серебряный голос поющей волшебной флейты. «За днями тороплюсь летящими, в сужденьях прям, в поступках смел», – признается лирический герой, для которого внутренняя неуспокоенность, многообразие переживаний являются следствием богатства и интенсивности душевной жизни. Свежесть восприятия мира, легкость, изящество отличают поэтический стиль В. Гундарева. Влюбленность в родную природу, проникновение в ее тайны, кровное единство

с родной землей, неумелая нежность роднят его лирику с поэзией С. Есенина.

Розы и полынь в одноименном стихотворении символизируют юность и раннее детство. «Но против тепличных условий для красоты и эпоха». От кустика полыни зимой «повеет июньской степью с горчинками полночи звездной». Любя степь, поэтизируя и воспевая ее, В. Гундарев остро переживает, как единым махом воздвигнут водораздел между Россией и Казахстаном («Могло ль в кошмарном сне присниться...»):

Так вышло: я родился русским.  
И, значит, мне ввинить в вину,  
Что вел страну имперским курсом,  
Осваивая целину  
(Пустив под Вологдой и Курском  
Деревни многие ко дну)?

Поэту одинаково дороги и необходимы «сибирские леса и рощи, / И даль ишимской стороны». В этом он видит счастье: «И это – в сердце, в этом – счастье, / Навеки соединено, / Не разделить его на части, / Ведь сердце у меня одно».

В 2004 году вице-президент ОАО «Республиканская газета «Казахстанская правда» А. Тараков и В. Гундарев по приглашению Посольства Украины в РК посетили Киев, Черкассы, Умань. Черкасщина – сердцевиной и душой Украины. О шедевре садово-парковой культуры, знаменитом на весь мир старинном дендропарке «Софиевка» и истории Умани с 1616 года – очерки А. Таракова в «Казахстанской правде» и в журнале «Байтерек». В 1995 году находящийся в ведении Национальной академии наук Украины дендрологический парк-заповедник «Софиевка» по итогам международного конкурса садово-парковых ансамблей «Европаностра» вошел в число пяти, удостоившихся высших наград (всего заявок было подано 165). «Софиевка» не только ни в чем не уступила прославленным ансамблям Версаля, Сан-Суси и Петергофа, но и в чем-то превзошла их «уникальными и своеобразными чертами своего облика, органичным и неповторимым сочетанием



рукотворного живописного ландшафта с естественно вписанными в тщательно организованное пространство причудливыми мифологическими изваяниями, великолепными скульптурами, воссоздающими эпоху античной Эллады» [20, с.158], – пишет в очерке «Окрыленная Украина» В. Гундарев.

В. Гундарева заинтересовало творчество Василя Симоненко, которого считают духовным наследником Тараса Шевченко. Не стало поэта в 28 лет. При жизни была издана тоненькая книжечка стихов «Тишина и гром», и лишь после кончины началось восхождение к бессмертию:

Но стылый ветер – солнцу не остуда.  
До боли сердца отчий край любя,  
Родная Украина! Жив покуда,  
Я не устану открывать тебя.  
«Эй, новые Колумбы-Магелланы...»

При содействии Посольства Украины в Казахстане главный редактор журнала «Нива» перевел на русский язык 23 стихотворения В. Симоненко и опубликовал их с Предисловием доктора исторических наук А. Чабана. Публикация в «Ниве» переводов стихотворений В. Симоненко «Украина, ты моя молитва...», выполненных мастерски В. Гундаревым, призвана познакомить и еще больше сблизить наши народы. А. Чабан раскрывает в поэтических переводах В. Гундарева «проникновение в сущность творчества поэта, точность образов, метафор, аутентичное оригиналу чувство размеренности, бережное отношение к слову. А еще – умение выбрать особо значимые, действительно характеризующие сущность творчества поэта стихи» [21, с.80].

В последнее десятилетие XX века прошлое в философской и эстетической концепции и его соотношение с настоящим раскрыто в произведениях И. Щеголихина «Не жалею, не зову, не плачу», «Любовь к дальнему», «Хочу вечности». Личный опыт писателя связан «непосредственно с эпохальными историческими событиями, суровой атмосферой 40-50-х годов, опытом гулагов». Но автор не отказывается от своего прошлого, он любит

его, мотивируя тем, что «сожалеть – значит предавать то время, свои дни, годы, тех людей, которые тебя окружали и с которыми ты шел бок о бок». В 90-е годы увидели свет произведения И. Щеголихина, написанные два десятилетия назад. Это романы «Старая проза» и «Другие зори» о судьбе творческой интеллигенции в период культа личности и наступившей оттепели. Высказывание одного из персонажей «Старой прозы»: «Нам сейчас не нужна любовь к ближнему. Нам нужна сейчас любовь к дальнему» впоследствии будет обыграно в названии произведения «Любовь к дальнему» И. Щеголихина. Молодой художник и талантливый писатель ищут себя в мире лжецов, зрячих и трусливых. Никто не виноват в их бедах, в том, что судьба сыграла с Павлом злую шутку, превратила его из молодого блестящего художника, талантливого и яркого, в изгоя. «Каждый виноват только сам» в своей судьбе. Каждый виноват в одиночку. Просто он увидел настоящую жизнь деревни, серую, тоскливую, беспросветную, и изобразил все это на холсте. Грязь, убожество, безнадежность. Серо, тоскливо, скучно. Десять дней, проведенные в деревне, где он ходил на плэнер, оказались целой эпохой в жизни Павла.

Мотив родины в более поздних вещах получит дальнейшее развитие. Тонкий запах гари напоминает детство, «какую-то неведомую деревню, неведомую Россию, в которой он никогда не был, он в Казахстане родился».

Сложность общественных перемен в жизни вносит сумятицу и в жизнь каждого из героев произведений И. Щеголихина «Любовь к дальнему» и «Хочу вечности». Первая повесть выросла из выписок записных книжек, вторая – бессюжетна, «в любом месте можно воткнуть веточку из прошлого, и она безудержно распустится, заслоня собой настоящее». Для них характерны единство публицистики и философского начала, автобиографичности и общечеловеческого. Автор пытается переосмыслить облик России в своей душе, он озабочен судьбой и ролью русского языка в современном обществе, он ставит острые историко-политические, социальные, демографические и социологические вопросы. Своеобразно в жанровом плане произведения И. Щеголихина «Мир вам, тревоги прошлых лет». Это строго

документальные публикации дневников с 1965 года. По признанию автора, он оставил «самое-самое», от ненужного избавился.

Последние произведения И. Щеголихина посвящены художественному осмыслению сложных постперестроечных лет. Писатель был свидетелем преобразований и стал их художественным летописцем. Член Национального совета при Президенте Республики Казахстан, депутат Верховного Совета, сенатор Парламента Республики Казахстан. Среди героев повести «Не стану я искать побед» – много известных политических и общественных деятелей. Но главное: анализ ситуации в культурной жизни страны, в литературе («О современности пишут мало, все ринулись восстанавливать правду историческую, доказывать свое родство с Чингисханом»); «Культура ... добрее и надежнее богов-разделителей, она сметает барьеры, и в ней всегда вырастал и побеждал только тот, кто отважно служил единству и находил свое счастье не в исполнении желаний, а в желании исполнить свое назначение»; «Русская литература, признанная всем миром, была дворянской, имперской, аристократической... Тогда в России только четверть населения умела читать, но была великая литература, связанная с литературой Европы и Азии, Запада и Востока».

Жанр повести включает элементы путевого очерка. Многочисленные поездки по всему миру позволяют сравнивать и сопоставлять. Возникает удивительное взаимопонимание с людьми другой культуры, обмен даже не словами, а чувствами. Зарисовка-миниатюра приема в Брюсселе, во дворце на Королевской площади: «Долго стояли с Элизабет у окна, в руках фужеры с вином, смотрели на площадь, на огни и друг на друга, с легкой и внимательной улыбкой, и говорили каждый на своем языке, и без всякой досады, поскольку понимали настроение, состояние. Обменивались не словами, а чувствами».

И. Щеголихин и М. Симашко глубоко уверены в том, что народ Казахстана имеет древнюю, общую казахско-тюркско-славянскую историю на безграничных просторах Евразии. Повесть автобиографична. Трижды ее автор начинал с нуля. После ареста отца и обоих дедов «все старался делать лучше других». Учился

только на отлично, много читал, любил школу. 1945 год. Поступил в институт, отлично учился. На четвертом курсе – арест, трибунал, Сибирь, молибденовый рудник Сора в Хакасии. И снова институт, первый рассказ, первая пишущая машинка. Смерть сына от неизлечимой болезни. Мотивы исторической памяти, мотивы трагического в литературе связаны с лагерями. «Много у Гулага задач, и одна из них, судя по практике, – оставить человека без надежды. И в лагере, и на воле. Отшибить память. Чтобы все все забыли, чтобы дети поотрекались от родителей, граждане – от своей страны, потомки – от истории».

Хлестко – о деградации человека, об отсутствии воспитания в семье и школе, о необратимых последствиях платной медицины, уродующей медиков морально и психически. И о многом другом, актуальном, злободневном, о Родине, душе, языке – в следующих, во многом полемических, автобиографических романах «Не жалею, не зову, не плачу...», «Выхожу один я на дорогу». Старейшему русскому журналу Казахстана, который ранее назывался «Советский Казахстан», Дм. Снегин предложил новое название – «Простор», «емкое слово, образное, в нем и горный простор, и степной, и водный, если хотите, наши Арал и Каспий, Балхаш, Иртыш, Сыр-Дарья, да и небесный простор, космический, с нашего Байконура стартовал первый космонавт, – вот какое слово многозначное» [22, с.122].

Становятся достоянием истории сведения о писателях Казахстана, о редколлегиях журналов, о бурных спорах в писательском союзе. И. Щеголихин был многому свидетель, поэтому так искренне его письмо. В. Бернадский, чуткая душа поэта, «пошел по лагерям, начиная с довоенного 1940 года, вышел на короткое время и снова замели в 49-м до 56-го. Везде он побывал, и в тайге на лесоповале, и в мордовских лагерях, и в Карлаге». Афористичность – отличительная черта стиля. «Главное изобретение, творенье человека на Земле не города, не дворцы, не машины, а книга. Человек без книги – всего лишь тень, очертание» [22, с.108].

Прослеживая этимологию фамилии, И. Щеголихин склоняется к мнению о том, что правильной фамилия была бы – Шегалихан. От тюркского слова «гвоздь», «так называли тех, кто шел

в солдаты, у них сапоги с гвоздями, а у тюрков сапоги шитые. От тюркского гвоздя пошел русский щеголь». Русские писатели Казахстана пытаются ответить на вопрос: «Что значит для тебя страна – Отечество или место жительства» (И. Щеголихин). И глубоко верят в то, что «только ради любви стоит оставаться на этом свете. Любую беду она может превратить в надежду».

В романе-эссе «Не жалею, не зову, не плачу» И. Щеголихин прослеживает динамику от юношеского романтического восприятия жизни, со свойственным ему максимализмом, к душевному смятению зрелой поры, глубоким философским раздумьям. Автор затрагивает тему детства и взросления, смысла жизни и выбора жизненного пути. Образы дома и семьи, памяти личной и исторической – центральные в данном повествовании.

Деды героя романа-эссе раскулачены за то, что не могли понять «высоту и красоту советской власти», но от них передалась неукротимость мужицкая, стойкость, единоличность. «Иногда мне хочется забыть прошлое, без него легче. Иногда – вспомнить и сохранить все до мимолетных мгновений, поскольку это я сам», – делится сокровенным герой-автор. Он не может вспомнить дом в родном селе Ново-Троицкое Костанайской области, только большое, пребольшое озеро. А над ним туман. В голодные 1933-1934 годы зимой он прикидал к окну и жадно смотрел на вечернюю снежную улицу, ждал, «когда же пойдет по дороге этот самый тиф, которого все так боялись». И остается в памяти картинка детства Жени Писаренко: мама, идущая под высоким небом, несет сестренку на руках, а за ней еще трое мал мала меньше, «идут по полю голодные, босые, усталые, шерсть верст шагать, плачут и тащат друг друга – куда? В светлое будущее».

В определенной степени постмодернистскими можно назвать книги Дм. Снегина «Сказать себя, или Пелым и его обитатели» и «Флами, очарованные собой». В романе «Сказать себя...» два повествовательных пласта: внешний и внутренний. Внутренний существует в сознании, он более мистический и вбирает в себя чудесный мир души повествователя. Метафоры, символы, литературные реминисценции, хронологическая полифония – отличительная черта стиля романа. О постмодерне в литературе

Казахстана пишут Б. Майтанов, А. Жаксылыков, В. Бадиков, А. Кулумбетова, Л. Сафронова, А. Ищанова, Д. Амантай, А. Темирболат, Н. Сарсекеева и другие. Поэтику перехода, реорганизации, мотив пути, преодоления пространственных и временных границ, поэтику компромисса и поиски идеала выделяет Л. Сафронова в учебном пособии «Постмодернистская литература и современное литературоведение Казахстана» как характерные для произведений Х. Адибаева, А. Жаксылыкова, Г. Королевой [23].

Одно из последних произведений известного русского писателя Казахстана Дм. Снегина «Флами, или очарованные собой» [24] наполнено размышлениями о влиянии счастливой поры юности на формирование личности и представляет не обобщенную картину переломной эпохи 30-х годов богатого контрастными потрясениями XX века, а «эскизы некоторых событий, лично пережитых автором, когда любовь и размолвки бурны и непредсказуемы, впрочем, как и другие чувства и поступки. Все достижимо и возможно. И никаких недозволностей» [25, с.6]. Ретроспективный взгляд автора в прошлое позволяет переосмыслить его, по-новому осветить характерные черты того времени и самобытные характеры главных героев. Жанр автор (он же лирический герой повести) определил как степная сказка. Повесть о романтическом приключении далекой студенческой поры, о том, что сбылась мечта героя встретить наяву свою жар-птицу, с нежным, теплым, розовым-розовым именем Флами (производным от фламинго). Повесть автобиографична, автор ведет своеобразный диалог с читателем, спорит с ним, убеждает, иногда иронизирует: «Все это выдумки! – возмутится иной читатель. – Такое бывает только в сказках. Верно: сказка – ложь, да в ней намек. Так считал и наш Великий Поэт. Таинственные, загадочные неожиданности подстерегают нас со дня рождения и не выпускают из своих сетей до последнего вздоха. Мы об этом не догадываемся, пока они не становятся мучительно сладкими воспоминаниями» [24, с.13].

Изображение безбрежной степи раздвигает пространственные рамки повести, и появляется мотив вечности: «Безбрежность

степи, мнилось, велика оттого, что воздух, ее оберегающий, серебрист и пронзительно прозрачен. Видна, как на ладони, каждая былинка, прильнувшая к миражно-отдаленному горизонту; беспрепятственно и незримо кочующие запахи и шорохи подчеркивают безмолвие и величие степи. Хочется упасть навзничь, раскинуть руки, смежить глаза и, отрешившись от роковых страстей времени, раствориться в *вечности...*» И тут же следует авторская ремарка: «Над ней, слышал, время не властно...» [24, с.23]. Просматривается поэтика сказки, изобразительно-выразительные средства несут оттенок сказочного и даже былинного повествования: *удальская ширь, колдовские впадинки, извилистая стежка. Яркость свечения степи околдовывает влюбленных; колдовской дурман; колдовское душевное очарование; волшебное утро и т.д.* Степь, в которой изумрудно зеленеет *Царство Травы, околдовывает и чарует*. Герои попадают в эпицентр *вселенского* безлюдья и *вселенского* безмолвия. В сказочно красивой и ухоженной Рождественке казахи и немцы живут мирно. На немецком языке звучат песни и прибаутки, вместе с пивом подается на стол молодой кумыс. В степи, как в сказке, разворачивается казахский дастархан, ароматный, сочный, вкусный.

Но на фоне поэтических степных пейзажей писатель передает предчувствие надвигающихся перемен. Убогие аулы с плоскостепными мазанками, самодельные очаги не очень вписываются в пасторальную картину. Мужчины преклонных лет «с редкими – клинышком – бородками» встречали и провожали студентов «длинными, налитыми вековой тревогой и терпимостью глазами». Они принадлежали к верхам общества, владели гаремами и табунами коней, которых поставляли царскому военному ведомству. Угрюмое ожидание перемен к худшему витало в степном воздухе. Узун-кулак доносит: «Какие-то центровики затевают гибельный перегон всех овец нашей округи в южную пустыню под предлогом приблизить продовольственную базу к рабочему классу Караганды и Джезказгана... Быть всестепному мору».

Бег времени неумолим. «Шажки секундной стрелки по циферблату небесной сферы... меняют все сущее». Протяжным бледением сопровождается глубокими степными ночами «при скорбном

посвечивании луны» перегон несчетного скопища овец. Меняется тональность степного пейзажа. Бело-розовая цветовая гамма уступает место рваным угрюмым теням, чадившим смрадом головешкам, дымному удушью: «Орошенная жидким свечением перезрелой луны немереная степная ширь вдруг обрела незнакомые, ограниченные до клочка шагреновой кожи, угловатые контуры. Она не казалась ровной и плоской, какой виделась днем; за нами бесшумно крались рваные угрюмые тени, волоча за собой чадившие смрадом головешки. По мере отдаления от царства розовых фламинго крепло дымное удушье от тлевшего на корню бурьяна» [24, с.121].

Скупыми и точными фразами Дм. Снегин повествует о переменах в степи, в Рождественке и Алма-Ате. Степь словно уменьшается пространственно. В Алма-Ате отстранен от занимаемой должности под каким-то невразумительным предлогом общительный, темпераментный, энциклопедически образованный Ураз Джандосов. «Число разлук без расставания выросло еще на одну», – резюмирует автор. Повесть Дм. Снегина, одно из последних произведений известного русского писателя Казахстана – поэтическое повествование о юности 30-х годов XX столетия. Жизнь познается юными героями во всем многообразии красоты и трагедийности, пока еще ими не осознаваемой.

В современной русской литературе Казахстана далекое и недавнее прошлое тесно переплетены в прозе и эссеистике Вл. Владимирова. Четвертый том его пятитомника так и назван «Лицом к лицу. Из прошлого – близкого и далекого». Поражает круг научных интересов автора, бережно возвращающего из небытия многое, незаслуженно забытое, изящно проводящего исторические параллели, его эрудиция и кругозор. О целине и целинниках в последние годы почти не пишут и не вспоминают. Тем ценнее произведения Вл. Владимирова, глубоко и достоверно раскрывающие многие факты Целинной Эпопеи. Целинники – люди особого склада и действий, со своим пониманием предназначения человека на земле. Очень важно расставлены акценты в документальном повествовании Вл. Владимирова «Оглянись не в досаде. Что такое Целина». Новоселов-целинников встретила



«не прежняя колониальная окраина ..., а казахский народ, сам оказавшийся в лучших рядах первоцелинников. Казахстан для многих новоселов в самом прямом смысле оказался подлинной школой познания древней истории гостеприимного казахского народа, его обычаев и традиций, уклада жизни, школой коллективизма, товарищеского бескорыстия и духовного родства, второй родиной, какой Казахстан стал еще раньше для сотен тысяч зачастую не по своей воле появившихся здесь в разное время (иной раз, как, например, ссыльные поляки, с 30-х годов XVIII-го столетия), уйгур, дунган, корейцев, представителей многих других народов, а для их детей и внуков – первой и единственной» [26, с.33]. Молодые поколения казахстанцев должны помнить о героическом труде первоцелинников, преодолевающих многие трудности во имя процветания своей страны.

\* \* \*

Одной из основополагающих является в национальных литературах Казахстана евразийская тематика. Вышло в свет второе издание «Евразийского льва» Т. Фроловской – содержательно и значительного исследования о Л. Н. Гумилеве и евразийцах начала XX века, проиллюстрированное редкими фотографиями из семейного альбома, схемой этногенеза западноевропейского суперэтноса, картой торговых путей и таблицей изменения пассионарного напряжения этнической системы. Авторский стиль Т. Фроловской образен и метафоричен. Евразийцы «отличались от степенных и неторопливых западных профессоров, поражали энергичной динамикой своего развития, своего возрастающего присутствия в интеллектуальном мире эмиграции», а заслуга Гумилева заключалась в том, что он «не позволил засыпать евразийство пеплом забвения». Евразийство было для российского ученого, в судьбу которого трагическими лагерными страницами вошел Казахстан, самой близкой научной школой, манерой мышления, источником постоянного вдохновения, стимулом к работе. «Его трагедией, которой он противостоял все эти годы, была невозможность открыто примкнуть к учению, безбоязненно следовать за учителями и предшественниками. Приходилось

остерегаться и скрывать свои взгляды, свое проникновение в глубины истории, свою обоснованную теорию возникновения этносов». Более тринадцати лет каторжных лагерей сделали ученого слишком осторожным, но он оставался в то же время самостоятельным и независимым.

Два главных вопроса ставил великий евразиец перед человечеством: найти общий язык между народами и государствами и общий язык с природой. «Лев Николаевич и в фуфайке зека оставался исследователем». Это доказывает автор книги всем ходом повествования. Иронический склад мощнейшего ума и завидное душевное здоровье человека, сохранившего волю к жизни. Т. Фроловская о многом пишет впервые, раскрывая такие факты биографии, о которых раньше старались умалчивать. Для Л. Н. Гумилева «Большое пространство» – полиэтнический, многоконфессиональный, мозаично-культурный мир, где право выбора пути всегда принадлежит этносу», где есть разумные и образованные правители («Желательно, чтобы политики знали историю»). Нынешние постсоветские государства лишь в той степени останутся суверенными, в какой сумеют изучить и осмыслить противоречивый и поучительный опыт истории, о котором столь точно, пронизательно и с несомненным прицелом на практическое использование писал и говорил Л. Н. Гумилев». В «Заметках последнего евразийца» Гумилев напоминал: сохранение постсоветского пространства – веление истории. «Народы связаны друг с другом достаточным числом черт внутреннего родства, существенным психологическим сходством и часто возникающей взаимной симпатией».

Интересна параллель между возвращением наследия Гумилева и русской зарубежной историей и литературой: «Научное наследие Льва Николаевича Гумилева, безвыездно жившего в своей стране, оказалось в том же положении, что и русская зарубежная история, русская зарубежная литература. Возвращение «на историческую Родину» произошло после 1985 года – рубежа реабилитации, рубежа возвращения «честного имени» многим и многим ученым и писателям, с книгами которых если и можно было ознакомиться, то только в спецхранах или подпольно».

В богатейшем научном наследии Гумилева выстроен своеобразный евразийский пантеон, а его главным заветом остается убежденность в том, что «судьбы мира в XXI веке решаются на евразийском пространстве».

Интеллектуальным инструментом называет книги Гумилева Т. Фроловская для понимания механизма современных проблем от колебаний уровней Каспийского и Азовского морей до многолетнего противостояния на земле Палестины. Выросло новое поколение евразийцев, утвердиться которому помогают книги ученого: «Современные евразийцы не примыкают к малообразованной и агрессивной гильдии людей «патриотически настроенных», а продолжают на новом витке развития работу Савицкого, Вернадского, Трубецкого. Они пишут историю учения, воссоздают его философию, опираясь на все доступные источники». Идеи Л. Н. Гумилева бесценны: «Мы должны, прежде всего, осознать традиционные границы – временные и пространственные – нашей этнической общности, четко понять, где свои, а где чужие... Переизбыток этнической пестроты столь же опасен, как и ее отсутствие: оптимальная мера – внутри суперэтнуса в границах ландшафтного региона, в нашем случае совпадающая с границами нашего государства...»

Удивительным образом в творчестве Т. Фроловской соединились любовь к поэзии и поэтическим переводам Махамбета, М. Жумабаева, Ф. Онгарсыновой, английских, американских, казахских и курдских поэтов с поистине исследовательским даром. Т. Фроловская отдает высокий долг любви Пушкину и Гумилеву, составив уникальные поэтические иллюстрированные Календари. Роман «по поводу романа», эссе о романе – так определила жанр книги «Русская трагедия масок. О романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» (Москва, 2000) Т. Фроловская. Ее автор «раскрывает движение русского поэта от поэзии к эпосу. Пастернак завершает начатое и разработанное Толстым и Достоевским, но не упускает из виду и собственную сверхзадачу – «нарисовать широкую картину живой действительности».

Т. Фроловской принадлежит художественный перевод с болгарского 12-ти стихотворений И. Гранитски для книги «Радужная

росинка». У книги – два автора. И. Гранитски и Г. Шалахметов, которые размышляют «о судьбах своих родин, ... об обретениях и потерях новейших времен. Причем у Шалахметова, – пишет в Послесловии Г. Пряхин, – уроженца Прикаспийских степей, родины даже две: это и собственно Казахстан, и русская Астрахань. Не случайно одно из самых сильных его стихотворений – о мосте между Европой и Азией в Гурьеве, нынешнем Атырау. Он вообще двуязычен – и это придает дополнительную глубину и его чувствам, и его поэтической речи. Да собственно «много-родинность» – от древней Эллады до кровных Балкан и дальше – до «русскости», которая тоже покамест еще жива в тех болгарях, что способны на благодарность памяти – прослеживается и в поэтическом творчестве его болгарского собрата Ивана с пастырским именем Гранитски» [27, с.82].

Обращаясь к жителям планеты Земля, болгарский поэт и издатель в стихотворении «Человек» вопрошает:

Ты светоч во мраке иль мрак на свету  
песчинка впаявшаяся в плиту  
и капля живущая в море безвестно

Именно так, без знаков препинания и все – строчными буквами написано стихотворение И. Гранитски, в завершении которого он призывает действовать, пока «беснуются ангелы в век ожидания»:

Ты действуй бездействием так горячи  
Минуты погибшие в страсти Молчанья

Книга «Радужная росинка» издана на русском и болгарском языках изящно, с биографиями поэтов и иллюстрациями Е. Толепбая. Путешествующие по странам и континентам, занимающие высокие государственные должности в Телерадиокомпаниях России, Болгарии и Казахстана, каждый из друзей – Г. Пряхин, И. Гранитски и Г. Шалахметов могут с полным правом применить к себе и своей судьбе крылатую строчку Г. Шалахметова:

«Рвут континенты меня пополам». И далее, как в стихотворении казахского поэта «На мосту в Гурьеве»:

Раздвоен зеленым порезом воды –  
Я – Гурьев,  
сын страсти Хивы и Самары,  
Царицы Тамары  
и хана Орды!

Стихотворения Г. Шалахметова автор Послесловия называет пронзительно лиричными, поэтические строки И. Гранитски – философско-эпическими. Литература и культура соединяют коллег, художественный перевод Т. Фроловской служит сближению и взаимопониманию. А старый мост в Гурьеве соединяет не только два континента, но и людей планеты Земля.

Любите народ свой  
страстно и ясно!  
Я выгнусь дугою над ленью Урала,  
Бегите по мосту,  
Вдыхайте новости,  
Что ветер приносит  
и слева, и справа,  
И возвращайтесь,  
но только не в гости...  
Тогда вы поймете,  
как многое значит,  
Этот изношенный гурьевский мост,  
И как терпелив он,  
И как неудачен,  
сводя континенты,  
и как он непрост...

Евразийская тематика находит свое продолжение в книге Г. Шалахметова «В пустыне каждый на виду». Дневниковые стихи составляют ее содержание. Но есть в ней и интервью с Ч. Айтматовым, статьи о Л.Н. Гумилеве, академике В.И. Вернадском

и др. Переводы Абая, К. Мырзалиева, М. Шаханова, М. Мака-ева. В Предисловии «Среди песков и звезд» Т. Фроловская размышляет по поводу названия: «"В пустыне каждый на виду" можно согласиться с формулой, но обязательно задумаешься: «Кто это видит, когда пустыня?» ... Двуязычный поэт – это преимуще-ство взять на себя двойную ответственность. Гадильбек Шалах-метов берет ее на себя. Его уважение к оригиналу подчеркнуто авторским названием на казахском языке, присвоенным русско-му переводу, это уважение к казахстанскому читателю – поме-стить параллельно оригинал и перевод на одном развороте. Чи-тайте! Это Абай:

Часы идут и нашу жизнь крадут.  
Куда ее уносит, Бог их знает.  
Не удержать нам реку из минут –  
Неумолимо время исчезает».

В русской литературе Казахстана большая эпическая фор-ма представлена в творчестве целого ряда прозаиков, которые называют свои произведения романами, но и по содержанию, и по форме они очень разные.

Роман Л. Калаус «Фонд последней надежды. (Пост)колониаль-ный роман» по своей тематике восходит к сатирическому роману нравов, в котором принято описывать быт, деятельность и взаи-моотношения людей, живущих в пространстве большого или ма-ленького города, села или деревни. Главное, на что сразу обра-щаешь внимание в прозе Л. Калаус, – её индивидуальный стиль. Гротесковый, всё преобразующий, искажающий и останавли-вающий. Чувственность зрительных образов в сочетании с эсте-тикой условного создают словесный взгляд на мир, сравнимый в живописи со стилем «Капричос» Ф. Гойи.

Роман без экспозиции, события стремительно начинают развиваться с первой фразы. Неожиданно становится извест-но, что в город приехал кризисный менеджер с ревизией – так почти гоголевская завязка нарушает устоявшуюся и благопо-лучную жизнь офиса. «В офисе №6 благотворительного Фонда

«Ласт Хоуп» воцарилась обморочная тишина. Замолкли дробные перещёлки «мышек» и въедливые телефонные трели.

Ася затаила дыхание. «Сплетни! Глупые, я говорю, сплетни! – отчеканила похожая на богомола координатор Камилла Джакоповна Му. ... Сухое костистое тело, базедовые глаза, манера одеваться в лапидарном стиле жён первых большевиков, выдающая трудоголика со стажем. Она седьмой год несла на своих узких плечиках немалый удельный вес двух самых громоздких в Фонде программ – образования и библиотечного дела. Коллеги за глаза называли ее Стальной коровой».

Авторский стиль определяют не только событийность и визуальность. Третья важная его доминанта – сонорная, звуковая. Л. Калаус умеет передать особую нервную энергетику современной живой разговорной речи. Как внешней, так и внутренней, когда персонаж рассуждает, разгадывает и выворачивает своё эго. Стремительность. Дискретность. Нервность. Незавершенность. Образность. Свободное речевое поведение персонажей. Произведение Л. Калаус – о современных нравах корпоративной тусовки одного довольно богатого благотворительного фонда. Человеческая комедия нашего времени. Физиология нравов, описанная по всем правилам офисного романа. Конечно, сначала даются гротесковые портреты служащих, потом представлены сцены заседаний, совещаний, диалоги в кабинетах, презентации и развернутые картины корпоративного отдыха на природе, экскурсии в частную жизнь персонажей.

Действие происходит в городе Зорком, который реален и условен одновременно. Условен, потому что заставляет вспомнить и щедринский город Глупов, и Скотопригоньевск Ф. Достоевского, и Харрамабад А. Волоса. Прообразом Зоркого стала южная столица Казахстана. В этом отношении Л. Калаус вписывает свою страницу в историю культурного феномена, который называется «алматинский текст». Его история не столь богата, как история константинопольского, иерусалимского, лондонского, петербургского и других текстов. Она начинается, наверное, с «Дара» В. Набокова, где упоминается город Верный и описана его пространственная аура. Мифология Алма-Аты ярко

раскрылась в «Хранителе древностей» Ю. Домбровского, в поэзии российских и казахстанских поэтов, в произведениях современных алматинцев. В романе Л. Калаус Зоркий – это южный восточный город, в котором уже несколько лет успешно осуществляет свою деятельность иностранный фонд «Ласт Хоуп». «Она вышла из офиса через чёрный ход, постояла секунду, вдыхая острый виноградный запах декабря. Офис «Ласт Хоуп» арендовал первый этаж жилого дома. Квадратный советский двор – с прогнившими скамейками, ржавыми качелями и гаражами, детской площадкой, теперь служившей, естественно, парковкой, был усыпан мелким серым снежком пополам с прелой листвой». Бывалые сотрудники предчувствуют конец благополучного существования. Некоторые программы свернуты, другие под вопросом. Главной героине Асе удастся не попасть под сокращение только потому, что приехавший менеджер неожиданно для всех обратил на неё, серую мышку, внимание.

Эта Ася – труженица, неудачница, фиктивная жена, служащая прикрытием мужу-гею и проживающая в квартире на условиях ухода за его больной матерью. Честолюбивый муж эксплуатирует Асю. Она внешне терпелива, но понимает, что находится на грани срыва. И тут неожиданно завязывается сюжет взаимных симпатий с приехавшим Олегом Коршуновым. Читателю не следует надеяться на счастливую развязку, его ожидает открытый финал и недосказанность. Открытость романного времени, незавершенность сюжета, многослойность повествования и его стилистическая разнородность характерны для многих современных романов. Возникает ощущение, что текст вот-вот расплывётся, как ткань, или распадется на фигурные пазлы, но нерастерявшемуся автору всё же удастся удержать его в своих ладонях.

Герои Л. Калаус – интеллектуалы, тоже принадлежат к разряду читателей и сами указывают литературные ориентиры и пристрастия автора: Фаулз, Достоевский, Акунин, Булгаков, Мураками, Уэльбек, Вебер... Интертекстуальными параллелями сегодня никого не удивишь, и поэтому так важно, чтобы страх чужого литературного влияния не сковывал свободу авторского письма. И он не сковывает! Автор профессионально использует



жанровые клише современной массовой литературы. Перед нами жанровый микс, в котором присутствуют и дамский роман о принцах и золушках, и детектив, и триллер, и слёзная комедия. А курсивный текст в романе – это текст в тексте, интернет-дневник, или по определению автора – «ЖЖ. Записки записного краеведа». Эти записки в Живом Журнале принадлежат приехавшему из Гамбурга благополучному пенсионеру, который совершает прощальный визит на свою бывшую родину. Он останавливается в гостинице «Луч Востока» и узнает о загадочных трагических происшествиях в соседних номерах, а далее автор сводит его с главными действующими лицами.

Роман имеет две концовки. Первая замыкает события, которые произошли с главными героями – они расстались. Вторая концовка – это последняя запись краеведа-гостя в своем дневнике: «Но в Зоркий, мой город, я не вернусь уже никогда. А потом будет перевернута последняя страница. И моя маленькая незаметная жизнь станет очередной непрочитанной книгой в громадной забытой библиотеке Создателя...» Такая концовка разочаровывает: читатель получает микс из описания стандартного набора элементов брутального срыва и аллюзии на Борхеса. «А что стало с другими? Что стало с Фондом?», «Что стало с теми, кто остался?», «И что-то я в эти мужские истерики не верю...».

В 2010 году на страницах журнала «Вопросы литературы» возникла дискуссия по поводу литературной премии Буккер. И. Шайтанов, критик и литературный секретарь премии Русский Буккер, предложил коллегам высказаться по поводу возможного выделения в современной прозе двух разновидностей романа, которые он определил как роман-проект и роман-прозрение. В первом случае – «это то, что придумывается, выстраивается в расчете сначала на издателя, потом на критика, на читателя». Во втором – «это есть некоторый акт вдохновения, который порождает то, что наш современный роман остаётся в конце концов на бумаге, то, что творит романист, будучи в данный момент «дудкой бога». Развивая эту тему, писатели высказывали иное мнение: роман как текст большого объема не может создаваться только с помощью вдохновения, а в основе его лежит и сложная

проектная деятельность автора в области сюжета, идейного замысла, композиции. Так что любой роман представляет собой соединение проектной деятельности и вдохновения. Пропорции в таком соединении могут быть разные.

Роман И. Одегова «Звук, с которым встает солнце» отличается тяга к минимализму, изощренности формы с элементами эксцентричного жанротворчества и стилизации. Это тоже некоммерческий роман-проект. «Роман-песня» (так определяет автор жанр своего романа) состоит из разнообъемных и относительно завершенных фрагментов, которые можно читать не только в линейной последовательности. Внутритекстовые заголовки и эпиграфы дают толчок для развития лейтмотивных связей и параллелей, которые ощутимы не только на уровне отдельных миниатюрных фрагментов, но и на уровне десяти глав. Автор испытывает некое удовольствие от процесса наращивания текста, а дискретная, лапидарная композиционная форма «романа-песни» позволяет наращивать объем до бесконечности. Вялотекущая сюжетная динамика нейтрализуется связностью впечатлений, настроений, событийных ассоциаций. Единство произведения достигается и благодаря сквозным персонажам, судьбы которых пересекаются с отдельными эпизодами жизни автора-повествователя или персонажа-рассказчика, которые взаимозаменяемы. Для стиля ритмической прозы романа И. Одегова характерно сочетание образности, лиризма и абсурда, остроумная манерность, любовь к красотам (современный маньеризм).

Произведение «Жизнь и смерть Буратино, человека без рода и племени» Г. Доронина [28] можно назвать условным романом, так как в нем действуют персонажи, носящие имена Буратино, Карло, Мальвина, Пьеро, Карабас, Снегурочка и другие. Перед нами пост-сказка, события которой продолжаются по жизненному сценарию нашего времени. Роман состоит из отдельных историй, хронологически не связанных. Их объединяет только один герой и антигерой – Буратино. Становясь героем нашего времени, Буратино соединяет в себе узнаваемые черты деревянной куклы («Буратино часто называли дубом, но это не соответствовало истине. Он был из другого дерева») и маленького человека,

почти раздавленного эпохой перемен, но и одержимого гамлетовскими вопросами. Этот образ имеет двойную сердцевину, включающую равновеликие, но разнородные начала: шутовское и серьезное, реальное и фантастическое, глупое и умное, социальное и асоциальное. Каждая глава в романе Г. Доронина получает название и состоит из эпизодов: лирических или эротических, смешных или нелепых, прекрасных или безобразных. Оригинальность и остроумие стиля романа в том, что он написан на пересечении разных эстетических координат: условного и жизнеподобного.

Автор экспериментирует и вводит в роман тексты, написанные самим героем. Так появляются главы «Бураметки (заметки Буратино)» и «Бурамысли», в которых собраны афоризмы, остроумные и не очень. Жизнь Буратино представлена калейдоскопично, эпизодично. А смерть дана только одним предложением, которое и становится романым финалом. Такие непохожие романы И. Одегова и Г. Доронина объединяет стремление авторов построить роман на названии-метафоре и удерживать этим внимание читателя. Авторы владеют всеми оттенками комического: в романах присутствуют ирония, абсурд, сатира, карикатура, пародия и черный юмор. Авторы, наделенные творческой фантазией, обживают в своих романах новую реальность и хотят увлечь ею читателей.

Первый роман Н. Черновой «Птица, залетевшая к ангелам» соединяет в себе документальность и стилевые признаки русской мемуарной лирической прозы. Необычность романа в том, что он написан на основе писем и дневников реальных людей, а значит его документальность подлинная. В аннотации указывается, что «это повествование об известном поэте Русского Зарубежья Ю. Б. Софиеве, его жизни, творчестве и любви». Последние двадцать лет он прожил в Казахстане, где были изданы его стихи, воспоминания, стихи его жены. Обратившись к биографии реальных людей, Н. Чернова выступает в роли автора-комментатора и автора проекта, который представляет читателю монтаж писем и дневниковых записей. Перед нами живые романы и романы в письмах между одним мужчиной и разными женщинами.

Работа с таким материалом требовала не только деликатности, но и воображения, построения гипотез, психологизма и рефлексии. Поэтический опыт Н. Черновой позволяет ей вставлять эмоционально-образные комментарии в текст. Они увязаны с общим корпусом стихотворных текстов первой жены Ю. Софиева, его стихами и стихами других поэтов, которых цитирует Ю. Софиев. Вот как Н. Чернова пишет о своем герое в предпоследней главе книги: «Он плыл по реке лирической поэзии, впадающей в Млечный Путь, и не видел дна. И река эта помогала ему выжить, хотя оставляла на сердце всё больше рубцов – не образных, а самых настоящих, смертельных. Инфаркты. Клиники. Угасание сил. Угасание памяти. И он торопился запечатлеть в Дневнике свои «видения» и воспоминания, пока они не стёрлись беспощадной старостью». Нестилизованный эпистолярный стиль в сочетании с актуальным авторским нарративом формируют художественную природу этого «документального романа», как определяет Н. Чернова жанр своего произведения.

Литературное имя М. Земскова известно в России и Казахстане. Он лауреат «Русской премии» (2005) за сборник повестей и рассказов «Алма-Атинские истории». Автор нескольких книг и трех романов. В марте 2011 года в Алматы прошла презентация его романа «Сектант». В аннотации он назван «захватывающим философским триллером». Там же приведена оценка прозы писателя известным российским критиком В. Пустовой: «Михаил Земсков берется осмыслить судьбу молодого интеллектуала в современном обществе. Он сам – своего рода европейский интеллектуал, воспитанный в Азии, человек, живущий универсальными для информационной цивилизации темами. Дитя мира, открывшего границы, он свободно переходит от острых социальных зарисовок к метафизической грусти, от утверждения к сомнению, от физической страсти к отвлеченной мечте».

В основе действия романа лежит сюжет путешествия в казахстанские степи с целью найти настоящий текст Евангелия от Иоанна. Группу молодых людей из Москвы ведет Давид, посвященный и «отверженный», интеллектуальный лидер и эзотерик-авантюрист. Он грамотно прививает спутникам этику

парадоксальной нравственности. Он – учитель, они – ученики. Не все ученики проходят инициацию смертью, а сам учитель вовремя инсценирует смерть. Но заведенный им механизм продолжает работать в сознании вернувшегося в Москву Ивана, который возвращается в статусе «отверженного», как ученик Давида, превзошедший учителя. И естественно, что создание должно убить создателя. Слово «сектант» приложимо к каждому из персонажей романа. Ведь сектант – это тот, для кого не существует единых для человечества заповедей и истин, это тот, для кого его законы или законы узкого круга людей превыше всего.

На вопрос журналистки «Комсомольской правды»: «Что ты хотел донести до читателей в этом романе? Какие мысли выразить, какими открытиями или размышлениями поделиться?» М. Земсков отвечает так: «Я скорее хотел не донести что-то до читателей, а развлечь их и, развлекая, заставить задуматься над некоторыми вопросами, которые иногда могут быть очень серьезными. Но в романе о них чаще говорится довольно несерьезно. Там много иронии. Общество постоянно развивается. И если содержание так называемых «вечных» вопросов остается неизменным со времен Гомера, Шекспира и прочих, то форма постоянно меняется. И нельзя одну и ту же тему обсуждать в одном и том же ключе, с одной и той же интонацией. При этом форма способна изменить многие аспекты, угол зрения, наше восприятие».

По стилю роман похож на сценарий, а отдельные его сцены калькируют боевик (например, проникновение на территорию военной части, погоня и т.д.). Создается ощущение, что М. Земсков всё еще ищет и не нашел свой стиль в художественной прозе, о чем свидетельствует явная доминанта речевых эпизодов и частое отсутствие четких эпических связей между ними. Конечно, в ироническом стиле диалогов и откровенном неравенстве статуса говорящих (один – вещает афоризмами, примерами, притчами, другой – задает вопросы и заглатывает идеи) явно ощущимо влияние гуру молодых современных писателей – В. Пелевина. «Сектант» заканчивается сублимацией прямо по Фрейдю, а потом и инициацией в новый статус.

«Роман – это зеркало, с которым идешь по большой дороге. То оно отражает лазурь небосвода, то грязные лужи и ухабы. Идет человек, взвалив на себя это зеркало, и вы этого человека обвиняете в безнравственности! Его зеркало отражает грязь, а вы обвиняете зеркало! Обвиняйте уж скорее большую дорогу с ее лужами...» – так Стендаль в «Красном и черном» защищал своё детище. Это были времена золотого века жанра романа. И автор жил в своем создании и оставлял в нём частицу своей души. В современном романе нет органики и онтологизма романов XIX века и нет эстетики романов эпохи модернизма. Самая слабая сторона некоммерческих романов – это их развязки и концовки. Развязка – это событие, которое исчерпывает сюжетное действие, концовка – это последний абзац авторского текста. Всё это входит в понятие финал. Так вот, финалы наших современных романов часто лишены энергетики, банальны или многозначительны.

Несомненно, что казахстанские романисты сочетают в своем творчестве самобытность и искусственную книжность, что не может не сказаться на эстетике интертекстуальности рассмотренных произведений. Но одновременно в повествование введены моменты сиюминутной современной реальности, взятые из жизни автора – рассказчика – повествователя и его персонажей. Естественно, что воображение писателей находится под магическим прессингом современных СМИ и жанров киноиндустрии. Авторы романов проявляют несомненную изобретательность, стараются усложнить сюжет рассуждениями, отступлениями, комментариями, сменами темпа и стиля повествования. Большое внимание писатели уделяют текстотворчеству, используя курсив, шрифты, разделяя текст на главы, части, фрагменты с заглавием или без. В романы вводятся цитаты, реальные или условные дневники, письма, документы.

Повествователи и их герои отдают предпочтение свободно речевому поведению, и поэтому сленг, профессиональная лексика, полилингвизм, поэтизмы и прозаизмы – всё это определяет язык современной прозы. Романисты часто вводят в тексты ужасное, отвратительное и безобразное – всё это моменты

хорроризации (от англ. horror – ужас), свойственные современному искусству. Авторы считают необходимым актуализировать эксклюзивный и маргинальный элемент своего текста с помощью метафорических названий и подзаголовков: «роман-пунктир», «роман-песня», «роман интенций», «роман упований в круге пепла», «(пост)колониальный роман», «документальный роман».

В современной русской казахстанской прозе есть все жанровые модификации рассказа: рассказы классического типа (А. Арцишевский, С. Назарова, К. Гайворонский, М. Земсков), сюрреалистические рассказы (Г. Доронин), короткие рассказы (Е. Тикунова, Е. Терских, Ю. Серебрянский), юмористические рассказы (Р. Соколовский, К. Воскобойников), рассказы-новеллы (О. Марк, О. Шиленко, В. Гордеев, И. Одегов), автобиографические рассказы (Н. Чернова, К. Гайворонский), рассказы с элементами мифологизма, фантастики, абсурда и гротеска (Н. Вервочкин, А. Рогожникова, М. Величко).

Свои рассказы А. Арцишевский как бы выводит из жизненных впечатлений и воспоминаний. Автор-повествователь и он же часто рассказчик-персонаж пребывает в ситуации поисков утраченного времени. При этом нарастающая временная дистанция увеличивает ценность прожитых мгновений и событий. Рассказ «Чай с коньяком» начинается фразой: «Он проснулся от чувства утраты». Никаких причин для тревоги нет, жена и пятилетняя дочь мирно спят, но вдруг он вспомнил себя девятнадцатилетнего и восемнадцатилетнюю девушку с серыми, доверчивыми глазами. Вечный кризис мужского возраста как бы впервые открывает для себя герой рассказа. В рассказе нет бунинского надрыва, но есть тяжесть вины и убежденность в бесценности пережитого: «Смешно и глупо все это, подумал он теперь в свое сорокалетнее утро. Но в сорок лет от себя, девятнадцатилетнего отречься не будешь. Всё, что было с тобой в безоглядные года, с течением жизни становится все более бесценным, как Парфенон или церковь Покрова на Нерли» [29].

В рассказе «Брат» описан послевоенный быт, неизменным атрибутом которого был примус. «На кухне беснуется примус.

Перед ним, засучив рукава гимнастерки, стоит Ромашов с набором примусных иголок. Он сосредоточенно исследует шум пламени». В «Казанском вокзале» оживают мальчишеские воспоминания о Москве 1947 года, когда автор-рассказчик впервые оказался в столице. В рассказе «Ищу наследство» рассказчик-персонаж бережно восстанавливает, как бы реставрирует, образ отца-художника. «Он умел писать холсты легко и быстро. И, несмотря на ранние запои, мог бы сделать многое. Работа в музее была его первым крупным заказом. Первым и последним. И дело тут не в отце. Просто шел 1941 год. Отцу тогда было 23 года. Ему так и осталось 23 года. Мне сейчас много больше. Я часто думаю, до чего же это нелепо, если дети взрослее отцов. Знаешь, отец, в моем представлении ты удивительно молод. И если я испытываю к тебе какие-либо чувства, то не сыновьи, а скорее отцовские». Выстраивая события детства и юности, рассказчик завершает произведение фразой: «У меня растет сын». Сюжет о вечном возвращении времени и невозвратности ушедшего оживает в композиционном кольце текста.

«Голос воды» – рассказ-откровение о том, как отец узнает себя в сыне. Писателю важно представить не отдаление младшего от старшего и не скрытую раздраженную ревность старшего к младшему. Где-то на заднем плане они есть, но не это становится точкой кипения сюжета, а иное – история сближения, узнавания себя в другом и открытие другого в себе.

Триптих «Дом» является сердцевиной малой прозы Арцишевского. Кажется, что он создан на одном дыхании. В нем три небольших рассказа. «Яшка» – об осле, купленном дедом в 1945 году, чтобы строить дом для всей большой семьи, на будущее для детей прежде всего. Второй рассказ – «Король» о «великом сапожнике» Ваське, который шил обувь всей улице и был калекой. Еще в нем сообщается о продаже Яшки, чтобы купить железо на крышу дома. Третий рассказ «Тарзан» – о последнем псе в семье и о переезде на новую квартиру. Дед перед переездом по уговору Короля решает продать пса скорняку, но мальчик не дает этого сделать. А потом Тарзан всеми собачьими способами пытается помешать сломать дедов дом. «Тарзан метался,



как дьявол, он охрип и мешал всем работать. Они отмахивались от него ломami, пытались поймать или пришибить, а он увертывался и не уходил. Он защищал наш дом».

Что осталось от всего пыла кипевших когда-то страстей? Только память. Да и та подводит. «Рассказал я младшему сыну про деда, про дом, про Тарзана. Решили мы с ним проведать место, где стоял дедов дом. Долго искали и никак не могли отыскать. Там столько понастроили... Сердце чуяло, он где-то рядом, клочок земли, освященный моим детством, смертью бабушки, жизнью деда».

Мировоззрение писателя можно понять через его отношение к неостановимому бегу времени. Что ему ближе: ощущение делимости времени и дробности промежутков; или, может, конфликтности уходящего и наступающего ему на пятки нового времени. Сценарий поведения писателя Арцишевского можно определить так: желание связать прошлое с настоящим или хотя бы минимально сократить дистанцию отдаления. Это алгоритм действий создателя. Может быть, не случайно в рассказе «Ищу наследство» возникает описание звуков разных часов: «Вечером мы слушали с ним часы. Они шли по-разному, хотя показывали одно и то же время. Будильник был нетороплив и звучен. Ему почтительно поддакивали ходики, у них тусклый и дребезжащий звук. Ручные часы жили как муравейник, неслышно и торопливо». Современному человеку привычнее беззвучные электронные часы на батарейках, но звук часов детства забываем. Так, балансируя между конкретикой эпики и лирикой, А. Арцишевский создает свою форму рассказа-исповеди, рассказа-ретро о прошлом в памяти и душе.

Г. Доронин – автор более десятка книг, среди которых «Старый друг уезжает», «Четвертый десяток», «Жизнь и смерть Бурадино», «Между пунктами назначения», «Бершарал», «Глагол прошедшего времени», «Я б в волшебники пошел», «Он и она», романы «Остров» и «Реальность номер один». Через многие и, пожалуй, лучшие рассказы книги «Времен(ы)ой роман» проходит один персонаж, носящий фамилию Иванов, но с разными именами, Иван («Юбилей»), Михаил («Любовь, ничего больше...»),

Виктор («Везение на все времена»), Александр («Возвращение»), Женька («Жук времен»). Этот образ имеет двойную сердцевину, включающую равновеликие, но разнородные начала: шутовское и серьезное, реальное и фантастическое, глупое и умное, социальное и асоциальное. Герой Доронина то ли вечно явно пьян, то ли всегда мнимо трезв. Этаким маленький человек, раздавленный эпохой перемен, но и одержимый гамлетовскими вопросами. Он предстает как шукшинский чудик, или едущий в электричке Веничка Ерофеев, или вампиловский циник, маканинский интеллектуал, а может, мамлеевский монстр. Он наделен особым зрением, контактен, но и одинок во вселенной в своих перемещениях во времени, как экспериментатор братьев Стругацких. Этаким экзистенциальный герой сюрреалистических рассказов.

Дрейфуя между женщинами, он обещает быть в некотором смысле принцем, но оказывается проходимцем, не столько в негативном, переносном смысле, сколько в прямом, – то есть проходящим через их жизни. Эти женщины меняются, но в памяти разных Ивановых они похожи и носят имена Светлана, Галина, Людмила, чаще всего они – Мария. Ампутированная жизнь их одомашнила, заземлила, лишила внутреннего света, они устали от Иванова. А он, этаким капризный Мастер, так и не нашедший своей Маргариты.

Каждый рассказ Г. Доронина состоит из эпизодов, лирических, смешных, порой нелепых. Рассказ «Юбилей» – это история, которая произошла с Иваном Ивановым за 50 дней до его пятидесятилетнего юбилея, когда юбиляра начинает посещать один переходящий из ночи в ночь сон, в котором празднуют его дни рождения в обратном порядке, от 49 и назад в прошлое, и каждый раз вручают том Большой советской энциклопедии, начиная с 49 тома и по убывающей. Мария начинает замечать, что наяву он молодеет. И в день юбилея сбываются самые страшные его прогнозы – он исчезает, так как за день до этого во сне он только родился.

Разноименные Ивановы из рассказов Г. Доронина имеют единую биографию, а истории их жизней как бы сливаются в одну,

где есть радостное детство, бесшабашная юность, история счастливой любви, а далее жизненная катастрофа, неожиданно превращающая Иванова в скитальца, писателя и искателя приключений. Иванов бомж появляется в рассказе «Возвращение», а далее в рассказе «Колодец» бомж Иванов уже и имени не имеет, а только прозвище – Кулема. Но Иванов не только может исчезнуть («Юбилей»), погибнуть («Колодец»), утонуть («Везение на все времена»). Его может застрелить скучающий хозяин пневматического тира – рассказ «Прыщавая жизнь». Наконец, Иванов способен жить в нескольких измерениях, как в рассказе «День любви». А в рассказе «Тайна» Иванов заживо замуровывает себя в таинственной, забытой всеми комнате, а свою продает соседу. Наконец, этот виртуальный Иванов может дожить до старости, стать дедом и иметь внуков («Июль», «Жук времен»)

В прозе Г. Доронина важную роль играет диалог, именно он часто определяет сюжетную динамику и тогда описания становятся стоп-кадрами, которые представляют читателю интерьеры, пейзажики, железнодорожные этюды или гастрономические картинки. Так, в рассказе «Прыщавая жизнь» возникает «город, похожий на дикобраза», утыканный закопченными трубами – кочегарка на кочегарке. В «Тайне» описан другой урбанистический пейзаж: «Он давно уже не любил этот город – с той же силой, что прежде любил. Он ненавидел натянутые струны троллейбусных проводов – они казались проволокой, вдоль которой бегают на цепи собаки и люди. Он ненавидел вагоновожатых, которые всю жизнь притворяются, что управляют трамваями, а трамваи послушны только судьбе, которая называется у них рельсами. Он содрогался при виде памятников – конные и пешие, неулыбчивые, затекшие в напряженных позах, они строго следили бронзовыми глазами за оставшимися в живых, как стервятники».

Тема необратимого и исчезающего времени – главная в книге рассказов. Предложенное двойное прочтения заглавия (временный – то есть не навсегда и временной – то есть о движении времени) определяет философию и символику образного строя сюрреалистического цикла. Писатель А. Тарази так выразил свое впечатление от чтения произведений Г. Доронина: «Удивительный

эффект содержится в его книгах: вроде бы рассказы его порой мрачные, но через какое-то время приходит впечатление от них светлое, жизнеутверждающее. Появляется как бы вопреки всему самое настоящее жизнелюбие. Отчего это происходит? Автор любит копаться в душах людей «запредельных», находящихся как бы уже за чертой привычного бытия. Но эти люди второго плана – они и есть главные люди, характеризующие наше время. Их души разрушались вместе с эпохой, они сломаны вместе со старым жизнеустройством, они растеряны на ветру безвременья. Но души их живы, нет-нет и встрепенутся под обломками прошлого, потянутся к добру. И думаешь: если жизнь перестанет людей корежить, глядишь, они и выровняются, и заживут себе не хуже других».

Три качества бесспорно присущи документально-художественной прозе С. Назаровой: автобиографизм, субъективность и эмоциональность. Ее рассказчик-повествователь смотрит на двуядерный мир, стоя на порубежье: он удерживает отдаляющееся время и старается не упускать из виду настоящее. Роль памяти, святость воспоминаний позволяют признать, что именно прошлое становится в творчестве Назаровой отправной точкой повествования. И когда воспоминания безмолвно, послушно свой длинный развивают свиток, тогда и начинает плестись ткань рассказа. «Бабушку я помню с тех пор, как научился крепко ходить. Или мне так кажется. Но помню ее раньше, чем свою мать», – так начинается один из лучших рассказов «Мой зеленоглазый аруах» [30]. Повествование от первого лица позволяет не только передавать события, но и комментировать их, соединить описательность и образность. Рассказчик – молодой человек, который ретроспективно восстанавливает моменты своей жизни, начиная с детства.

С. Назарова плетет свой текст с любовью, не щадит слов. Любовь внука к бабушке одухотворяет и возвышает каждодневный быт, превращает мальчика в художника. И когда, уже взрослый, герой провожает бабушку в последний путь, то видит: «Белые, как снег, редкие облака были неподвижны в синем воздухе. Они не мешали солнцу. Облака были похожи на платок моей

бабушки». Автобиографизм С. Назарова и не скрывает и даже откровенно указывает на него. Из коротких рассказов, включенных в «СТОП-КАДР», мы узнаем подробности детства, юности автора. Это, конечно, первые воспоминания, образы отца и матери, которая постепенно стареет и уходит из жизни, оставляя свою неповторимую мудрость дочери: «А когда прошло много лет, я поняла, что вряд ли встречу за всю свою жизнь хоть одного человека из многих тысяч, кто заставлял бы своих детей отвозить в горы, «присыпать землей» косточки от урюка, чтобы выросла новая роща...». Даже воссоздавая вымышленных персонажей в остросюжетных рассказах «Клетка» и «Реквием падающей звезды», Назарова облагораживает и одухотворяет сферу их чувств и мыслей опытом своего внутреннего мира. Назарова описывает то, что переживала сама, что задело её равнодушное сердце. Это не проза ума и рефлексии. Эмоциональность и субъективность в ней неразрывны. Как ни пытается автор сдерживать себя, не удастся спрятать тенденцию, мнение по поводу описываемого. Потому то тут, то там на страницах возникают фразы-всплески, цель которых привлечь, расшевелить равнодушного, заставить задуматься и сопереживать, вспомнить. Эти интерактивные моменты позволяют судить о писательском и журналистском темпераменте Назаровой.

Герои рассказов «Долго и счастливо...», «Свободная чайка баба Ариша» многое видели в жизни, но не изменили главному в себе. Для автора они – носители нравственного начала в жизни. Ариша – это образ-архетип мудрой старухи, бабушки, ведуньи, знахарки. В прозе С. Назаровой сочетаются динамизм и фрагментарность, пафосность, женская сентиментальность и мужская резкость. Это проза о двух концах. Один её конец – это истоки, остался в XX веке, где навечно пребывают рай детства и единого братства большого многонационального государства, дачная и семейная идиллия. Другой конец – это настоящее, новый век и его апокалипсис. Какое он определит нам будущее? Это далеко не безразлично автору. А если говорить в целом, то оба эти конца в художественном мире С. Назаровой взаимосвязаны и неотделимы, потому что в нем передано ощущение

потерянности ориентиров в настоящем и одновременно присутствует убежденность в незыблемости вечных нравственных законов: не убий («Клетка»), не прелюбодействуй («Долго и счастливо...»), не укради («Дача»), люби людей, и этим ты сделаешь их бессмертными («Свободная чайка баба Ариша», «Мой зеленоглазый аруах»).

Рассказы О. Марк (О. Маркова) обладают чертами психологической новеллы. Они остросюжетны, часто насыщены мистикой и фантастикой. Метафизика, которая в них присутствует, не дистанцирована от обыденного быта, вернее даже, она вторгается в него неожиданно, удивляя, озадачивая, сбивая с толку героев. Рассказы О. Марк можно разделить на три группы. В первую группу можно отнести рассказы, в сюжетах которых герои оказываются в необыкновенной ситуации и им выпадает случай изведать непознанное. Трудно сказать, достойны ли этого или нет, являются ли они избранными и могут ли оценить выпавший шанс. Скорее всего, судьба действует по принципу случайности, на авось выбирая испытуемого.

В рассказе «Оценка недвижимости» некто Свиридов, сотрудник фирмы, получает задание оценить для страховки дом клиентки. Вместе с ней он приезжает осмотреть новый дом на склоне горы в престижном районе города, затворником в котором и оказывается. Избавление Свиридова от затворничества не сопровождается разъяснениями необычного происшествия. Да и он уже озабочен тем, «что надо не забыть зайти к начальнику после обеда».

Рассказы с явно выраженной мифопоэтической основой – «Голос», «Та, что сидела справа». В «Голосе» представлены ритуально-архетипические ситуации ухода человека из этого мира. Смерть – не конец, а только начало нового путешествия. «Душа медленно выбралась из тела, не спеша осмотрелась. Большая комната, две немолодые усталые женщины... Одна из женщин наклонилась к кровати и тихо вскрикнула, быстро-быстро запричитала, заплакала» [31]. Душа тоже разглядывает лежащее на кровати «высушенное старостью» короткое, старое тело, ей жалко его, но она чувствует облегчение. Душа наблюдает обряд

прощания, похороны, поминки, а читатель узнает, что хоронят краснодеревщика. Потом описаны полеты души и чудесная прощальная, неожиданная встреча с любимым творением мастера по дереву. И вот наступает прощание с землей, и душа, теперь уже послушная зову «неразгаданного голоса», устремляется вверх и прочь от земного бытия. Эсхатологические мифы и теории XX века о жизни после смерти – все это входит в метатекстовое поле рассказа.

В сюжетах рассказов «Свадьба», «Дождь», «Сюр» О. Марк нащупывает и подвергает художественной аналитике ситуации разрыва контактов и взаимонепонимания между людьми. Эта социальная диагностика настоящего особенно ярко проявляется в двух рассказах, представляющих современную урбанистическую антиутопию. Героями рассказов «Юродивый» и «Зажигалка» становятся дети. Рассказ «Зажигалка» принес О. Марк известность в России, был напечатан в журнале «Дружба народов» (2007, № 6) и обсуждался в российской критике. Российский критик А. Давыдов высказывает уверенность в том, что рассказ займет достойное место в современной казахской и русской литературе» [32]. Проза О. Марк – элитарная интеллектуальная художественная проза, в которой найдены свой ритм и стиль для выражения мыслей и чувств автора.

Рассказ М. Земскова «Ботаник и принцесса» [33] построен на симметрии темного и светлого. В нем несколько героев, которые напоминают персонажей современных сериалов: девятнадцатилетний сын Димка живет с матерью; отец-миллионер живет с любовницей Марией. Жизнелюбивое любопытство к человеку и разумный оптимизм, отсутствие морализаторства и стихийная нравственность, легкость письма и умение строить мизансцены отличает стиль писателя. Из этого рассказа можно было бы сделать дамский роман или роман воспитания, но автор сжимает сюжет и дарит нам счастливый конец. Ведь рассказ называется почти по-сказочному.

Рассказы и повесть молодого и успешного казахстанского писателя И. Одегова печатались в журналах «Дружба народов», «Новый мир» и вошли в изданную в 2013 году в Москве книгу

«Любая любовь». Подборка рассказов в журнале «Дружба народов» вышла под названием «Чужая жизнь. Из цикла рассказов» [34]. В них И. Одегов по-своему, но продолжает традиции готической новеллы или страшных коротких рассказов, которые в разной стилиевой манере представлены в творчестве Эдгара По, Огюст Вилье де Лиль-Адана, Амброза Бирса, Джона Кольера, Ю. Мамлеева, Л. Петрушевской. «Чужая жизнь» – она, действительно, чужая, так как во всех историях героини сталкиваются с неизвестным, которое пугает, притягивает, рождает страх и трепет. Проза И. Одегова не объясняющая, а сюжетные ситуации как бы синхронны времени рассказывания. Благодаря этому, возрастает интерактивная роль читателя, который мысленно комментирует, как бы перерассказывает в обычном повествовательном регистре только что свершившиеся события. Образы рассказчиков в каждой истории комбинируют в себе две роли: участника событий и наблюдателя. Но при этом невозмутимые интонации подчеркивают его нейтральную позицию.

Действия рассказов «Врата Рая» и «An ultimate jump» происходят в странах третьего мира, куда отправляются любопытные туристы. В первом рассказе – это пресыщенные друг другом муж с женой, во втором – одинокая, уставшая от работы сотрудница японской фирмы. Люди из мира цивилизации ищут экзотики, снисходительно и откровенно любопытно рассматривают незнакомый им мир, который оказывается мстительным, хитрым и коварным. В одном из своих интервью И. Одегов признается: «Я родился в России, но живу в Казахстане. Я здесь чужой и там чужой. Я пишу по-русски, но я — современный казахский писатель. Я вижу, что люди в современном мире все время кочуют, они как мировые номады. Многие ощущают себя чужими, и не только наши писатели. Беженцы из Африки считают чужими европейцев, случайно забредающих в их район. С одной стороны, идет диалог между нациями, культурами и языками, с другой — все стали друг другу чужими. И единая информационная сеть, Интернет, только усиливает эти переживания» [35]. Остро сюжетность в рассказах И. Одегова и присутствие в них элементов мистики и мифологии соседствуют с документальностью



и социальной достоверностью. В интервью писатель не отрицает важность вымысла в своей прозе: «Я, как и любой литератор, многое беру из жизни. Но я не могу сказать, что сюжеты моих произведений имели место в действительности» [35]. Но при этом важно и другое: Одегов умеет заставить читателя поверить в типичность описанного происшествия.

Многие рассказы К. Гайворонского написаны от первого лица. Этот автор-рассказчик и одновременно главный персонаж ведет свое повествование так доверительно, сообщая читателю свои сокровенные мысли и чувства, что мы начинаем отождествлять его с самим писателем. Вот почему возникает ощущение автобиографичности, может и мнимой. Обратимся к рассказам «Шапка» и «Растоптанная лилия». Первый начинается фразой: «Первый раз меня исключили из школы в скорбном марте 53-го. Во всем виновата шапка». Рассказ состоит из шести глав, в каждой из которых воссоздаются ситуации из жизни двенадцатилетнего мальчишки. Жизнь в коммуналке с отцом-офицером, который все время должен был проводить в своей части. «Воспитывали меня случайные книжки, кино и воля вольная». Этот мальчишка похож на героя рассказа В. Распутина «Уроки французского»: одиночество, стычки с ребятами, трудности с английским. В рассказе три истории, в которых фигурирует шапка. Первая история – это рассказ о том, как у него в драке отняли шапку, а он соварал отцу, что потерял. Вторая история – это рассказ о судьбе соседа, дяди Пети, который получил срок за шапку: не снял на похоронах Кирова. Третья история – это рассказ о том, как, провожая мальчику на городской митинг по случаю похорон Сталина, дядя Петя сказал: «Не забудь снять шапку». Привязанный к одной детали рассказ одновременно обо всем том ушедшем времени. И не случайно взрослый голос из сегодняшнего дня, порой, нарушает строй повествования: «Эх, сейчас хотя бы одним глазом заглянуть в то время!» «Иногда мне кажется, что страна переживала пору детства вместе со мной. Мы были наивны, доверчивы, бескорыстны, эгоистичны...». Рассказ «Растоптанная лилия» написан в форме воспоминания. Он о том, как, вернувшись

из армии, автор-рассказчик вспоминает и описывает историю своей первой любви и своих ошибок.

Художественную прозу известного поэта Н. Черновой с полным правом можно назвать «прозой поэта», для которой характерны образность, эмоциональность, эстетизация воспоминаний, явно выраженное субъективное авторское начало. «Проза поэта как форма пересоздания реальности отражает напряженные творческие поиски художников слова, процесс самоидентификации автора, характерный для так называемых «переходных эпох» – пишет современный исследователь этого явления Л. Абдуллина. – «Как правило, поэта приводят к прозе поиски неканонических форм, способных идентифицировать авторское «я», отразить сложнейшие вопросы современности, что, в конечном счете, дает возможность художнику слова выступить, пользуясь определением М. М. Бахтина, «творцом формы». В обращении поэта к прозе, по утверждению И. Бродского, есть всегда «некий мотив снижения темпа, переключения скорости, попытка объяснить, объяснить себя» [36, с.15]

Жанр произведений «Степной городок» и «Великие скитания» Н. Чернова определила как «повесть в рассказах», тем самым подчеркнув значимость малой жанровой эпической формы и дробность композиции. Представляя свой «первый опыт в прозе», Н. Чернова пишет в аннотации: «Всё в этой книге правда, всё было на самом деле, и всё – фантазия». И завершает ее такими словами: «Картины бытия озарены поэзией детства, которая пронизывает повествование». Рай страны детства тем и удивителен, что все его обитатели равноправны, необыкновенны, окружены ореолом загадочности и каждый тянет за собой свою историю. «Степной городок» – это повесть из семнадцати рассказов. И прежде всего героем повествования становится сам городок, в котором «сады зацветают разом». «Ещё вчера улица была серой, с ветхими сараюшками, с тощими кустами карагача, густо обляпанными грязью, с кучами золы на дороге. И вдруг, в один миг – она преобразалась. Кипенно-белые цветки яблонь, груш, боярки, черёмухи и шиповника, вспыхивая друг за другом, таким светом озаряли дворы и сады, что вся нечистота пропадала. На огородах

цвели паслён, картошка и помидоры, а там и подсолнухи, и жёлтые «граммофоны» тыквы. Потом густел мёдом и сахарился липовый цвет. Обновлялись деревца голубой джиды, одевшись узкими длинными листьями. К концу лета она кормила нас вязками «финиками».

Все рассказы сюжетны, насыщены драматическими, трагическими, а часто и комическими событиями. Всё в них так, как бывает перемешано в жизни: великое и ничтожное, грустное и смешное. Вот история слепого старика, прозванного детьми «Крыльцодед», который сидел днем на высоком крыльце, «жил он на этом крыльце, они с крыльцом были одно целое». За предательский поступок, совершенный в детстве, ему пришлось расплачиваться всю долгую жизнь. Или история красавицы Елгавы Варламовой с ее «культурным салоном» и безропотным тружеником-мужем чем-то напоминает «Попрыгунью» Чехова. Многие рассказы посвящены судьбам людей послевоенного поколения. В рассказе «Пуговицы» описана Терентьевна, которая все еще ждет пропавшего без вести сына с войны. «Собирала Терентьевна пуговицы – солдатские, со звездой. Где увидит, подберет: «Моёво Петрухи, опеть потерял! Придет, я ему пришью». Целая коробка из-под чая набралась у нее этих пуговиц. Мы, дети, тоже – если находили солдатские пуговицы, несли ей. Она обрадуется, усадит за стол. Нальет в блюдца пахучего подсолнечного масла, посолит, даст по куску ржаного хлеба, мы и наминаем. Вкусно!».

Героями историй становятся не только люди, но и растения, животные. Н. Чернова живо и весело описывает, например, ворона: «Голова у него радугой синей лоснилась, глаза острые, как шильца, и блистучие, клюв твердый, желтой кости. Важная птица! Вышагивал, как принц крови». Цирк и базар с его фламандскими натюрмортами появляются в рассказе «Степной Вавилон». «Продавали много рыбы – река-то рядом. Скользкие, пятнистые щуки свешивали хвосты с прилавков, в их разинутые пасти лучше было не совать пальцев – щуки могли и куснуть, уже полусонные, омертвелые. Серебристые чебаки вроссыпь. Чебаки судорожно дышали, раздувая жабры. Сушеные лещи связками. Длинные колючие стерляди – они лежали отдельно. Дорогой,

штучный товар. Зато красной рыбы – завались. Горбушей плотно набивали бочки, круто посолив. Стоила она дешево, и мы ели ее с вареной картошкой чуть ли не каждый день». Разноязыкий Вавилон, действительно, описан: здесь русские, казахи, украинцы, китайцы, высланные чеченцы и немцы, даже цыганский табор.

Сочные разговорные интонации, образность, умение передать колоритную казачью речь, характерные диалектные слова, просторечие – всё это характерно и для повести в рассказах «Великие скитания», главной и сквозной героиней которой становится безымянная Девочка. Она любит слушать чужие истории о любви и жизни, сама придумывает сказки. Она тревожно-счастлива. Ей все интересно. Особенно то, о чем говорит старуха Катя. Не случайно автор замечает: «В детстве ведь фантазия и явь мало различаются, как в старости. Многое видится не глазами, а душой». Например, Девочка спрашивает: «Почему дождик называется ситничек? Из сита что ли?». А Катя объясняет: «Ходит по небу мокрый мужик, с ситом золотым, воду, котора из речки испарится, с трав подыметя, ловит, а поймать не может. Тока захватит горсть воды-то, она тут же просочится сквозь сито, снова на землю падает, сеется. Бяда, прям!». Эта старая Катя и малая Девочка как бы отражаются друг в друге и представляют собой две одновременных ипостаси женского архетипа, а между ними все женщины разных возрастов, о счастьях и несчастьях которых рассказывается в повестях Н. Черновой.

В прозе Н. Черновой присутствуют ностальгические нотки. Сквозь жизнерадостный и жизнелюбивый тон повествования нет-нет да и выплывут странные истории, которые свидетельствуют о забывчивости, убожестве и вине нынешних людей перед ушедшими. На месте городского кладбища, существовавшего с 1777 года, городские власти построили спортивный стадион, а надгробными плитами замостили тротуары. «На некоторых плитах были начерчены стихи или назидания: прохожий, остановись, мы тоже были живые, и ты станешь прахом. Но прохожие не останавливались, шли по новому тротуару, смеялись и шутили, мели клёшами летнюю, горячую улицу, ели мороженое...».

Старики жаловались властям. Те «покряхтели-посопели, косо поглядывая на стариковские плётки, но приказали все ж таки сначала перевернуть плиты с надписями лицом вниз, а потом и совсем закатать под асфальт. Так и лежат они до сих пор – память поруганная...».

Рассказ «Клад» начинается с прощания с прошлым: «Отшумела, отстрадала, отрадовалась эта жизнь. Нет больше большой черной лестницы в бывшем доме купца Гаврилова. Нет звонкой мостовой на улице Чехова. Нет школы, где мы учились. Нет дома, где останавливался Абай. Дом снесен. И соседние дома повалили, а сады сами вымерли, ушли вместе с нашим детством». И появляются картины свалки и развалин, среди которых «добытки» ищут клад. Современнно начинают звучать вплетенные в текст пророчества из вечной книги. И ей как бы вторит автор: «Еще чуть-чуть – и смоятся временем последние следы нашей жизни тут, на этой улице, в этом степном городке, будто и не было ее...».

Проза Н. Черновой вбирает в себя многие мотивы ее стихов. Эта поэтическая проза многослойна, затейлива, эпическое начало в ней расцвечено лирическими образами и интонациями опытного и вдохновенного поэта. Исповедальность не выражена открыто. Автору пишется легко еще и потому, что она чувствует за своей спиной незримо присутствующий, как бы охраняющий её русский миф, фольклор, всю классическую поэзию и прозу, которые поддерживают и питают творчество. Связующие нити тянутся к Тургеневу, Чехову, Бунину, Куприну, Горькому, Шмелеву, прозе Цветаевой. В ее прозе есть некая магия и ощущение полета.

В малой прозе Л. Калаус сосуществуют две тенденции. Во-первых, монологическая. Автор рассказов часто представлен как рассказывающее «Я». Во-вторых, сюжет каждого рассказа включает в себя сценографию, то есть небольшую сценку или диалогизированную ситуацию с динамичными репликами и характерными ремарками. Поэтому вторую тенденцию можно назвать драматической. Автор не бытописатель, а бытопереписыватель, то есть переписывает по-своему каждодневные

жизненные события, действующими лицами которых становятся дети и взрослые, мужчины в самом расцвете сил, несчастные и счастливые девушки, женщины и старухи.

Автор в рассказах Л. Калаус не прячется за маской нейтрального повествователя. У него женское лицо и женский витальный взгляд на мир. Читателю быстро передается легкая самоирония, сдержанная истеричность, тихая грусть и вера в то, что всё как-то образуется и что жизнь в конце концов прекрасна, и «все мы будем счастливы когда-нибудь хоть раз». Рассказы сюжетны, насыщены деталями и запоминающимися персонажами.

Рассказ «Нюра» о женских мечтах в 2013 году был опубликован в московском журнале «Новая юность». «Дача» – рассказ о закате жизни немолодой и больной героини, которая живет на даче одна и рада приезду дочери и внука. В конце рассказа появляется возможный покупатель дачи. «Баба Галя из Надежды» – рождественский рассказ с чудинкой. Рассказ «Фонтан» о том, что ничего не вернешь. Даже родной город меняется до неузнаваемости. «Центр, особенно центр – никак не узнать. Неля иной раз часами бродила вверх-вниз – от Пастера до Сатпаева, прочесывая и горизонтальные улицы – от 8-марта до Космонавтов. Глазела. Казино какие-то с фонариками. Дома-высотки (внизу – безлюдные бутики). Бесконечные магазины и магазинчики, торговые центры и центрики. Супер и мини маркеты. Старые дома сначала как-будто грибок поражает – начинается с первого этажа – решетки, мрамор, сплит-система. Потом второй облагородится. Правда, с третьего, облезлого, еще сизые портки свисают, но после добираются и до порток. Глядишь, через годик – ушел старый дом в глубину как старый сом, унося свои исписанные облезлые бока, гулкие сквозные арки, вечно заколоченные подъездные двери. И радоваться надо бы, глядячи на аккуратненькие стеклопакеты, сияющие витринки и вывески, загороженные железным забором аглицкие лужайки (на месте помойки). А как-то нерадостно». Тем и привлекательны для нее фонтаны, что они не меняются. «Все, все любимые места ушли в марево и мрак прошлого. Только фонтаны почти не изменились. Фонтаны на Тулебаева – с каскадами. Фонтаны возле Академии наук. Фонтаны

у Оперного». Рассказ написан от лица странной художницы, которая в конце рассказа тоже трагически исчезает из жизни, а обугленный клочок ее рисунка плавает в старом фонтане.

Рассказы Л. Калаус небольшие. Выбирая как бы случайные жизненные ситуации, автор жестко умеет выделить в них веселое, грустное, страшное и трагическое. Её героини и герои современны и узнаваемы. Они впечатлительны, неромантически, прагматичны и одновременно наивны и ждут чуда. А когда оно придет, то не всегда знают, что с ним поделать.

Известным в Казахстане и России писателем Н. Веревочкиным написано около двадцати повестей. В центре произведений всегда оказывается экзотическая, экстраординарная личность, к которой то приближается, и от которой часто временно отдалается словоохотливый, ироничный повествователь-экстравер. Текст начинает обрастать яркими деталями, описаниями, орнаментальными фразами, сказовыми интонациями. Сюжет тоже разветвляется в разные стороны, как ветки грамотно и вдохновенно-талантливо сформированной яблочной кроны алматинского апорта. Н. Веревочкин не делит свой текст на главы, но вводит межстрочные интервалы-пробелы, которые отделяют сцены, ситуации, фрагменты рассказа, повести, романа. Этот композиционный пунктир позволяет ему естественно возвращаться к исходной точке повествования.

Н. Веревочкин любит яркие, колоритные характеры. Автор в его произведениях – это, прежде всего рассказчик, создатель былей и небылиц, которые поважнее иной были. Именно такая история представлена в рассказе «Скульптор», история о том, как фантазия и смекалка рассказчика-персонажа спасают в век рыночных отношений от разрушения и забвения скульптуры одного городского мастера.

В 2006 году журнал «Дружба народов» впервые напечатал повесть Н. Веревочкина «Человек без имени». Н. Веревочкин становится постоянным автором журнала. В 2008 году, предвзяв публикацию романа «Белая дыра», Ч. Айтматов так вспоминал о событиях почти двухлетней давности: «В конце позапрошлого года впервые вручалась Русская премия. Напомню, что эта

премия присуждается за лучшее произведение литературы, написанное на русском языке писателями из Закавказья, Средней Азии и Казахстана. Мне выпала честь возглавлять жюри премии, тогда же я познакомился с замечательной повестью совершенно нового для меня автора из Казахстана Н. Веревочкина «Человек без имени». Эта представленная в рукописи повесть (ее журнальный вариант позже был напечатан в «Дружбе народов») произвела на меня столь сильное впечатление, что никаким колебаниям насчет премии просто не оставалось места. И, вручая ее тем декабрьским вечером в «Президент-отеле» лауреату, я подумал, что завидую тем любителям настоящей литературы, которым еще предстоит открыть для себя этого писателя» [37].

Повесть «Человек без имени» начинается с разговора бомжа и бездомного пса: «Вот ты спрашиваешь, Митек, трудно ли оторвать голубю голову? – задушевно обратился смердящий помойкой бомж к бродяжке-псу и, погрузнев, признался: – Зависит от того, сильно ли хочешь есть. Если бы кушать не хотелось, зачем бы я им головы отрывал». Подхалим Митек преданно глядел в глаза хозяину и, во всем с ним соглашаясь, с усердием постукивал грязным хвостом о землю».

В 2008 году журнал «Дружба народов» напечатал повесть, которая ранее была опубликована в журнале «Простор». Герой повести «Городской леший, или Ероха без подвоха» – художник Мамонтов. Рассказчик сразу обращает наше внимание на его необычную внешность: «Непокорная бежевая грива собрана в тугой хвост. Усы и борода с первой проседью». «Глаза зеленые. Кошачьи. Редко кто выдерживал пристальный, холодный взгляд художника. Особо тонкие натуры чуяли его даже спиной». «На ногах круглый год альпинистские ботинки-термосы, рассчитанные на перепад температур от плюс пятидесяти до минус пятидесяти. Всепогодные. Очень удобно. В остальном – одет по сезону. Без особых примет. В теплое время – джинсы, ковбойка. В холода добавлялся пуховик». Неординарная природная талантливость художника делает его образ запоминающимся, но «по ночам его преследовали всего три страха. Больше всего он боялся потерять талант. Этот страх чаще всего навещал его во сне. Ему



снилось: он необыкновенно способная, но безрукая курица. Ему хочется рисовать. Но рисовать нечем. Все, что у него есть, – уродливые, как обломанные веточки, ноги, а вместо рук – короткие, бесполезные крылья».

К. Гайворонский в рецензии «Леший его знает!» пишет: «Юмор, печаль, трагедийная нота, сарказм, образность, лукавство, отменный русский язык, поблескивающий редкими словечками, ясный слог, журчат в нем незатертые пословицы, поговорки, прибаутки – вот что вбирает в себя проза Н. Веревошкина» [38, с.166]. К. Гайворонский относит произведение Н. Веревошкина к жанру фэнтези и сопоставляет с прозой А. Гофмана, Н. Гоголя, М. Булгакова, В. Орлова. Это родство объясняет метафорический стиль писателя, фантастические сюжеты и художественные детали. В этот ряд можно добавить имена М. Салтыкова-Щедрина и Н. Лескова. Созидательное и охранительное начало творческого дара Н. Веревошкина сродни в русской литературе дару Н. Лескова. Да и орнаментальный стиль прозы казахстанского писателя сродни стилю классика русской литературы. Но, несомненно, что ирония и сатира явно сопутствуют авторскому повествовательному пафосу многих произведений Н. Веревошкина.

Произведение Л. Калаус «Темные паруса» опубликовано в журнале «Дружба народов» и имеет подзаголовок «повесть в картинах» [39]. Дробность композиции, сценичность эпизодов, острота диалогов, графическая четкость визуальных описаний – все это характеризует драматургический характер ее прозы. Но при этом в повествовательной структуре повести явно выражено активное ироническое, а порой и гротесковое авторское мировидение.

Динамика фразы и острое чувство современности, быстрота впечатлений и точность их передачи, стремительное начало привлекают читателя. «Небо гудело над крышами, давило на горы, угрюмо нахохлившись на юге, пригибало к земле мятежные головы верненских вязов, кажется, сосланных сюда когда-то вместе с дагерротипами, латунью подзорных труб, кружевом зонтиков, казачьими станицами, синематографом «XX век» и прочими философами-садоводами-революционерами-инженерами-строителями

-поляками-корейцами-японцами-татарами-немцами-эстонцами-евреями». Автор откровенно субъективен, считывая информацию с пейзажа современного города. Урбанистический концептуальный пейзаж: «В пять пополудни сизая муть была электрифицирована свечением невидимого, но близкого солнца. И уродливый город медленно и мягко зажётся изнутри янтарным величием русского барокко. Так бывает в Средней Азии».

Л. Калаус называет свое произведение «повестью в 9 картинах», тем самым подчеркивая дробный, сценичный характер композиции. Мы имеем дело с эпическим повествованием с характерными сценическими диалоговыми эпизодами. Конечно, «Темные паруса» соединяет в себе гротесковую картину современных нравов и скрытый ностальгический лиризм по «алым парусам» мечты. Трудно однозначно сказать, любят или не любят автор и ее героини этот город. Другого города им не дано, они его знают от восхода до заката и от заката до восхода. Они в нем живут. А город, как родителей, лучше не выбирать, а уживаться с ним.

Лида под видом журналистки приходит в дом своей подруги Аси. Цель визита – взять мнимое интервью у талантливой, незаурядной Аделаиды Павловны – матери Аси. Лиду поражает и ужасает эта немолодая, капризная, подозрительная, очень разговорчивая творческая личность. Лида жалеет, что ввязалась в эту историю. Автор передает сжатое, мозаичное и клиповое сознание молодой интеллектуалки: «Мысли мельчали, суетливо ёрзали, вырождаясь до меню завтрашнего обеда вперемешку с прайсами, каталогами, накладными ногтями налоговички, вечерним маршрутом в супермаркет». Впрочем, Лида устала не только от других, но и себя она осуждает ничуть не меньше. Читатель получит некомплиментарный, даже безжалостный портрет героини: «Лида огляделась. Обувь пыльной кучей свалена в углу, на вешалке – сиротливая шуба. Овальное зеркало с крошашейся от старости амальгамой безразлично отражает кургузый силуэт бабы лет тридцати пяти. Пегие волосы стоят дыбом над одутловатым лицом, оправа тонкого металла создаёт ложное впечатление гимназического пенсне, картину довершает изжёванная

майка с принтами – бэкграунд для мобильника на шее – в ансамбле с косо сидящей марлевой юбкой».

С интервью не всё ладится, так как Снежная Королева (так Лида про себя называет мать подруги) или просто Королева что-то заподозрила, ей предъявляют специально заготовленную визитку, на которой можно прочесть: «ЭДЕЛЬВЕЙС. Ассоциация ветеранов ВОВ и инвалидов труда. Литературный клуб». Автор без всякой патетики рисует сценки городской жизни: «Вошла во двор и сразу же увидела нужный ей дом – стоящую под неправильным углом к остальным постройкам невзрачную хрущобу, полузадушенную купами вьюнка. Подъезд, пропахший тяжким кисло-молочным духом, невысокие, крошащиеся мозаикой ступеньки, на каждой лестничной площадке теснятся по четыре разномастные дверки. Второй этаж – детские вопли заглушают телеперестрелку. Третий этаж – злобное мяуканье и гортанный телефонный разговор. Четвёртый этаж – топот сонма мелких ног слева, сдавленное хихиканье справа, органичные всхлипы прямо по курсу, и – тягучая тишина за дверью с мелом нацарапанным номером квартиры. Лида позвонила, раздались алябьевские трели. Открывать не спешили. Лишь после третьей, несколько нервной уже рулады, кто-то припал к глазку».

Стремительность поведения Лиды передана ритмическим стилем реплик: «Лида неловко прыгнула с подножки автобуса, вырвала подол белой юбки из-под ноги кондукторши и засемила прочь»; «Лида скovyрнула босоножки». Столь же точно, и кратко, и динамично обрисован пейзажный фон: «Потемнело. В городе начиналась буря, застонали, ломая шапки, карагачи, ветер вдул в комнату горсть листовенного конфетти». Живо переданы манеры речевого поведения четырех персонажей: Аделаиды Павловны, Лиды, Аси, ее брата Славика. Славика характеризует одна реплика: «Валить отсюда надо, ясен корень».

Традиции гротесковой образности прозы Л. Калаус обнажаются в самопризнаниях повествователя: «Кафель на стенах был покрыт многолетними разводами грязи, трещинами. При долгом разглядывании из всего этого складывались и произрастали собачьи морды, дьявольские профили, вытаращенные глаза,

схематичные обозначения Солнца, Луны, зодиаков и несколько вполне аутентичных петроглифов. Вот если бы она, Лида, умела рисовать... Или фотографировать. В общем, фиксировать как-то эту жизнь-нежизнь, странные эти штуки, видимые всем и почти никому не видимые. В детстве Лида часто страдала ангинами и приступами холецистита, поэтому много читала, а также часами разглядывала заоконный пейзаж – лики из веток и листьев, иногда изменяемые ветром, дождём и солнцем. Повзрослев, часто задумывалась – не из этого ли мусора рождается первоискусство, чтобы потом, пройдя через все положенные исторические стадии, снова вернуться к эскапизму абстракции?..». Те, кому известна авангардная художественная графика Л. Калаус, увидят в этом признании подсказку, ключ к ее картинам, портретам, иллюстрациям. Она щедро раздаривает подлинники и копии, с радостью позволяет использовать свои рисунки при оформлении книг, журналов («Аполлинарий», «Книголюб»).

Гротесковый мелодраматизм в повести постепенно перерастает в трагикомизм. Весь этот маскарад с интервью был затеян с благой целью, чтобы отвлечь и развлечь онкологическую больную. В последней картине Ася возится с младенцем, происходит примирение с братом, а Лиде никуда не хочется уходить из этого дома. Где-то за пределами изображаемого находится ее муж Жорик, которому она часто звонит по сотовому. Но он так и не появляется перед читателями, остается закадровым персонажем – таким непопавшимся Годо из пьесы С. Беккета.

Лида подходит к окну: «Внизу раскинулся линованный кривыми дорожками, как пучком артерий с анатомического атласа, пустырь. На нём сгрудилась отара поросших курчавым снегом иномарок. Пейзаж казался уже родным, как запах этой квартиры, как чужие обстоятельства, как новые заботы, как старые летние мозоли». В последней строфе соединяются вечные мотивы Андерсена и Грина, и кажется, что можно и нужно жить даже тогда, когда вроде бы и бессмысленно: «Жизнь, думала дальше она, полна не вопросов, а ответов. Лида благодарно улыбнулась сквозь слёзы и посмотрела на небо. Луна пропала. Азиатские звёзды колюче посверкивали, как осколки разбитого троллями

зеркала. А потом, заслоняя звёзды вздувшимися тёмными парусами, строго на север проплыл в обморочной высоте громадный парусник, и с его борта блеснуло на прощание странно знакомое слово, сложенное из кусочков льда».

«Темные паруса» написаны так, чтобы спровоцировать читателя, вызвать его на контакт и, ничего не обещая, оставить наедине не только с текстом, а с вечными проблемами городского пространства, принадлежащего каждому из живущих в нем.

Книга Е. Клепиковой «Алматинские бльшки» вышла двумя изданиями (2011, 2012). У книги есть развернутый подзаголовок: «Странички из истории нашего Города или маленькие рассказы о любви». В монологическом повествовании Е. Клепиковой различаются три интонации: эпическая (расскажу, как было), ностальгическая (этого уже не будет), оптимистическая (это всегда со мной). Как эпический повествователь автор представляет нам жизнь Верного, Алма-Аты и Алматы в разные периоды времени. В рассказе «Баба Маша и Расул» идет рассказ о жизни дома в Малой станице и большой семьи семиреченских казаков. В истории жизни людей вводятся описания, которые дают возможность читателю дорисовать воображением алматинскую жизнь. Вот эпизод уличной картинке середины XX века: «Футболисты из команды Петропавловского «Динамо» стояли группой на улице Ленина, ждали, когда их повезут на стадион. И тут по Ленина вниз, с гор надвинулся длинный гужевой обоз: на телегах везли огромные, красные алма-атинские яблоки – невероятный апорт, размером почти с футбольный мяч. Раннее утро, капли росы на ярких боках, ни с чем несравнимый сладко-свежий запах спелых яблок... «Ребята, яблоки везут... как картошку...» [40, с.30].

В рассказе «Энциклопедия выживания» – Алма-Ата 90-х: «Алма-Ата жила, как и вся страна: в чем-то, может быть, лучше, в чем-то – хуже. По вечерам не горели фонари, улицы – заплываны семечками и завалены мусором... Возникали стихийные рынки, базарчики, толкучки, на которых торговали всем, чем можно, не можно, невозможно. Каждый выживал по мере сил и умений: кандидаты наук шли в посудомойки к кооператорам, персональные пенсионеры пристранивались вахтерами, драматические

актеры подражались копать огороды». В рассказах оживают топография и топонимика города. Описывая гастроном «Столичный», Е. Клепикова называет проспект Сталина и тут же поясняет, что позже он стал Коммунистический («Первый полет»), а сейчас – Абылай хана. В описания попадают Оперный театр, сквер и кафе «Театральное» («Тяжкая доля»), алматинский зоопарк («Вовка») и район, получивший среди горожан прозвище «Компот», предгория («Сель»).

Социальное лицо города определяют его жители. Рассказ «Красота – страшная сила» начинается с клепиковского слогана: «Есть такая национальность – алмаатинец». И далее автор объясняет: «Это только в паспорте пятая графа заполняется фиксировано: казах, русский, татарин, немец, уйгур, а на самом деле... Казахо-татары-уйгуры, русско-немецко-казахи, греко-поляки-евреи, чечено-болгаро-турки, украино-татаро-монголы, дунганские курды, белорусские узбеки, ингушские хакасы...». «Результат таких смешений «рас и народов» вылился в красоту несказанную. Все, кто попадает в Алматы впервые, удивляются – в городе нет некрасивых девушек. Девушки наши самые-самые-самые – это факт неоспоримый. Нельзя назвать их красавицами «классическими». Невозможно назвать их «красотками» – кошечками (курочками, детками) – красота это не типичная, не тиражированная». Об одной истории любви и женитьбы внука главы «главы благополучного корейского клана Сон» речь идет в рассказе «Надежда». Другая история о русской невестке в восточной семье называется «Любовь».

Истории Е. Клепиковой о любимом городе жизнерадостны, насыщены юмором и оптимизмом. В определенной мере все это тоже свойственно алматинской ауре и энергетике. Пестрый калейдоскоп этих коротких рассказов, которые справедливо названы автором «быльки», представляет собой открытый цикл, текст которого незавершен, как неостановима жизнь города. Анализ рассказов, написанных и опубликованных за два десятилетия XXI века, убеждает в мобильности и востребованности этого жанра современной литературой, в его значимости для развития эпических жанров и прежде всего – повести.

С прозой и поэзией Ю. Серебрянского, автора книг «Мой Караваждо» (2006), «Рукопись, найденная в затылке» (2010), «Destination. Дорожная пастораль» (2011) знакомы в Казахстане, России, Польше и т.д. Участник Форумов молодых писателей России (2007, 2008) печатается в «Дружбе народов», «Новой юности», «Знамени» и т.д. Главный редактор журнала польской диаспоры в Казахстане «Almatynskij Kurier Polonijny». Лауреат Русской премии – 2010 в номинации «Малая проза» за повесть «Destination. Дорожная пастораль», включающую «Шведский стол», «Казбек», «Паром идет в Кабатач», «Невесомость», «Южный крест», «Прага 11» и др. Его проза интеллектуальна и увлекательна. Его герои беспрепятственно передвигаются по миру, любят размышлять в пути и не только наблюдать из окна иллюминатора, но и представлять то, что происходит на земле. Как у персонажей американской писательницы Виктории Кинг, у действующих лиц прозы казахстанского автора – личное пространство в кресле самолета, где хорошо думается и можно привести в порядок мысли, чувства, выстроить линию поведения на земле («Я еще ни разу не спал в самолете, хотя летать приходится много. Небольшая турбулентность способна отрезвить меня от маленькой бутылки красного вина и бокала пива»).

«Небо над Лахором» Ю. Серебрянского – внутренний монолог главного героя и повествование только от его имени: «В самолете я стараюсь не думать о самолете. Когда на экране заканчивается развлекательная передача, начинают транслировать карту и телеметрию. Я вижу, что вот уже слежение за полетом передано на станцию в Пакистане. Самолет скоро пролетит над ней. Сейчас внизу снежные вершины и где-то там К-2, самая высокая и неприступная гора. Станция слежения где-то там. Я представляю ее в виде заснеженного вагончика на ослепительном склоне. Следы вокруг засыпал ночной снегопад...». Проза Ю. Серебрянского в чем-то перекликается с прозой Я.Л. Вишневского, герои которого мобильны и открыты миру. «Искренне писать можно только о том, что пережил сам», – говорит Ю. Серебрянский в беседе с Ш. Адибаевой. В его прозе отражается опыт путешествий и его профессиональная деятельность по линии ООН. В то же

время он считает себя «человеком советского происхождения, результатом дружбы народов. Во мне много кровей – польская, русская, чувашская. И это не просто выбор образа. Я действительно считаю себя проводником советской культуры» [41].

В стиле легкой оригинальной прозы создает рассказы О. Фомина, продолжая в русской литературе Казахстана повествовательную традицию Д. Рубиной. Содержательный пласт небольших по объему рассказов интересен. Сюжеты искренни и фантазийны, сказочны и позитивны. Это, в какой-то степени так модные в Европе и США «книги для чтения в самолете», что подтверждает и сам формат издания сборника рассказов О. Фоминой «Пуговица» издательским домом «Библиотека Олжаса» с изображением на обложке Эйфелевой башни, словно приглашающей в путешествие.

Путешествуют в рассказах О. Фоминой петербурженка Аида – по хранилищу древних книг чужого восточного города и фарфоровые статуэтки мышат Лили и Лулу, приобретенные их хозяйкой в маленькой сувенирной лавке одного из голландских городков. Концепт путешествия отражен непосредственно в названиях рассказов: «Приключения перламутровой пуговицы», «Удивительные приключения Ксантоса», причем сам кот Ксантос и рассказывает о себе. Рассказ «Красный жук» – о Фольксвагене-жуке, который просыпается от страшного сна, где маленький сувенирный автомобиль превращается в настоящий и с ветерком гонит по широкому автобану. В прозе О. Фоминой оживают статуэтки, игрушки, машины, они очеловечены автором и каждый из них имеет свою историю, немного грустную, но со счастливым концом. Ведь «все дело в том, как ты воспринимаешь свою жизнь, и если ты воспринимаешь ее такой, какова она на самом деле, у тебя все будет хорошо» [42, с.139].

В книге малой прозы О. Фоминой сильны казахские мотивы. Один из рассказов посвящен ее подруге Аиде Айтбаевой и назван «Шашпау». Серебряные подвески шашпау приносят счастье влюбленным и воссоединяют Айсулу и Яноша из Будапешта. Путешествия дарят новые встречи и кардинально меняют жизнь героев сборника рассказов. Не случайно, по-видимому, героиня



рассказа «Глобус княгини Вяземской» мечтает в Вене посетить музей глобусов. «А про себя Настя подумала, что ее удачи начались с глобуса, а, может быть, это ей показалось?» [42, с.168].

Разнообразна и разножанровая современная казахстанская Пушкиниана, ставшая объектом литературоведческого исследования в монографии С. Ананьевой «Казахстанская Пушкиниана» (А., 2010). Автором обобщен вклад казахстанских пушкинистов в мировую Пушкиниану. Литературовед изучает исследования о жизни и творчестве поэта Н. Раевского, Г. Бельгера, С. Абдрахманова, Н. Щербанова, Е. Гусярова, О. Видовой и других, анализирует переводы произведений Пушкина на казахский язык и произведения Дм. Снегина, К. Кешина, К. Гайворонского, Г. Доронина, М. Кузина и др. На страницах книги освещены неизвестные ранее страницы дуэли, введены в научный оборот новые факты, доказано, что казахстанская Пушкиниана занимает второе место после российской. Научные открытия и гипотезы отечественных ученых находят подтверждение и развитие в трудах исследователей творчества Пушкина в России и дальнем зарубежье.

В книге Н. Щербанова «Уральск литературный» (Проект Фонда «Русский мир», Общественного Фонда «Евразийский союз ученых», «Евразийское предназначение художественного и философского наследия Л.Н. Толстого», Уральск, 2008) воссозданы уральские страницы в творческой биографии А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, Л. Н. Толстого, И. И. Железнова, Н. Ф. Савичева, В. Г. Короленко, С. А. Есенина, К. А. Федина, Д. А. Фурманова, В. В. Бианки, В. П. Правдухина, М. А. Шолохова, Н. Ф. Корсунова. Объектом исследования избрано «Приаралье как особый культурный регион в общем контексте отечественной литературы». Казахстанский ученый убедительно доказывает, что «на протяжении многих десятилетий уральские истоки плодотворно питали большую русскую литературу». Один из примеров: Лика Мизинова – прототип чеховских героинь («Ариадна», «Чайка», «Дом с мезонином») – потомственная уральская казачка, «с прадедом которой полковником Стахией Дмитриевичем Мизиновым

встречался и беседовал А. С. Пушкин в Уральске в сентябре 1833 года».

Пушкин считал, что без знания истории яицкого казачества невозможно понять и объяснить сущность этого народного движения. «Полное понятие о внутреннем управлении яицких казаков, – пишет Н. Щербанов, – об образе их жизни и прочем необходимо для совершенного объяснения Пугачевского бунта. Именно поэтому Пушкин придавал первостепенное значение историческому и фольклорно-этнографическому материалу, собранному им во время поездки на Урал осенью 1833 года, и особенно словам престарелых очевидцев, которые дали ему очень много не только как историку, но и в большей степени как художнику. Обильные сведения, полученные от встреч со стариками, в том числе и с бывшими пугачевцами, живо еще помнившими и Пушкина, и его время, позволили Пушкину уяснить соотношения ставших известными ему местных преданий и песен с исторической действительностью».

«Невозможно проникнуть в тайники творчества...», – уверен К. Гайворонский. Но автор книг «Поговори мне о себе», «Между Сциллой и Харибдой», «Я жил в такие времена», романа-эссе «Эффект неприсутствия» и многих других проникает в святую святых – тайну творчества. Повесть-эссе «Поговори мне о себе», по авторитетному мнению Г. Бельгера, изобилует «любопытными, свежими фактами и оригинальными, нестандартными суждениями о жизни и творчестве великого русского поэта». В ней автор приступает к исследованию темы – Пушкин и декабристы, которая будет продолжена в повести «Между Сциллой и Харибдой». «Книги К. Гайворонского о Пушкине, декабристах, его роман – гипотеза о времени царствования Павла I – неординарное явление в культурной жизни Казахстана», – такое мнение высказывает Б. Джилкибаев в Интернет газете «Навигатор».

Казахстанский исследователь предпринимает попытку на основе свидетельств историков (Н. К. Шильдера и др.), участников исторических событий (Бенкендорфа, А. О. Смирновой-Россет и др.), переписки (Бенкендорфа с Уваровой и др.) установить более точную картину происходящего, выявить действительные

отношения Пушкина к декабристам и декабристов к поэту. А. Васильев в «Евразийской музе» пишет обстоятельно и подробно: «Константин Гайворонский известен как литературный исследователь. Две повести, вошедшие в его новую книгу «Дорогие недруги», представляют его и как очень интересного писателя – умного, тонкого, не зажатого академическими рамками. Повесть-эссе «Дорогие недруги» обращена не просто к творчеству двух великих представителей польской и русской литератур Адама Мицкевича и Александра Пушкина, но и шире – к очень непростым взаимоотношениям Российской империи и Царства Польского той эпохи. Повесть, читающаяся как увлекательный детектив, полна неожиданных версий, опровергающих, казалось бы, навсегда устоявшиеся представления о причинах написания тех или иных строк, об истинности их адресации. Высказывается и доказывается предположение, что, например, известнейшее стихотворение «Я помню чудное мгновенье...» обращено вовсе не к А. П. Керн, а к императрице Елизавете Алексеевне, супруге императора Александра I. Особое место отведено роли женщин в жизни обоих поэтов» [43].

Сродни детективу и вторая повесть – «Манускрипт». Начинаясь с обнаружения странной рукописи, листы которой послужили обёрткой для... воблы, повествование затем всё глубже подбирается к одному из самых загадочных событий века XIX, известному как исчезновение императора Александра I. Почти полтора века назад в Томской губернии скончался благочестивый старец Фёдор Кузьмич. По народной легенде, под этим именем провёл свои последние годы российский император Александр Павлович, вовсе не умерший в 1825 году. Как-то раз Вяземский обронил об Александре I: «Сфинкс, не разгаданный до гроба». Очередную попытку разгадать предпринимает и Константин Гайворонский, уверенный, что «переосмысление минувшего омолаживает историю и делает её бессмертной» [43].

Поэзия, публицистическая и художественная проза, интервью, репортажи, статьи поэта, прозаика, публициста Р. Артемьевой публикуются на страницах ведущих казахстанских газет и общественно-литературных журналов «Простор», «Нива»,

«Аманат», «Тан-Шолпан», «Гольфстрим», «Мегалог» (Россия), «Листья» (США), «Ренессанс» (Украина) и многих других, на страницах казахстанских WEB-сайтов. Стихотворения Р. Артемьевой переведены на английский, казахский, литовский языки. На русском и в переводе на казахский язык ее стихи неоднократно звучали в передачах «Казахского радио» и на телевидении. На некоторые из них написаны проникновенные песни и романсы, которые вошли в музыкальные CD и аудио – альбомы. Р. Артемьева – автор коллективного сборника «Три поколения женщин» (2001), поэтических книг «Странница» (2002), «Прикосновения» (2005), сборника стихов и прозы «Благодарю за дружбу Вас...» (2008), поэтического сборника «Ритмы тишины» (Избранное, 2010). Один из авторов антологии «Независимый Казахстан: Антология современной литературы» (Москва, 2013). Презентация о ее поэтическом творчестве подготовлена магистрантами Центрально-Европейского университета в Будапеште. О. Мун написано эссе «Homeland, culture and identity: The dialogues between Artemyeva and Anzaldua» (Будапешт, 2014) об актуальных проблемах идентичности и о том, как в современном мире разные культуры влияют на формирование идентичности.

Поэзия Р. Артемьевой лирична и светла, обращена к современному читателю. У поэта большая читательская аудитория. Известный переводчик из Москвы А. Головачева пишет: «Великолепен Венок сонетов. Стихи написаны акварелью – тонко, трепетно, чувственно и очень точно». Е. К. Дейч, литературовед с мировым именем, профессор МГУ (Москва) благодарит за издания, в которых живет душа поэзии. Ее поэтические посвящения удивительны по архитектонике. Гульфайрус Исмаиловой посвящено стихотворение «Когда живешь на верхнем этаже», которое читается как сверху вниз, так и снизу вверх:

**Когда живешь на верхнем этаже...**

Никто не ходит по твоим молитвам.

Нам дарит взгляд особенный сюжет -

Плняя светом и игрой палитры.

Ведь с высотой она обручена,  
В ее порывах вызревают краски.  
Душа гармоний солнечных полна,  
На холст прольется, не боясь огласки.

Мир осветив, как стекла в витраже,  
Приходит мудрость тайной старых свитков,  
Когда живешь на верхнем этаже,  
**Никто не ходит по твоим молитвам...**

Основные темы публикаций, очерков и статей Р. Артемьевой – люди, культурное наследие, яркие события в области литературы, культуры, взаимодействие и взаимовлияние культур. Она создала великолепные очерки-исследования о П. Мариковском, Н. Раевском и многих других. Р. Артемьева – «истинный поэт, вдохновенный мастер, пассионарный литератор-публицист. Творчество ее представляет несомненное культурное достояние РК» (В. Бадиков). В литературу ее напутствовали литературовед с мировым именем, поэт-переводчик А. Жовтис и замечательная поэтесса И. Потахина.

У Р. Артемьевой есть интересный фольклорный цикл, соединивший «Святки», «Масленицу», «Красную горку» и «Купальские песни», написанный мастерски и со знанием фольклорных тонкостей, с исчерпывающими примечаниями», – подчеркивает С. Соложенкина. – В ее стихах ощутимы живописное и музыкальное начала, но и философия здесь – желанная гостья. Поэт ищет свои «мыслеформы», стремясь:

Прозреть от сути вечности седой,  
И пить ее, как жаждущие – влагу,  
И любоваться цветом и строкой,  
Слагающими жизни нашей сагу.

Г. Шкавронская – автор двух поэтических сборников «Подарите мне улыбку» (2009) и «Радуга чувств» (2013). Рубеж тысячелетий – время подведения итогов и определения перспектив

на будущее. Концептуальная модель жизнь – путь определяет самое важное в творчестве и судьбе казахстанской поэтессы. Лирическая героиня «в кратком жизненном спектакле, как подарок», ловит каждый миг, чтобы ткать узор в своих стихотвореньях, «чувств и мыслей кружева». Беспреданно манит радость песенных дорог, где кружат, танцуя, годы. Энергия поэтического текста передает энергетику автора, энергию его мысли, убедительной, завораживающей, увлекающей за собой. Поэт имеет право на обращение к читателю с доверчивыми и уверенными в своем предназначении строками: «Я стану тенью призрачных надежд, / Плывя по Морю Разочарований ... / Я стану болью, спрятанной внутри / Глубокою царапиной саднящей ... / Слегка коснусь тех чутких нежных струн / Души, что искрой в нас зажег Создатель».

Контрапункт поэзии Г. Шкавронской – летящие годы. Лето катится с горки, ускоряя свой разбег... Плывут облака, рождая печаль безумно-вдумчивым полетом. Героиня дорожит особо нежной нитью чувств и удивительным даром взаимопонимания. Жизнь и Время – в центре философского осмысления казахстанской поэтессы. В жизненном калейдоскопе – лица... чувства... даты... Снежным серпантинном и чудо-паутинами расцвечены зимние картины. Для героини, как, впрочем, и для автора важен природный уют. Тогда и неба синь мерцает перламутром. Осеннее увядание покрывает окружающее золотом. Лично-обобщенные высказывания поэтессы удачно соседствуют с фольклорными образами и мотивами, риторическими вопросами: «Что ты, ива-ивушка, / Косы расплела? / Аль судьба-судьбинушка / Чем-то не мила?»

Есть в новой книге стихи, адресованные детям. «Всех милее ты!» и др. Созданы они в лучших традициях детской литературы. Представлены романсы «Ночи прохладные, тихие, тихие...», «Адажио», «Осенний каприз», «Звучит рояль», «Все в этой жизни когда-то кончается...» Поэтические строки удачно ложатся на музыку, они музыкальны в своей основе. Завершают книгу сонеты, в отточенной стихотворной форме которых заложен глубокий философский смысл.

Молодые поэты, обращаясь к своим ровесникам, создают необычные поэтические образы креативных и современных жителей планеты Земля. Р. Жуков – автор поэм, стихотворений, драм, миниатюр, пейзажной лирики. Новое поколение поэтов мобильно: «Мы – дети птиц. Мы правнуки полета, слепой совы и серого орла». Свободно говорят на иностранных языках. Перемещаются по континентам, понимая друг друга и чувствуя степень родства: «Я и рад все кругом поменять – / Степь на горы, равнину – на равность...». Но родная степь не отпускает далеко, возвращая и даря силы для поэтического творчества: «Я люблю свой дом. / Я люблю очищаться огнем. / Я люблю, / когда к моему огню / приходит замерзший человек / и рассказывает о том, / как на поздние цветы / падает снег...»

Границы пространства и времени поэтического мира расступаются. Лирический герой в повседневной жизни с ее сутолокой, бешеным ритмом «думает о поэзии. О рифме. О ритме». Размышления о поэте и поэзии – вечные вопросы. Порой обнаруживаются парадоксальные ситуации:

Поэты начинают стесняться смысла,  
Смысл начинает стеснять поэтов.  
И в рассуждениях такого рода  
рождается свобода  
и умирает лето...

Не вынося «ни похвалы, ни критики», «стихи из обыденности вытягивая», поэт ищет время в незаполненном пространстве как лирический герой стихотворения «На себя ищу похожих...». Вторгается «в пространство личностное глядя опасливо» («Ничего личного...»). А это современный город, в который поэт посетил своих героев: «Снег – гречневой кашей. / Его лопатами едят куртки оранжевые». Именно здесь он находит сюжеты поэм: «Поэма Прикосновений зародилась на остановке имени имени того имени». Здесь и в родной природе – истоки его поэтического творчества.

Особо подкупает бережное отношение к слову. Автор внимателен к родному языку, чувствует и понимает многообразные смысловые оттенки и всю палитру красок: «Вот я вымотан и сно-ва намотан. / Который день? Воскресенье, Montag?» Лирический автор-герой «Маленькой драмы БЕЗдействующих лиц» любит / Слова / С конца / Строки / Кидать / В судьбу / Кольцом / С руки.

Продолжается поиск в нашем изменчивом мире родственной души («Прощание цвета прощение»). Буквы имени любимого кугаются в хлопок разукрашенных одеял. Появляются проникновенные строки: «Она не писала стихов, но любила / верлибры». Часто стихотворения начинаются риторическими вопросами, не имеют заглавий. В итоге – маленький шедевр.

Сколько красок надо для холста  
«Разлуки»?  
Черный. Серый. Море фиолета.  
Здесь не нужно лиц – нарисуйте руки...  
Да. Рука в руке. Так я вижу это.  
Как изобразить, написать «Скучаю»?  
Сделать холст звучащим,  
миллионгранным?  
Нарисуйте руки. Рядом с чашкой чая,  
Рядом – телефон, только вверх экраном...

Светла и полупрозрачна, по-блоковски строга пейзажная лирика: «К востоку вечер меркнет. / Приземиста, бела, / Часовенка у церкви / Звонит в колокола». Мотив памяти-воспоминания решен в есенинской интонации: «Помнишь, как заплетал красиво / Косы яблонь огонь голубой?»

Обращение к Сергею Есенину – открытое. На обложке падающей книги – надпись «прямым порядком букв» – С. Есенин. А в стихах – переключка на глубинном уровне: «Прости меня... Ты вправе ТАК прощать...». Блок, Есенин, Маяковский поэтическими образами и темами так или иначе присутствуют в поэзии



Р. Жукова. Но у современного поэта акценты переставлены. И здесь не только Есенин, но и Блок. Ночь. Улица. Фонарь. Аптека.

Слова – пусты. Но мне без них никак.  
Жениться нужно только на Поэме,  
Чтоб проходили молодость и время.  
Звезда. Февраль. Театр. Свечи. Мрак.

Мотивы гражданской поэзии – от В. Маяковского. Как и умение говорить прямо, бросая отрывистые слова в лицо и концентрируя смысл, сжимая его до минимума, до афористичности («Радость отцовства и боль материнства»). Но есть и Достоевский в «Бумажной пьесе», которая началась с «Поэмы прикосновений». У автора – это одно название «Бумажная пьеса началась с поэмы прикосновений». Она вполне могла бы иметь эпиграф – посвящение: «И людям, однажды побитым, униженным и оскорбленным...» А разговор двух богов, подслушанный в лифте – совершенно отдельное произведение-диалог:

– Что ты чувствуешь?  
– Холод. Ноги в сугробе стоят.  
– То костер под тобой.  
Будь внимательней, брат!

Реминисценции из мировой литературы наполняют поэтические строки особым смыслом: «Давай подожжем еще один том / Набоковской прозы, а лучше Толстого. / Военные перья орла мирового, / Кукушкиным над пролетая гнездом».

Поэт экспериментирует с формой, меняет привычный порядок слов. Все строки стихотворений могут начинаться со строчной буквы. Сказовые, фольклорные мотивы приближают стихи к русским былинам. Лирический герой отдает тишину, набранную в трехлитровую банку, в добрые уши. И подмечает совершенно верно: «В городе взяли моду рубить деревья». Философские размышления о жизни соседствуют с акварельными полутонами пейзажа: «Головой на ласковые плечи / Синева ложится у окраин...» Поэт убежден, что «быть самодостаточным – это значит не брать взаймы». Лейтмотивом через поэтический сборник

проходит осознание – предупреждение: «Легко среди сотен прочих потерять свой единственный путь». Человек есть свобода. В этом убеждает поэзия Р. Жукова.

В преддверии 70-летия Великой Победы «Фронтовая быль», «Васильковая память», «Будь проклята эта шальная война» Н. Валуйской наполняются особым смыслом. «Васильковая память» из поэтического сборника «Песочные часы» навеяна древнерусскими мотивами: жалость-тоска, ясный сокол, горе горькое, солдатушко, матушка-земля. Так и слышится плач Ярославны в скорбной песне лирической героини: «Ясный сокол мой далехонько убит...» Внимают жене воина «в синем поле василечки-васильки», плачет лес слезой янтарною, хмельной. Особой проникновенности и возвышенности достигают завершающие строки баллады:

Память вечную поют ему поля,  
Крик небесный –  
от тихони журавля.  
Цвет атласный –  
от калины молодой,  
Стон земли – от матери родной.  
От жены – венок душистых трав,  
Вспоминай хозяйки добрый нрав.  
От малого – родниковая душа,  
Чтоб гордиться мог отец  
за малыша.

Лейтмотивом второго поэтического сборника Н. Валуйской «Страница» становятся разлука, расставание, обман, несбывшиеся надежды. «Слово «страница», – пишет автор в Предисловии, – имеет несколько значений. Странная, странствующая, ищущая, потерянная, блуждающая во временном и пространственном лабиринте, лабиринте души и любви». Повествование нередко идет от первого лица, что придает стихам исповедальность. Во втором сборнике – годы безвременья в жизни целого

поколения, переоценка духовных ценностей («Волкодавно щетинилось Время»), поиск ориентиров.

В третьем сборнике «Карточный дом» представлены стихи и сказки, а автор его держит путь «на перепутье / Веков, времен...» Таким образом, концепт времени становится объединяющим для всех сборников, создавая поэтическую трилогию. Все три сборника Натальи Валуйской очень интересно оформлены Валуйской Софьей, дочерью поэтессы.

Особую нагрузку в современном литературном процессе «в условиях развития и углубления межкультурной коммуникации обретает рецепция национальных литератур как оригинальных моделей мышления» [44, с.18]. Русская проза и поэзия Казахстана широко представлена в изданиях России, Беларуси, стран дальнего и ближнего зарубежья. Н. Веревошкин, И. Одеров, К. Серебрянский, П. Банников, М. Земсков и многие другие активно публикуются в Антологиях, на страницах литературных журналов, становятся победителями литературных конкурсов, Интернет-конкурсов, что способствует продвижению литературы Казахстана в мировом сообществе. Все больше магистерских и докторских (PhD) диссертаций посвящается творчеству отечественных авторов. Это очень важный факт в плане гуманитаризации образования, включения регионального компонента в новые образовательные программы и стандарты.

Отечественные издания активно публикуют молодых авторов. На страницах альманаха «Литературная Алма-Ата» увидели свет рассказы Р. Шыбынтай, Т. Цой, М. Ленской, Б. Аганиязова, Л. Ноды, Ж. Алиева, победителей Интернет-конкурса «Короткий рассказ» Литературного дома «Алма-Ата» (октябрь 2012). Постоянна в альманахе рубрика «Дебют», в которой опубликованы произведения А. Мындагалиева, В. Климовой, А. Нам, Д. Сари, Н. Джилкибаева, Р. Стикеева, А. Маткаримовой, В. Гайченя, Н. Кудретти и многих других. Открытая литературная школа Алматы представляет стихотворения А. Кадыровой, Е. Радосновой, Е. Зольцман, Ж. Серекбаевой, романсы П. Банникова.

Символично назван венок сонетов В. Матвеева «Что тащим в XXI век?», одна из последних его публикаций. Поэт пишет

о глобальной разобщенности людей и подчеркивает, как важно стремиться к миру, к братству, к созиданью:

Да будет благодатен этот мир!  
Не сотвори, подчас, себе кумира.  
Рожденье – есть великий жизни пир.  
Жизнь – ставка в лотерее судеб мира.

Народный писатель Казахстана М. Симашко размышлял о том, что «у каждого писателя есть свой город или определенная местность, не обязательно та, где он родился или рос, которая так или иначе сделалась местом приложения его творческой мысли и чувства. Это – его подлинная родина. Впрочем, и каждый город или местность имеют своего писателя». Казахстан стал родиной и местом расцвета художественных дарований русских писателей и поэтов республики, как и представителей всей современной многонациональной литературы. В современном литературном процессе трудно дифференцировать жанры, вычленив одно из другого, отделить, провести четкую грань. Литературная традиция совмещается с историческими документами и новыми теориями дискурсов. Литературный процесс суверенного Казахстана продолжает на новом уровне диалог культур Востока и Запада, представляет собой удивительное явление, таящее много открытий. Его многообразие впечатляет и вселяет надежды на дальнейшее развитие, появление новых талантливых имен и произведений, демонстрирующих единство и сплоченность казахстанского общества.

#### Литература:

1. Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. Том 68. Номер 2. Март – апрель 2009. – С.68-80.
2. Чагин А. И. Пути и лица. О русской литературе XX века. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – 593 с.

3. Бадиков В. Разрешите быть самим собой. Интервью // АМАНАТ. – 2007. – №3. – С.191-196.
4. Большакова А.Ю. О новых тенденциях в теоретико-литературной системе анализа // Язык и культура. – М., 2005. Т.1. – С.219-220.
5. Чупринин С. Зарубежье. Русская литература сегодня. – М.: Время, 2008. – 784 с.
6. Бадиков В. Новые ветры. – А.: ИД «Жибек жолы», 2005. – 336 с.
7. Владимиров Вл. Кардинал, или три дороги пророка // Владимиров Вл. Избранное: Соч. в 5-ти т. Т.2. «Нет повестей печальнее». – А.: Балалар әдебиеті, 2010. – С.270-315.
8. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. – М.: КомКнига, 2007. – 272 с.
9. Джолдасбекова Б. Русская литература Казахстана. – А.: Қазақ университеті, 2008. – 358 с.
10. Художественный мир литературы Казахстана. Компендиум / Под ред. С. Абишевой. – Алматы: КазНПУ им. Абая, 2009. – 212 с.
11. Национальный космос в контексте современной литературы Казахстана / Под ред. У. Абишевой. – А.: Қазақ университеті, 2009. – 250 с.
12. Савельева В.В. К историографии изучения русской литературы в казахстанском литературоведении второй половины XX века // Вестник КарГУ. Серия филологическая. – 2005. – №5. – С.36-44.
13. Михайлов В. Крестный путь Юрия Кузнецова Керуен. – 2008. – №2. – С.49-96.
14. Софиев Ю. Парус. / Сост. Софиев И., Чернова Н. – А.: Жазушы, 2003.
15. Родионова Н.А. Проблема сохранения родного языка и национальной идентичности в изгнании: на примере первой волны эмиграции // Многоязычие и межкультурная коммуникация: вызовы XXI века. – Прага. 2013. – С.14-19.
16. Мосолов В. Зов степи // Простор. – 2009. – №9. – С.9-55.
17. Воробьева Е. Точки экстремизма // Новое литературное обозрение. – 1998. – №3. – С.334-341.

18. Маркова Т. Современная проза: конструкция и смысл. – М.: Издательство МГОУ, 2003. – 268 с.
19. Поминов Ю. «Все, что могу, я на себя беру!» // Литературная Алма-Ата. – 2012. – №10. – С.37-55.
20. Гундарев В. Окрыленная Украина // Нива. – 2005. – №4. – С.149-168.
21. Чабан А.Ю. Витязь молодой украинской поэзии // Нива. – 2005. – №6. – С.78-80.
22. Щеголихин И. Выхожу один я на дорогу. – А.: Азия, 2006. – 320 с.
23. Сафронова Л. В. Постмодернистская литература и современное литературоведение Казахстана. – А.: КазНПУ им.Абая, 2006. – 96 с.
24. Снегин Дм. Флами, или очарованные собой // Снегин Дм. Флами, или очарованные собой. – А.: Ана тілі, 1997. – 224 с.
25. К читателю // Снегин Дм. Флами, или очарованные собой. – А.: Ана тілі, 1997. – С.5-7.
26. Владимиров Вл. Оглянись не в досаде. Что такое целина // Владимиров Вл. Избранное: Соч. в 5-ти т. Т.4. Лицом клицу. – А.: Балалар әдебиеті, 2012. – С.24-163.
27. Пряхин Г. Умное сердце под номенклатурной шинелью // Гранитски И., Шалахметов Г. Радужная росинка. – София: Издательство «Захарий Стоянов», 2012. – С.76-84.
28. Доронин Г. Жизнь и смерть Буратино. – Павлодар, 2006.
29. Арцишевский А. Предчувствие любви. – А., 2007.
30. Назарова С. Избранная проза. – А., 2010.
31. Марк О. Воды Леты. – А., 2002.
32. Давыдов А.Д. Трудный путь к себе другому // <http://www.apdavydov.com/rus/articles.asp>.
33. Земсков М. Ботаник и принцесса. Рассказ // Дружба народов. – 2009. – №10.
34. Одегов И. Чужая жизнь // Дружба народов. – 2010. – №3.
35. Власенко О. На земле. Интервью с И. Одеговым // <http://expertonline.kz/a11936/>

36. Абдуллина Л. И. Проза поэта в историко-литературном процессе XIX – XX вв. Учебное пособие. – Усть-Каменогорск, 2005.
37. Веревошкин Н. Белая дыра. Вступительная статья Ч. Айтматова // Дружба народов. – 2007. – №6.
38. Гайворонский К. Леший его знает! // Простор. – 2008. – №9.
39. Калаус Л. Темные паруса // Дружба народов. – 2010. – №4.
40. Клепикова Е. Алматинские быльки: странички из истории нашего Города или маленькие рассказы о любви. – А., 2011.
41. <http://www.night.kz>
42. Фомина О. Пуговица. – А.: ИД «Библиотека Олжаса», 2013. – 184 с.
43. Васильев А. Молодое прошлое // Евразийская муза. – 2009. – №2.
44. Ломидзе Г., Мегрелишвили Т., Модебадзе И. Судьбоносные биографии. – Тбилиси: Издательство «Мцигиобари», 2011. – 237 с.

## УЙГУРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

В период государственной независимости Казахстана уйгурская литература начала новый этап своего развития, что всесторонне и глубоко отразилось не только в содержании, но и на форме литературного творчества. Экстенсивная эволюция уйгурской словесности привела к поступательному расширению и углублению художественной и культурно-эстетической позиции художников. Часто проводятся книжные ярмарки, фестивали, поэтические состязания «мушаира», творческие встречи, семинары и т.д. Многие из них превращаются в настоящее литературное событие, вызывают острые дискуссии участников, высказывающих различные взгляды на одну и ту же проблему.

Развитие уйгурской литературы Казахстана на рубеже XX-XXI веков, толерантной и гетероморфной, обусловлено политическими факторами. Межлитературное пространство в Казахстане способствовало укреплению личной дружбы поэтов, расширило поэтическую конъюгацию для уйгурских и казахских творческих деятелей.

Современные уйгурские читатели стали свидетелями появления серии крупных лиро-эпических произведений, разножанровой публицистики, литературоведческих исследований и т.д. Развитие интернета разнообразило литературное пространство на уйгурском языке, растет количество и качество электронных библиотек и сайтов. Процесс возвращения в литературу забытых и полузабытых имен и переоценка старых эстетических взглядов и традиций в новое время приобретают особую актуальность. Литература вновь обретает дополнительную мощь и способность к полноценному художественному видению прошлого и настоящего. Официально издаваемая литература сокращается до минимума, начинает процветать «самиздат», который способствовал бурному росту так называемой «массовой литературы», пропагандирующей иногда не самые лучшие традиции художественной словесности. Часть «самиздатовцев», пользуясь отсутствием цензуры и условий для экспертного коллегиального обсуждения творческих изысканий писателей и поэтов, буквально наводнили



книжный рынок своими объемными произведениями, большинство которых, несомненно, окажется за рамками высокого словесного искусства и будет служить лишь дополнительным источником информации об эпохе.

В художественное поле уйгурской словесности вошли прозаические произведения, не укладывавшиеся в ранее привычные представления о художественной литературе. Уйгурские читатели получили возможность более активно знакомиться с произведениями казахских и уйгурских авторов традиционных («Тарим долкунлири», «Уйгур денизи») и нетрадиционных направлений СУАР КНР. Таким образом, литературный бум, который испытал Казахстан в первой половине 1990-х годов, оказал и продолжает оказывать существенное влияние на творческое сообщество, способствовать увеличению официальных и неофициальных литературных изданий, возврату запрещенной и росту переводной литературы, усилению межлитературных контактов и т.д. Все это показывает, что уйгурская литература независимого Казахстана переживает интересное время в своем историко-культурном развитии.

В целом, уйгурскую словесность данного периода условно можно разделить на три этапа.

Первый этап – 1986-1990-е годы, т.е. литература исторического и культурного «поворота». Данный термин предложен немецким ученым К. Юргенсенем для обозначения художественных произведений, явившихся «эстетической реакцией на исторические события падения Берлинской стены и объединение двух немецких государств» вслед за Дж.Корманн и Ф. Т. Груб [1, с.11]. Этот период по своей сущности является рубежным, предваряющим литературное развитие в период государственной независимости, но качественно формирующийся в советский период.

Второй этап – 1991-1996-е годы, литература периода ранней независимости.

Третий этап – с 1996 года по настоящее время.

Исторические события 1986 года в столице Казахстана – Алма-Ате оказали переломное воздействие на художественно-эстетические взгляды творческих личностей и внесли новую волну

в развитие самобытной уйгурской литературы Казахстана. После декабрьских событий писатели и поэты ощутили глубокие противоречия в общественно-политическом и культурном мышлении. Отличительной чертой данного этапа явилось отсутствие в уйгурской литературе социально значимых идей самого перестроечного процесса. Уйгурская словесность вступает в краткосрочную эпоху безвременья. По нашему мнению, такая динамика литературного процесса была опять-таки обусловлена непосредственным влиянием декабрьских событий, именуемых желтоксаном.

Подобные историко-культурные процессы происходили в странах Восточной Европы после падения Берлинской стены 9 ноября 1989 года, в частности, в Германии, Румынии, Польше, Болгарии и т.д. К. Юргенсен отмечает, что «...исторический перелом 1989 г. оказал положительное влияние и внес живительную струю в процесс позиционирования писателями и самих себя, и собратьев по литературному цеху» [1, с.10]. В румынской литературе таким историческим поворотом также явился 1989 год. Л. Которча и Б. Крецу убеждены, что «...после 1989 года румынская литература вошла в свое нормальное русло... Необходимость объективно перечитать прежнюю литературу с новой перспективы, оценить ее эстетическую актуальность появилась после 1989 года» [2, с.82]. В болгарской литературе подобный симптом новой волны заявит о себе позже, после распада Советского Союза. П. Антов считает, что «болгарский постмодернизм возникает как реакция против массовой культуры (и, в частности, литературы) тоталитаризма – культуры, полностью подвластной идеологическому императиву» [3, с.160]. В целом, схожесть литературного процесса переходных периодов у многих народов мира не вызывает сомнений и она заключается не только во внешних обстоятельствах его развития, но и внутренних причинно-следственных связях и механизмах. Главная особенность эволюции словесной культуры зависит от привычной смены литературных взглядов, расширения направлений и течений.

Такой же историко-культурный «поворот» (К. Юргенсен) в уйгурской литературе наметился после декабрьских событий 1986 года в Казахстане и внес особый колорит в литературу, повернул направление развития уйгурской поэтической мысли. Данное обстоятельство позволяет утверждать, что именно с этого момента зарождается совершенно новая уйгурская литература, истоками уходящая в 20-е годы XX столетия, когда «за пределами исторической родины уйгурского народа – Восточного Туркестана (СУАР КНР) стала развиваться новая по своим идейно-тематическим и художественно-эстетическим принципам литература, – пишет в разделе «Уйгурская литература» коллективной монографии «Литература народов Казахстана» известный исследователь М. Абдрахманов. – Эта литература рождалась в Казахстане на фоне новых социально-политических, культурно-экономических преобразований. Основным источником зарождения и формирования новой уйгурской литературы был фольклор... В период становления уйгурской литературы проза и драматургия достигли определенных успехов, однако ведущим жанром явилась поэзия. Идеино-тематическое направление уйгурской лирики было обусловлено, главным образом, требованиями времени и бурно изменяющейся жизни» [4, с.126].

Из-за распада цельности мировосприятия творческих личностей после декабрьских событий эпоха перестройки, несмотря на достаточный отрезок исторического времени, не составляет целостный единый самостоятельный этап развития литературы и потому выпадает из звена исторического движения уйгурского словесного искусства. Только известный уйгурский поэт М. Садиров по инерции посвящает перестройке свое лиро-эпическое произведение, в котором выражает веру в ее идеалы: «Перестройка – это зов эпохи, голос, звучавший из сердца народа. / Перестройка это – движение вперед, полет к вершинам. / Перестройка – это очищение духа, пора избавления от недугов. / Перестройка – это голос народа, жажда справедливости и честности» (Подстрочный перевод – А. Х.).

Ведущие уйгурские поэты и писатели на данном историческом этапе начинают сомневаться в себе и своих чувствах,

в справедливости своих суждений о социалистическом образе жизни, однако они оказываются не в состоянии верно определить и оценить требование настоящего времени. В стихотворных сборниках постепенно исчезают темы, посвященные авангардной роли партии, съездам, миллиардам хлопка, зерна, советской пропаганде мира и труда. Только тема вождя (Ленина), вера «простому человеку», «сильному и мудрому вождю народа» продолжает инертно развиваться и переходит на следующий этап развития литературы. Это связано с глубоким убеждением и верованием авторов в социалистические идеалы. Интересно, что в произведениях «Зов земли», «Горизонты» Д. Ясенова, «Поклон», «Всегда с тобой» С. Маматкулова, «Пятый океан» М. Обулкасимова продолжают присутствовать темы советского времени.

Важной особенностью первого этапа явилось то, что в рамках литературного процесса подготавливалась база для возникновения новой волны в прозе. Социально значимые романы Ж. Босакова («Ялкун», «Пламя»), М. Зулпикарова (трилогия «Янар тағ», «Вулкан») были восприняты казахстанскими читателями как проявление нового веяния, а по-новому освещенные коллизии, атрибутика, социально-культурная атмосфера, героический труд и подвиг героев, этические проблемы в их произведениях усилили дискуссии в литературной среде. Так как с 1986 года на творческое сообщество всё меньше оказывает влияние цензура, в прессе стали разворачиваться острые дискуссии по общественно-политическим и культурно-мировоззренческим вопросам. Чрезвычайно быстро происходит процесс размежевания общества на различные идеолого-мировоззренческие системы. Эти факторы постепенно и неизбежно стали влиять на творчество известных поэтов и писателей старшего поколения Х. Хамраева, Х. Абдуллина, Ю. Ильяса, М. Зулпикарова, И. Бахтиязова, Р. Кадири, Ж. Босакова, Б. Аршидинова, Т. Тохтамова, А. Ашири, А. Кутлукова, Р. Розиева, Х. Юнусова, И. Изимова, А. Изимова, М. Садирова, А. Муталип, П. Сабитовой, М. Жалилова, И. Жалилова, И. Ушурова, Т. Наматова, Р. Хапизовой, Х. Илахуновой, М. Меримова, А. Дулатова, Ж. Рузахунова, Б. Рахимова, М. Хавайдарова и других. Таким образом, идеология гласности

и перестройки в СССР и, в частности, декабрьские события на новой площади в Казахстане существенным образом повлияли на мировосприятие современных уйгурских творческих деятелей Казахстана, коренным образом изменили сознание творческих личностей и подготовили почву для усиления национального колорита в поэзии.

Второй этап уйгурской литературы можно охарактеризовать как романтический и возвышенный, происходит постепенный отказ от литературных запросов советского времени. Уйгурские творческие деятели встретили независимость Казахстана с особым творческим восторгом и энтузиазмом. Поэты и писатели славят обретенную независимость, с восторгом делятся с читателями своими романтическими ожиданиями. В обществе в форсированном темпе идет процесс становления совершенно нового типа мировоззрения, который оказывает колоссальное влияние на творческую активность, на развитие литературы и драматургии как неотъемлемого звена в истории уйгурского словесного искусства страны. В Казахстане происходит объективная смена представлений и формируется новый тип расширенного общественного и культурного сознания, ориентированного на национальную историю и народные чаяния.

Изменения напрямую начинают воздействовать на национальную культуру, а в литературе первой на них реагирует поэзия, которая начинает занимать авангардную позицию. Усложняется и обогащается поэтический арсенал, повышается культура поэтического слова, «поэзия все смелее избавляется от ординарного, прямолинейного изображения, стремится раскрыть сущность жизненных явлений» [4, с.133]. Эту тенденцию считает главной М. Абдрахманов, так как она свидетельствует «о новом уровне поэтического мышления. Художественная палитра усложнилась, поэты овладели искусством передачи тончайших нюансов чувств и переживаний» [4, с.133]. Таким образом, новый этап в своем развитии вслед за казахской, русской переживает уйгурская литература Казахстана.

Ключевыми темами в литературе становятся идеи нового суверенного Казахстана, его Президента и демократических

преобразований, истоки дружбы уйгурского и казахского народов, образы казахских исторических личностей Абая, Шакарима, М. Ауэзова и других деятелей культуры, батыров и т.д. Поэт М. Обулкасимов подчеркивает особое историко-культурное значение Абая для уйгурской литературы Казахстана. М. Абдрахманов, скрупулезно исследуя роль Абая в уйгурской поэзии, отмечает реформаторский характер новшеств стиха гениального поэта. Казахские мотивы также привлекают молодых писателей и поэтов. П. Махсатову и А. Исрапилова волнуют судьба Арала и проблемы экологии, в рассказах Г. Хошаевой, П. Теиповой и других усиливаются темы дружбы.

Важной вехой в формировании новой творческой позиции явилось знакомство творческих деятелей с произведениями мировой литературы, что способствовало в бесцензурных условиях появлению произведения «Мәшгәл» («Факел») Ю. Мухлиси, продолжению романа «Янар тағ» («Вулкан») М. Зулпикарова, роману «Ғижран» («Разлука») и диологии «Исиян» («Восстание») и «Қиян» («Даль») Ж. Мусаева, третьей и четвертой книг тетралогии «Жиллар сири» («Тайны годов») З. Самади и многие других. Издается возвращенная литература. Наряду с новыми литературными произведениями наблюдается резкое сокращение тем, посвященных Октябрю, Ленину, социалистическому труду и т.д. Позже других избавляется от противоречивых художественных принципов соцреализма видный уйгурский поэт М. Хамраев. Некогда популярные советские темы, приобретшие мифический признак, постепенно прекращают свое существование. Опубликованное в 1996 году стихотворение М. Хамраева «Ильич чириғи», вошедшее в сборник «Мени вәслиңгә йәткүзгин», символично завершает данный этап. В главном герое стихотворения с большой пластической силой запечатлен тип завоевателя социалистических вершин.

Личный нарратор искренне восхищается героем, который ставит общественные интересы выше личной судьбы. Происходит процесс смены поколений, выросших на идеалах советской эпохи, созданный ими язык «мадх» (восхваление) стал инертно переходить на этнокультурную почву. Объективно происходила

виртуальная замена идеологического пространства историческим, позволяя естественно проявиться этнокультурным ценностям в новое время. Молодые поэты и писатели, пришедшие на смену старшей группы писателей, усиленно критикуя художественную модель восприятия реальности и ирреальности представителей старшего поколения, начинают вырабатывать собственную художественную картину мира. Им кажется, что старшие творческие деятели боятся правды и часто ее избегают, страх глубоко укоренился в их сознании. В таких довольно жестких дискуссиях и столкновениях рождалась и крепла новая уйгурская литература.

На третьем этапе, начиная с 1997 года, в уйгурской литературе появляются интересные произведения З. Самади «Ахмет эфенди», «Истэк вә қисмәт» («Желание и судьба»), «Дәртмәнниң зари» («Испытание безумием»), Ш. Шаваева «Билал Назим», С. Жамаля «Дозақ отида көйгәнләр» («Сгоревшие в аду»), Х. Хамраева «Кульджинский тракт», И. Жалилова «Ипархан», А. Ашири диалогия «Идукут», «Баурчуқ Арт Текин», А. Садыкова «Кашгарский гладиатор», «Взгляд волка», «Каган уходит последним», М. Якубова «Огузхан», А. Бавдинова «Мәһбус» («Узник»), «Жаду» («Гильотина»), «Өтнә аләм» («Бранный мир») и т.д. Идет становление нового литературного течения «тутук», а также продолжает объективно усиливаться историзация поэтического сознания и писателей, и читателей. В новой уйгурской поэзии с определенными видоизменениями продолжает свое развитие сформированный за долгое историческое время нарративный образ простого человека и сильного героя, как коллективное бессознательное явление, что дает нам основание считать: процесс поэтической конъюгации в литературе будет длительным и неоднозначным.

Исторически объективным и символичным является публикация коллективного сборника «Қазақстан – мениң вәтиним», поэтической антологии «Шеирийәт гүлзари», стихотворных сборников «Тумар» («Талисман») Р. Розиева, «Я – сын земли» Д. Ясенова, «Садиғаң кетәй, хәлқим» («За тебя мой народ») и «Сән бүйүк дәрдим» («Горесть моя, печаль моя») М. Обулкасимова, «Қиран қисмити» («Дух гиганта») А. Кутлукова и многих других. Именно

в это время опубликованы многотомники поэтических произведений «Зиявэт закаваси» Т. Икрами (14 томов), девять поэтических книг М. Обулкасимова, семитомник басенных и лирических стихов А. Изимова, объемные стихотворные произведения М. Меримова, лауреата премии «Алаш» П. Сабитовой, Ж. Рузахунова, А. Дулатова, С. Искандерова, И. Жалилова, И. Ушурова, А. Кутлукова и многих других.

В уйгурской поэзии независимого Казахстана ярко выделяются специфические особенности жанровых композиционно-структурных признаков. «Стремление уйти от идейно-тематического единообразия, продиктованного идеологическими ограничениями, явилось, по сути дела, приобретением новых качеств поэтического видения и отношения к действительности, укреплением реалистической основы художественного отображения. Однако уйгурская поэзия еще не избавилась полностью от риторики и славословия, от «своевременного», а потому и зачастую поверхностного реагирования на «важные» события, что так поощрялось в недалеком прошлом. В целом, – подводит итог М. Абдрахманов, – в современной лирике главной тенденцией было освоение новых тем на уровне возросших художественных требований, т.е. стремление к новому, более высокому интеллектуально-эстетическому уровню» [4, с.134].

Усиление межлитературных контактов приводит к появлению взаимопереводов, публикаций художественных произведений в Турции, России, Китае и т.д. Изданы переводы поэзии Абая, Шакарима и других казахских поэтов на уйгурском языке. Вышли в свет публицистические работы «XX эсир намайэндилири», «Инсан еди өлүмгә қиймайдиған», «Тарих савақлири яки өтмүшсиз келәчәк йоқ», «Әң қийин пәйтләрдимү қәдир-қиммитини йоқатмиған» Й. Азаматова, «Мәйрәмгә тәшна тәғдир», А. Хаджиева, роман-эссе «Дили зия» А. Аширова, «Мирзигүл» Ш. Шаваева, «Дәттикамға тикилгән өмүр» М. Жумарова, «Тәғдир» Т. Махсутова, «Өсәк вадисиниң мәрданилири», «Яхшидин бағ қалиду», «Жутдашлар һиммити» А. Тудиярова, «Өзидин кечиш» Р. Розиева, «Қиранлар қияда яшайду» А. Исрапилова и Т. Ремякова, («Гәп бәрмәс билән нәп бәрмәс», «Түгимәс ойлар» Ш. Аюпова и др.



Уйгурские ученые активно занимаются вопросами истории литературы (С. Моллаудов – классической литературой, Р. Юсупов – творчеством средневекового автора Рабгузи, Б. Аршидинов – классическими дастанами). Раскрывают теоретические аспекты (М. Хамраев – дополненным изданием классических трудов по стихосложению) и принципы литературной критики (М. Абдрахманов – исследованием современной уйгурской литературы Казахстана). Активное участие в подготовке коллективной монографии «Литература народов Казахстана» Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова МОН РК принимал известный литературовед М. Абдрахманов, автор раздела «Уйгурская литература». Уйгурская проза, по мнению авторитетного ученого, прошла «сложный путь становления и развития, который сопровождался процессом овладения опытом более развитых литератур, в первую очередь, русской и казахской, поисками реалистических средств и приемов изображения действительности и раскрытия внутреннего мира человека» [4, с.154].

М. Абдрахманов представил не только обзорную главу о развитии уйгурской литературы в XX веке, подчеркнув особо, что тема Восточного Туркестана – одна из главных и последовательно разрабатываемых на протяжении всей истории уйгурской литературы советского периода, но и выявил интересные тенденции ее дальнейшего развития в сопоставительном плане с уйгурской Восточно-Туркестанской литературой. По его глубокому убеждению, «уйгурская литература Казахстана раньше, чем Восточно-Туркестанская, обрела профессиональные черты, освоила новые эстетические и художественные традиции более развитых литератур (русская и казахская). Значение уйгурской литературы Казахстана не только в том, что в ней реалистическая проза получила развитие раньше, созданы крупные полотна (дилогия, тетралогия), что драматургия и поэзия отличаются более высоким профессионально-эстетическим уровнем. Исключительно важное значение имеет ее тематическая направленность. В ней поднимаются и отображаются такие проблемы, как трагическое положение уйгурского народа, национально-освободительное движение за независимость, т.е. все то, что, по понятным

причинам, недопустимо в восточно-туркестанской» [4, с.159]. Начавшийся процесс сближения и взаимодействия этих литератур «обретет еще большую интенсивность и творческий характер. Уже сейчас многие произведения казахстанских уйгурских литераторов опубликованы и получают признание в Восточном Туркестане. В будущем, без сомнения, лучшие образцы этой литературы займут достойное место в духовном богатстве народа, станут достоянием единой литературы – литературы уйгурского народа» [4, с.159].

Таким образом, литературу вышеназванного этапа можно детерминировать традиционно умеренной или литературой убеждений. Уйгурские поэты и писатели в этот период, выражая субъективную точку зрения, начинают отстаивать собственную точку зрения на эстетическое право изображать и воспринимать мир по-своему. В процессе переструктурирования литературных полей, происходившего в эти годы, когда столкнулись до сих пор не пересекавшиеся три «ветви» уйгурской литературы – советская официальная, уйгурская в Китае и неофициальная возвращенная, последняя оказалась фактически утраченной для читателя на целые века.

Кардинальное изменение законов времени и пространства в отмечаемый нами период актуализировало противостояние старому, усиливая диффузию поэтического сознания в уйгурском обществе. Хаос в образе мыслей художников должен был зафиксироваться скорейшим уходом из прежнего ментального пространства коммунистической идеологии.

\* \* \*

Уйгурская проза Казахстана обновляется в идейно-тематическом плане и достигает существенных успехов в художественном осмыслении бытия. В ней наметились иные тенденции переоценки реальной окружающей действительности. «Наиболее масштабным из всех жанров литературы, способным показать действительность в многоплановом движении, несущем в себе существенные концепции о жизни, людских судьбах» (М. Абдрахманов) выступает роман. В этом жанре наибольших успехов

достиг Т. Тохтамов, у которого появляются острые социальные темы, оказавшие многомерное воздействие на дальнейшее развитие прозаической практики писателя. Некие символические герои прозы олицетворяют основные социально-культурные аспекты жизни уйгурского народа. Например, главная героиня романа Т. Тохтамова «Аниниң көз йеши» («Слезы матери») устала верить обещаниям коммунистических идеологов и готова публично осудить действия и слова местных коммунистов. В таких архетипических образах отражается весь спектр общественно-политических и культурных изменений, происходивших в обществе.

Символичным героем является Патамхан момай (старушка Патамхан) в романе «Белый дождь», воплощающая мудрость и выступающая в качестве судьи. Она все видит и все знает, и ей не обязательно говорить открыто обо всем и публично решать проблемы сообщества. Иногда решение может прийти или найтись само по себе. Часто достаточно молчаливого гнева, который оказывает серьезное влияние на всех членов уйгурского сообщества. Именно ее неофициальный вердикт является болезненным, но праведным. Ее образ и образ старика Акбара в романе Т. Тохтамова «Белый дождь» критик и литературовед М. Абдрахманов называет оригинальными, впервые введенными в литературу [4, с.147].

Гулам – идеал, идейный человек, инициатор, непримиримый борец за лучшую жизнь, он – несомневающаяся личность. Велухун – герой, ведущий индивидуальную беспощадную борьбу против безнравственности, иждивенчества, а Зияпат и Рахман символизируют человеческое страдание, предопределенность судьбы. Они – жертвы обстоятельств. В этом ряду идеальные герои, созданные Т. Тохтамовым в конце 80-х годов, которые, воплощая собой типические черты коммунистических активистов, одновременно указывают на возможный потенциал для построения счастливого будущего. Однако при имплицитном чтении романа можно явственно обнаружить наличие серьезного противоречия в общей концепции произведений Т. Тохтамова из-за своеобразной авторской точки зрения на специфику социальной базы

общества. С одной стороны конфликта – отображение процесса «загнивания всей сферы социальной жизни колхоза» в период застоя, а с другой – отчаянная борьба энтузиастов за преодоление данного явления.

Во всем многообразии причин и условий появления таких сложных социальных ситуаций главную роль, как правило, играет глубокий духовно-нравственный кризис, в котором оказалась экономика и вся общественная жизнь государства. Это обстоятельство передается в диалоге героини Саламатхан с сыном, утверждающим, что люди вынужденно покидают село из-за нехватки больниц и школ. Но его мать говорит о других причинах: «Они уходят не только по этой причине, сын мой. Многие семьи не смогли найти общего языка с председателем колхоза и были вынуждены уехать... В последние годы, возгордившись, он перестал прислушиваться к мнению других. Даже молодые специалисты, приезжавшие из города, не выдержав, уезжали. Теперь, как стало мне известно, он преследует нового парторга Баратова. Председатель часто слепо следует за мнением толпы. Например, в прошлый раз он, прислушавшись к бреду старика Аквара, уволил бригадира, который уехал из села, обидевшись до смерти» (Подстрочный перевод – А.Х.). Героиня Саламатхан рассказывает о чрезмерном ужесточении условий жизни в селе и неверных методах работы руководителей, о несправедливости, социальных проблемах и т.д. Корни этого явления видятся автору в деградации деревни. Он разделяет сомнения своих героев и стремится к тому, чтобы остановить этот процесс, предлагая устами своих героев новые инициативы.

Т. Тохтамов продолжал и развивал реалистическую традицию современной уйгурской литературы, популярную на рубеже XX и XXI веков. Он оставил огромное творческое наследие, тепло воспринятое читателями. Казахстанские критики высоко оценивали прозу Т. Тохтамова. О нем писали С. Иманасов, В. Бондаренко, Б. Мукай, А. Иванов, В. Шугаев, А. Ким. Критик Н. Ровенский находил в произведениях уйгурского писателя типологическое сходство с русским писателем В. Быковым [5]. Ф. Кузнецов сравнивал творческие принципы уйгурского

писателя с художественной концепцией Ф. Абрамова, Ч. Айтматова, М. Алексеева, В. Распутина и других. Об этом пишет М. Абдрахманов, раскрывая вклад Т. Тохтамова в разработку темы Великой Отечественной войны, в описание подвига народа [4, с.146].

Т. Тохтамов, прежде всего, знаток современного уйгурского быта и нрава. Главным художественным достижением автора является создание целой галереи образов и раскрытие судеб главных действующих героев. Писатель проявил себя как художник, умеющий всесторонне и глубоко описывать национальный портрет. Подобные типологические черты мы видим в ранних повестях «В долине Усек», «Эхо наковальни», «Мастер огненных дел», «Последнее письмо отца», «Старая мельница» и т.д. В этих произведениях представлены различные модели жизненного поведения, связанного с острой драматической ситуацией выбора, как основного сюжетного конфликта. Они стали благоприятной почвой для появления на стыке XX и XXI веков больших эпических полотен Т. Тохтамова «Ақ йегин», «Аниниң көз йеши», «Виждан азави». Разработка целой галереи национальных женских образов подвигла к созданию героической природы, мастерски воплотившейся в образе легендарной личности начала XX века – Назигум.

На рубеже 1980-х и 1990-х годов деревенская уйгурская проза стала приобретать своеобразные черты, часто основанные на интуициях авторов. Некоторые сюжеты и события в деревенской прозе не направлены против советской действительности, но обнажают социалистический образ жизни. В них утверждается кодекс народных ценностей, осознание глубинных причин дефицита духовности как главной беды времени в связи с резкой перестройкой сознания, национальных традиций, представлений о мире и т.д. В эпических произведениях А. Ашири «Нур ана», Т. Тохтамова «Аниниң көз йеши», Ш. Шаваева «Йоқалган Қәләм» обнаруживается драматический разлом, отражающийся в судьбе деревенских героев, чувствующих тревогу и стремящихся к духовному исцелению, экологическому оздоровлению общества. Все это свидетельствует об исторической непрерывности

духовной памяти народа. Свободная организация произведений усиливает эмоциональное восприятие читателя. Художественное сцепление сложных драматических начал в прозе происходит наряду с этической идеализацией главного героя и ряда персонажей, которые втянуты в круговорот социальной жизни. В романе «Нурана» А. Ашири главной героиней воссоздается некий миропорядок, который, в конечном итоге, разрушается объективными условиями жизни. Весьма остро ощущается эмоциональная составляющая в развитии художественной линии сюжета, когда меняется тональность узловых эпизодов произведения, особенно при непосредственном столкновении героев с суровыми обстоятельствами.

Главная героиня Нурана ни при каких обстоятельствах не хочет покинуть родное село, в результате остается одна в опустевшей деревне. Но она не перестает верить возвращению людей. Многие покинувшие село семьи заняты обустройством своей жизни в новых аулах, у них нет времени на думы о прежней родине и Нуране. Таким образом, покинутая всеми Нурана остается заложницей одиночества. Тем не менее, для нее не стоит дилемма сохранения или утраты веры в будущее. Она борется за достойное нравственное существование и собирается достойно умереть в этих краях, возле могил своих предков. В этой борьбе интересов она проявляет себя цельной натурой. Ее образ, по замыслу писателя, способствует осмысленному, целостному восприятию действительности.

А. Ашири работает в жанре исторического романа, повествуя о глубокой древности, вслед за крупным прозаиком современности Х. Абдуллиным. Переход А. Ашири, Т. Тохтамова, Ш. Шаваева к исторической теме обусловлен не углубляющимся кризисом уйгурского общества и необратимостью его духовно-нравственного распада, а, прежде всего, общими жанровыми тенденциями в уйгурской литературе, где усиливается ориентация на развитие исторической прозы.

Развитие уйгурской прозы в период государственной независимости Казахстана всесторонне обозначило поступательное обновление идейно-тематического направления, и это существенно

отличает ее от предшествующих эволюционных этапов. Особо важную роль в появлении совершенно новой литературы в Казахстане сыграла государственная политика в области национальной идеологии, на базе которой была осуществлена грандиозная программа «Культурное наследие», приведшая к научному обобщению многовекового исторического культурного опыта казахского народа. Безусловно, это был поступательный объективный процесс, приведший к пересмотру ранее ограниченных в силу политических причин сокровищ культуры казахского народа. Благодаря углублению данной политики была возвращена ранее запрещенная литература, поступательно переосмысливается культурное наследие народа Казахстана с точки зрения современной методологии и теории, дан ход свободному развитию альтернативной культуры, модернизму.

Историческое конъюгационное наполнение новой художественной эпохи, несомненно, ведет к расширению творческого сознания уйгурских писателей Казахстана. Доминирующей проблемой реалистической прозы объективно становится проблема исторической памяти и усиления исследовательского пафоса в уйгурской прозе. У крупных уйгурских писателей изменение мировоззрения происходило постепенно и разными путями, чаще всего метафизически, согласно исторически объективной смене эпох, общественно-политической системы. Историзация художественного сознания современных уйгурских писателей Казахстана является результатом интенциональности современного бытия, которое как бы напрягает исторические события изнутри, предлагая единый ракурс в рецепции мира и при этом создавая устойчивую смысловую этно-систему.

В целом, такая позиция проявляется в исследовании различных аспектов национальной литературы: истории «литературности» словесной национальной системы (социально-культурных условий), в которых они развиваются, форм литературного существования, путей взаимообогащения словесности (контактных связей), алгоритмов развития литературных периодов и процессов и т.д. Сложность целостного понимания уйгурской реалистической литературы XX века и ее поэтики связана

с размышлениями о национальном языке и мышлении, активизацией имплицитного диалога с историческим временем, эпохой и писательскими поколениями, усиленным взаимодействием в литературе различных художественных систем, поступательным изменением концепции героя произведения, интенсивным поиском новых средств художественной выразительности и т.д.

В последние два десятилетия интерес уйгурских писателей к большой прозаической форме продолжает расти. Всплеск исторической тематики М. Абдрахманов в свое время объяснял рядом причин: «Во-первых, сказались имевшие место в недалеком прошлом запреты и ограничения в тематическом отношении; во-вторых, вульгарное извращение истории народа в угоду политики бывшего Советского Союза и современных руководителей красного Китая. Такой «социальный заказ» усилил стремления писателей художественно постичь и правдиво отобразить историческое прошлое народа» [4, с.151]. Писатели достаточно долгое историческое время стремились переосмысливать художественный феномен современных казахской и киргизской литератур и творческий опыт М. О. Ауэзова и Ч. Айтматова. Развитие демократических процессов в Казахстане предоставило интеллигенции право публично обсуждать особенности и проблемы национальной истории.

Можно условно выделить два основных направления современного уйгурского исторического романа в зависимости от подхода писателя к истории. Часть писателей старалась не углубляться в глубокую древность, что не препятствовало, по их мнению, адекватному изображению прошлого, усиливая вымысел. Это подтверждают третья и четвертая книги тетралогии «Жиллар сири» («Тайна годов»), диалогия «Әхмәт әпәнди» («Ахмет эфенди»), «Истәк вә қисмәт» («Желание и судьба»), «Дәртмәнниң зари» («Испытание безумием») З. Самади, «Мәшғәл» («Факел») Х. Абдуллина и Ю. Мухлиси, «Ялкун» («Пламя») Ж. Босакова, трилогия «Янар тағ» («Вулкан») М. Зулпикарова, «Билал Назим» Ш. Шаваева, «Дозақ отида көйгәнләр» («Сгоревшие в аду») С. Жамала, «Кульджинский тракт» Х. Хамраева, «Ғижран» («Разлука»), диалогия «Исиян» («Восстание») и «Қиян» («Даль») Ж. Мусаева,



в которых больше внимания уделяется объективным историческим описаниям событий близкого прошлого. Масштабность событий в исторических произведениях – главный сюжетобразующий признак.

Приверженцы другого направления вынуждены подчеркивать роль художественного вымысла в произведениях, аргументируя это тем, что литературное произведение не может претендовать на полную историческую правду, автор имеет право превращать всякий факт в художественный вымысел и интерпретацию. К этой группе относятся «Ефир тиниқлар» Ю. Ильяса, «Назигум» Т. Тохтамова, «Ипархан» И. Жалилова, диалогия «Идикут», «Баурчук Арт Текин» А. Ашири, «Кашгарский гладиатор», «Взгляд волка», «Каган уходит последним» А. Садыкова, «Оғузхан» М. Якубова. В романах наблюдается усиление субъективизма, психологизма в освещении исторических событий, в раскрытии характеров действующих лиц, опора на художественный диалог, что ведет к постепенному нивелированию реалистической формы изображения самого бытия. Вследствие чего расширяется художественное пространство произведения, наблюдается быстрая смена хронотопа (событий, времени), большое количество ассоциаций (этногенезиса, лингвистики, этимологии), стремление к сотворчеству.

Писатели стремятся сами исследовать прошлое, выдвигают свои версии исторических событий. Творческие деятели считают, что в советский период этно-историческая связь была утеряна, что привело к большому разрыву между культурой и духовностью. В современном уйгурском романе присутствуют разные версии, интерпретации. Признаки субъективного начала проявляются в исследовании и познании истории через «некоего посредника». По мнению В. В. Виноградова, как бы ни старался писатель правдиво описать события прошлого, его субъективная оценка всегда будет искажать реальность [6, с.466]. Сколько интерпретаций – столько и историй.

Цельную картину уйгурского общества середины XX века, построенную как сложная мозаика из фрагментов, в которой не трудно выделить единый сквозной сюжет и доминирующую

идею, предложил в своем творчестве З. Самади. П. Сабитова считает, что романы писателя выявили безграничный потенциал эпических жанров в уйгурской литературе [7, с.61]. З. Самади поднял исторический роман, как М. О. Ауэзов, на новый уровень и актуализировал данный жанр на рубеже XX и XXI веков. Романы «Майимхан», «Гани Батур», «Тайна годов», повести «Одна папироса», «Испытание безумием», «Когда цветут абрикосы», «Лашман», пьесы «Кровавое пятно», «Конец деспота», «Суровые минуты», «Ипархан», «Гарип и Санам», написанные в 1930-е – 1980-е годы, нашли заслуженное признание не только в СССР, но и в Китае. Многие произведения автора переведены на казахский, русский, китайский языки.

З. Самади был главным свидетелем и одновременно вдохновителем исторических событий, происходивших в середине XX века. После декабрьских событий, изменивших направление развития уйгурской литературы в Казахстане, З. Самади усердно работал над продолжением тетралогии (третьей и четвертой книгами «Тайны годов») и дилогии «Әхмәт әпәнди» («Ахмет эфенди»), романами «Истәк вә қисмәт» («Желание и судьба»), «Дәртмәнниц зари» и т.д. Эти произведения являются продуктивным результатом процесса демократизации казахстанского общества и свидетельством появления демократической прозы. Благодаря открытости общества и развитию плюрализма, З. Самади смог дать четкий однозначный ответ на свой же символический вопрос: «В чем состоят “тайны годов”?». Это произведение, по мнению авторитетных исследователей, вершина его творчества, самое крупное произведение современной уйгурской литературы. Целая галерея персонажей выведена на широком историческом фоне, жизнь и борьба представителей разных слоев общества «составляет основное содержание этого многопланового полотна» [4, с.149].

З. Самади размышлял над вопросом о том, что же произошло с основными руководителями восстания 1930-1940-х годов, которые погибли при невыясненных обстоятельствах. Несмотря на отпечаток таинственности, тетралогия «Тайны годов» была более честным и справедливым ответом героическому подвигу

уйгурского, казахского и других народов в первой половине XX века. Писатель не мог идти наперекор своей совести. Если бы он принял официальную версию трагедии руководителей народно-освободительного движения в Восточном Туркестане, озвученную коммунистическими вождями СССР и Китая, то идейно-тематическое направление развития его романов было бы совсем иным и однозначным. Становление новой демократии в Казахстане позволило З. Самади разгадать «тайну годов» и осуществить полувекую мечту: рассказать правду о гибели легендарного сына уйгурского народа, вдохновителя народно-освободительного движения Восточного Туркестана А. Касими и его соратников.

Дилогия «Ахмет эфенди» (1995) была фактическим ответом на поставленный исторический вопрос. У нарратора произведения не осталось никакого сомнения в том, что руководители восстания 1944-1949-х годов во главе с А. Касими были убиты чекистами. По мнению писателя, детали этой страшной трагедии предстоит раскрыть в будущем. Однако, жестокое убийство лидеров основательно изменило ход исторического развития уйгурского общества в XX веке и оказало громадное влияние на сознание людей. З. Самади приходит к выводу, что ликвидация лидеров восстания была рассчитана на нивелирование этнодемократических тенденций в обществе. Образ руководителя восстания с точки зрения имплицитного читателя может быть воспринят по-разному. Созданные автором эстетические коды в образе А. Касими тесно связаны с историко-культурными символами, которые определяют художественный уровень произведений. Это, в свою очередь, позволяет выяснить жанровые особенности романа З. Самади, идиостиль писателя.

Если в предыдущих исторических романах автор считал, что низкий уровень общественного сознания явился серьезной преградой в достижении благородных целей, то в последних произведениях писатель придерживается иного взгляда. Ранее З. Самади был уверен в том, что при столкновении исторических интересов разных народов решающую роль играет их общественно-культурный уровень. Эту задачу можно осуществить, вовлекая

людей в массовое просвещение. Поэтому культурный архетип – герой-просветитель (Заман – главный герой романа «Жиллар сири») становится доминантой произведения, он стойко преодолевает нелегкие жизненные испытания. Автор сосредоточивает внимание на анализе его характера, внутренних противоречиях, эволюционных изменениях во взглядах. Заман просит архивные документы у соратника Шапи с целью написать объективный исторический роман, подчеркивая, что он – не историк. Шапи отвечает, что это даже лучше, так как художественное произведение поднимает дух народа. Образ главного героя символичен, как и имя («время, эпоха, современность»). Он объединяет повествование, с ним связано решение многих морально-этических коллизий. М. Абдрахманов высоко отзывался об идейно-эстетической основе романа «Жиллар сири» [8, с.26].

З. Самади, как верный сторонник и соратник А. Касими, горячо поддерживал демократические принципы развития общества. В тех условиях это было объективно верным направлением развития общественно-политической мысли народов Восточного Туркестана, поскольку они были историческими свидетелями преобразований национальных республик в составе СССР. Логически верно структурирован образ главного героя – А. Касими, культурного, образованного, бескорыстно любящего простых людей. Он произносит пламенные речи о высоком призвании человека и значении просветительства для общества. Герой четко осознает, что его идеальные представления и радикальное противопоставление интересам других может потерпеть крах при столкновении с реальной жизнью.

Главный герой ясно представляет цель народного движения и уверенно ведет за собой, помогая многим соратникам перевоспитываться в соответствии с требованиями времени. Концентрированное изображение событий в контексте судьбы главного героя вызывает у читателя чувство тревоги, ощущение пространственной и временной сжатости событий, усиление напряжения ситуации вокруг персонажей, что обнажает реалистическую мотивировку их поступков. Автор реалистически верно определяет образ соратника А. Касими, председателя молодежной

организации А. Аббасова, который наделен авантюрными чертами. Образ генерал-лейтенанта Искакбека, киргиза по национальности, является исторически значимым.

Первая книга исторического повествования З. Самади свидетельствует о высоком уровне изображения социальной психологии, переживаний героев. Роман не является остросюжетным, но он полон драматизма. Отсюда и своеобразие характеров действующих лиц, зависящих от объективных обстоятельств и ситуаций. Внешняя коллизия и внутренний психологический конфликт являются острым побудительным стимулом к быстрому развитию действия и структурному разнообразию сюжета. Писатель раскрывает процесс формирования нового, национального самосознания у участников исторических событий. Образы персонажей отражают реально-типические соотношения основных социальных сил народного восстания Восточного Туркестана, в котором участвовали дехкане, животноводы, религиозные деятели и национальная интеллигенция, руководимые коммунистическими партиями СССР и Китая. На А. Касими возлагается символическая миссия по национальному обустройству Восточного Туркестана на новых народно-демократических основаниях, но трагедия народа края заключается в коренном изменении подходов внешних сил к этнополитической конфигурации региона. В образе А. Касими – авторское миропонимание и авторефлексия самого писателя.

В художественных образах произведений З. Самади функционируют противоположные начала реальности (сложное положение народа) и идеальности (мечта о свободе), условности (знак, аллегория, символ) и неустойчивости (бренности), единичного и общего, типического и индивидуального, рационального и эмоционального, объективного и субъективного. Просвещенный лидер-оратор – центральная фигура повествовательного дискурса. Диалогическая ориентация художественного слова глубоко связана с определенными историческими тенденциями жизни народов Восточного Туркестана.

Творческая атмосфера второй половины XX века в республике, знакомство З. Самади с Д. Кунаевым, Г. Мусреповым,

А. Абишевым, Ю. Гертом, К. Кожамьяровым, Х. Абдуллиным повлияли на творческие устремления, создавали условия для внутреннего роста [9]. З. Самади обладал талантом рассказчика-повествователя. Соединяя прошлое, настоящее и будущее, раскрывал морально-эстетические ценности и ответственность за будущее народа. Проблема актуализации личности в романах З. Самади в период независимости Казахстана отличается от написанных ранее. Главный герой романов З. Самади осознавал себя героем-созидателем новой справедливой эпохи, хотел переделывать и обустраивать несправедливый миропорядок, находился в процессе осуществления своей мечты, в конечном итоге приобретал черты мудрого человека (революционного вождя). В романах эпохи независимости проблема актуализации главного героя приобретает совершенно другой смысл. На передний план выдвигается объективная реальность, которая предопределяет осознанные действия героев и персонажей. Всестороннее исследование данной проблемы позволяет глубже постичь своеобразие художественного мира З. Самади, понять особенности его мировоззрения и мировосприятия, концепцию национального бытия в сложный исторический период.

З. Самади создавал подлинные картины национального бытия, характеров, символизирующие «приостановленное время» уйгурской истории середины XX века. Эстетическое достоинство романов З. Самади состоит в том, что писателю впервые удалось сказать важное, новое и предложить этногенетический дискурс, что не могло не предвосхитить дальнейшую эволюцию этого жанра, дать образцы больших эпических произведений, расширить сферу реалистического и национального познания окружающей действительности. Писатель вел диалог со временем и оппонентами. В этом плане он идет таким же путем, как и А. Нурпеисов, который в романах «Кровь и пот», «Последний долг» дал исчерпывающий ответ XX веку. Мастерски создавая многочисленные образы, углубляя содержание, позволяя читателю увидеть полную картину жизни народа, казахский писатель развернул повествование о своих переживаниях, чувствах и мыслях.

Предложенный в романах З. Самади мотив «фальшивой маски» («сахта никап»), пронизывающий почти все исторические романы писателя, доминирует в качестве особой знаковой системы, обладающей художественной значимостью и выполняющей специфические коммуникативные функции. Благодаря данному мотиву читатель ощущает, что он живет в мире лжи и жестокости. Это, безусловно, подчеркивает художественную ценность его произведений. З. Самади – мастер художественных диалогов. В словах главного героя читатель передает позицию автора: «Народное недовольство необходимо направить в правильное русло. Если кровь прольется, то мы будем нести ответственность, – эфенди, немного подумав, добавил. – Мы должны посоветовать Аблахату Махсум и его сторонникам действовать хладнокровно и в рамках закона, следовать духу договора «Битим» (Подстрочный перевод – А. Х.).

Писатель подчеркивает уравновешенный и хладнокровный характер Ахмета эфенди. Герой требует от друзей соблюдения правил этикета, действий в рамках закона. Такая бинарная семантическая структура позволяет проникать в глубину характера главного героя и оценивать правильность или неправильность его действий, особенно в случаях, когда неминуемо противостояние и усиление коллизии. В целом, бинарная организация произведений З. Самади приобретает особое значение, обеспечивая последовательность эпизодов, хронотопов и особые циклы, имеющие событийные и системные автономии. Разделы первой и второй части романа отличаются друг от друга местом, временем действия, некоторые из них детерминированы жанровой точкой зрения и отличаются по размеру и объему. Другие представляют самостоятельный рассказ или повесть. Граница глав обусловлена переносом в пространстве, перерывом во времени, изменениями состава героев.

Критик Р. Исмаилов называет З. Самади «певцом свободы», который ворвался в уйгурскую литературу Казахстана, опубликовав роман «Майимхан». Ученый подчеркивает, что главная героиня Майимхан является символом борьбы народа за свободу [10, с.4]. Р. Исмаилов, таким образом, разделяет точку зрения

М. Абдрахманова на то, что опыт работы над первым романом о событиях давно минувших дней, обогатил творческую манеру З. Самади широтой, пластичностью картин действительности и значимостью поступков персонажей. Яркими индивидуальными чертами наделены образы Майимхан, Ахтама, Махмуда. Но некоторые образы – Аскара («эталон мудрости, всезнания») и других персонажей схематичны [4, с.150].

Для З. Самади тема свободы – сквозная и занимает особое место в творчестве. Главная заслуга писателя в том, что его любимые герои причастны к борьбе за свободу, живут думой о ней. Романы З. Самади доказывают, что современная уйгурская литература Казахстана имеет развитую прозаическую культуру с богатой национальной художественно-эстетической системой.

Роман «Ғижран», дилогия «Исиян» и «Қиян» Ж. Мусаева посвящены общественно-политическим событиям середины XX века. Благодаря обретению Казахстаном государственной независимости, автор получил возможность публиковать свои романы и поделиться с читателями своим историческим видением. Исторические романы Ж. Мусаева были восприняты читателями неоднозначно. Основные герои его произведений – реальные исторические лица. При этом многие свидетели исторических событий были современниками писателя или знали лично героев произведений. Ж. Мусаев к первому историческому роману «Разлука» взял эпиграф из романа М. Горького «Мать»: «Правду не смоете кровью, этим только усилите недовольство народа, глупцы!». Если «Ғижран» был принят читателями сдержанно, то романы «Исиян», «Қиян» вызвали дискуссию жестким обнажением реальности и характеров действующих лиц, что усилило субъективно-оценочные суждения личного нарратора.

Действие романа «Ғижран» Ж. Мусаева происходит в первой половине XX века в Восточном Туркестане. На окраинах города Кульджа живут батраки и дехкане Муса тага, Аббас со своими семьями. Трудовая жизнь героев неразрывно связана с землей, утром они устремляются в поля, вечером ведут разговоры о несправедливости. Молодой дехканин Аббас с женой Зейнеп мечтает отомстить за ранее убитого отца. Он открыто выступает



против тирании местных феодалов, в пылу гнева избивает пособника властей Нияз догу. Героя романа арестовывают, бросают в зиндан. В тюрьме он встречается своего учителя Нуралима, который объясняет, что месть порождает месть, ничего не меняет. Необходимо бороться с самой жестокой системой. Для изменения существующего порядка необходимо создать партию, чтобы единомышленники действовали сообща. Учитель Нуралим умирает от пыток. Аббас бежит из тюрьмы. Не зная об этом и думая, что он казнен, погибает его жена.

Факт смерти беременной женщины провоцирует волнение среди уйгурских дехкан Илийского края, ускоряет формирование партийной ячейки. Собираясь в доме у знакомых Аббаса, молодые герои обсуждают общественно-политическую ситуацию в Восточном Туркестане. В Кульдже обстановка обостряется, рабочие недовольны, у дехкан заканчивается терпение. Абдукерим объясняет обстановку, призывая к народно-освободительному движению против власти Манчжурской династии. Молодежь клянется в верности делу революции. Аббас и Абдукерим распространяют листовки. Подпольная работа активизируется. Таков сюжет произведения.

В Кульдже усиливаются стихийные митинги, народ излагает свои требования к властям, но требования отклоняются. Аббас и Абдукерим освобождают дехкан и готовятся к захвату казармы со складом оружия. Однако их планы разрушают предатели («саткуны»), почти все соратники Аббаса попадают в плен, но он освобождает пленников. Соратники решают идти совершенно другим путем и готовятся к решающей схватке. Так заканчивается первый роман Ж. Мусаева – классический советский роман, уходящий корнями к пролетарскому роману, прежде всего, к знаменитому роману М. Горького «Мать», он подготавливает почву для дилогии «Исиян» («Восстание»). Особенности романа – традиционная концепция произведения и бинарная схема (новое против старого, критика прежней системы, восхваление воображаемого революционного будущего и т.д.). Художественное новаторство Ж. Мусаева заключается не в разработке темы становления нового революционного человека – борца и созидателя

нового справедливого общества, а в показе идеального справедливого общества без национального и социального гнета.

Исторический роман «Киян» Ж. Мусаева является логическим продолжением «Ғижран». В нем исторические события подлинны, действующие лица представлены реальными историческими личностями. В произведении описываются подвиги народных героев национально-освободительного движения Восточного Туркестана Якуба Рахмана, Гани Батура, полковника Гаппа (народное прозвище) и других. Автор пишет о том, что многие события в романе и исторические персонажи Сэйфи (Сэйпидин Эзиз, один из руководителей народно-освободительного движения), Дуңжинви (китайский генерал-коммунист), Яхия Палтиев, Якуб Рахманов, народный герой Искак являются подлинными и история записана из уст профессионального разведчика 5-го корпуса Жалала Таипова.

Роман предваряется вступительной статьей видного уйгурского писателя Х. Абдуллина, который, несмотря на цензуру, был сторонником издания романа. Ж. Мусаев вторгается в гущу таких сложных и неоднозначных исторических событий, как восстание под предводительством Ходжинияза. Писатель воссоздает идеологическое противостояние умного и хитрого Мао и осторожного Сайфи. Мао добивается отправки Народно-освободительной армии в Восточный Туркестан, Сайфи оказывается в плену коммунистической идеологии Китая и вынужден следовать логике развития ситуации.

Известный уйгурский писатель Ж. Босаков, как З. Самади и Ж. Мусаев, в своем историческом романе «Көч-көч» также переосмысливает историческую эпоху. Произведение «Көч-көч» освещает события, связанные с массовой миграцией уйгурского народа из Илийского края в 1879–1890 годах на современную территорию Казахстана после оккупации края царской армией. Доведенный до отчаяния колониальным гнетом, народ вынужден покинуть родные земли. Уйгуры, отличающиеся особенной любовью к этой земле, умеющие возделывать её и пронёсшие свою самобытность сквозь тысячелетия, оказались перед трудным историческим выбором. По мнению автора, во времена

подобных испытаний у каждого человека есть возможность проявить себя, и поэтому его герои – великие уйгурские поэты Биалал Назим, Сейит Мухамед Каший, Илахун Коккоз и Н. Пантусов, В. Юлдашев наряду с вымышленными персонажами – Садик, Адалэт, Маһмут, Бәкри не могут жить спокойно, когда тяжелые испытания ложатся на плечи народа. Основная идея романа – спасение людей от неминуемого уничтожения, идея самосохранения народа обусловлена смыслом жизни и верой в справедливость русских солдат. Создается единый метасюжет – переселение («Көч-көч»). Биалал Назим и Сейит Мухаммед Каши выступают символом спасения всего народа. Люди безоговорочно доверили им свою судьбу. Идея самосохранения народа косвенным образом пронизывает многие лингвистические аспекты художественного текста: ключевые слова в романе «азатлык», «оруссия» как образы-спасение.

Романисты второй волны обращаются к далекому прошлому, пытаются художественно реконструировать менее известную для уйгурского читателя историческую действительность. С этой точки зрения, заметным явлением в уйгурской литературе стало издание исторического романа известного писателя Ю. Ильяса «Егир тиниқлар» («Глубокое дыхание»). Роман посвящен событиям второй половины XVI века, «свержению уйгурского государства Саидия манчжурами», что положило начало утрате самостоятельности и независимости уйгурского народа [4, с.155].

Ю. Ильяс описывает чрезвычайно сложные взаимоотношения двух суфийских орденов «ишкия» и «исакия» в Восточном Туркестане, возглавляемых амбициозными правителями-ходжами. Жестокое противоборство социально-политических групп оказывает колоссальное влияние на уйгурское общество, которое объективно движется к краху. В результате этого противостояния простые люди – дехкане массово гибнут, постепенно разрушаются морально-этические нормы уйгурского жамаата. Все события романа тесно переплетены с судьбой Даниял-ходжи, правителя Яркенда. Предметом художественного осмысления становится роль личности в истории. Он более семи лет находится в заточении у жунгар. По мнению писателя, выдвижение

на общественно-политическую арену Даниял-ходжи является исторически объективным и оправданным. Герой остается верен своему предназначению даже в плену у опасного врага. К сожалению, естественный ход развития исторических событий предопределяет его судьбу.

Средневековая эпоха в истории тюркских народов – один из самых противоречивых периодов в истории тюркоязычных племен, в том числе и уйгурских. Ее верная оценка, осмысление и интерпретация не так-то просты для писателей и ученых-историков. Такую непосильную задачу поставил перед собой известный уйгурский прозаик и драматург А. Ашири. Охватывая большие исторические события в романах «Идикут», «Баурчук Арт Текин», писатель проявил себя как тонкий психолог и знаток средневековых характеров и обстоятельств. Он внимательно изучил исторические факты и переосмыслил процессы становления древнеуйгурского буддийского ханства Идикут в XI-XIII веках во главе с Баурчук Арт Текином, что объективно способствовало созданию более верного художественного образа самой эпохи и легендарных личностей. Писателя заинтересовала история взаимоотношений правителей Идикута и Монгольской империи. Баурчук Арт Текин, верно оценив политические последствия, не стал противиться силе Чингисхана и заключил с ним союз. Чингисхан отдает ему свою дочь Алтун-беги. Это обстоятельство способствует спасению древнеуйгурского государства от верной гибели. Буддийское государство Идикут вошло пятым улусом в состав империи. Сам Баурчук Арт Текин стал одним из лучших полководцев. Однако авторская позиция по отношению к главному герою не была воспринята уйгурской критикой. Например, культуролог А. Самсаков не приемлет транслитерации на современный уйгурский язык имени главного героя «Баурчук» и считает его искаженным [11, с.6]. По мнению А. Ашири, роман основан на ономастическом подходе известного уйгурского историка Тургуна Алмаса, который в своем исследовании наиболее полно реконструировал древнеуйгурское общество указанного периода. А. Самсаков подверг критике образ главного героя, чьи чрезмерно жестокие действия в городе Отрар (ныне территория

Казахстана. – А.Х.) противоречат этике и, следовательно, анти-историчны.

Нравственную позицию А. Самсакова по отношению к главному герою разделяют многие. Однако, по мнению писателя, средние века – это время жестокости и насилия. И Баурчук Арт Текин должен был соответствовать требованию времени и подчиняться жестоким приказам Чингисхана. Таким образом, автор романа хотел подчеркнуть, что беспрекословное выполнение воли Чингисхана Баурчук Арт Текином нацелено на достижение им полного доверия. Критикует противоречивый образ Баурчук Арт Текина и критик А. Изимов [12, с.7], для которого важны моральные ценности.

Модели исторической памяти могут быть множественными и многогранными, что позволило писателям показывать избирательность и самостоятельность памяти. Между писателями существуют разногласия и, порой, они носят непримиримый характер. В этом отношении показательны споры М. Магауина и М. Шаханова вокруг исторической роли Чингисхана, что свидетельствует о дискретном восприятии образа Чингисхана и его времени. Функциональность историко-культурных и социально-политических дискурсов, безусловно, способствует расширению и углублению ракурса освоения действительности, хотя доминирование одного из них в литературе крайне сложно. В романах исторический дискурс важен, он может увлечь читателя в том случае, если авторская позиция оригинальна и интересна. Тогда историческая память в произведениях может способствовать формированию совершенно особой художественно-эстетической концепции изображаемого мира.

История движется своим путем, порой непредсказуемым, творческим, открытым, потому она и интересна для художника. Концепция главного героя является краеугольным камнем для уйгурской литературы периода Независимости, и, вполне естественно, подобное положение не могло не вызвать острые дискуссии среди исследователей. В романе дан образ исторического деятеля, просветителя Тататунга, умного, ответственного, который создал на основе средневековой уйгурской письменности

монгольскую азбуку. В романах А. Ашири верно переданы образы многих исторических и культурных деятелей, поэтов и представителей искусства и архитектуры – Октайхана, Монкихана, Кайду, Даванхана и других. Особо выделяются образы поэта Атаи Сали и мусульманского проповедника Махсата. Подробно описаны историческое прошлое древнейуйгурских племен, населявших Идикут, их обычаи, образ жизни, язык, культура и т.д. Чрезвычайно интересны характеры жен правителей, в частности, монгольских принцесс Бабахэр, Булухан, Бабучары, которые всегда стояли на стороне своих мужей и были готовы пойти на верную смерть для защиты своей страны.

Исторический роман «Огузхан» М. Якубова повествует о великом полководце хуннов Модэ, правившем в 209 году до нашей эры. Его слава была равна славе Искандера или Чингисхана, которые огнем и мечом завоевали полмира. Это роман об Огузхане и покоренных народах, о походах завоевателя, о роли личности в истории, противоборстве сильных характеров и т.д. По мнению автора, благодаря Огузхану была создана империя тюркоязычных народов на огромной территории. В произведении отражены древние мифы о тюркских племенах, знаменитый эпос «Огузнаме», мнение английского историка Джеймса Черварда, эпические стихи великого филолога средневековья Махмуда Кашгарского и т.п. Роман М. Якуба с точки зрения стиля является эклектичным, где научно-публицистичный стиль смешивается с художественной речью. Художественное воплощение интертекстуальных парадигм, как основных средств воздействия на внутренний мир читателя, должно, по мнению автора, обеспечить идеализацию и героизацию образов реальных исторических лиц, не противоречащую идеологическим и нравственным требованиям современной эпохи.

Исторический роман И. Жалилова «Ипархан» посвящен легендарной героине уйгурского народа Ипархан, которая прославилась своими победами в борьбе против иноземных захватчиков конца XVII века в Кашгарии. Автор особо подчеркивал, что в сюжетную основу романа легли исторические исследования ученого М. Кабировва. Таким образом, исторический дискурс

максимально сужен одним произведением, и писатель опирается на событийный ряд и субъективную личную интерпретацию. Развитие сюжетно-событийных линий в романе непосредственным образом связано с источником сведений, указанных в историческом материале. Имперсональная ссылка на исторические исследования присутствует в тексте, что предопределяет идейно-художественную основу произведения.

Писатель для осуществления замысла избирает форму сказа. В романе старый охотник рассказывает своему внуку историю великих героев уйгурского народа Майимхана, Садир Палвана, Назигума и других. Очередной рассказ посвящает главной героине романа – уйгурской принцессе Ипархан. И. Жалилов вводит новую конструкцию в сюжетную линию произведения, в которой автор скрыт в образе старика охотника. Слово-сказ старика превращается в чужое слово, история вкладывается в чужие уста, что приводит к нивелированию социально-идеологической конкретности произведения.

В центре романа И. Жалилова – образ легендарной уйгурской наложницы китайского императора Цяньлуна Ипархан, по-китайски – Сянфей («Благоухающая наложница»). Старейший император был без ума от ее природной красоты. Ипархан – супруга известного ходжи Жахана, выходца из ветви Апак Ходжи «апакия» или «ишкия», которая со своим братом возглавила народное ополчение, оказав сопротивление императорским войскам в XIII веке [13, с.126]. Вдохновляемые Ипархан ополченцы одержали ряд блистательных побед, однако они были не в силах оказывать системное сопротивление цинским войскам и, в итоге, главная героиня попала в плен и была отправлена в столицу китайской империи. В Пекине она попадает в императорский гарем, где ей оказывают внимание соответственно её привилегированному положению знатной особы. Видя ее грустное и тяжелое эмоциональное состояние, император пытается воссоздать перед ее окнами в миниатюре облик родного края, включая мечеть и кашгарскую баню. Ни одна наложница не удостаивалась такой роскоши, как Ипархан. Однако она оставалась равнодушной и печальной, отвергая все притязания самого правителя.

В памяти уйгурского народа Ипархан осталась не только борцом, но и символом женской верности и чистоты. Она умерла при странных обстоятельствах в 1778 году, по приказу императора ее тело доставили в Кашгарию и похоронили с почестями. В образе Ипархан писатель прославляет высокую духовную нравственность, добрую и нежную женскую душу, как составляющую благородного аристократического человека, который разделяет трагедию своего народа. При этом аристократическое благородство и непримиримое чувство к чужому понимается как национальная черта кашгарских ходжей.

Писатель проводит параллели с Жанной д'Арк, удачно передавая сравнение в диалоге Ипархан с итальянским художником Чиано. Облик уйгурской героини Восточного Туркестана, таинственно погибшей от рук Цинских властей в Пекине, сохранила до наших дней знаменитая картина итальянского художника Джузеппе Кастильоне – уроженца Милана, служившего при дворе китайского императора Хун Ли. Чиано сравнивает Ипархан с Жанной д'Арк и находит общие черты: «Нет. Ничего не могу добавить лишнего в изображение Вашего стана. Если я смог передать Вашу неповторимую, умную, твердую, героическую натуру, то тогда буду считать себя счастливецом. Поверьте, я наблюдал многих, но в Вашем лице увидел то, что природа воплотила самое сокровенное, – художник взял палочку. – Ваш народ никогда не забудет Вас. Вы глубоко любите свой народ. Поэты будут сочинять дастаны, певцы будут петь о Вас. Вы – уйгурская Жанна д'Арк!» (Подстрочный перевод – А. Х.).

Ипархан провела в императорском дворцовом заточении около двух лет. Кульминация романа быстротечна и ритмична, в завершающей части действия персонажей схематичны, ситуация обостряется молниеносно. Ипархан, сопротивляясь героически, вонзает кинжал в свое сердце. Император не ожидал такого поворота событий, с ужасом наблюдая за умирающей возлюбленной. Он выполнил все ее желания, посадил сад, как в Кашгаре, но не понял истинного назначения привезенной из Кашгара земли. Ипархан хотела, чтобы ее кровь обогрела родную землю, выказав тем самым преданность и глубокую любовь своей исторической



родине. Показательна последняя речь Ипархан, где она открыто выражает свое недовольство: «Не приближайтесь ко мне, – закричала Ипархан и вынула из груди кинжал Кунтекина, – твои холеные руки обагрены кровью моего народа! Презираю!» (Подстрочный перевод – А. Х.).

Автор подготавливает читателя к героической смерти Ипархан, защищающей интересы уйгурского народа. В итоге она умирает (есть несколько версий смерти Ипархан) так же, как другая героиня уйгурского народа Назигум от рук китайских завоевателей в XIX веке.

События в XVIII веке стали поворотными в судьбе народов Восточного Туркестана и внесли трагизм в жизнь уйгурского народа. Цинской империи удалось покорить свободолюбивый уйгурский народ, истребив полмиллиона людей, а предводитель народа Джахангир ходжа был публично казнен. С тех пор судьба уйгурского народа зависит от воли Пекина. Неожиданным событием в литературной жизни стал выход на русском языке исторического романа уйгурского ученого, литературоведа Х. Хамраева «Кульджинский тракт», который впервые предстает перед читателями в качестве автора исторического романа, так как раньше занимался исключительно переводами художественных произведений. Русскоязычному читателю Х. Хамраев известен как автор переводов исторических трудов Т. Алмаса («Уйгуры») и Р. Грусса. Вероятно, переводческий опыт способствовал рождению писателя-историка.

В романе «Кульджинский тракт» в художественной форме воссозданы события начала XX века, происходившие на окраинах Царской России и общественно-политическая жизнь после Октября. Описываются исторические события, охватывающие переломные этапы Туркестанского края, в частности, 1916-1918-е годы. Художник сознательно избегал классового отображения действительности, стараясь объективно изобразить всех персонажей: царского генерала Михаила Александровича Фольбаума, подавившего восстание в Семиречье, предводителей народа Тохнияза, Азата, Бекболата и других. Самое главное для личного нарратора – дать художественную оценку жестокости,

лицемерию времени и обстоятельствам, обманувшим надежды целого поколения уйгуров. Особенностью романа является яркая публицистичность стиля, строгая описательность событий и осознанная хронологичность. Именно это дает автору возможность избежать влияния исторической национальной травмы при проецировании будущего. Несмотря на трагедию времени, мы не наблюдаем психологического переживания нарратора по поводу трагического опыта прошлого. Напротив, прошлое в романе, изобилующее воспоминаниями, не вытесняет настоящее, а как бы готовит читателей к осознанию более гуманного будущего. Пожалуй, этот роман можно считать самым сложным и неоднозначным произведением в творческой жизни Х. Хамраева, интеллектуальным детективом. Писателю не нужно создавать миф об особом историческом периоде расцвета уйгурского народа, о прошлых страданиях.

Обращение уйгурских писателей к историческим корням следует связывать с отсутствием на сегодняшний день полной и объективной истории уйгурского народа, с расширением и углублением интереса к истории своей страны и к национальным обычаям разных народов. С другой стороны, этот процесс обусловлен проблемами национальной травмы и исторической памяти и их проекцией на будущее народа. Пристальное внимание некоторых писателей к негативным сторонам собственной истории дает повод для рассуждений о том, что такие общества скованы прошлым, испытывают серьезный недостаток в свободе преобразования будущего. Общество должно с оптимизмом смотреть в будущее, избегать акцента на мрачных сторонах истории, что позволит писателям создавать новые значимые произведения.

В отличие от произведений на историческую тему контуры эстетической парадигмы современной уйгурской литературы в период независимости определяют так называемые эпические произведения, посвященные национально-бытовому реалиям. Это романы «Виждан азави», «Аниниң көз йеши», «Сэрганданлар» Т. Тохтамова, «Нур ана» А. Ашири, «Көйүватқан йол», «Язниң ялғуз ялдамиси» Я. Тайирова, «Мәһбус», «Жаду» А. Бавдинова,

«Сэвда» Т. Нурахунова и других. Своеобразна динамика художественных идей в творчестве известного писателя и публициста А. Бавдинова, ранние произведения которого «Қалған көңүл», «Ойланмай басқан қәдәм», «Ай йүзидики булут» были посвящены жизни современной уйгурской молодежи. Автор подробно описывает картины бытия уйгурского общества 80-х годов, воссоздавая реальную картину жизни, быта и нравов уйгурского общества. Это было время роста национального самосознания, пробужденного идеологией перестройки. А. Бавдинов подробно повествует о представителях разных слоев общества, раскрывая образ каждого героя.

В последующих произведениях «Мәһбус» («Узник»), «Жаду» («Гильотина»), «Өтнә аләм» («Бранный мир») А. Бавдинов представляет неизвестные стороны уйгурской жизни. Для А. Бавдинова нравственность обусловлена вековой традицией, поддерживаемой незыблемыми нормами и ценностями культурной жизни народа. Однако устойчивая мораль не могла оставаться стабильной веками, поскольку в современном многополярном мире сталкиваются разные общественные отношения, разные традиции и т.д. Конъюгативное наполнение нравственных воззрений в литературе не могло не породить морального нигилизма в современном мире. По мнению А. Бавдинова, это самое опасное общественное явление, которое непосредственно влияет на сознание современной уйгурской молодежи. Образом Абдула («Өтнә аләм») писатель убедительно показывает, что нравственное падение героя явилось результатом безразличия окружающих его людей.

Герой постепенно вычеркивает из памяти все. Он забывает, что у него есть семья, дети, преданные друзья, жут (общество), в конечном итоге он не может вспомнить, кем он был и из какой он страны. Нравственный кризис в сознании водителя автолавки был заложен в советский период. Он не мог понять глубинных причин своего поведения, стремясь к обогащению. Абдула относили к успешным личностям, он был всегда на виду. Пассивность других сельчан Абдул связывал с отсутствием у них желания вести активный, предприимчивый образ жизни, как он.

Абдул не понимал, что многие люди и не могли иметь автолавку. Сельчане не имели работу, ждали месяцами мизерную зарплату. Колхозы и совхозы принуждали молодых работать почти бесплатно, и многие молодые люди стремились мигрировать в поисках работы в города. С другой стороны, советская власть, которой был присущ патернализм, всегда внушала обществу, что только государство в состоянии решить все проблемы. Таким образом, была подготовлена почва для возникновения иждивенческой психологии. В этих условиях рос и незаконно обогащался Абдул.

Распад коммунистической системы не повлиял на его судьбу. Он ясно осознавал, что новая система взаимоотношений между людьми базируется на личной инициативе. В современной жизни действует принцип: «Найти свое место в реальной жизни – это ответственность сугубо индивидуальная», исключение составляют лишь инвалиды, больные, пожилые, малообеспеченные люди, которые не могут жить без посторонней помощи. Все остальные должны заботиться о себе сами. Герой романа А. Бавдинова никогда не надеялся на кого-то, кто обустроит его жизнь. В этом смысле он не заблуждался. Он стремился к обогащению, вел вольготный образ жизни, что и привело к гибели. Решив, что деньги и личные связи – главное в жизни, Абдул занимается торговлей наркотиками, не прислушиваясь к мнению близких ему людей и игнорируя нравственные ценности жизни и общества.

Преступная торговля уничтожила его судьбу. Но самым трагичным для него стало превращение сына Шавката и дочери Шахидам в наркоманов. В результате дочь попадает в аварию, а сын находится между жизнью и смертью. Сын иронизирует над отцом и, издеваясь, выносит ему моральный приговор. Он цинично говорит о том, чтобы отец перед смертью принес ему наркотики. Автор убежден, что общество должно быть гуманным и нравственным, иначе потери будут значительными.

А. Бавдинов шел к созданию архетипа героя нового уйгура, который, разбогатев, теряет нравственный контроль над собой. Таков Исраил – герой предыдущего романа «Жаду». Для осуществления своего замысла писатель часто использует детективную

историю и приемы социально-психологического романа. Главный герой стремится к богатству через предательство и доносы, что отличает его от главного героя романа «Өтнә аләм» («Бренный мир»). Выход из духовного кризиса должна указать традиционная нравственная культура народа. В рамках исторически короткой эпохи писателю удается нарисовать подробную картину жизни современной уйгурской молодежи. В образе Рапхата воплощены типологические черты молодежи, неожиданно разбогатевшей в условиях развития рынка. В начале романа автор раскрывает внутреннюю психологию героя, который восхваляет женщин и живет только думами о них: «Алматинский Алмагуль (торговый рынок) увеличил возможности торговца из Кульджи Рапхата, любителя красивых женщин. Каждый его день проходит, как у принца» (Подстрочный перевод. – А. Х.).

А. Бавдинов старается создать типичный образ уйгурского Дон Жуана. Он, как правило, либо аристократ, либо богатый торговец, а иногда – предприимчивый делец. Для него чувственное наслаждение является высшей ценностью жизни. Своими действиями герой опровергает все моральные и религиозные нормы. Соблазняя женщин и разбивая им сердца, переходя от одной к другой, они демонстрируют ненависть. Бавдиновские донжуаны переживают серьезную трагедию. Автор убеждает читателя, что их наказывает бог. Но в романах А. Бавдинова чувственность приобретает патологический оттенок, автор исследует причины и условия деградации личности, вследствие чего герой преступает моральные нормы.

Современные романы нравов А. Бавдинова – это особый жанр уйгурской литературы, который складывался на протяжении всего периода творчества. Популярность прозы А. Бавдинова, несмотря на то, что она временами грешит схематизмом в обрисовке ситуаций и персонажей, связана с динамичным сюжетом, решением запутанной интриги, личными качествами героев и т.д. Более того, обращение автора к особенностям социально-психологического романа придает его произведениям остроту сюжетных линий. Личный нарратор часто выступает в качестве лица, расследующего причины преступления, и уверен в том,

что правосудие совершится и справедливость будет восстановлена. А. Бавдинов пытается найти свою творческую нишу в сложном направлении литературы, создавая противоречивые типы героев, которых наделяет запоминающимися физическими и душевными качествами, привлекая этим читателей.

Критики находят в произведениях А. Бавдинова стереотипы, речевые штампы, клише, не замечая при этом достаточно высокий спрос со стороны читателей. Очевидно, что детективный характер произведений А. Бавдинова выгодно отличается познавательно-развлекательной сущностью, которая в какой-то мере компенсирует художественные недостатки. Современные критики пишут о сочетании принципов соцреализма и образной системы, разработанной автором.

Формирование бинарного реализма (противопоставление событий до и после Октябрьской революции) в уйгурской литературе привело к тому, что современная общественная жизнь рассматривается творческими деятелями с позиции отрыва от жизни, а досоветская действительность – критически. Уйгурская литература разделилась на элитарную и массовую. Романы А. Бавдинова рассчитаны на массового читателя. По мнению критиков, писателям, ориентирующимся на массу, присуще чрезмерное обнажение реальной действительности. Действия героев и их поступки, завязка сюжетов максимально открыты. Современного уйгурского писателя привлекают проблемы познания окружающего мира, самоидентификации героя, национального восприятия. Они показывают динамику отражения художественной рецепции мира и особенности смены художественных парадигм.

Для ценителей словесности М. Хетахунов, прежде всего, явление нравственное, творческое, культурное, проявление человеческого духа на стыке эпох, образец высокого мужества и высокого таланта. Он был писателем необычным, писал о простых людях, используя принципы реализма, проявляя честное, правдивое отношение к людям и, в то же самое время, романтическое, несколько наивное, высоконравственное отношение к своим героям. Он был настоящим интеллигентом, бойцом и, одновременно,

убежденным критиком действительности. Писателя отличали цельность, глубокое познание жизни, честность и порядочность, которые проявились и в характере его персонажей. М. Хетахунов был представителем поколения, которое трудилось в тылу и не боялось смерти. Его роман посвящен памяти тех, кто работал в невероятно тяжелых условиях. Прозаик умел создавать интересные, увлекательные сюжеты, поэтому был востребован как автор, чьи произведения стали основой театральных постановок.

Роман «Элвида» М. Хетахунова важен для подрастающего поколения. Главный герой Азиз, подобно Мересьеву, герою повести Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке», будучи инвалидом, борется за свою жизнь. Когда роман был издан, его глубокий психологический реализм потряс читателей. В этой прозе было много доброты и веры. «Элвида», несмотря на нетипичный характер и обстоятельства, близок к реальности. Писатель, рано ушедший из жизни, был одной из талантливых личностей в литературе.

В современной уйгурской прозе особое место занимает сатирическая проза. Одним из самых заметных произведений данного направления является сатирический сборник повестей, пьес и рассказов А. Махмудова. Истоки уйгурской сатиры имеют глубокие традиции. Ее роль в развитии уйгурской смеховой культуры высока. Благодаря сатире уйгуры по-новому постигают нормы прекрасного и идеального. Исследование творчества А. Махмудова показывает, что предметом смеха становятся все сферы общественной жизни. Сам автор подчеркивает полисемантическую природу смеха и выделяет ее 25 разновидностей. «Чақчақ күлкә – чатақ күлкә, (шуточный смех – горький смех), шатлик күлкә – шатирақ күлкә (радостный смех – легковесный смех), мәйин күлкә – мәйнәт күлкә (безобидный смех – засоряющий смех), личиң күлкә – филжиң күлкә (режущий смех – прерывающийся, опаздывающий смех), тәмкин күлкә – ғәмкин күлкә (пустой смех – печальный смех), хижаләт күлкә – хошамәт күлкә (виноватый смех – заискивающий смех), алдамчи күлкә – ялақчи күлкә (хитрый смех – коварный смех), сәмимий күлкә – сәбичә күлкә (искренний смех – детский, чистый смех), мәсхирилиқ

күлкә – эстәрлик күлкә (высмеивающий смех – смех с подтекстом), тәрсалик күлкә – тамалиқ күлкә (грубый смех – завистливый смех), назлиқ күлкә – пуллуқ күлкә – йоллуқ күлкә (тихий, беззвучный смех – прибыль приносящий смех – целенаправленный смех) и т.д. Все эти виды смеха представлены в маленьких рассказах А. Махмудова. Автор пытается смеяться и над собой. Это отчетливо видно в его сатирическом сборнике «Әбжәш күлкиләр күндилиги» («Дневник странных смехов»), опубликованном в 2006 году. Предисловие «Мән» һәққидә мән дәйдигән гәп» («Я» и слова, высказанные про меня») само по себе указывает на то, что автор и его творческая биография подвергаются сатирической критике. Вся действительность, в том числе и жизнь писателя, составляют единую смехопанораму.

Таким образом, общественно-культурная значимость крупных эпических произведений в уйгурской литературе конца XX и начала XXI веков обусловлена традицией развития уйгурской классической прозы в советский период. Современная уйгурская проза наследует весь арсенал образов, мотивов, языка, художественных приемов и синтетическое построение жанра, в основе модификаций лежат характерные принципы наследования. Однако с культурно-исторической точки зрения уйгурскую литературу периода независимости можно рассматривать как феномен, объединенный рядом общих черт, тенденций, направлений развития. Многие явления в уйгурской словесности подготовлены процессами, происходившими в общественно-политической жизни Казахстана. В частности, эпопейная составляющая в «Жиллар сири», «Ахмет эфенди», «Гани батур» З. Самади и «Вулкан», «Сэрап» М. Зулпикарова, «Идикут», «Баурчук Арт Текин» А. Ашири типологически, объективно продолжает традиции М. Ауэзова, М. Магауина, И. Есенберлина в казахской литературе, Ч. Айтматова, К. Баялинова – в кыргызской и многих других. Отсюда и тяготение современной уйгурской литературы к монументальности, эпопейности. Это подтверждается романами – тетралогиями, трилогиями, дилогиями З. Самади, М. Зулпикарова, Х. Абдуллина, А. Ашири и многих других в прозе, а также многотомниками Т. Икрами, А. Изимова, М. Обулкасымова и других.



Эволюция уйгурской поэзии переживала чрезвычайно сложное исторически переходное время. Процесс осмысления уйгурскими поэтами поэтических традиций советской эпохи протекал чрезвычайно медленно и противоречиво. Им предстояло понять и всесторонне осмыслить целостную мифологемную модель социалистической действительности. В уйгурской поэзии объективно продолжали присутствовать советские темы. Однако параллельно начали развиваться традиционные темы национального быта и менталитета, новые художественно-поэтические модели, переосмысливаться нравственный потенциал общества, судьба уйгурской деревни, проблемы этики, общественной морали и т.д. Ключевыми темами уйгурской поэзии становятся жизнь в суверенном Казахстане, дружба уйгурского и казахского народов, а ведущими образами – образ Президента и исторических личностей – Абай, Шакарим, М. Ауэзов, национальных багтыров и культурных деятелей. Если для возвращенной уйгурской литературы характерна тема свободы, исторической травмы и раздумья о будущем, то для молодого поколения уйгурских поэтов – модернистские представления. Видное место в современной уйгурской поэзии продолжает занимать суфийская поэзия.

Тема «Родина – Казахстан» для уйгурских поэтов периода независимости является общественно-значимой и ведущей. Поэты по-новому осмысливают полноту и глубину концепта «свободы» в связи с обретением независимости. Образ Родины с точки зрения целостной метафоризации создает некий своеобразный эстетический постсоветский фон уйгурской поэзии, отражающий в художественной полноте весь спектр общественно-политической жизни Казахстана. В связи с этим художественная рецепция Казахстана как образ целостной страны в современной уйгурской поэзии обретает особое литературно-эстетическое значение и надстроечный смысл. Концепт Казахстан – общая Родина для всех, кто живет на этой земле, – выступает для уйгурского поэта как сугубо личное, таинственно сокровенное. Для него характерно очень личное и открытое (в словесном плане)

эмоциональное отношение к Родине – Казахстану как к святому Отечеству. Это всегда личностное, персональное восприятие «своего» художественного демографического пространства, архетипически противопоставленного «чужому» месту обитания.

Художественный нарратор глубоко осознает, что он не может жить без Родины, стремится ярко, красочно и с особой любовью описать ее. Восприятие образов, связанных с Казахстаном, для поэта представляет особое символическое и сконцентрированное значение, воплощенное в чувстве особой и священной любви к казахстанской земле. Например, появление образа шанырака, актуального с точки зрения социо-политического контекста, связано с далеким единым прошлым. Он символизирует и аккумулирует единое понятие – «мы – народ Казахстана», а в более широком смысле, всю Вселенную, четыре стороны тюркского мироздания. Исследование коллективной поэтической антологии на уйгурском языке «Мой Казахстан», объединяющей известные произведения современных поэтов, включая такие жанры, как баллада, сонет и канонические виды стиха, указывает на высокий уровень гражданственности и свидетельствует о высоком патриотическом настрое национальных поэтов. Основной мотив сборника – воспевание Казахстана как отчего дома и раздумья о будущем. Например, в поэтическом сознании поэта А. Дулатова Казахстан присутствует как «печать Вселенной» (тамга, мөр-хэт), у Р. Розиева – «край солидарности и дружбы», у А. Кутлукова – «единокровность» («қандашлиқ достлуқ»), у поэтессы П. Сабитовой – «вечный источник огня и света», у П. Махсатовой – «вечный дастан» («әбәдий дастан»), у М. Меримова – «расцветший цветок» и т.д.

Известный уйгурский поэт И. Ушуров в стихотворении «Мениң Алматым» («Мой Алматы») воспел любимый город как вечно сияющий Алатау, символ южной столицы, вызывающий восхищение. Величественный, гордый, Алатау всегда производил впечатление свободы и непокорности: «Утром от солнечного луча краснеет твой силуэт, / В этот мир помчусь, чтобы увидеть тебя. / Цветешь ты, город наш, непреклонный, / И люди

безмерно счастливы, / Независимость встречаем величаво и торжественно» (Подстрочный перевод – А. Х.).

В стихотворениях «Баян аул нахшилири», «Баян аул теги», «Баян аул келлири» И. Жалилова находит поэтическое воплощение величие степи, горизонт которой словно обнимает небо.

Художественный концепт «Мой Казахстан» в уйгурской поэзии отражается как евразийская культурно-эстетическая ментальность, организующая интеллектуальное и эмоциональное пространство. При таком подходе к творчеству уйгурских поэтов Казахстана художественное пространство и время выступают в качестве когнитивной модели, представляющей объективный мир как сердцевину Евразии, переосмысленный художественным сознанием поэта.

Общая творческая атмосфера Казахстана всегда была близка к идеальной, многие поэты имели своих соотечественников-друзей, складывались успешные творческие тандемы, например, Илья Бахтия – Мукагали Мукатаев, Хизмет Абдуллин – Куандык Шангитбаев, Махмут Абдрахманов – Туменбай Молдагалиев, Абдумажит Дулатов – Дулат Исабеков и многие другие. Естественно, поэзию современных поэтов, представляющих пример личной искренней дружбы, роднят общие темы, композиция и действия персонажей, что способствовало возрождению особой духовной традиции в литературе, которая генетически восходит к первой половине XX века, сближению двух народов через личную дружбу лучших представителей. Формы нравственного, творческого, и, как следствие, человеческого сближения ярких представителей двух народов усилили тематику дружбы между казахским и уйгурским народами в литературе, в частности, в поэзии. В произведениях поэтов приобретают типические черты такие устойчивые образы, как «ата журт» – «ана вэтэн» (родная страна), усиливаются глубоко личные лирические мотивы: родные и близкие люди, родные могилы, юрты, степь, воздух родины и т.д.

Уйгурскими поэтами переосмысливается творчество современных казахских поэтов Н. Оразалина, К. Мырза-Али, Т. Абдрахмановой, Т. Медетбекова, Ф. Онгарсыновой, Ш. Сариева,

Е. Раушанова, У. Есдаулетова, Иран-Гаипа и многих других. Казахские поэты посвящают стихи представителям уйгурского народа. Например, тема искренней дружбы между народами в произведениях «Бауырдастық» К. Мырзалиева, «Уйғырлар», «Уйғырым», «Уйғыр досымға» Т. Молдагалиева получает свое дальнейшее развитие у многих казахских поэтов. Особо выделяется стихотворение С. Машакова «Ұйғыр достарға». Автор с особой радостью отмечает положительные изменения в жизни казахстанских уйгуров.

Таттым тандыр нанынды,  
Тындадым дутар, тембурды.  
Аралап сай мен тауынды,  
Назигум жатқан үңгірді.

Кетпен шапқан диқаның  
Береді шабыт жырыма.  
Денім сау болса шырқармын,  
Дастан етіп мұны да.

На уйгурский язык переведены многие поэтические произведения казахских авторов, в которых реалистически показана казахская действительность, внутренний мир героя, переживания и радости, думы и смятения. Тема дружбы в уйгурской литературе имеет глубокие исторические традиции. Уйгурские литературоведы отмечают в произведениях поэтов-классиков Сеид Мухаммеда Каши и Билала Назыма большое значение темы дружбы народов: «Вслед за классиками тема дружбы народов вообще и особенно тема дружбы с русским, узбекским и казахским народами получила довольно широкое распространение в уйгурской литературе, заняла большое место в творчестве большинства уйгурских литераторов» [9, с.125]. Начиная с 60-х годов XX века, советская литература становится действительно многонациональной, и эта атмосфера проникает во все слои культурной жизни уйгурского народа. Уйгурские поэты и писатели воспринимают творческий опыт М. Ауэзова, Ч. Айтматова, А. Кима,

В. Быкова, Р. Гамзатова, Н. Думбадзе, Ф. Искандера, М. и Р. Ибрагимбековых и многих других.

Важное направление современной уйгурской поэзии – усиление межлитературных контактов, расширение географии языка перевода (казахский, киргизский, узбекский, русский и другие языки). В 1991 году издано произведение Р. Ушурова «Мукамчи», посвященное уйгурскому музыканту Наньту, жившему в период владычества в Китае хана Джу. На русский язык оно переведено М. Балкиной, Т. Васильченко, Л. Шашковой. Весомый вклад в переводческий процесс Казахстана вносят литературные журналы «Простор», «Мировая литература», «Аманат», «Тамыр», «Ган-Шолпан», «Жалын», где печатаются художественные переводы произведений уйгурских писателей и поэтов на русский и казахский языки. За последние годы в журнале «Простор» опубликованы стихотворные произведения С. Маматкулова «Был бы я воздухом...», «Покаяние», «Арбакеш», «На Усеке», А. Насыри «Перед смертью», А. Уйгура «Внезапная ночь», «Где же ты?», произведения уйгурских поэтов из СУАР КНР А. Уткура «Седина моих волос...» и цикл рубаи, отрывок поэмы Н. Шахита «Любимой» и т.п.

Усиление литературных связей между двумя родственными народами связано с общностью процессов и наличием традиционных контактов в литературном развитии. Сближение казахской и уйгурской литератур протекает на почве общности культурно-исторического развития (типологические схождения, конвергенции). Моменты сходства между двумя литературными традициями возникают на почве международных контактов (влияний и заимствований). Взаимодействие двух родственных литератур, находящихся на одинаковых эксплицитных, но имплицитно разных стадиях литературного развития, становится важнейшим источником обогащения национальных литератур как условие полного и широкого выявления их оригинальных признаков.

Еще одной важной художественной особенностью современной уйгурской поэзии Казахстана является усиление темы исторической и культурной памяти. Как тема героики и высокого

нравственного идеала она получила широкое распространение в 90-е годы XX века, оттеснив все главные темы советского времени, включая производственную тему, рабочего класса и др. Поэмы Р. Розиева «Мин Уй», Абдугопура «Уйгур ели», М. Обулкасимова «Сән бүйүк дәрдим» написаны в рамках новой социально-культурной философии.

Поиск новых тем в поэзии связан с переосмыслением трагических событий в национальной истории. Тема психологической национальной травмы имеет в основе факт расстрела уйгуров красноармейцами в 1918 году после кронштадского мятежа, который занял важное место в общественно-культурном сознании уйгуров Казахстана. Это была трагедия одного народа, поскольку убивали избирательно, исключительно по национальному признаку. В уйгурскую поэзию она вошла как «Ату» («Расстрел»). Трагедия «Ату» стала контекстом травматического переживания народа и начинает расширять жанровые признаки уйгурской литературы. Они становятся разнородными (эссе, очерк, рассказ, лирика, поэма, теоретическое исследование и т.д.). Исторический дискурс «Ату» в современной поэзии, несмотря на временное отдаление, приобретает феномен вторичного переживания в связи с новыми трагическими фактами насилия над народом. Такова эстетическая сущность эпического дастана П. Сабитовой «Ату», который состоит из шести разделов. Свое произведение автор посвящает видному уйгурскому религиозному и общественному деятелю Савутахуну, расстрелянному в 1918 году.

«Кто виноват, кто прав – это тайна истории. И эту тайну раскрыть – наше сокровенное желание», – пишет автор. Поэт уверен, что при любых условиях факт убийства безвинного, беззащитного, высоконравственного человека налицо, и он убит красноармейцами несправедливо. Таково идейно-тематическое содержание произведения С. Искандерова «Пәрзэнт зари» («Плач ребенка»).

Тема национальной травмы связана с темой национального возрождения народа, который в прошлом имел героическую историю. В этом отношении древняя тюркская история становится идеалом для современных поколений тюркоязычных народов.

Новым этно-поэтическим явлением в уйгурской лирике является творчество С. Маматкулова, А. Хаканий, А. Кутлукова, Р. Розиева, А. Изимова – художников с тонким историческим вкусом и эмоциональным восприятием национального бытия и природы. Их произведения отличаются глубинным знанием истории, умением передать ее ценности в общей картине тюркской цивилизации. Просветительские тенденции воплощены в художественной форме. Поэтические сюжеты и мотивы реальны, персонажи изображены правдиво, с глубоким проникновением в их внутренний мир. Этические и эстетические проблемы исчезновения Аральского моря становятся объектом внимания поэта А. Срапилова. Трагическим и тревожным мировосприятием в связи с последними событиями в жизни уйгуров Китая проникнуто творчество Р. Розиева, М. Садирова. От принципиальных расхождений в концепции личности они пришли к единому убеждению в сложных вопросах бытия, естественно, с сохранением противоположных, но уже совершенно иных подходов к постижению, на первый взгляд, объективной реальности. Может показаться, что эти факторы далеки от культурных традиций уйгурского народа, однако – это заблуждение. Осмысление уйгурскими творческими личностями трагической истории в целом было объективно и самокритично. Жесткое внутреннее противостояние представителей накшбандинских орденов «ишкийэ», «исхакийэ» во второй половине XVIII века, в конечном итоге приведшее к потере свободы, стало источником мотива безысходности человеческой судьбы.

В период независимости быстрыми темпами развивается суфийская тематика, которая традиционно проявляется в любовной лирике «ишк» («горение») с вселенским мотивом чудесной силы и энергии любви. Современный уйгурский поэт признает суфийское толкование о сущем, где душа человека предстает как область проявления Истины, следовательно – Бога. Истина является предметом и объектом Любви. Поэтому представления о Боге – это воплощение человеком двумерного целого образа – Истины и Любви. Когда суфий-поэт говорит об истине, то подразумевает любовь, когда говорит о любви, то подразумевает истину.

Для поэта-суфия эти явления неделимы, что является обязательным условием веры «Иман». Поэт-суфий никогда не признавал наличия двух начал в божественной природе. Добро и зло, боль и переживание, по представлению суфия, существуют на земле лишь потому, что у человека появляется возможность выбора и осуществления пути к божественной истине. Без познания природы мученичества, но не зла, он не сможет сделать шаг к познанию любви, т.е. зло становится жизненно необходимым лишь тогда, когда нужна более весомая преграда для его преодоления. Оно может стать символом страдания в пути. Эта корневая мысль уйгурских суфийских поэтов XVIII века обыгрывается в современных стихах Д. Ясенова, «Бир гезэл», «Қалсун маңа», «Байқа жанан» И. Бахниязова, Ж. Розахунова, Т. Наматова. В нее, как в водоворот, втягиваются многие и многие поэтические высказывания, художественные образы и исторические подробности.

Поэт И. Бахниязов в газелях специально усиливал и расширял эмоциональную составляющую: «Своим острым языком в скитальца меня превратила, / Отняла у меня мечту-любовь, в сумасшедшего меня превратила. / Жестоким стал я и не помню себя, усилилась головная боль, / Крылья обожжены. В одинокого меня превратила» (Подстрочный перевод – А. Х.).

Современная газель становится разнородной по содержанию, т.е. в текст проникают социально-этические мотивы. Например, в газелях М. Меримова обнаруживается этическое толкование мира. Такие эклектические мотивы можно наблюдать и в газелях Д. Ясенова, И. Бахниязова и других. Но в них всегда преобладают чистые восточные мотивы.

Общеизвестно, что возвращенная литература связана с национальной историей и тревогой за будущую судьбу народа, поэтому ее представители не принимают идею Октябрьской революции [14, с.25-30]. Ее историческое развитие предопределило расставание инакомыслящих художников со своими идеалами. Революция была не в силах подавить в них память любви к истории и чувство внутреннего родства со своим народом. Например, видный исторический деятель, поэт Н. Абудусемятов, описывая дореволюционные беды крестьян, ввел в сюжет трагические



послереволюционные события. Благодаря возвращенной литературе уйгурские читатели узнали правду о событиях 1920-х годов. Поэт Н. Абдусемятов в стихотворении «К жизни» откровенно писал, что уйгурскому крестьянину плохо и от феодалов, и от советских революционных идеологов: «Что случилось с тобой, жизнь, не стало тебе хорошо, / От всей души полюбить тебя я так и не смог...» (Подстрочный перевод. – А. Х.).

В знаменитом стихотворении, посвященном легендарному уйгурскому коммунисту Абдулле Розыбакиеву, поэт выражает свои сомнения в том, что новая страна движется по верному направлению. В стихотворении «Сал» (Эзиз желигим Тэнрикулға) поэт старается образно передать свои ощущения о сложившейся ситуации вокруг своего имени. Он пишет, что его камышовая лодка стоит перед бушующей водной стихией, его тащит в водоворот и трясину, перестал светиться его путь, вокруг темно и опасно, неизвестно, попадет ли он на берег.

Важным достижением современной казахстанской демократии является возвращение и переосмысление творчества репрессированных писателей и поэтов, которые были подвергнуты несправедливому забвению. Известный литературовед М. Абдрахманов, немало сделавший для реабилитации уйгурских поэтов, пишет, что «в свое время неправильно толковалось, точнее, искажалось идейное содержание стихотворений А. Мухаммади «Яш жүригим» («Мое молодое сердце»), «Ечилмас көңлүм» («Не успокоится душа»), в которых поэт выражал чувство скорби по поводу судьбы угнетенного уйгурского народа и надежду на обретение долгожданной свободы и независимости на своей исторической земле. Критики 1930-х годов узрели в этом националистическое, мелкобуржуазное настроение (игнорируя сам факт посвящения стихов Восточному Туркестану, где трудящиеся массы находились под гнетом китайцев, где жестоко подавлялось любое проявление борьбы за свободу). Хотя выражение протеста против угнетения, сопереживание и соучастие в трагической судьбе народа Восточного Туркестана были естественными для поэта» [15, с.128].

В целом факт забвения их творчества можно объяснить исторической смутой, из-за которой постоянно подвергались

сомнению действия новых властей. Н. Абдусемятов, А. Мухаммади и другие, несомненно, были более близки к правде, чем те поэты, которые слепо и свято верили в завоевания революции. Предостерегая об опасности иллюзорного взгляда, слепых мечтаний, об опасности всепоглощающей революции, об угрозе догматизма вождей, тех, для которых собственная точка зрения была превыше всего, и опасности подстрекаемой идеологами коммунизма вражды между разными слоями населения страны, Н. Абдусемятов позже расценивал коммунистическую революцию как преждевременный и опасный для народов Востока эксперимент, жестокий опыт. Последовательно, изо дня в день, он выступал с позиции защитника демократии и культуры. В период пребывания Н. Абдусемятова за границей, когда контакты с исторической Родиной хотя и не прерывались, но они не могли быть всесторонними и непосредственными, мировоззрение писателя постепенно менялось в сторону усиления этно-социального идеализма, восхваления нового коллективного образа, нарастающего абстрагирования в представлении уйгурской советской действительности. Его миропонимание, ориентированное, как у многих творческих деятелей, на социалистическую революцию, вместе с тем носит ярко выраженный отпечаток воззрения национально-просветительского типа, с установкой на всеильный человеческий разум, верой во всемогущественную силу знания. Подобные установки были восприняты Н. Абдусемятовым под влиянием необычайно авторитетной для него уйгурской народно-демократической традиции второй половины XIX века, а позже были закреплены – в соответствующей трансформации – в его восточной ориентации на литературу.

В целом, возвращенная уйгурская литература Казахстана видела свою миссию во всемирном содействии полному преобразованию уйгурской жизни на казахстанской земле. Однако трагические события Октября (особенно расстрел уйгуров в Алмаатинской области в 1918 году) посеяли сомнения среди уйгурской интеллигенции в правильности действий большевиков. Расценивая «межклассовую борьбу» как неизбежный, «хотя и трагический момент данного периода истории», национальные поэты

и общественные деятели в то же время призывали народ и власть к отказу «от грубейшего насилия над людьми». Вопрос о насилии для уйгурского народа стал важнейшим в его расхождении с правительством большевиков в 1917-1918 годы. Уйгурская интеллигенция выступала против насильственных методов борьбы с обычными незащитными гражданами, против пагубного для Родины идейного максимализма, против арестов «всех несогласно мыслящих», а также решительно выступала в защиту социалистической интеллигенции – «мыслящих пролетариев и дехкан». Эти факты стали основной причиной ликвидации лучших представителей уйгурской интеллигенции – Абдуллы Розыбакиева, Исмаила Таирова, Абдулхая Мухаммади и многих других. Трагический исторический процесс поступательно осмысливается современными художниками.

Характерной особенностью уйгурской лирики в современный период является открытый дидактизм поэтического творчества. Многие поэты обращают внимание на резкое падение общего уровня нравственности в обществе, призывая к возврату моральных ценностей. Поэты пытаются уловить пульс времени, передать реальные противоречия и столкновения между нравственными устремлениями человека и современностью. И. Ушуров пишет, что «жизнь проходит в поисках денег». Поэт М. Меримов восклицает: «Когда найдем мы правду»? («Ҳәқиқәтни қачан тапимиз?»). Призывает в стихотворении «Ақ нийәт» к честным помыслам: «Если у людей совесть чиста, / то жизнь спокойна, душа радостна. / Деля с друзьями радость и печаль, / очищается душа ...» (Подстрочный перевод – А. Х.).

В целом, по мнению большинства уйгурских поэтов, моральная основа общества переживает кризисный период. Эволюция сознания находится в центре сложных социально-культурных процессов, которые не поддаются изменению. Дефицит нравственности порождает острую потребность в ней. Об этом произведения С. Искандерова ««Кәчүр мени, диярим» («Прости меня, мой край»), Ж. Розахунова «Йоллар түгимәйду» («Не завершаются дороги»), «Аққулар қайтқанда» («Возвращение лебедей»), «Ой тамчилири» («Капли дум»), «Кәнликни кинәймән»

(«Ищу пространство»), А. Дулатова «Атамдин анлиған чечэк вә тәмсилләр» («Сказки и поговорки отца»), «Бир арман бар» («Есть у меня мечта») и т.д. Некоторые поэты, твердо придерживаясь гражданской позиции в лирике, стараются не навязывать ее читателю. Они приглашают его к позитивному и продуктивному поэтическому диалогу, в котором выражают свое видение мира и свою точку зрения о происходящих переменах. Вместе с тем они обращают внимание на эстетическую идею произведения, анализируя вопросы абсолютной и относительной этики, как это делали раньше их предшественники.

Постепенно усиливаются голоса представителей «тихой лирики», поэтов, которые не занимали активную позицию в социально-политической жизни общества в советский период. Они реже печатались, мало выступали перед публикой, были сосредоточены на тихой творческой деятельности. Представители «тихой лирики» встретили независимость Казахстана с особым творческим восторгом и энтузиазмом. В новое время они начинают активно публиковаться. Например, поэт Ж. Касимов, автор поэтических сборников «Издигәнлирим», «Сезим учкунлири», «Йоллар вә ойлар» и других посвящает новые произведения свободному Казахстану, Кыргызстану и другим республикам Центральной Азии («Келәр күнни күткәндә», «Дилга жакын адамдар», на киргизском языке и т.д. ). Тема исторической родины – Восточного Туркестана становится доминирующей в последние годы творчества поэта. В 2001 году выходит сборник дастанов «Кашгар йоли», лирическое переживание об исторической Родине. Он переводит на уйгурский язык стихотворные произведения известного киргизского поэта Н. Алимбекова «Бири кам дуния» (1994). К 80-летию уйгурского поэта и просветителя Машура Жалилова вышла книга на уйгурском языке «Ана жутум – соғулмас илһам» («Родная земля – источник вечного вдохновения»). Перу поэта принадлежат сборники «Тияншан садалири», «Дехан» и другие.

Поэт А. Садиров, автор произведений «Чопан болиман», «Тәбәссум», «Төмүр қанатлар», за короткий срок опубликовал «Қушлар учуп кәлмәктә», «Шерин дәмләр», цикл сонетов «Көңүлдә қалмисун арманлар» (1994). В последние годы изданы

«Бевапа дуня» («Равнодушный мир») А. Хамраева. Перу А. Хамраева принадлежат «Жүрәк нидаси» и «Адәмләр – бәхтим мениң». Поэт пишет о человеке творческом и счастлив, что живет в свободной стране, однако его думы об исторической родине – Восточном Туркестане – рождают печальные размышления. Особый национальный колорит ярко отразился в дастане «Некрасовниң йәттә мужиги вә Савутжан яки роһлар өлмәс һеч качан», написанном в 2006 году.

В конце XX века в уйгурской поэзии оставили весьма важный след Х. Талипов («Вәтән күйлири»), А. Сапирий («Үмүт учкунлири»), А. Жумахунов («Жут сәғиниши»), М. Семятов («Қәлб сирлири»), Ғ. Халилов («Өтмүш садаси»), Х. Гожәмбәрдиев и многие другие. Можно констатировать, что любовь к исторической родине и к Казахстану у вышеназванных поэтов делает их произведения социально значимыми и весомыми, указывает на уникальное в своем роде состояние человека, когда возникает особое ощущение целостности, гармонии чувственного и духовного, красоты и добра. Поэты предъявляют к жизни повышенные требования и ожидания, на которые повседневность ответить не может, отсюда – настигающая героя тревога.

Преображающая магия любви в изображении уйгурских поэтов, в частности, в стихотворении Х. Юнусова «Туғулғанда ақ йөгәккә йөгилип», равносильна той, которой обладает магия ухода человека в мир иной:

Когда рождается мы,  
в материал пеленают нас белый,  
А в колыбели дети всегда засыпают.  
Когда умираем,  
в белый саван заворачивают тело.  
В белом гробу  
в последний путь провожают.  
Так что жизни течение в конечном итоге  
Лишь расстояние между колыбелью и гробом.

*Поэтический перевод – А. Ахетова*

Антиномичность человеческих чувств находит свое выражение в образах-оксюморонах: «бөшүк – тавут» («колыбель – гроб»), «Туғулғандиму ақ йөгәккә / Өлгәндиму ақ йөгәккә» («пеленают – саван») и т.п. Эти бинарные мотивы заставляют человека глубоко задуматься о смысле жизни, ее кратковременности.

Перу А. Муталлипа принадлежат «Йүксәк юлтузлар» («Далекие звезды»), «Достлуқ қәлби» («Душа дружбы»), «Мүһәббәт» («Любовь»), Х. Салиховой – «Юлтузлар чақниғанда» («Сияют звезды») и т.д. Стремление отображать реальность сужает рамки представителей «тихой лирики». Эта ограниченность поэтической позиции нивелируется в период государственной независимости Казахстана, когда появляется новый поэтический феномен – позднее поэтическое творчество поэтов, полноценно обратившихся к поэтическому труду в преклонном возрасте. Основные темы – воспевание любви к родине и описание ежедневных будней в творчестве Е. Исламова (поэтический сборник «Жиғлимаң ана»), М. Хапизова (стихотворные циклы «Муқамлар сири», «Шаир жүриги», «Тәшналик» и другие), И. Розиева («Һәммиңларға һәдийә», «Жигит беши», «Учуп келәр турнилар» и т.д.), Н. Тохтахунова («Унтима», «Тракторчи», «Ана һәққидә алтиликләр» и т.д.), Д. Мусаева («Мениң заманим», «Кечиккән сезимлар»), О. Ислама («Байлиғим»), Р. Музаппаровой («Баһар көндүм», «Ойғақ қәлбим»), А. Избакиева («Течлик күйи челинса», «Шеир-қәлб нахшиси») и др. О. Ислам более 50 лет писал стихи, но издал поэтический сборник к 70-летию [16, с.5].

Как отмечено выше, за период с начала установления государственной независимости Казахстана произошло возрождение и дальнейшее развитие уйгурской национальной поэзии. Современные поэты Н. Ахматов, Г. Авутова, Т. Нурахунов, П. Махсатова, И. Тохтияров, Т. Хезиярова, Ш. Баратова, В. Молотов, К. Разakov и другие свободны в своих взглядах, пишут много и разнообразно. В новой поэзии чувствуется пульс эпохи, суть изменений. Творчество молодых уйгурских поэтов оставляет заметный след, имеет достаточно высокое эстетико-художественное значение и становится существенным звеном в истории уйгурского словесного искусства.

Своеобразно творчество жаркентского поэта Н. Ахметова, в котором наблюдается эволюция от сельской темы к философии современной жизни. Поэт верно передает процесс смены эпох в произведении «Өмүр» («Жизнь»):

Идем мы, идем мы всегда вперед.  
Дойдем мы, плутая, не сбавим свой ход.  
Символом жизни безоблачный кажется день.  
И с путником всегда идет его тень.  
Есть путники, сошедшие будто бы со звезды.  
Есть путники, что вечные оставляют следы.

*Поэтический перевод – А. Ахетова*

Поэтические сборники «Яхшилиқни истэймән», «Дәрдиң билән яшаймән», «Рәңму-рәң аләм» свидетельствуют о том, что в современной уйгурской поэзии идет плодотворный процесс освоения историко-культурного наследия народа.

Своеобразен переход к углубленному восприятию действительности у Г. Авутовой. Ее произведение «Гүлзарим» поражает зрелой мудростью, дополняемой авторским видением, грустным взглядом, который прорывается сквозь преграды авторского хронотопа, образностью и неискоренимым в настоящих поэтах – живым интересом к жизни. Поэзия Г. Авутовой по смысловой наполненности и ритмике гармонично перекликается с творчеством С. Маматкулова, завораживая свежими переливами авторской мысли. В творчестве Г. Авутовой есть что-то таинственно притягивающее, которое заставляет забыть о суетном окружении.

Весьма интересна эволюция взглядов у П. Махсатовой. Она постепенно освобождается от позиционного максимализма и переходит к умеренным поэтическим выводам. Внешний враг, как и внутренний, рассматривается в контексте Зла, а образ простого смиренного народа – в контексте Добра. Именно такой концептуальный ориентир получает художественное воплощение в метафорических образах произведений поэтессы. Ранее

поэтический голос П. Махсатовой звучал яростно и сильно, взрывая спокойную реальность реципиента.

П. Махсатова испытала психологическую травму в личной жизни, что способствовало изменению творческого направления ее поэзии. Лирика П. Махсатовой становится бескомпромиссной и жесткой. «Если враг рождает в душе ненависть, то усиливается любовь к жизни», – уверенно и убежденно заявляет поэтесса. Однако критика не воспринимает отдельные поэтические мысли автора, где все идеи сосредоточены вокруг мотива «душмән» – врага. П. Махсатова – автор сборников литературно-критических статей «Правда жизни – источник вдохновения», «Родники мыслей», поэтических сборников «Я в объятиях любви», «Совесть», «Этот тайный мир», «Хочу остаться с вами», «Слезы сердца», «Люди под зонтом», «У каждого есть черта», «Вместе пойдем в сад», «Маленьким друзьям», «Грусть ожидания» и т.п. Она продуктивно работает в области литературоведения и публицистики.

Среди молодых уйгурских поэтов творчество И. Тохтиярова, автора сборников «Жүрәк тәвригәндә», «Варислар нахшиси», «Мән сегинғанда», «Долана», «Миң савдалар чүшсиму башқа», «Тумарим», «Күзги бағлар» и других, занимает заметное место. Возвышенная романтическая и гражданская поэзия И. Тохтиярова отражала пафос первых лет суверенитета и специфические черты личного нарратора. Переход к поэтическому освоению исторического времени состоялся намного позже.

В 2013 году вышла в свет книга Ш. Баратовой «Шатлиққа Тәшналық» («Жагда радуги»). Формирование ее поэтического мира связано с созидательной энергией. Лирический герой четверостиший является выражением духовной сущности автора, выступает носителем его сознания: «Родная земля, / Каждый раз хочу я тебя увидеть, / Мои думы по жизни ведешь ты как мать. / Наверное, слезы чернилами с глаз потекут, / Если начну я к судьбе твоей горькой взывать» (*Поэтический перевод – А. Ахетова*).

Существует много факторов, которые участвуют в становлении поэта, кроме его собственной воли и судьбы. У Ш. Баратовой есть стихи, написанные под влиянием временных реалий.



В последние годы молодые уйгурские семьи стали уезжать в Европу, предпочитая заграничную жизнь и восхваляя западную реальность. Ш. Баратова откровенно не принимает их доводы и искренне опровергает их: «Ты свободна, не связана больше со мною, / К Европе интерес проявить я не смогла, / Тайну души я своей открою, / В этом мире рай для меня Восток» (*Поэтический перевод – А. Ахетова*).

Мироощущение молодого поколения уйгурских поэтов на новом современном этапе носит черты романтики и нравственного максимализма. Они верят в благородный подвиг, святую правду, в особую миссию поэта – хакима Лукмана, готового идти на любые жертвы. Среди молодых художников есть и такие поэты, которые сопереживают событиям, происходящим вокруг. Об этом пишет Т. Хезиярова в стихотворении «Изтирап», вошедшем в поэтический сборник «Қалб нидаси» («Крик души»):

Не ставим мы перед собой огромные цели,  
И мир вокруг будто бы загнан в тупик.  
Глаза слепы, слова прорываются еле,  
Как будто бы мир опостылел нам вмиг.  
*Поэтический перевод – А. Ахетова*

Как признается сама поэтесса, в жизни не все было так легко. «Это обстоятельство вынуждает писать о трудной доле дехканской», – размышляет о ее творчестве известный уйгурский поэт А. Садиров [17, с.7-8]. Главным измерением нравственности в таких условиях выступает человечность и способность сопереживать судьбе.

Поэтический сборник «Көк бөрә әвладимән» («Я – потомок небесного волка») талантливого поэта В. Молотова – яркий художественный дневник современной эпохи, лирико-эпическое свидетельство пути нового поколения. Для поэта важен процесс поиска индентичности, в концентрированном виде он пытается выражать свою принадлежность к тюркским корням. Переживаемый обществом затяжной переходный транзитный кризис вынуждает молодых поэтов Казахстана постоянно возвращаться в прошлое.

Этот поступательный процесс, в свою очередь, способствует продвижению интересов и ценностей, самоутверждению и воспроизводству социально-культурного контента. Чувство непрерывности бытия как сущности в стихотворениях В. Молотова отличает его от других уйгурских молодых поэтов. Его продолжительно долгое тревожное состояние – результат непрерывного поиска ответов на злободневные волнующие вопросы. В. Молотов объективно продолжил традиции, заложенные в уйгурской поэзии Н. Абдусемятовым, А. Мухаммади, в казахской поэзии М. Дулатовым, М. Жумабаевым и других.

Заметное место в современной уйгурской литературе занимают русскоязычные авторы, которые вносят свою оригинальную лепту не только в национальную культуру республики, но и во все русскоязычное пространство СНГ, знакомя читателя постсоветского периода с казахстанской действительностью. Вся история Казахстана от древности до наших дней находит отражение в их творчестве. Уйгурскому читателю всегда нравились проявления национального менталитета в произведениях русскоязычных уйгурских поэтов, живущих в Казахстане и в других странах, вобравших в себя их культуру. В этом плане интересно творчество поэтов национально аутентичных, но пишущих на другом языке, а также двуязычных, творящих и на родном, и на русском языке. К таковым можно отнести творчество современных поэтов В. Садыкова, Ю. Жолаева и других.

Особенно широко и многогранно тема исторической родины и судьба человека освещены в творчестве уйгурского русскоязычного поэта В. Садыкова, проживающего в Москве. Впервые поэт выступил со своими лирическими произведениями в Ленинградском Доме офицеров в 1960-м году. К своему семидесятилетию юбилею автор выпустил поэтический сборник «Стихи запоздалые. Лирика трудных времен». Книга получила искреннее признание среди ценителей поэзии России. Ее автор стал лауреатом премии имени Н. Островского. Основная тема творчества – взаимосвязь судьбы человека с родной страной. Поэт показывает, как годы советского времени закалили, сплотили и сдружили людей, потому что «иное было детство. / Иные были времена...»:

Корнями я из Казахстана:  
Отец – уйгур, уйгурка – мать.  
Язык же русский (как ни странно)  
Я начал раньше понимать,  
Чем свой, уйгурский.

Эпоха созиданий и горестей, героического труда и разочарований нашла отражение в его поэзии. Историческая правда усиливает в поэзии В. Садыкова реалистические художественные мотивы. Казахстан всегда оставался исторической и поэтической родиной, источником вдохновения для всех уйгурских писателей, где бы они ни находились. В творчестве каждого из них, в ощущении мира и в художественном его осмыслении не могло не отразиться своеобразие природы, обычаев, традиций и характера родственного казахского народа. Многие стихи В. Садыкова посвящены Казахстану, известным личностям («Интеллигенты Казахстана», «В Алма-Ате цветут сады»), его прекрасным людям («110 лет прошло, а вы – живой» посвящено памяти Ж. Кудерина; «Не забывай...») и т.д.

В. Садыков активно переводит на русский язык произведения уйгурских поэтов Казахстана, в частности, А. Дулатова, А. Ганиева и других. Переводы стихотворений «Родина» А. Дулатова, «Мама, мамочка родная» А. Ганиева стали не только одними из лучших образцов переводческого искусства, но и прекрасными самостоятельными произведениями В. Садыкова.

Необходимо подчеркнуть, что в период государственной независимости соцреализм перестал быть творческим методом писателей и поэтов Казахстана, методологией исследования литературных критиков и ученых. В уйгурскую поэзию начинают проникать модернистские идеи. Но принципиальным отличием нового направления стало то, что на уйгурскую поэзию, благодаря открывшимся границам, стала оказывать влияние современная уйгурская поэзия Китая. Зарубежная уйгурская поэзия, в свою очередь, попала под существенное влияние восточного и одновременно западного модернизма. Уйгурские и казахские поэты за рубежом с увлечением читают новую авангардную поэзию

китайских, японских, арабских авторов, поэтов Европы и стремятся подражать новому модернистскому направлению «тутук» («гунго» в китайской литературе, сокрытое и таинственное). Многие произведения новых зарубежных уйгурских авторов становятся доступными казахстанским уйгурам. Особое внимание читателей привлекают новые стихи А. Османа, А. Тунияз, Ч. Авут, А. Хасана и многих других. Течение «тутук» своими корнями уходит в постмодернистскую школу Запада, хотя его пафос отрицания действительности и изображения всех сторон жизни без ограничений, несомненно, имеет внутренние корни. В целом, уйгурский неомодернизм – это недоверие к современной идеологии, неприятие социализированного и политизированного искусства, поиск эстетической свободы, нового языка литературы, активный диалог с культурой прошлого и т.д.

В этом плане творчество молодых казахстанских уйгурских поэтов Т. Нурахунова, А. Срапилова, Г. Авутовой, Ш. Баратовой, В. Молотова и других достаточно многопланово и многогранно. Не все они переняли и усвоили художественные принципы новых направлений и изысканий. Однако в их произведениях явно ощущается творческий поиск новых тем и форм выражений. В 2011 году в Алматы вышел поэтический сборник Ч. Авут «Уйгур деңизи», который оказал особое влияние и на творчество поэтов старшего поколения, в частности, на поэтические взгляды А. Хақаный, А. Изимова и А. Дулатова. Ранее с модернистскими произведениями уйгурских поэтов СУАР познакомил уйгурских читателей Казахстана известный поэт А. Дулатов, который положил начало традиции дальнейшего осмысления их поэтического наследия в уйгурской литературе Казахстана.

Уйгурские поэты Казахстана, опирающиеся на поэтическое течение «тутук», стараются сохранить ритмические принципы силлабического и «чачма шеир» (менее свободного) стиха. Игра аллегорий, метафор, полунамеки, символы – эти неизменные признаки интеллектуальной поэзии «тутук» мастерски воплощаются в уйгурских произведениях казахстанских поэтов. Символика модернистских произведений различна, она несет самостоятельную семантическую нагрузку и во многих случаях

противопоставлена традиционной суфийской символике. Естественно, это относится в первую очередь к произведениям современных казахстанских уйгурских авторов, которые предпочитают по возможности избегать классических форм силлабической и арузной системы стихосложения. Исследование стихотворных текстов А. Дулатова и А. Изимова показывают, что применяя преимущественно символику модернистской поэзии, они при этом стараются сохранить традиционные основы силлабического стиха.

В отличие от них Т. Нурагунов выбирает особый модернистский путь, смело нарушая принцип изосиллабизма в своих произведениях. Творчество поэта своеобразно с точки зрения авангардного содержания и идейно-эстетических замыслов, которые проявляются во всех многогранных измерениях его поэтического мира. Тематически и композиционно – это гетероморфизм, полнота реализации замыслов, отсутствие в поэтической системе запретных тем и идей. Философски – сочетание историчности и современности суждений, эстетически – поиск нравственности и красоты окружающего бытия, структурно – соотношение конкретного и абсолютного, вневременного. По нарратору – от глубокой интимности до свободного волеизъявления, открытой коммуникации и информации, этической проповеди необходимости совершенствования духовного облика человека. Автор смело утверждает, что общественный и природный коллапс может произойти только по вине человека и его поступков. Обилие дискретных и диффузных по своей сути художественных идей и аллюзий, составляющих основу творчества Т. Нурагунова, указывает на разветвленную образную систему всех предшествующих произведений поэта, как в стихотворении «Отец в моих снах»:

Сон селится на ресницах,  
Поцеловала ночь меня,  
Уснул...  
Сплю безмятежно,  
Как младенец

В колыбели.  
Вдали от мирской суеты

В сознании уйгурского читателя бытуют разные образы автора. Не все верлибры воспринимаются легко, несмотря на то что семантическая многоплановость не всегда доступна для понимания рядового читателя. Особенно много нареканий со стороны поэтов консервативной направленности. Подчеркиваем, что поэт сознательно идет на разрушение стихотворной традиции в уйгурской поэзии Казахстана. Внезапное изменение логики восприятия, образа мыслей и ее потока, непредсказуемость финала, сознательный отход от принципов изосиллабизма придают его стихотворениям особый почерк и стиль изложения, отличающие его от стихов предшественников и современников. Любовь и тревога – вот основные мотивы поэтического цикла о сне. Примечательно, что у М. Макаатаева доминировали мотивы покоя и тревоги: «Присутствие покоя на земле / Подобно сну младенца в тишине. / Ты, пробудившись, сына не тревожь, / Пусть он ещё понежится во сне» («У изголовья колыбели»).

Книга Т. Нурахунова на уйгурском языке «Глаза и сердце» представляет билингвальную эстетическую составляющую: с одной стороны, автор сознательно делает шаг к усложнению системы образов в читательском сознании, с другой – стремится показать причины дистрикции, представляющей разные полюсы традиций уйгурской поэзии.

Таким образом, художественная концепция представителей течения «тутук» – отрицание современного мира, реального состояния бытия или уход в исторический дискурс, критика поэтической модели старшего поколения. Представители старшего поколения поэтов, по их мнению, боятся правды, сознательно уходят от злободневных тем современности, не приближаясь к реальности. Молодые поэты ориентированы на отказ от канонизации стиха, меняют его ритмический рисунок, синтаксис поэтической речи и нормы применения лексических единиц. С другой стороны, разнообразие художественных методов изображения действительности позволяет современной уйгурской

поэзии выступать против духовной инфантильности и инерции развития литератур. Многие представители старшего поколения поэтов к модернизму «тутук» относятся скептически, подвергают критике.

\*\*\*

На раннем этапе обретения Казахстаном независимости уйгурские публицисты и писатели позитивно относились к реформам в обществе и единодушно поддерживали идею гласности, свидетельствующую о зарождении нового общественно-политического мышления. Наблюдается бурный всплеск публицистического творчества среди уйгурской интеллигенции, изменение стилистического почерка, тем и проблем статей и очерков.

В уйгурской публицистике появились статьи эмоционального и оценочного характера. Некоторые из них отличаются максимально насыщенными конкретными фактами, в них отсутствуют стилевые стереотипы прежних лет. Изменение жанрово-стилистических ориентиров постепенно и объективно приводило к нивелированию главного героя как результата социального заказа. В современной публицистике позиция автора приобретает ключевой характер. Развитие данного направления словесного искусства объективно соотносится с поступательным обновлением и участием в формировании и выражении общественного мнения. Несмотря на новые задачи, поставленные в период перестройки, уйгурская публицистика обращается к исторической и этнокультурной тематике, беря на вооружение идеи открытости и плюрализма мнений. Следует признать, что в этот период не все уйгурские публицисты и писатели глубоко осмыслили политические последствия декабрьских событий 1986 года, однако, изучаемый нами материал показывает, что именно эти события довлеют в уйгурской публицистике конца 80-х годов XX столетия.

Одна из тенденций связана с созданием многочисленных общественно-культурных организаций и движений, которые в итоге способствовали появлению новых периодических изданий. В процессе усиления демократизации общества, по мере развития

государственного суверенитета эволюционирует общественно-политическое мышление, что получает отражение в публицистике, которая подпитывается идеями поликультурной ориентации и многообразия. Несмотря на трудности в сфере экономики, возникшие из-за внедрения свободных рыночных отношений в начале 90-х годов, уйгурская публицистика всячески поддерживала инициативы Главы страны и внесла свой посильный вклад в развитие и становление независимого государства. В эти годы объективно идет процесс становления ретроспективной публицистики: ведущее место получили вопросы освещения темных пятен национальной истории. Уйгурская публицистика активно участвует в официальной реабилитации имен репрессированных представителей культуры и литературы, новую оценку получает деятельность известных революционных деятелей и т.д.

Исторический дискурс документальной прозы Х. Худайбердиева «Һаят изғиринлирида» заключается в воплощении народной веры в светлое будущее, которая не была сломлена в довоенные и послевоенные годы, когда был высок уровень советского патриотизма. Ветераны войны – живые свидетели Великой Отечественной войны искренне верили в победу социализма.

Современная уйгурская публицистика разнообразна в жанровом отношении: путевые заметки, статьи, репортажи, очерки, фельетоны. «Тәғдир» Т. Махсутова – детективная история с яркими рассказами и всесторонним анализом большой группы материалов, которые посвящены жизни и творчеству видных представителей сферы образования. Творчество Г. Гиясидиновой («Бар бол, Ана» и др.) является наиболее характерным подтверждением нового публицистического направления в уйгурской литературе, связанного с изображением социально-общественных проблем.

Основные изменения в публицистике выражаются в переориентации писателей и журналистов на художественную эссеистику, что отчетливо демонстрируют романы-эссе М. Меримова «У шундақ инсанлардин еди», А. Ашири «Дили Зия» и т.д. В целом, публицистика, безусловно, достигает нового этапа в своем развитии, с этико-нравственной позицией авторов, ориентированной



на вектор гуманистических ценностей. Благодаря усилению авторской позиции в тексте четко проявляются индивидуальные стилистические особенности. Если в произведениях М. Меримова «У шундақ инсанлардин еди», Ш. Шаваева «Мирзигул» художественные категории текста преобладают над документальными, то в романе-эссе А. Ашири смело используются разнообразные жанровые парадигмы публицистики, лингвистические средства и композиционные приемы, которые сыграли особую роль в выражении авторской позиции. Это способствует активной разработке проблемы имиджа современного публициста. В итоге современная уйгурская публицистика независимого Казахстана нацелена на расширение спектра общественно-гуманитарных знаний о современном мире.

Начиная со второй половины 90-х годов, в уйгурской публицистике актуализируется жанр путевых очерков. В результате зарубежных поездок появились путевые очерки Й. Азаматова «50 миль по суше и по воде», С. Маматкулова «Турецкие очерки», «Американские очерки», М. Ахмадий «Европейские очерки», В. Мамединова «Встречи с миром», Г. Насыровой «Кубинские впечатления», П. Максатовой «Путешествие в Египет» и т.д. Главным становится поиск новых форм, что связано с необычным началом повествования, особой эмоциональной характеристикой внешнего мира. Появляются художественные очерки об известных лицах, тружениках, ученых и т.д. В художественной форме показан трудовой путь А. Шардинова, Д. Кузиева и многих других. Новое слово в современную публицистику внесли Й. Азаматов, К. Талипов и А. Хаджиев, чьи публицистические произведения уникальны по содержанию и проблематике, они пишут об актуальных проблемах национального образования, культуры и истории. Ш. Аюпов актуализирует жанр художественного диалога, поднимая злободневные проблемы общества.

В годы независимости появляются многочисленные литературоведческие критические труды и сборники аналитических статей М. Абдрахманова «Маһарәт чоққилириға интилип» («Стремясь к высотам мастерства»), А. Изимова «Қутлуқ қоңғурақ», «Мән түнүгүндін кәддим», Р. Исмаилова «Заман вә қәһриман»,

М. Обулкасимова «Шакарим», П. Махсатовой «Ғаят һәқиқити – илһам мәнбәси» и других. Поступательное и всестороннее развитие литературоведения в Казахстане оказало серьезное влияние на развитие филологической мысли. Научные труды М. Абдрахманова «Түгүнләр», «Маһарәт чоққилириға интилип», С. Моллаудова «Уйғур әдәбияти даванлири», П. Сабитовой «Зия Сәмәди ижадийити», Р. Юсупова «Зия Сәмәдиниң тарихий романлири», «Классикилик тарихий проза вә лирикилик нәмуниләр», Г. Авутовой «Лутпулла Мутәллип ижадийити» показывают, что исследования уйгуроведов Казахстана, в основном, связаны с историко-культурным направлением литературоведения.

Современная литературоведческая и критическая мысль влияет на этнокультурные процессы. С. Моллаудов впервые знакомит казахстанских читателей с ранее неизвестными представителями классической уйгурской литературы. Р. Юсупов открывает идейно-тематическое богатство наследия средневекового писателя и поэта Рабгузи. Б. Аршидинов дает всестороннюю характеристику генезиса классических дастанов. Литературоведческие и критические труды М. Абдрахманова характеризуют основные этапы исторической эволюции уйгурской литературы советского периода и раскрывают их идейно-тематическое своеобразие. В этот период уйгурские читатели получают возможность ознакомиться с переизданным и дополненным вариантом известного исследования М. Хамраева по тюркскому стихосложению.

Современный этап в развитии уйгурской литературоведческой и критической мысли можно обозначить как рубежный и переходный. Это качественно новое состояние литературоведческой мысли, движимое стремлением к глубокому и полному познанию объекта и предмета на основе творческого поиска лучших и наиболее соответствующих его природе путей исследования. Наблюдается переосмысление уйгурскими учеными-литературоведами и критиками художественных произведений. Наука о литературном творчестве освобождается не только от догм, т.е. от устоявшихся и считавшихся истинными и непоколебимыми положениями (классовость творчества и т.д.), но и от идеологических и контролирующих литературу функций. Процесс

освобождения от догм и чужеродных штампов постепенно охватил все сферы уйгурской литературоведческой и критической мысли, что, безусловно, способствовало критическому пересмотру привычных установок и понятий, опиравшихся на объективные представления о природе литературы, раскрытие ее внутренних законов и свойств. Иначе говоря, расставание с литературоведческими и критическими догмами требует хорошей теоретической опоры, ответов на вопросы о том, какими же реальными чертами обладает уйгурская литература, что и как влияет на ее генезис, эволюцию и характер функционирования творческих принципов писателя, которые, в конечном итоге, становятся базой для теоретико-литературных исследований.

Другая особенность нынешнего периода в истории казахстанского литературоведения и критики, которая оказывает существенное влияние на уйгурских писателей, заключается в том, что они переходят в новое состояние, свободное от цензуры, определяемое творческими поисками ученых Казахстана, устремленных на решение внутренних задач и, прежде всего, на постижение сложного и специфического объекта, каким является современная уйгурская словесность.

Еще одна характерная черта нынешней литературоведческой и критической мысли исходит из плюралистических взглядов. Не так давно в нашем словесном искусстве преобладала методология соцреализма, критически относившаяся к другим мировоззренческим концепциям. В период независимости Казахстана в критике происходят конъюгационные изменения, которые оказывают существенное влияние на разнообразные подходы к изучению и объяснению литературных фактов. Укажем некоторые из них, получившие за последнее время широкое распространение. Формально-структуральный подход наиболее заметен в переизданных работах М. Хамраева, исследованиях М. Абдрахманова и других ученых, при этом литературное творчество осмысливается с точки зрения присутствия и функционирования в нем просодических закономерностей и архитектоники. Получает развитие художественный и культурологический подход, когда литература изучается в контексте категорий культуры

и словесного искусства (литературоведческие и критические труды М. Абдрахманова, в частности, «Түгүнләр», С. Моллаудова «Уйгур әдәбиятиниң даванлири», Д. Райханова и Р. Юсупова – по средневековой тюрко-уйгурской литературе, Г. Авутовой – по современной литературе). Сравнительное изучение словесно-художественных текстов с акцентом на связях и взаимодействиях с другими произведениями представлено в критических трудах Р. Исмаилова, Б. Аршидинова, Г. Молотовой и др.

\*\*\*

Современная уйгурская литература как зеркало отражает бурные процессы, происходящие в стране. Возникают направления, передающие умонастроения разных слоев общества. Можно отметить следующие ее характерные типологические признаки.

Первый – конъюгативность. Благодаря неограниченной абсолютной свободе, возникшей после обретения Казахстаном независимости, созданы уникальные возможности для вольного творчества в бесцензурном пространстве. Это, как отмечено в исследовании, привело к литературному буму. Официально и неофициально начинают издаваться поэтические произведения уйгурских авторов. Отмена политической цензуры позволила некоторым уйгурским поэтам самостоятельно публиковать свои произведения, которые долгое время лежали на полках. Быстрыми темпами печатается запрещенная литература, усиливаются межлитературные контакты.

В итоге дискретные эстетические концепции подготовили благодатную почву для расширения постсоветской эстетики. На данном этапе мы наблюдаем процесс исторического соединения двух противоположных эстетических тенденций. С одной стороны, эволюция реалистического изображения советского образца, и этнокультурный модернизм в восприятии и интерпретации нового – с другой. Поэтому на данном этапе пока нельзя вести речь о канонизации художественных направлений, поскольку эклектизм становится литературной нормой. Таким образом, перед уйгурскими поэтами стоит трудная задача поступательного выхода из жестких рамок тоталитарного сознания. Опираясь

на опыт исторического прошлого, они учатся по-новому отображать окружающий мир в условиях быстроменяющегося времени и свободной демократии.

Второй – гетероморфность и поликультурная дискретность содержания уйгурской литературы, расширение философского и художественного аспектов творчества. Обобщенность и суммарность поставленных задач выступают в качестве реалистического и романтического материала, что объективно усиливает поиск национальной идентичности в поэзии и прозе, исторической правды, соответствующей своему времени, несмотря на то, что такой поиск часто уводил творческие личности в область ирреального и необычного. Доминирующим признаком современной уйгурской литературы становится гетероморфность представленных в ней направлений, идейно-эстетических воззрений, жанрово-стилистических особенностей и просодических организаций.

Третий – историчность рецепции мира и многообразии. Благодаря конъюгационной смене представлений, формируется новый тип расширенного художественного и культурного сознания, ориентированного не только на национальную историю и народные чаяния, но и на мировые литературные явления. Эти изменения, т.е. постепенный распад цельности мировосприятия и его цикличная историзация напрямую начинают воздействовать на национальную культуру, и в литературе первым на эти изменения реагирует именно поэзия, занимающая авангардную позицию. Экстенсивность обновлений литературного процесса, безусловно, связана с глобальными изменениями мира, которые, в свою очередь, обеспечивают новый этап развития уйгурской литературы.

Четвертый – преемственная феноменальность художественного творчества уйгурских писателей и поэтов Казахстана. Это свойство особенно отчетливо проявляется в некоторых устойчивых темах. К примеру, таким эстетически качественным свойством обладает мирообраз Казахстана и Восточного Туркестана (Уйгурии) как Родины и исторической Родины. Бинарный метаобраз родины в любом контексте для уйгурских поэтов выступает

феноменом постоянного глубокого психологического переживания, моделирует временное и пространственное восприятие поэта и реализует определенные мировоззренческие и художественно-эстетические парадигмы современного уйгурского художника.

Таким образом, можно утверждать, что уйгурская литература Казахстана на рубеже XX-XXI веков толерантна и гетероморфна, ее развитие обусловлено политическими факторами в обществе. Именно это делает одну из современных литератур народа Казахстана, какой является уйгурская литература, актуальной, перспективной и прогрессивной и, в итоге, нравственно-просветительской.

#### Литература:

1. Юргенсен К. Немецкая литература // Новейшая зарубежная литература. Коллективная монография /Отв. редактор С. А. Каскабасов. – Алматы: Жибек жолы, 2011. – С. 8-42.
2. Которча Л., Крецу Б. Румынская литература // Новейшая зарубежная литература. Коллективная монография /Отв. ред. С. А. Каскабасов. – Алматы: Жибек жолы, 2011. – С. 82-129.
3. Антоп П. Болгарская литература // Новейшая зарубежная литература. Коллективная монография /Отв. ред. С. А. Каскабасов. – Алматы: Жибек жолы, 2011. – С. 153-171.
4. Абдрахманов М. Уйгурская литература // Литература народов Казахстана. Коллективная монография /Отв. ред. С. А. Каскабасов – Алматы: Ғылым, 2004. – С. 126-159.
5. Ровенский Н. С. Талант и провинциальность. – Алма-Ата: Жазушы, 1967.
6. Виноградов В. В. Поэтика русской литературы. Избр. труды. – Москва: Наука, 1976. – 512 с.
7. Сабитова П. Зия Сәмәдий. – Алмута: Мектеп, 1989. – 92 б.
8. Абдурахманов М. Тәрәққият басқучлириға бир нәзәр // Махмут Абдурахманов. Жиллар садаси (Мақалилар вә шеирлар). – Чонжа: Жазушы, 1999. – 222 б.

9. Хамраев М., Хамраев Х. Уйгурская литература (Исследования, переводы, критика). – Алматы: Мир, 2009. – 408 с.
10. Исмаилов Р. Азатлиқ күйчиси // Зия Сәмәди. Дәртмәннің зари. – Алмута: Мир, 2011. – 488 б.
11. Самсаков А. «Идикут» романиға тарихий вәжидин көз қараш // Уйғур авази. – 29.05.2014. – № 15.
12. Һезимов А. «Идикут» романинің тили, тәбиййлиги вә уиндики образлар һәққидә // Уйғур авази. – 26.04.2013. – № 1.
13. Батур Рашидин. «Һәқиқий Ипархан қайси?» // Арзу. – 1994. – № 96.
14. Абдурахманов М. Тарихчи һәм әдип // Махмут Абдрахманов. Жиллар садаси (Мақалилар и шеирлар). – Чонжа: Жазушы, 1999. – 222 б.
15. Актуальные проблемы современного уйгуроведения. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию уйгуроведения в Казахстане. – Алматы: Ғылым, 2002. – 352 с.
16. Әхмәт–Сабир И. Әллик жилиқ мәшиқниң мевиси // Ислам О. Байлиғим (шеирлар топлими). – Алмута: Наш мир, 2006. – 120 б.
17. Садиров А. Қәләм аңа дайим Һәмра // Һезияров Т. Қәлбим нидаси. Шеирлар. – Алмута: Комплекс, 2005. – 124 б.

## НЕМЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Современная немецкая литература Казахстана, развиваясь в контексте многонационального литературного процесса республики, укрепляет и расширяет свои творческие контакты с российской немецкой литературой и литературой Германии. Одним из итогов результативного сотрудничества стало издание в 2009 году в рамках Года Казахстана в Германии по заказу Посольства Республики Казахстан в ФРГ книги очерков «Мы – немцы Казахстана». Героями первого выпуска стали легендарные личности – Я. Геринг, Э. Айрих, Г. Бельгер, Л. Блок, Э. Боос, А. Браун, Н. Геллерт, А. Дедерер, Й. Меркель, А. Рау, В. Мунтаниол, К. Эрлих. Судьбы удивительные, характеры неординарные. Раритетные фотографии, исторические документы иллюстрируют их жизненный путь.

На торжественном концерте в Берлине по случаю официального открытия Года Казахстана в Германии – первого подобного мероприятия за пределами СНГ 3 февраля 2009 года Глава государства Н. Назарбаев обратился к соотечественникам, проживающим в Германии: «Мы не забыли вас. Когда бы ни было, мы встретим вас с раскрытыми объятиями. Из писем, которые приходят ко мне через посольство, я знаю, что и вы всегда вспоминаете казахский народ с чувством благодарности. Если Вилли Мунтаниол ищет свою казахскую мать и пишет книгу «Где ты, Кабира?» или же на ваших глазах выступают слезы, когда вы слышите казахскую музыку, нет нужды искать другие доказательства Вашим родственным чувствам. Наша всеобщая обязанность – как зеницу ока хранить эту ценность» [1, с.74].

Член Ассамблеи народа Казахстана, принимавший участие в ее первой сессии, В. Мунтаниол по окончании торжественного концерта в одном из красивейших концертных залов Берлина на Жандарменмаркте вручил первый том автобиографического документально-художественного романа-трилогии «Ты виноват уж тем, что немец» Президентам двух стран – Н. Назарбаеву и Х. Кёлеру.



2015 год – год 20-летия создания Ассамблеи народа Казахстана. «Благодаря идее общественного согласия, которая является конституционным принципом и краеугольным камнем государственной политики, в Казахстане межэтнический вопрос стал не проблемой, а стратегическим ресурсом развития государства, оказывающим позитивное влияние на социальную, политическую, экономическую стабильность и развитие. Такая идеологическая основа, – подчеркнул на брифинге заместитель председателя – заведующий Секретариатом АНК Администрации Президента Республики Казахстан Е. Тутжанов, – заложена в концепции Года Ассамблеи» [2, с.3].

Важность приоритетного развития гуманитарных наук, литературы и искусства осознают и проводят в этом плане целенаправленную деятельность Научное объединение немцев Казахстана (президент – академик НАН РК Э. Боос), ассоциация общественных объединений немцев Казахстана «Возрождение» (президент – А. Дедерер) при информационной поддержке «Deutsche Allgemeine Zeitung» (главный редактор – О. Клименко). Ассоциацией общественных объединений немцев Казахстана «Возрождение» и «Deutsche Allgemeine Zeitung» при финансовой поддержке Федерального Министерства внутренних дел Германии издан сборник научно-исследовательских статей «Культурное наследие немцев в Центральной Азии» (Алматы, 2012). Авторы публикаций – известные ученые, писатели и журналисты В. Проскурин, И. Ерофеева, А. Поздеев-Башта, М. Ковальская, Н. Рунде, И. Отрадных раскрывают вклад в освоение Туркестанского края генерала Кауфмана, Г.Х. Гасфорта, К. Миллера, Г.Г. Генсе, Г. Мерцбахера, Ф.В. Радлова, Е. Михаэлиса и других, «многие из которых сумели административные, должностные, карьерные обязанности талантливо сочетать с реформаторством, образованием, созиданием, прогрессивными тенденциями, с познавательными, научными целями. Центральная Азия, – продолжает далее Г. Бельгер, – была издавна средоточием разных этнокультурных пластов и уникальным краем всевозможных цивилизаций. Немцы не стояли в стороне от больших и малых свершений. Ясно, что документальные очерки об этом культурно-историческом

процессе вносят серьезный вклад в развитие гражданского общества и углубление казахстанско-германских отношений. В этом смысле данная книга полезна и актуальна» [3, с.44]. Как особо значимы и ценны литературные портреты и эссе, эскизные зарисовки и глубокие исследования, вольные беседы и заметки о современном литературном процессе Казахстана, России и Германии в книгах Г. Бельгера «Помни имя свое» (1999), «В поисках своего ритма» (2006), «Координаты» (2011), «Ритмы судеб» (2014).

Более десяти лет в Казахстане проводятся Международные конференции Научного общества немцев Казахстана, издаются труды НОНК РК, в которых публикуются доклады ведущих отечественных и зарубежных ученых в разных областях науки. В Резолюции по итогам IX конференции НОНК КР отмечено: «В числе работ гуманитарного направления особое внимание заслуживают статьи Г. Бельгера, посвященные 90-летию юбилею известного немецкого писателя Л. Кошута и малоизвестной тематике кёнигсбергских поэтов XVII века, а также ряд статей С. Ананьевой, А. Машаковой, А. Калиаскаровой о современном литературном процессе» [4, с.292]. В изданную впервые Международным союзом немецкой культуры Антологию немецкой литературы «Der misstrauischen sonne entgegen...» / «Навстречу недоверчивому солнцу...» (Москва, 2013) включены краткие биографические очерки автора этих строк о Р. Жакмьене, А. Дебольском, Г. Бельгере и опубликованы их произведения. Это наиболее значимые факты расширяющегося международного сотрудничества в области культуры и литературы в первом пятнадцатилетии XXI столетия.

«Творчество прозаика, переводчика, публициста, эссеиста, литературного критика и литературоведа Г. Бельгера развивается в контексте мирового литературного процесса, художественно переплавляя традиции немецкой, русской и казахской литератур. Многие обусловлено евразийским мировосприятием писателя, что позволяет соединять восточные (азиатские) и западные (европейские) культурные традиции. Русский язык его творчества, как и немецкий и казахский, играет особую роль

в социокультурном пространстве Евразии. Большую часть творческого пути Г. Бельгера три вида литературного творчества (переводческая деятельность, проза и публицистика) существовали параллельно. Масштабность звучания и своеобразная композиция характеризуют «Тихие беседы на шумных перекрёстках», «Казахское слово» и т.д. Точные критические выводы и обоснованные прогнозы на будущее отличают критику и публицистику Г. Бельгера».

Очерком о творчестве Г. Бельгера открывается Антология «Der misstrauischen sonne entgegen...» / «Навстречу недоверчивому солнцу...» Отмечено, что проблемам художественного перевода Г. Бельгер всегда уделяет особое значение. Он перевел на русский язык прозу М. Ауэзова, Б. Майлина, Г. Мусрепова, Х. Есенжанова, А. Нурпеисова, А. Кекилбаева, Д. Досжанова и других и более 20-ти произведений немецких писателей второй половины XX века – А. Реймгена, Э. Кончака, Н. Ваккер, В. Гейнца и т.д. Является авторитетным специалистом и автором ряда исследований по проблемам художественного перевода («Гёте и Абай», «Мотивы трёх струн», «Этюды о переводах Ильяса Джансугурова», «След слова», «Лики слова», «Ода переводу», «Казахское слово», «Записки старого толмача» и т.д.). Идея нравственной памяти, сопричастности каждой отдельной личности судьбам всего народа – ведущая в романах «Дом скитальца», «Туюк су», «Разлад», «Зов». Концепты родины, памяти, дома, дороги – сквозные в его богатейшем и разнообразном творческом наследии (по сведениям самого Г. Бельгера, издано 74 книги, опубликована 2 221 статья и заметка).

Дом скитальца – это его память. Герои произведений Г. Бельгера хранят в памяти Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 28 августа 1941 года. Оценка Указа неоднозначна. Известен он многим, да не понятен. Указ – это своего рода образ-символ репрессий, депортации немецкого этноса, рефреном проходит через все творчество Г. Бельгера, включая очерки, эссе, повести и рассказы.

Романное творчество Г. Бельгера удивительным образом соединяет прошлое и современность. Тревога за судьбу казахского

аула, где он вырос и окончил среднюю школу, – отличительная черта эпических произведений. В романе «Разлад» – современный аул и современный город, неприкаянность старшего поколения, аксакалов, потерявших опору и цель в жизни. Прежние ценности и идеалы остались позади, что впереди – люди преклонного возраста, всю жизнь прожившие в благородном труде, понять не могут. Разлад в доме, в ауле, в себе самом – так определяет главную тему романа сам автор. Архетип дома в романе «Туюк су» расширяется до архетипа аула, некогда зажиточного, благополучного, но захиревшего на глазах, словно неизлечимый больной. Расцвет аула пришелся на послевоенные годы, тогда это был совхоз имени Кирова. За последние годы аул переименовали в Туюк су (тихую заводь), и все пошло вкривь и вкось. Очутился аул в тупике. Г. Бельгер описывает историю аула, население которого всегда было разноликим: казахи, киргизы, сарты, таранчи, татары. В годы войны появились сначала корейцы («малорослые, молчаливые, изможденные, желтолицые, узкоглазые» трудяги), еще раньше поляки («на всех взирали надменно, гордо, будто все вокруг были виноваты перед ними»). Потом привезли в аул немцев (покладистых, терпеливых, послушных и безотказных). Немцы прижились, стали говорить по-казахски. Поляки после войны уехали.

Но на исходе войны привезли чеченцев и ингушей, карачаевцев, греков, турок, кумыков, крымских татар и прочий люд. На склонах холмов стали лепить свои «плоскостолые сакли, точно птичьи гнезда» чеченцы. Когда чеченцы вернулись на родину, «глиняные временки, лишённые человеческого присутствия, быстро разрушались, развалились, дожди и ветры разровняли их с землей, а редкие проплешины на холме вскоре заросли травой и кустарником». Лирическое отступление о судьбе аула, о переменах в его внешнем облике звучит в авторской речи: «Изменился он ... еще и чем-то неуловимым: многоязычной речью и песнями, новым обхождением разных племен, новыми отношениями между людьми, взаимной терпимостью, диковинной мешаниной нравов и обычаев, манерами в быту, раздольным и задушевым тамырством» [5, с. 11].

Концепт исторической памяти является определяющим в романе Г. Бельгера «Туюксу», как и мотив пути: «Люди – песчинка, перекасти-поле. Куда его ветер погонит – лишь Аллах знает». Роман начинается с описания дома, в котором когда-то жил главный герой Эдмунд Ворм, писатель из Германии, очутившийся в Казахстане не по своей воле осенью 1941 года. «Дом свой Эдмунд не узнал. Осевший, обшарпанный, замызганный, дом лишь по общим очертаниям напоминал некогда вымечтанный и по кирпичику собственноручно сложенный добротный особняк». Прожив десять лет в Германии, он возвращается в родные места, воочию видит перемены, вспоминает былое, задается извечным вопросом: «Что значит родина? Что ему казахстанская земля? И кто он на этой земле?» Писатель через внутренний монолог главного героя передает его раздумья о жизни соотечественников на исторической родине: «Мы там, в Германии, на родине предков, за это время точно десять жизней прожили. И в лагерях теснились, и всю немецкую изнурительную бюрократию извели, и Notwohnung, временное обиталище познали, и на тяготеющих языковых курсах изнывали, и на социале жили, и не раз впадали в отчаяние, даже подумывали о возвращении, и душу перелицевали, и безработицу хлебнули, и каких только мытарств не прошли, ... а былой дом наш в этом азиатском захолустье все эти годы стоял сиротой-сиротинушкой, брошенный, запущенный, лишенный внимания и сострадания». И еще один дом – саманная постройка в форме курджуна. Старый, приземистый, скособочившийся. И хозяйка его Кумис похожа на осевший по весне сугроб. Не ладятся дела у его хозяев, и дом приходит в запустение.

Далее в тексте художественного произведения по мере развертывания событий встречаются дома-сакли, дом – убогая хибара, одинокая келья странника, дом – дукен (комок). У дома Эдмунда не было на месте веселого, яркого флюгера-петуха, в крыше зияли дыры, провалы, вместо черепицы – крошившийся по краям шифер, вместо стекол – фанера и картон. «Изгородь пошла вкось и вкривь. Ворота скосбочились, точно старый инвалид, краска

облупилась, выцвела, калитка испещрена диковинными рисунками и надписями».

Контраст с весенним пейзажем усиливает ощущение запущенности: «По степям, склонам, лощинам еще гуляла запозднившаяся весна, травы еще не пожухли под жгучим, набиравшим силу солнцем, а здесь, на подворье мугаллима Рахметбая уже царила безотрадная осень». Встреча Эдмунда с Асимой заставляет героя посмотреть на изменившуюся окружающую жизнь. Кенже, «долговязый, мосластый, в затрапезном плаще и в помятой, невесте от кого доставшейся ковбойской шляпе» был похож на огромную подбитую птицу, нахохлившуюся и растерянную. Чаевичали молча, неторопливо. Как обычно, в стиле романа – сравнения из казахской жизни. «Известно: спешка – шайтанов удел»; «Вкус черствой лепешки, съеденной в голодное время, слаще меда»; «Хворь отстанет, привычка – нет» и т.д.

Концепт дома в крупных романских повествованиях Г. Бельге-ра последних лет становится определяющим, отсылая нас к одному из ранних произведений «Сосновый дом на краю аула» и повести «На сопках Манчжурии», вошедшей в московскую Антологию. Современный дом может быть самым разным. «Дом как дом. Таких в здешних краях все еще немало. Казахи их окрестили «коржун-уй». Дом старый, приземистый, скособочившийся, на отшибе, на краю захламленного оврага, заросшего ивняком, жимолостью, чертополохом и бурьяном. Но степь утром воспринимается как чудо: «И синь бездонного неба, и залиvistая трель жаворонка, и неумолчное сипенье кузнечиков, и огненные тюльпаны по весне, и странный, глухой гул, льющийся с прозрачной выси, и шуршание песков где-то далеко, далеко, и горький запах молодой полыни, от которого ширилась грудь и сильнее стучало сердце». 80-летний Жаймурза переживает: что стало с родным краем, с родной землей. Поля заброшены, запущены. Всюду разруха. На небе ни облачка, «словно плошка, вылизанная собакой. Солнце, едва поднявшись на длину аркана, шпарит немилосердно, будто сияясь выжечь все дотла, в прах истолочь необхоженную, необласканную людьми землю». Чудилось, «что он не по родной земле ступает, а судьба забросила его невзначай

на забытый Богом участок или вовсе на луну». Внутренний монолог Жаймурзы полон печали: «Мы состарились, детки разбрелись по свету в поисках обманчивой удачи, власть в который раз сменилась и неизвестно, есть ли она вообще. Земля, как женщина, устала, одряхла, превратилась в сварливую неродиху-бабу, ветры озлобились, песчаные бури взбесились, вода ушла». Образность и афористичность – отличительные черты стиля: «Жизни конец – что изгрызенная псами заскорузлая шкура». Бедная Зайда оказывалась облепленная внуками разных мастей и племен, как бездомная собака репейником. Заметно поблек, оскудел аул с отъездом неугомонных трудяг немцев, которые «как-то крепче, основательнее внедрились в аульный быт».

Картины современного аула чередуются с военными воспоминаниями. Мальцом привезли с Волги Эдмунда. Глава семейства Карл Ворм, «здоровенный детина, русоголовый и добродушный, ... мастер на все руки, и кузнец, и тракторист, и гармонист, общительный и безотказный». Паулина, улыбчивая, общительная, миловидная, пропадала на работе. Эдик был всегда опрятно одет, вымыт, ухожен, причесан, словно херувимчик, «очень скоро научился прилично лопотать по-казахски и совершенно невозможным образом стал мешать немецкие, русские, казахские слова, будто так и положено».

К немцам поначалу относились настороженно. Они вели себя «тихо, мирно и послушно, не гнушались самой черной работы, не жалели себя, не скандалили, явную обиду проглатывали молча, всегда готовы услужить, отвечают добром на добро, уважают обычай и язык. «Сами трудяги, они и чужой труд неизменно почитают». Унижать униженного – грех. И такое мнение бытовало в аулах. Карл легко вписался в аул. Расторопный, безотказный, он паял, лудил, рубил дрова, поправлял плетень и крышу, возил сено, чистил колодец. Вдвоем с Францем Фризенем, бухгалтером, играли на разных инструментах. Казахи делились айраном, пшеном, куртом-иримчиком, свежей бараниной. Голубые глазца Эдди, курчавого, светловолосого, белолицего, с длинными пушистыми ресницами мальчугана «светились доверчиво и чисто».

Паулина Ворм – искусная швея, обладательница машинки «Зингер». С неизменным сочувствием и подчеркнутым вниманием обращались к ней местные жители: Поля, Поляжан, Болажан. Картины настоящего и прошлого, причудливо переплетаясь в структуре романа, помогают Г. Бельгеру полнее воссоздать событийный ряд. Рассказ о детстве Эдмунда Ворма идет от имени автора. Зброшенный закуток возле колхозного амбара Карл Ворм превратил в приличное жилье. Уважением пользовался умелец на все руки Карл Ворм в ауле, но новая беда обрушилась на немцев – трудармия. Картины мирной жизни аула сменяются трагическими страницами мобилизации в трудовую армию в феврале 1942 года, в Сибирь. Скорбно взирали на молчаливое шествие бредущих в неведомый путь мужчин гурьбой в сопровождении охраны из облвоенкомата и понуро тянувшихся за ними женщин местные жители. Девтора переспрашивала: «Как это? Немыс с немьсом будет воевать?» Многие предчувствовали: «Разлука эта навсегда. И в жизни их предстоит еще не одна депортация. А пока надо жить, как придется, уповать на лучшее и быть готовым к худшему».

Приказ не просто жесток. Он бесчеловечен. Шесть мобилизованных в трудармию, насильно оторванные от своих детей, сбились в тесный кружок в кузове. «Одетые в самое теплое, что у них осталось, с дряблыми котомками у ног, все одинаково серые, безликие, с испуганными, измученными глазами, они сидели на замызганном брезенте, смиренные, безмолвные, обреченные». Употребление в одном предложении трех эпитетов усиливает ощущение безысходности. Паулина Ворм жила надеждой, что кончится война, вернется из трудармии ее Карл, потом все они, депортированные и эвакуированные, переедут в родные места, и жизнь наладится. В самый отчаянный момент, когда она понимает, что некому оставить своего маленького сына, неожиданно в облике ангела-хранителя появляется ее подруга и соседка Хадиша: «Будет он братиком моей Асимы. В обиду твоего сыночка не дам».

Через год порог мазанки Хадиши переступила «изможденная старуха с потухшими глазами, в рваной фуфайке, в сапогах,



во фланелевой юбке, в измызганном платке из мешковины». Полину не узнали ни дети, ни Асима: «Незванная гостыя жутковато улыбнулась, из белесых, полубезумных глаз покатались слезы, рот искривился, плечи затряслись... И голос ее был больной, деревянный. Слова вырывались из нее со свистом, натужно, дряблые и мертвые». Переболев сыпным тифом, она уже не представляла никакого интереса для выполнения тяжелых работ и была отправлена, обессиленная, изможденная, домой. Она страдала «куриной слепотой», зрение возвращалось к ней лишь с восходом солнца.

Тяжелее всего привыкал к ней сын, он так и рос между двумя женщинами, а сверстники завидовали ему: ни у кого из них не было двух мам. «Весь аул испытывал трогательную радость при виде, как смугленькая дочурка Хадиши и рыженький мальчик Полины, взявшись за руки, точно брат с сестренкой, щебеча по-казахски, ходили между домами, нежно заботясь друг о друге». Но скряга-судьба (такой необычный немного фольклорный образ избирает Г. Бельгер. – С. А.) позавидовала их радости. Хадиша получила похоронку на мужа, а Полине привезли мешок с запахнутым в него мертвецом («желтая, дряблая кожа лица, обросшая серой щетиной; запавшие глазницы, почти голый, с кулак череп; плотно сжатые лиловые губы, несуразно огромный нос, уставившийся в небо»).

Сколько ни пыталась Полина вернуть истощенного Карла к жизни, ничего не получалось. С осенними дождями запахло в хибаре «нежитью и одиночеством». Перед последним вздохом Карл позвал Паулину: «Кто-то позвал ее издалека, из далекой юности, с такой нежностью и забытой любовью...» Игра света и тени на фоне вечерних сумерков передает страшное дыхание смерти: «... Тень пробежала по его лицу. Тень шла неумолимо, неотвратно явственной межой от лба к глазам, к носу, ко рту, к подбородку, к шее».

Война вмешивается в судьбы героев и после ее окончания. Вернувшийся живым Жуматай не нашел ни дочери, ни жены, которая второй женой была просватана к его родственнику, двоюродному брату Кайролле. Жуматай вернулся из плена

«несчастливым, побитым, помятым жизнью», осознавая, что плен навсегда вошел в его жизнь: «Ничто не забудется. Не дадут забыть. Не позволят. И не все позади. На нашу долю горестей хватит». Трудно пришлось Жуматаю даже в родном ауле, он вскоре понял, что из всех изгоев – он самый изгой, даже там, на «чужбине, в лагерях, он не чувствовал себя таким одиноким и несчастным. Здесь надежды не было никакой. Он был вне закона. Он был никому не нужен».

Буквально на следующий день жители аула стали избегать его, распространять всякие небывлицы. Он не мог никуда устроиться на работу. Жуматай с горечью понимал, что «отмыться ему от позора и сплетен никогда уже не удастся». В ауле знали одно: пленный – значит предатель. Предатель родины. Отшельником живет Жуматай в своей убогой хибаре, в том доме, где некогда был счастлив с Хадишой. Удивительно теплые и доверительные отношения установились у Жуматая во время его недолгого пребывания в родном ауле с Эди, который из школы сразу бежал к соседу. В диалогах героев причудливо переплетались реплики на трех языках. Жуматай, прошедший через горнило войны и ужасы плена, учил Эдмунда помнить о своих предках, о своей родине: «Длинна, долга дорога до дому. Волгу помнишь?» Так и он, наверное, сам вспоминал в плену родной аул, который отторгает вернувшегося, опустошенного, неприкаянного своего жителя.

Когда приехали за Жуматаем с приказом доставить его в Кумкель, он сник, растерялся, стал собираться, как во сне. Мальчик бежал изо всех сил за повозкой, увозящей Жуматая навсегда. Он «точно летел над иссохшей, покрытой жесткой травой степью, и с отчаянным надрывом кричал: «Ага, Жуматай-ага! Агатай!» Он бежал из последних сил, но расстояние все увеличивалось, тогда он с размаху упал в траву. Он теряет навсегда близкого человека, родственную душу, поэтому и «степь, солнце, холмы, темный аул, небо – все казалось чужим и враждебным». Долго еще звучит голос Жуматая, «печальный, одинокий, отравленный тоской и горем».

Параллельно разрабатывается в романе сюжетная линия, связанная с жизнью старшего поколения в ауле. Жаймурза и Кумис, «два высохших дерева», «две неприкаянные тени», остались на склоне лет одни-одинешеньки в пустой плоскокрышей мазанке в форме переметной сумы: «И думы преследовали хоть и нескончаемые, а бесплодные, изнуряющие. Беспросветные, серые дни тянулись впустую. Бессонные ночи изматывали душу». Кумис понимает, что не нужны детям «беспомощные и дряхлые родители, в трухлявом доме которых ветер свищет». На просьбу Жаймурзы помолчать «Кумис еще больше сжалась, сникла. И то верно: чего хмурое небо на старика обрушивать? И так измаялся, сердешный...». Старший сын Есенгельды служил в Афганистане, затем уехал с другом Степаном на его родину, в Воронеж, взял в жены Клаву, сестру Степана, с девочкой. Работает на стройке. После возвращения из Афганистана родители с трудом узнавали в сыне прежнего добродушного увальня, покладистого джигита. «Одубел, костлявый стал, ссутулился, голову втягивал в шею, будто опасаясь удара, круглый череп наполовину оголился, усы отпустил, как у Тараса Бульбы в школьной хрестоматии, говорил деревянным голосом, врасстяжку, подолгу молчал, потом вдруг начинал тараторить невпопад, горячо, захлебываясь, и в глазах его плескалась муть, отчего даже мать пугалась». Увидев однажды, как сидели, обнявшись, на сеновале сын с боевым другом-тамыром, раскачиваясь из стороны в сторону, как болванчики, и молча плакали, Жаймурза понял, что в «душах этих ребят творилось такое, что лезть к ним с какими-то советами было бы неделикатно и бесполезно».

После отъезда Есенгельды мечта отца о «будущей жизни в новом большом доме, непременно на двух уровнях, как строили немцы в селе, вместе с детьми, снохами, зятьями, внуками, в окружении большого сада со всякими пристройками, дала трещину, но улетучилась еще не совсем». Айман, закончив медучилище, осталась в городе, выйдя замуж на экспедитора Вагифа и став челночницей. В своей нескладной судьбе Айман винила несостоятельность семьи и убогий аульный быт. Но родители жили честно, открыто, не таясь, не подличая, не изворачиваясь и суетясь,

жили как все, или как многие в ауле, по обычаям и нравам, заповеданным предками. Жизнь менялась в худшую сторону.

Г. Бельгер показывает казахстанскую и немецкую действительность глазами главного героя, который сопоставляет, сравнивает и делает выводы, порой неутешительные. Германия не стала землей обетованной. На встречах российских немецких писателей (дойче шрифштеллер аус Руссланд) Эдмунда поражала склочная, завистливая атмосфера. «Каждый старался показать и доказать, что он более немец, чем кто-либо другой, более современный, современный, чем его коллега». Берлинец, глухой и капризный старец, выдававший себя за непревзойденного знатока старого и современного немецкого языка, горячо, с неистовым азартом убеждал: «Кто не пишет по-немецки, тот, разумеется, не немецкий писатель». Все просто и ясно. Путешествуя по просторам Средней Азии, Эдмунд, любясь степным пейзажем из окна вагона, обратил внимание на то, что не бродят по степи тучные стада, не видно ни отар овец, ни задумчиво отрешенных чабанов. И оттого степь кажется ему «пустой, безжизненной, невеселой. И эта пустота навевала невольно печаль, неизменную спутницу путешественников». Встречный тугой ветер доносит до купе запахи казахской степи, пропитанные «вечным ароматом горькой полыни и вольной ширью. Эти запахи, особенно по весне, как бы возрождали человека, придавали ему силу и ощущение свободы, беспредельности бытия, предвкушение удачи, радости, надежды». От них, степных запахов, «ширится грудь и веселится душа». Не ощущал Эдмунд этого в Германии, с ее дивными, ухоженными полями, зелеными холмами, множеством рек и речушек.

Автор романа передает странное ощущение главного героя, живущего одновременно как бы в двух измерениях: «нынешний зрелый мужчина, на исходе шестого десятка, седой, помятый жизнью, встретился невзначай с собой, когда он был совсем еще малец, мало что соображавший в жизни, но крохотным своим сердцем понимавший, чувствовавший, что в ней много горя и несурезицы». Но не все так плохо, как показалось Эдмунду вначале, вызревает и новое, хорошее. Вновь появляется в романе

«Туюк су» знакомый образ учителя Франца Фризена, собирателя фольклора поволжских немцев. Родом из поволжских менноитов, которые отличались зажиточностью, строгим порядком, молчаливостью, подозрительностью, суровостью нравов, очутился Франц в Кумкентской области. Проработав три года колхозным бухгалтером и наведя образцовый порядок в бумагах, он стал преподавать пение, историю и географию, немецкий и русский языки в школах, получил почетное звание заслуженного учителя Республики. Из заброшенной, полуразрушенной мазанки, которую превратил в игрушку, перебрался в отстроенный дом, главным достоянием которого были книги.

Он уверен, что мало что немецкого осталось в Германии, куда любит ездить только в гости к дочери. «Что-то все скособоилось», – убежден Франц Оттович. После долгой разлуки пожилой учитель напоминает Эдмунду старого льва. Своими духовниками и собеседниками он называет Гете, Шиллера, Гегеля и Гейне. Их портреты украшают мансарду. В уста Франца Оттовича автор романа вкладывает самые важные размышления о российских немцах. Он – дитя двух культур. «Русскую или российскую ментальность надобно в нем сберечь..., а немецкую терпеливо и настойчиво культивировать». Множество актуальнейших вопросов ставит автор в новом романе, некоторые пока остаются без ответа. Но в том-то и проявляется прозорливость автора, что одним из первых акцентирует на них внимание. Так кто же он, главный герой романа – бывший спецпереселенец, поздний возвращенец: «Человек без родины? Скиталец с нескладной судьбой? Где тот уголок земли, где утешится и утишится его душа? Нет ответа...»

В романах «Дом скитальца» и «Туюк су» сходятся воедино главные темы, волновавшие Г. Бельгера на протяжении всего его творчества. Эти произведения, являющееся многоплановыми, с разветвленными сюжетными линиями, обладающими стройной своеобразной композицией, подводят, на наш взгляд, своеобразный итог разрабатываемым ранее темам, поднимают их на новый уровень художественного обобщения, так как в них отражены целые пласты истории (репрессии, война, трудовая армия, послевоенное время и современная действительность).

Г. Бельгер и ранее обращался в своих разножанровых произведениях к теме репрессий. Судьба спецпереселенцев волновала его на протяжении всего творчества, начиная с повести «На сопках Манчжурии». Но в романах «Дом скитальца» и «Туюк су» она решена на такой щемящей ноте, что вновь и вновь возвращает читателей в те страшные годы. Так, начало романа «Дом скитальца» предваряет выписка из плана Государственного Комитета Оборонаы о вселении немцев в Казахскую ССР согласно Указу Президиума Верховного Совета Союза ССР от 28 августа 1941 года. Таким образом, в самом начале заявлена установка на историческую конкретность происходивших событий. В основе художественного произведения – реальные исторические факты, повлиявшие на судьбы тысяч и тысяч людей. Они повлияли на судьбу всего народа и каждого конкретного человека.

Оценка Указа неоднозначна. Беседующий с Давидом Эрлихом заведующий райздравотделом размышляет: «И Указ, на который ссылается запись в трудовой книжке, ему известен. Известен да непонятен. То, о чем говорится в том Указе, не укладывается в его сознании. Никак не укладывается. Но кто знает... Время смутное. Помнится в том Указе так и сказано: «По законам военного времени...», «во избежание кровопролития...» Бес его знает, что это за законы такие... Нет, обо всем этом не поговоришь. Тем более с человеком, которого и видишь-то впервые. Может, когда-нибудь позже, при случае, вне этих стен. А пока лучше держать язык за зубами» [6, с.12].

Несобственно-прямая речь передает сомнения, закравшиеся в душу персонажа, и в то же время отражает тот холодок недоверия, царивший в стране. В тексте романа зловещий Указ будет цитироваться и упоминаться не раз и чаще всего в сочетании с указательным местоимением «тот», придающим несколько отстраненный оттенок и в то же время вполне конкретный. Это был «приговор целой нации, целому народу, сплошь, поголовно, без исключения, включая неразумных деток и престарелых немощных старцев». Новый Указ как снег на голову, как подлый удар из-за угла. «С какой целью понадобилось оскорбить, унижить, растоптать, обречь на изгнание, на муки, на гибель целый

народ, более мирного, законопослушного, покладистого и трудолюбивее которого и вообразить себе невозможно?!»

Мужественно и пронзительно, честно и непредвзято пытается автор, спустя полвека, разобраться в творимых беззакониях, с горечью комментируя: «На безукоризненное проведение всеобщей депортации – кстати, это слово было не в чести, оно почти не употреблялось, так как не совсем гармонировало с декларируемыми гуманизмом и демократией, а предпочитали говорить: «эвакуация» или «выселение» – были брошены не только местная власть, армия и НКВД, но и партийцы-активисты из числа депортируемых». Один из них – главный герой произведения – завкандздравотделом Давид Эрлих, через восприятие которого даны картины народного горя. Тихая, уютная, благоденствующая республика со своим образцовым порядком за несколько дней превратилась в зону бедствия. Казалось, всю республику охватил пожар. Давид «засыпал измученный, истерзанный, проваливался накоротке в забытие и видел чаще всего одни и те же страшные и бесконечные сны, которые являлись в сущности отражением недавно пережитой яви».

Скорбное, сплошь онемевшее от горя и обиды кочевье двигалось к станции Плес. Лишь осеннее солнце «отстраненно взирало на разлитое людское горе», на движение «мертвого обоза» в страшном нескончаемом сне. «Даже собаки приуныли, чуяли невыразимую беду, трусили преданно и верно, сопровождая своих убитых горем хозяев, будто на погост в открытой степи... Люди молчали, покорные судьбе, и подсознательно чувствовали, что прощаются со своим прошлым, со своей малой родиной навсегда, на веки вечные. Они ехали и шли в сторону станции Плес, точно на Голгофу» [6, с.95]. «Чисто промытыми стеклами бездушно» взирали молчаливые дома опустевших немецких деревень на неприкаянно бродивших животных, на недоенных коров и коз с воспаленными глазами, на обезумевших собак и огромных ухоженных котов, на гусиные стаи, чинно ведомые вожаком домой и в недоумении возвращающиеся к пруду.

Учитель Фрезе, всю жизнь по крупицам собиравший фольклор российских немцев, хотел передать все это богатство в надежные

руки и слышал в ответ: «Судьба страны решается, а вы о каком-то хламе печетесь!» И никто не соглашался с ним, что это «культура, народное достояние. Этому цены нет!». Кладезь фольклора поволжских немцев: пословицы, поговорки, дразнилки, стихи, загадки, «диалектные выражения Бог весть из каких времен и исчезнувших с лица земли германских княжеств» содержит речь еще одного персонажа романа бывшего колхозного счетовода, дневального в сибирском бараке дядюшки Франца.

Один из героев романа «Дом скитальца» – Христьян, спецпереселенец, вернувшийся из трудармии из Сибири, тяжело больной и предчувствующий свою близкую смерть, воспроизводит по памяти рисунок дома на Волге, где прошло его детство. В его уста писатель вкладывает взволнованные слова о родине: «...Тоска по родине, по родному дому, невозможность иметь родину, вынужденное странствие по белому свету, неприкаянность, неизбежная тяга к родному очагу, одинокая судьба вечного скитальца, трагизм чувства бездомья – самый распространенный, душераздирающий мотив немецких песен. Мечется немец по всему свету, везде он пускает или, точнее, стремится пустить корни, обосновывается крепко, обустроивается, строит дом, но все равно это не его земля, все равно он точно чужеземец, изгой, странник, и дом его, где бы он ни стоял, – дом скитальца, который у него каким-то фатальным образом непременно норовят отобрать».

Маленький Гансик – герой немецкой песенки путешествует по свету. «Где он, Млечный путь на стылом небе? Где заплутала моя звезда?» – обреченно размышляет Христьян. Беспощадно правдиво, неприкрыто и обнаженно обрисован лагерный быт спецпереселенцев. Невыносимая работа, которую не выдерживали даже лошади, убивала слабых и больных: «К весне первого же трудоармейского года выбыли из строя две трети лагерного контингента... На место погибших поступали немцы с Украины, Крыма, Кавказа. Жернова войны изрядно перемалывали в глубоком тылу бессловесный, бесправный репрессированный люд. И никто не ведал, когда кончатся эти муки». Поэтому образ-символ млечного пути как пути всего немецкого



народа и образ-символ трепещущего огонька, которым так дорожат в ауле военного лихолетья («Угас огонь в доме – утасла жизнь») – сквозные в романе. И еще очень важную деталь подмечает Давид Эрлих, устроившись фельдшером: в казахских аулах не давали обидных прозвищ немецким детям, не высмеивали их. Домбра, скрипка, песня звучат в раздольной степи и в тишине дома. Немецкие, казахские, русские песни включены органично в художественную ткань повествования, ибо автор уверен в том, что «где не поют, там нет жизни. Не поют, где нет надежды».

Казахская степь у Г. Бельгера – ледяная, вымерзшая, весенняя, разноцветная, осенняя и спаленная жарким, не знающим пощады солнцем. Именно она становится родной для переселенцев. Не дают «замкнуться в одиночестве собственного сердца» Давиду его пациенты, аксакалы аула, поддерживающие Эрлиха в тот момент, когда перестало биться сердце единственного родного человека – брата Христьяна. Они же организуют ходатайство, освободившее Давида от трудмобилизации.

В определенном смысле роман «Дом скитальца», в котором сходятся воедино главные темы, волновавшие Г. Бельгера, оказался рубежным в его творчестве и свидетельствует о новом достижении писателя в процессе овладения тайнами художественного мастерства, в разработке казахской тематики. Главный герой романа Г. Бельгера «Зов» размышляет о том, что такое литература. «Литература – это то, чем болит душа, чем болит общество, это тот самый коржун людских бед, который литератор добровольно взвалил себе на плечи. Это клубок неразрешимых проблем. Это сплошные несчастья, которые ты тщетно пытаешься развеять, развесть руками. Это опять-таки напрасные потуги разбудить человека в человеке, разбудить его ум и сердце, сделать его благородным, сердобольным. Разве объяснишь, что такое душа, мечта, любовь, жизнь, небесный свет? Все это и есть литература» [7, с.110].

Проблемам художественного перевода Г. Бельгер уделяет особое внимание постоянно, слагая «Оду переводу» всю жизнь. Он перевел на русский язык прозу М. Ауэзова, Б. Майлина, Г. Мусрепова, Х. Есенжанова, А. Нурпеисова, А. Кекилбаева,

Д. Досжана и других и более 20-ти произведений немецких писателей второй половины XX века – А. Реймгена, Э. Кончака, Н. Ваккер, В. Гейна и т.д. Г. Бельгер выступает за сотворчество автора подстрочника и художественного переводчика и в качестве примера приводит сотрудничество с Ю. Домбровским над переводами произведений Б. Майлина «Берен», «Коммунистка Раушан», «Исповедь Амиржана», «Рыжая полосатая шуба»; с В. Беловым – над «Хатынгольской балладой» А. Кекилбаева; с И. Щеголихиным – над «Крутым временем» Х. Есенжанова; с В. Новиковым – над миниатюрами Г. Мусрепова. А. Нурпеисов постоянно учил «придерживаться максимальной адекватности оригинала во всех его компонентах».

Обращаясь к творческому наследию величайших поэтов Германии, России и Казахстана, Г. Бельгер тонко улавливает их духовное созвучие и передает прекрасным литературным переводом. В современном читательском сознании произведения Г. Бельгера объединяются в художественное полотно с единой темой – судьба немецкого этноса в Казахстане и духовные контакты казахов и немцев. Писатель продолжает свою просветительскую миссию, авторитетно высказывая мнение о роли и судьбе интеллигенции в обществе, патриотизме, культуре межнациональных отношений, государственного языка, культурной политики. Научный мир Казахстана не раз обращался к изучению его прозы, публицистики и переводов. Защищены диссертации М. Амалбековой, Л. Бабкиной, М. Садыкназаровым и другими, написаны книги Ж. Ескуат, С. Ананьевой и Л. Бабкиной и др. Активной жизненной позицией, многосторонностью интересов и самобытным творчеством Г. Бельгер вносит значительный вклад в развитие казахской литературы, литературоведения и критики Казахстана в контексте диалога культур, укрепляет их авторитет на международной арене.

Современная немецкая поэзия представлена двумя поэтическими именами – А. Шмидтом и Е. Зейферт. А. Шмидт – автор поэтических книг «Преломление света», «Земная ось», «Родство», «Зерна дней», «Здесь и там». Стихотворения А. Шмидта включены в «Антологию русского свободного стиха» (Москва, 1990),

в антологию «Русская поэзия XX век» (Москва, Олма-Пресс, 1999), «Освобожденный Улисс» (Москва, НЛО, 2004), изданы на корейском языке и т.д. Национальная картина мира А. Шмидта раскалывается надвое: «здесь» и «там». Название ее символично, как и поэтического сборника «Здесь и там» [8]. В сумбурной и неприкаянной душе урожденного казахстанца, а ныне – берлинца «глубоко утнездилась генетическая боль российского немца... Немецкая его кровь наполовину разбавлена славянской. Может, последняя преобладает, – размышляет Г. Бельгер. – Ибо он мыслит и пишет по-русски. Он, собственно, человек русской культуры. Он русский по своему духоустройству. Но чутко отзывается и на все немецкое. Получается, что среди русских он, пожалуй, немец. Среди немцев все-таки русский. Эта двойственность цельной природы – неотъемлемое свойство души» [9, с.346].

Яркое подтверждение – стихотворение «Пещера»: «Ты, русский, – / Утверждают знающие меня немцы. / – Ты – немец, – / Внушают мне знакомые русские. / – Я – никто, – / Говорю я на всякий случай. / И под циклопическими сводами пещеры / Летучие мыши эха / Испуганно вопрошают: / – Кто?.. Кто?.. Кто?..»

Обыгрывая словосочетание «родовое древо», А. Шмидт выносит в заглавие стихотворения – «Куст говорящий»:

Трохи я Атрохов –  
Мамина фамилия,  
А по отцу – Шмидт,  
А по бабушке – Вебер – ветер  
Над холмиком могильным шумит,  
А по другой – Горькавый –  
Здесь в степи – только эхо –  
Ворон картавый,  
Да полынный пучок горький,  
Да колыхание ковыльных вый.

Поэт сам словно отвечает на вопрос, кто он. Это все ветки-ветви его крови, целый куст «горящий, глаголящий, говорящий».

Лирический герой, во многом автобиографичный, живет с раздвоенной душой, с распавшимися на две струи волокнами. Странная тоска заставляет вспоминать отчий дом. Он не может войти второй раз в реальную «реку своего детства». Река высохла. И лишь галечник на дне. Свое летоисчисление он ведет от воспоминаний о матери – «тысячелистной Библии своего бытия». Поэт «живет в мучительных раздумьях о своем ментальном происхождении, бытует (реально и в воображении) здесь и там. Это Казахстан и Германия (между ними – Россия): «Вот мы и оказались / Там / По ту сторону / Добра и Зла...» («За границей»).

Жанр «Бабушкиной молитвы» определен как попытка лирической биографии. У поэта остается память, «горькая, как степная полынь» и бабушкина молитва. Там спряталось его детство. Об этом – стихотворение «Там, где плачут кузнечики...» *Здесь* – в стране, путь в которую определен (воспользуемся точным выражением Е. Зейферт) «внутренним переездом ... с родины на родину» [10, с.81], лирический герой вспоминает далекое *там*. «Почему мы так безнадежно-пристально всматриваемся в незнакомо-знакомое прошлое, хранящее тепло узнавания? Мы всматриваемся в него, – размышляет А. Шмидт, – преодолевая оптическое несовершенство памяти, до рези в глазах, до смятения в душах, до боли в сердцах» [8, с.7].

Стремясь к более глубокому проникновению в эмоциональный мир человека, подбирая и подыскивая средства, способные полно и разносторонне воссоздать его чувства, современные поэты применяют самые разнообразные художественные и эмоционально-выразительные средства. Обращаясь к голосу крови, А. Шмидт предлагает ему сыграть «в две струны своих», а ветер выдувает много русских пронзительных песен. Поэзия его интеллектуальна. Для Г. Бельгера он – современный европеец: «В каждой строке Шмидта чувствуются пласты и залежи мировой культуры. В строках и словах его много люфта (воздуха, пространства), позволяющего читателю со-размышлять, со-чувствовать, со-переживать, додумывать, довообразить. Он пишет чаще всего максимально сжато, лапидарно, ассоциативно, философски, емко. Он поразительно чувствует «вкус времени – вкус печали».

И сам ведает миру о парадоксе: «Вне России / Здесь! / В самом центре Германии / Россия во мне / А Германия / Вне» [9, с.347]. .

А. Шмидт соединяет в своей поэзии готику чертополоха, арабскую вязь травы, силовые линии ковыля. Символичны названия стихотворений «Дом на краю» («Твой дом – обетованная Земля»), «Родной угол» («Может быть, всего тебе родней угол журавлиного полета»), «Родство» («Мы возвращаемся домой»). В концепте дом А. Шмидта ясно прослеживаются «дом – очаг», «дом – центр мира», «отчий дом», «дом – династия», «возвращение домой», «бездомность»:

Мы возвращаемся домой.  
Волной ковыльною, седой  
На дом наш Время набегают.

\* \* \*

Вовек не разорвать родства,  
Пока в душе живут слова:  
Родник, Родня, Родной, Родимый.

Архетипу – «отчий дом» как ностальгия – свойственна ретроспективная модель развития, в которой одной из главных сюжетных основ стал мотив возвращения в отчий дом. Родовое гнездо, «тихая родина» – недалеко от железнодорожной станции Переезд. Поэтому родная степь, ковыльно-попынная, отливающая серебром, седой ковыль, вечная полынь, розовотёлые сосны, смола-живица, степное солнце, необыкновенной синевы небо, дикие облака – атрибуты поэзии А. Шмидта. Вопрос о национальной принадлежности писателя всегда решается индивидуально и мотивируется это не столько языком, сколько местом проживания писателя, его самоидентификацией с той или иной литературной традицией и множеством других факторов. «Небо отчизны да ветер сквозной» сопровождают лирического героя везде и повсюду. А определяющим остается концепт памяти: «Ну и / Поменял я / Ближнее зарубежье / На дальнее / Дальше Родина не стала / Но и не приблизилась / Осталась все на том

же / расстоянии памяти / На расставании памяти». Взгляд с другого континента на родные места позволяет по-новому раскрыть топонимический облик городов, образ страны, региона, континента. «Созданный» образ обладает своей спецификой и своими законами построения (мифологичность и др.), отражая четкие реалии, связанные с географическим топонимом на карте, политику, религию и т.д.

В Карагандинском государственном университете им. Е. А. Букетова издавался литературно-художественный альманах «Дар слова» (главный редактор – Е. Зейферт). Доктор филологических наук, лауреат главной премии федеральной земли Баден-Вюртемберг в номинации «Литература и литературоведение» (Штутгарт, 2010), член Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев, член Союза писателей Москвы и Союза переводчиков России, Е. Зейферт – автор монографий «Жанровые процессы в поэзии российских немцев второй половины XX – начала XXI вв.» [11], «Жанр и этническая картина мира в поэзии российских немцев второй половины XX – начала XXI вв.» [12] и др.

Счастливейшим случаем русско-немецких литературных отношений считает ее творчество Ю. Архипов. «Человек-синтез – редкостный, небывалый. Немка по происхождению и русский литератор. Поэт и доктор филологических наук. Только на скрещении этих творческих ипостасей и может возникнуть адекватное критическое суждение такого охвата. Не поэт, – продолжает рассуждать Ю. Архипов, – никогда не смог бы так проникновенно написать о Рильке, Паршикове, Вебере и других классиках и современниках. Не ученый не способен был бы оценить по достоинству целые книжные серии, рассмотреть культурные слои литературы или определить проблемы художественного перевода в отдельно взятой стране. И только культурологу широкого диапазона, – резюмирует Ю. Архипов, – доступны внятные эссе о Гачеве, Мамлееве, Бене и др.».

Лирический герой книги может быть пронзительно автобиографичен (как у В. Шнитке) или во многом автобиографичен (как у А. Шмидта), создавшего уникальный микробраз «здесь и там». Писатель передает читателю планетарную пульсацию жизни

(О. Клинг). Статьи, рецензии, обзоры, интервью Е. Зейферт публикуются в «Литературной газете», «Московской немецкой газете», газетах «НГ-Exlibris», «Литературные известия» (Россия), «Европа-Экспресс» (Германия), «Deutsche Allgemeine Zeitung» (Казахстан), журналах «Знамя», «Дружба народов», «Литературная учёба», «Дети Ра», «Зинзивер», «Мир перевода» (Россия), «Edita», «ВЕК XXI» (Германия), «Простор», «Книголюб», «Нива», «АМАНАТ», «Евразия», «Таншолпан» (Казахстан), «Нёман» (Беларусь), «Таллинн» (Эстония) и других изданиях. У Е. Зейферт в литературе, литературоведении и критике своя тема и своя интонация. Ее статьи, рецензии, интервью, эссе, очерки, репортажи отличаются взвешенностью оценок, аналитичностью и аристократизмом слога.

«Триптих Победы» Е. Зейферт посвятила 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Он в чем-то переключается с циклом «Из Карагандинского ноутбука». Карагандинская земля – «это не только запасы каменного угля, но и могилы с останками тех, кого уничтожил тоталитарный режим» (А. Степанов). Герои трех стихотворений – солдаты, военнопленные, труженики тыла. Е. Зейферт избирает разные формы повествования. В стихотворении «Солдаты» автор – лирический герой рассказывает от имени всех солдат, поэтому избрана форма первого лица множественного числа («Мы наелись земли в кувырках рукопашной...»). В стихотворении «Военнопленные» автор – лирический герой рассказывает обо всем увиденном и пережитом сам. Здесь уместнее форма повествования от первого лица единственного числа («Я острою киркой точил...», «Я не верил ничуть глупым рассказам гадов...», «Я, беззубый, грыз камень...», «Мне уже не узнать...», «Я хлебнул...»). Солдаты – вчерашние мальчишки, которым выпала нечеловеческая доля – взрывать «своими телами врага». Они видели весь ужас рукопашной, «страх льдистым ветром пронизывал фибры». Они ощущали запах земли («Есть ли узы с родною землею теснее, чем в окопе...»). И им довелось «видеть взрывы железа, как россыпи звезд». Такое необычное сравнение поэтизирует прозу войны и передает душевный настрой мальчишек-романтиков, гибнущих за свободу Родины.

Боль кричала за нас.  
Рядом гибли ребята.  
Грай вороний порою совсем не смолкал...  
И родная земля, как сестра с медсанбата,  
Нас, смертельно уставших, несла на руках.

Военнопленный в триптихе Е. Зейферт обращается к потомкам из ада Дахау. В этом лагере смерти он, «в полосатом рванье, на последнем дыханье» точил острою киркой «непослушный, пружинящий камень в Дахау – для фашистских могил, для фашистских могил». Им, военнопленным, не пришлось хлебнуть советского рая на «этапах сибирских дорог», так как никто из них не вернулся из Дахау («Черным чадом над стелой героям изваян, я из ада Дахау вернуться не смог»). Эпическая масштабность мировидения, отчетливо выраженная субъектная организация присущи триптиху Е. Зейферт. Труженики тыла (старики и подростки, девушки, дети малые) – герои последнего одноименного стихотворения.

Это они  
все силы, любовь, красоту  
В пекло доменной печи,  
в нутро черной шахты  
Отдавали,  
с голодной слюною во рту.

Если солдаты взрывали своими телами врага, то труженики тыла «телами Победу ковали». «Они воевали!!!», – уверенно заявляет поэт. Сдавали кровь, «вырывали снаряды из нервов своих...». Многие не дожили до Победы: «Воевали, и многие пали из них!». Через тяжкие испытания и лишения пришлось пройти труженикам тыла, помогая бойцам на передовых. Но страшнее всего оказался «лязг оков – не фашистских, советских оков...»

Автор обращается к потомкам:

Помяните в молитвах  
святых трудармейцев,  
павших в гетто,



в ГУЛаговских концлагерях.  
Сонмы наших (!)  
российских  
не сломленных немцев  
Чьи глазницы в могилах  
Победой горят...

Автор и лирический герой в современной поэзии нередко совмещены. Это позволяет усилить лирическую струю повествования, личностный аспект. Каждый из русскоязычных поэтов Казахстана, пишущий на родном и русском языках, может с полным правом отнести к своему творчеству строки Е. Зейферт:

Крылья – вширь, и – поверх голов –  
Станем, делая тысячный круг, мы  
Двуязыкими магами слов,  
Русланддойче с большой русской буквы [13].

Национальная картина мира в поэзии Е. Зейферт органично соединяет поэтические образы и символы, она нередко включает в стихотворение, написанное на русском языке, слова, образы, символы, озвученные на немецком. Г. Бельгер, отвечая на вопрос, как бы он я обозначил доминанту ее поэзии, размышляет: «Прежде всего, полагаю, высокая духовность, чистая тональность, искренность, доброта, нежность, поэтическая многозначность, простор, люфт, ощущаемый за каждой строчкой, свежесть взгляда и восприятия, мироощущение глубин русско-немецкой культуры, трепетная ответственность перед божьим творением, благодарность за бытование в этом диковинном и суровом мире, обнаженность чувств, трагическая ранимость, чувство этнических корней, голос предков, многообразная бытийность, хрупкость, женственность, музыкальность, затаенная недосказанность, ассоциативность, исповедальность, – вот те, на мой взгляд, параметры (нюансы, оттенки), которые я усмотрел в поэтическом арсенале Елены Зейферт. В этих определениях, думаю, и заключены ее особенность, ее характерная индивидуальность. Lebensraum (жизненное пространство) ее лирики необычайно

широко. В ней слышатся мотивы (точнее, восклицания) мировой поэзии – прежде всего русской (вплоть до Волошина и Бродского) и германской (от Гете, Гейне, Рильке до российского немецкого поэта В. Шнитке). Душа ее жаждет гармонии, взывает сокровенные Смыслы в бытийных и духовных струях. Она тонко и остро ощущает изначальную суть Слова, его созвучие, сопряженность в русском и немецком речестрое, неожиданно сопрягает иноязычные лексемы».

Этим приемом достигается удивительный эффект. В стихотворении «*Ruslanddeutsche*»:

Рот, вмещающий два языка.

Vater, Отче, скажи, чья дочь я?

Точит кирху на дне река...

«Твой удел – терпеть, *Ruslanddeutsche*...».

Стихотворение – программное для поэтессы. В нем – боль по отчуждению, поэтому возникает пронзительная строка: «В отчем доме хочу домой...» И далее многоголосие:

Предок! «Кости лежат в Карлаге».

Кирха! «Колокол мой немой».

Нибелунги! «Ты веришь в саги?...»

XX век, принесший тяжелейшие испытания народам: депортация, трудовая армия, нарушение привычного уклада жизни, затопленные и разграбленные церкви, вошел в судьбу лирической героини, как и в судьбы миллионов других. Но у нее есть богатство, которое навсегда останется с ней. Две томящие души обрели две культуры, два духа: «Вдвойне нам достанет родительской речи...» «Русской крови ни капли в жилах, – признается поэтесса в стихотворении «Онемечить меня отчизне». – А язык до восторга родной!». Так на просторах Евразии перемешались языки, наречия, народы, культуры: «Место жительства – тесная юрта. / Время жизни – страдания клеть». В родной Караганде, в Карлаге «немцы штабелями эмигрировали в никуда». Поэтесса пытается разобраться в своих корнях, рвется в Москву и идет на Берлин,

и вырастает душою, как спрутом, «в свой восточный и западный сплин».

Голоса пращуров слышит поэтесса через немоту былого. Зовы Дона и Волги в карагандинской глуши: «Мои предки в теплушках когда-то попали сюда». Чернота неба, чернота хлебных корок, чернота острога. Чернота беды. Это все – Караганда: «Стоило здесь родиться, чтобы это узнать». Город-мальчик Караганда ведет себя как избалованный ребенок или деспотичный возлюбленный (А. Степанов).

Он готов забрать мои чувства, знамения, сны  
и взамен ничего, ничегошеньки не отдать,  
он кричит – тебе не дожить до весны, до луны,  
он молчит, головою качает то «нет», то «да».

Всякий выход из русского мира, сохраненного в карагандинских детских воспоминаниях, – контакт с мирами, несравненными в самобытности». О творчестве Е. Зейферт проникновенно и образно пишет Л. Аннинский: «... Перебравшись через празднично-похоронные руины Перестройки, обретает себя поколение, переступившее через мрак потерь и осваивающее Вселенную, доставшуюся в наследство, как новое богатство, ждущее осмысления, освоения ... украшения ... укрощения...»

Концепты Родины – общие для немецких поэтов Казахстана. Любимый город – Караганда («золотая серединка, как веха меж столицей и селом») взрастил героиню стихотворения «Карагандинка». Е. Зейферт с гордостью восклицает: «Я топну ножкой – я карагандинка, / И не хочу я родины другой». Одно из новых стихотворений Е. Зейферт:

Я кусаю губы  
верхняя – Караганда  
нижняя – Москва  
на нижней кровеносное деревце метро  
на верхней кровные сестры и братья

города соединяются на долю секунды  
когда я произношу слово люблю

Казахские реалии: невиданный размах и «соль восточных глаз» родной Караганды, «снег с крупницами угля», «Аргатак – конь-гора, конь-долина, конь-ветер...», «златоподковый скакун» органично входят в ритмику и словесный ряд стиха. Стихотворение «Родина» – программное для поэтессы, перед которой «дастарханом раскинулась желтая степь». Герой стихотворения, от лица которого ведется повествование, просит разрешения у степи, одушевляя ее и наделяя качествами живого существа, «кумыс талых вод пригубить и воспеть». К сожалению, он не владеет домброй и кобызом, но связан со степью сердечными струнами:

Я хочу в своем сердце навеки оставить  
Синий облик Медео, покой Жетысу...

Важный аспект поэтического видения Е. Зейферт раскрывает А. Тюпа: «Поэт способна увидеть в своей лирической героине «другую» среди «других», продолжая создавать свой поэтический мир. Процесс творчества строго индивидуален:

Кладешь ладонь на белый лист бумаги:  
Небрежные красные литеры  
Расползаются в поисках боли.

Затыкаешь уши ладонями  
Слушаешь паузы пульса.

Творчество немецких поэтов и писателей Казахстана является частью национальной литературы и составной – литературы Казахстана, так как художественно-эстетическая значимость всего литературного процесса немыслима без признания ценности конкретной национальной литературы и яркой творческой индивидуальности.

## Литература:

1. Мы – немцы Казахстана. Выпуск первый. – Vilnius: Montana Verlag, 2009. – 88 с.
2. Казахстанская правда. 10.01.2015. С.3.
3. Бельгер Г. Востребованный сборник // Бельгер Г. Ритмы судеб (О литературе и судьбе российских немцев). – А.: Ғалым, 2014. – С.41-44.
4. Труды IX конференции научного объединения немцев Казахстана. – А.: Bookprint, 2014. – 307 с.
5. Бельгер Г. Туюк су // Бельгер Г. Избранное: Соч. в 10 т. Т. IV. – А.: Балалар әдебиеті, 2010. – 400 с.
6. Бельгер Г. Дом скитальца // Бельгер Г. Избранное: Соч. в 10 т. Т. III. – А.: Балалар әдебиеті, 2010. – 400 с.
7. Бельгер Г. Зов // Бельгер Г. Избранное: Соч. в 10 т. Т. VI. – А.: Балалар әдебиеті, 2010. – 397 с.
8. Шмидт А. Здесь и там. – А.: Интерпринт, 2003. – 224 с.
9. Бельгер Г. Читая Шмидта... // Бельгер Г. Постфактум. – А.: Ғалым, 2007. – С.346-348.
10. Зейферт Е. Художественный мир Вольдемара Вебера // Евразия. – 2002. – №5. – С.78-95.
11. Зейферт Е. Жанровые процессы в поэзии российских немцев второй половины XX – начала XXI вв. – Караганда-Минск, 2007. – 682 с.
12. Зейферт Е. Жанр и этническая картина мира в поэзии российских немцев второй половины XX – начала XXI вв. – Германия, Лаге: BMV VerlagRobertBureau, 2009. – 534 с.
13. Зейферт Е. Малый изборник. – Караганда, 2002. – 136 с.

## БЕЛОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основным фактором современного культурно-исторического развития является стремление национальных литератур к межкультурному диалогу и взаимодействию, что закономерно усиливает роль и значение художественного перевода в гармоничном диалоге культур XXI века. Ставшие традиционными форумы ученых Казахстана и Беларуси способствуют установлению международного сотрудничества в новом формате. Изданные Посольством Республики Казахстан в Республике Беларусь и Белорусским государственным университетом культуры и искусств материалы форума писателей и культурологов «Культурное наследие в диалоге традиций» (Минск, 2009) и материалы II Казахстанско-Белорусского форума культурологов «Казахстан – Беларусь: опыт гуманитарного сотрудничества и сохранения межнациональной стабильности» (Минск, 2010) свидетельствуют о нарастающей динамике сотрудничества. Итогом углубления наших контактов стал раздел «Казахско-белорусские литературные связи» в коллективной монографии «Международные связи казахской литературы в период независимости» (Алматы, 2008). Презентация книги состоялась в рамках II Казахстанско-Белорусского форума культурологов «Казахстан – Беларусь: опыт гуманитарного сотрудничества и сохранения межнациональной стабильности» (Минск, 2009).

Приветственным словом работу V Международного форума культурологов Казахстана и Беларуси «Мировые религии и общечеловеческие ценности» (Минск, 2012) открыл Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Казахстан в Республике Беларусь Е. Булегенов, познакомивший присутствовавших Послов государств – участников СНГ, Постоянных представителей стран СНГ, преподавателей Института теологии, студентов и магистрантов с инициативами Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева по упрочению политики межнационального согласия и толерантности в стране. Начальник управления двусторонних отношений со странами СНГ МИД Республики Беларусь Н. Демчук говорил о стратегическом характере сотрудничества

между Казахстаном и Беларусью в рамках единого экономического пространства. К участникам и гостям конференции обратился проректор Института теологии по учебной деятельности Г. Петровский. Ежегодные Казахстанско-Белорусские форумы вносят вклад в развитие теоретических исследований современного культурного процесса и в то же время расширяют область практического взаимодействия наших культур. Г. Николаевич вел речь о феномене общечеловеческих ценностей в контексте истории мировых религий, о важности религиозных традиций, которые несут в себе глубочайшее нравственное содержание, призванное заполнить вакуум ценностей.

Яркими и запоминающимися высказанными в них концептуальными положениями были доклады М. Можейко, И. Бунечко и др. Современная культура в пост-модернистском состоянии, подчеркнула М. Можейко, испытывает насущную необходимость актуализации классических ценностных ориентиров, поэтому вполне объясним и закономерен ее интерес к мировым религиям. Идеал глобальной цивилизации – планетарное единство. Вестернизации в области культуры быть не может. Новое, как известно, рождается на стыке наук и культур.

В рамках проходящего форума состоялся круглый стол «Роль и значение инициатив Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко и Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева по проведению Съезда лидеров мировых и традиционных религий». Фраза Первого Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева о том, что «Казахстан, словно птица, опирается на два крыла – традиционный ислам и православие» – стала крылатой, раскрывая дух межконфессионального сотрудничества и внося вклад в культурный и духовный потенциал страны. Наши страны выступают приверженцами сохранения традиций межрелигиозного мира, толерантности и согласия. В ходе круглого стола обсуждался целый комплекс актуальных проблем: статус классических ценностей в современной культуре; аксиологические системы мировых религий: общее и особенное; проблемы межконфессионального диалога; мировые религии и глобальные проблемы современности.

Наши культуры и литературы связывают удивительные личности. Министр просвещения КазССР, Первый секретарь Союза писателей Казахстана, секретарь Союза писателей СССР, депутат Верховного Совета Казахской ССР и Верховного Совета СССР, заместитель Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР, директор Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова А. Шарипов в феврале 1940 года был призван в армию и служил в 7-ой танковой дивизии, в Белостокской области Беларуси.

22 июня 1941 года – первый бой. В июле часть, в которой он служил, попала в окружение. Из боевой характеристики на секретаря комитета ВЛКСМ 2-й отдельной Клетнянской партизанской бригады А. Шарипова: «... организует один из первых партизанских отрядов в Мухинских лесах (Ершичский и Рославльский районы Смоленской области)... Участвовал во многих боевых операциях, проводимых отрядом, батальоном, бригадой, показал себя исключительно смелым, находчивым, мужественным командиром». О героической странице биографии А. Шарипова пишет в статье «Переплетение судеб» Лариса Пакуш, первый Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Беларусь в Казахстане, Ади «с сослуживцами и присоединившимися к ним бойцами организовал и возглавил партизанский отряд... Связавшись с местным населением и партизанами, отряд наносил ощутимые удары по врагу в Мухинских лесах и Краснопольском районе. Благодаря поддержке местного населения и знанию местности, партизаны устраивали засады, подрывали мосты и железнодорожные магистрали с эшелонами, уничтожали технику и противника. Партизанское движение в Беларуси разрасталось и приняло всенародный характер. Отряд Саши (так Шарипова называли партизаны) позже вошел в состав 2-ой Клетнянской бригады, комиссаром которой стал Ади Шарипов». В начале октября 1943-го бригада воссоединилась с частями Советской Армии.

Сердечное отношение к белорусскому народу навсегда сохранилось в его сердце. В 1985 году А. Шарипов встречался с братьями по оружию в Краснопольском районе Беларуси. К. Мынжасарова неоднократно подчеркивает в своих интервью: «Он всегда



с благодарностью вспоминал жителей сел и деревень, которые встречались на пути партизанского отряда. Эти люди жили в оккупации, терпели лишения, но воинам всегда помогали, чем могли». И партизаны ценили его живое и непринужденное общение, изобретательность и смелость в боях. Славное прошлое, военные годы ожили в партизанских повестях А. Шарипова «Дочь партизана», «История одного полушубка», «Возмездие», «Звезды в темнице», документальных в своей основе. Главное достоинство произведений – предельная достоверность и литературное своеобразие. По сценарию писателя была снята кинокартина «Лесная баллада», получившая высокие награды на фестивалях в Ташкенте и Алматы. Воспитание гуманизма – вот чему призвана служить литература. Так считал Ади Шарипов, для которого слово мир – «поистине огромно, целая ликующая поэма...».

Трогательная повесть «История одного полушубка» – автобиографична. В декабре 1941 года будущего писателя тяжело ранило в грудь и товарищи укрыли его у лесника Романа Анодина. Множество осколков из спины раненого врач удалял без наркоза, ему только сумели найти самогон. «Адий Шарипович часто терял сознание, – вспоминает Клара Жагиппаровна, – а когда приходил в себя, то в соседней комнате видел склоненную голову удивительно красивой девушки. Она всю ночь что-то шила. А утром прибежал лесник: «Немцы близко! Немедленно уходите!» Адий переложил на носилки, а накрыть его нечем – шинель была вся пропитана кровью. Ясно, что он погибнет на морозе, и тогда девушка подарила ему полушубок, который шила всю ночь. «Он согреет вас, – сказала она. И долгих четыре года этот полушубок был для него талисманом, все эти годы он уберегал его от смерти и согревал в лютые морозы». После войны полушубок хранился в музее. А повесть увидела свет с посвящением Евдокии Анодиной.

Казахстан и Беларусь навсегда вошли в судьбу Ади Шарипова. Поздравляя белорусский народ со славной датой, Ади Шарипов начинает свое приветствие-поздравление глубоко символично: «Мне, как белорусскому партизану и казахскому писателю, очень приятно поздравить белорусский народ с 60-летием образования Белорусской ССР». Далее он вспоминает, как двадцать

семь трудных месяцев провел в лесах, которые прошел пешком из края в край. Вспоминает свои встречи с великими поэтами П. Бровкой, М. Танком и другими деятелями литературы. Но военные годы – память особая: «Низкий поклон тебе, земля белорусов, от нас – партизан из Казахстана! Ты берегла и согревала нас на своей груди в трудные партизанские годы. Когда берусь за перо, твой образ, Беларусь, встает передо мной. Твои защитники, партизаны всегда в моем сердце, когда пишу свои книги о партизанской войне в Белоруссии».

Чистейшая лирика, прозрачная, как хрустально пульсирующий родник в широкошумной дубраве жизни Л. Шашковой, уроженке Белоруссии, – ярчайшая страница казахско-белорусских литературных отношений. Известный казахстанский журналист, поэт, автор поэтических и прозаических книг «Пора подсолнухов», «Ты есть я», «Диалоги с надеждой», «Из трех книг. Избранное», «Луг золотой», «Два вольных крыла», «Песни жаворонков», «Хранители огня», «Предполагаем жить...», «Расскажи мне о себе», Почетный деятель культуры РК, член СП СССР и РК, председатель русской секции СП Казахстана Л. Шашкова пишет по-русски и по-белорусски, но народная основа белорусская обогащает ее русскую поэзию. Певучая основа белорусской речи, белорусские слова, по мнению В. Михайлова, дают ее творчеству хороший творческий импульс. Первые стихи поэтессы опубликованы в 1972 году в Темиртау. Поэзия для автора это убежище от одиночества: «Дай мне, Боже, любить тех, кто любит меня». В 1991 году Л. Шашкова была участником съезда белорусов зарубежья, ее стихотворения опубликованы в «Антологии зарубежной русской литературы», в Антологии современной литературы «Независимый Казахстан» и др. «Небесной меряной верстой не нами путь наш обозначен», – уверена поэтесса. Творческая судьба Л. Шашковой состоялась в Казахстане.

В сборник «Из трех книг» Л. Шашковой вошли стихи и поэмы из трех поэтических сборников «Пора подсолнухов», «Ты есть я», «Диалоги с Надеждой». «Отличительной чертой поэтической манеры автора является чувство сопричастности, любовь ко всему, что окружает поэта, любовь к ее двум родинам: Беларуси

и Казахстану. Она с теплотой вспоминает Темиртау («В ладонях сурового, гордого края / Ты, город, заботливо нянчил меня»), целинное долгое лето, землю, прекраснее которой нет. Беларусь занимает особое место в творчестве поэтессы» [1, с.90]: «Но отчего, скажите, и поныне, / Как только беспокойно где-то в мире – / Гудят, гудят колокола Хатыни, / Деревни Белоруссии гудят?».

«Родина Шашковой – Беларусь, где прошли ее детство и юность, с трагическим наследием войны в судьбе родных и близких, с неизбывной, кровной тягой к этому болотно-суглинистому краю. Ее поэзия начинается с благоговейного преклонения перед родной землей и держится, собственно, прежде всего на нем («Ах трава-мурава моего деревенского детства», «Маме», «Примета», «На Березине»). Этот главный запев и лирический кровоток, определяющий изысканную непосредственность и внятность ее стихотворной речи, открытость ее белорусско-русской духовности. Колдовские мотивы славянского язычества и, может быть, рискованное погружение в историю Киевской древней Руси, причем в двух художественных вариантах – русском (поэма «Рогнеда») и белорусском (перевод поэмы Янки Купалы «На кутью») [2, с.157].

Шепот травы деревенского детства «под босыми ногами живет» там, где притулилась ветла у стареньких ворот. Поэтесса просит новый день просыпать «горсточку детства», потому что помнит, как «яблоки спели у августа в теплых ладонях», а потом их несла мама «в рыжих солнечных пятнах, в холодных накрапах росы». И однажды раздастся звонок «тоненько-тонко, (так тугая струя молока в дно подоюника бьет)»: «И запахнет зима в Казахстане / Бобруйской антоновкой, / Так, что даже / Кислинкою зубы сведет» («Ах, трава-мурава...»).

Оттуда, из детства образ Ваньки-Бусела, одна нога у него «значительно короче другой его единственной ноги». Хату зимой сорок пятого сожгли фашисты вместе с детьми и теткой Марьей. Подмога партизанская оказалась бессильна:

Да было поздно: свечкою стояла  
В вечернем небе Ванькина изба.  
И был огонь ее далеко виден,

И тем огнем нутро ему ожгло,  
И волосы золой припорошило...

Аистов давно нет в деревне, как нет и осушенного болота, и речушки, впадающей в Березину. А журавель в стихотворении «Приковали к земле журавля» стоит на одной ноге, в небо голову запрокинув:

Там в сиренево-синей мгле  
Журавли улетают клином.  
И когда вожак на заре  
Снова стаю в полет покличет,  
Запоет вдруг вода в ведре,  
Запоет-закурлычет.

Родная Беларусь в васильковом венке видится поэтессе в дальней дали. Она «поднялась на крылах журавлиных». Но новая трагедия пришла на исходе XX века на белорусскую землю, беда накрыла ее крылом, накрыла сосенный храм, «царство любви и озона – солнце и сосны, и тишь»: «Сосны твои здесь свечами оплыли, / Падает наземь смола». «Ангельское рыдание птиц в белорусском сосенном храме, черная смола, капающая с обугленных деревьев, еще несущих в своем истерзанном теле стальные снарядные отметины сражений, гонимые немецкой бомбежкой беженцы, «Дорога первых горьких вдов войны...» О трагедии забываемого прошлого, – резюмирует К. Кешин – и нынешней всенародной беде Л. Шашкова пишет просто, серьезно и строго» [3, с.6].

Родина, родная сторона, а по-белорусски – родима – часто встречается на страницах сборника «Луг золотой» [4]. Но уже в избранном «Из трех книг» любимая Белоруссия «обрела положение заповедной территории, и многолетняя разлука с родиной, по мнению Т. Фроловской, лишь усилила духовную энергию стиха, ... высветив особенную, трагическую историческую судьбу Белоруссии» [5, с.168]. В современной драме «Однофамильцы» (так обозначен ее жанр автором) поэтесса вызывает

к нравственной ответственности за память тех, кто освободил родную землю, отстоял независимость Беларуси в страшные годы Великой Отечественной. Из газетного эпиграфа мы узнаем, что на 70-м километре Печенегской дороги вскрыта и разграблена 31 могила советских воинов.

Поэма представляет собой диалог матери, отца, сына Петра, чью могилу задумали разрыть (Поэма так и начинается: «Не надо разрывать мою могилу на кладбище в деревне Василевке...»). Л. Шашкова пишет о самом начале войны, когда по дорогам бегут беженцы, а со всех окрестных деревень сгоняют военнопленных, смертников-евреев, «работавших с отчаянной надеждой, что как-нибудь да обойдется все», на станцию Бобруйск.

Характерная деталь поэтического стиля Л. Шашковой – постоянное присутствие родной Беларуси. Это названия рек (Буг, Свислочь, Припять, Полота, Западная и Северная Двина, Неман, Березина), озер (Сенеж), речек (Брожка, Исlochь, Бобруля) и речушек, ручьев (Княгинька, Черница), городов (Гомель, Минск, Бобруйск, Заславль, Полоцк) и деревень (Василевка, Грозово, Слобода), местностей (Слутчина) и местечек (Изяслав), народные словечки («моя любка» – ласковое обращение к младшей по возрасту; месяц – красавик; малеванки – картины, хата, гладышки, повесть, криницы, струг, сховати, вечерять, не бачили, бульба, листопад – ноябрь, бусел), прибаутки, пословицы («Хвалю, кулик, свои болота и нахвалиться не могу») и поговорки («Бабья жизнь – вода»; «Несчастный – утопнет в ложке, счастливому – море в ножки»; «Несчастному – небо в овчинку, счастливому – бор в спичинку»; «Горе веревочкой вьется в поле»; «В своей судьбине полонянка»), образные выражения белорусского языка («Не пытал бы понапрасну долю...», «беду накликаешь»), образы народных героев прошлых лет и многое другое.

«Влюбленная в культуру, в народ Казахстана, Любовь Шашкова помнит свой родной край и с особым душевным трепетом рассказывает о березинских лугах, о криницах и мостках, о запахе земляники», – пишет А. Карлюкевич [6]. Чернобыльская катастрофа окрашивает в иные, трагические тона поэзию Л. Шашковой. Знаковое стихотворение «Вот моя деревня...»: «...Тогда,

на Сенеже, мы оба / Не сразу поняли: Чернобыль!» Облако расстреляли над белорусским краем, над Василевкой:

И вот несет она в глазах  
За нас с тобою взятый страх,  
И вот несет она в крови  
Погибельность своей любви...

Л. Шашкова наполняет самым земным гражданским содержанием – исторические и нравственные уроки войны, объединяющие все народы бывшего СССР – «И у могил родных и дальних плакать // Во век нам разучиться не дано». Вот так, – резюмирует В. Бадиков, – от лирики малой родины, своей деревни Василевки к эпосу расколотого современного мира...» [2, с.158].

И если Березина «своим простором входит в очи», то Брожку «душой не перепрыгнешь», «куда бежать от собственной судьбы?» Да и с природой Л. Шашкова общается по-своему, удивляя и очаровывая своих читателей яркими пейзажами: приветным зовом прибрежных кущ, дубов столетних, лопотуньи ивы... Июльская дорога «вся в солнечных замысловатых бликах – / Березы, сосны, запах земляники, / Грибов, дождя и Беларуси летом». Лирическая героиня прячется в «лес да поле, с подсолнухами вдоль межи» от городской суеты, телефонных звонков, визитов, кутежей. В стихотворении «Листопад» обыгрывается название осеннего месяца. «Листопад» – по-белорусски – ноябрь: «Ах, какая удача, / Явиться на свет в листопад, / Будто новый листочек / На смену погибшим явиться».

Особый талант поэтессы, по мнению В. Михайлова, рассказы-вать про казахскую степь мелодией белорусской речи, про вос-торг «пред лоскутком огня, упавшим с неба», пред маком, мер-цающим в зелени, «как свечечки манящие вдали». Она пишет о целинном долгом лете, когда фары встречной машины выхва-тывают «степной мошкеры хоровод, пока мой водитель усталый знакомое что-то поет. Негромко, протяжно и ладно, как в нашем умеют краю». О далекой песне крылатых степных табунов.

Стихотворения Л. Шашковой посвящены ее казахстанским друзьям – И. Потахиной, Р. Тамариной, Е. Курдакову, В. Михайлову, А. Тарази и многим другим: «И здесь жила моя душа. / В безбрежности носима ветром, / Влекума к дальним миражам, / Не отторгаемая степью». Пейзажи Казахстана – неотъемлемая часть поэтического мира Л. Шашковой, как и пейзажи родной Беларуси. В Казахстане лирической героине «Песен жаворонков» снятся «песни Беларуси милой / Ночной приют они находят в сердце...»:

А в песнях тех – колокола Хатыни,  
И слава вечной крепости на Буге,  
И над Полесьем – молодые всходы...

Вьюнком-васильком перевита дорога к дому: «Дорога, ведущая полем к реке многоводной... / Проселочная, обочинная, вездеходами укороченная, / С колеями разбитыми, дождями размытая, / Лесная, смородинная, так мною и не пройденная...»

Образное мышление поэтессы проявляется в пейзажных зимних зарисовках («Аистов белую стаю выпустит в город метель», «ветер *кутит* в компании дождя», «декабрь дождем из сердца *выпал*» и т.д. В поэтический узор строки часто вплетены славянизмы: «Мороз в оконных *пяльцах* узор торжественный плетет»; «*ворожба* вихревая», «снеги белые», помор, келья, хлад, кудель, веретено, светлица, стража, полон, плаха, хлябь, «не зело речист», светелка, тризна, гусли, молвит, полонянка, Свороги; Стрибоги; Дажьбоги, Ярилин день, как и фольклоризмы: мил-дружок, лик; небесное светило; белый свет; колодезная Лета; птица белая; печаль-кручина; птица вольная; мертвень-вода; заревая, живая водица; други верные; дружина вольная; огнестрелы; око соколиное; дружина молодая; огни самоцветные; ночка-чаровница; тени-мары; уста бледные; суженый; реки бегут не убегаючи; горе горькое и другие. Вятичи, хазары, ятваги, боги полочанские – в поэмах Л. Шашковой.

Необычны эпитеты: звезда *нечаянная*; *ворожба вихревая*; *лопухий* огородный житель; *незакатная* звезда и т.д. Фольклорными

красками расцвечен образ Владимира – *Красного солнышка*: открытая душа; солнышком князь сияет; бранные останки; озорные глазенки.

«У Л. Шашковой язык творчества (безукоризненно русский) все равно получил и предметно-словарную, и внутреннюю духовную прививку исторической «батькивщины». И это только украсило и обогатило, – справедливо считает В. Бадиков, – как ее русский язык, так и ее художественный мир. Посмотрите, с какой любовью, ностальгией и органичностью живут в ее лирике белорусские топонимы: Василевка, Хатынь, Брест, Буг, как обыгрывается образ Бусела-аиста...» [2, с.158-159].

У озера – «светелка для души». Вспоминая своих поэтических предшественников – А. Блока и А. Ахматову, цитируя строчку из «записных книжек» А. Блока: «На станции Подсолнечной в тамбуре – А. Ахматова, одна...», Л. Шашкова обращается к великому поэту, бездомный дух которого летает над озером заснеженным и «не откликается, не окликает...»: «Вон в лапы сосен иглы сеет дождь / И по душе царапает, не зная, / Что ты уже, душа, не заживешь – / Сквозная эта рана дождевая» («Сенеж-86»).

В продолжение темы поэзии – стихотворение «Поэту» с пронзительными строками: «Не умирай никогда. / Мне не одной это надо, / Чтобы светила звезда / В ветках осеннего сада».

Особое место в творческом наследии Л. Шашковой занимают поэмы. «На кутью» (Из Янки Купалы) и «Рогнеда» навеяны мотивами белорусской литературы, славянского фольклора. И древний княжеский пояс в три опояски: единство мысли, единство слова, единство дела переходит из рук девочки в будущий век.

Поэму Янки Купала «На кутью» Л. Шашкова переводила непосредственно с белорусского, поскольку была возможность проконсультироваться с белорусскими писателями, владеющими мовой. Так появилась впервые на русском языке поэма Я. Купалы «На кутью», «исполненная тихого, молитвенного рождественского настроения. И каждая страница книги в буквальном смысле слова говорит чистейшим, многоцветным, богато обновленным русским языком» [3, с.6].



Творчество великого белорусского поэта Янки Купалы (1882-1942г.г.) своими истоками восходит к народной традиции, к лиризму и напевности народной песни, он и в своих поэмах остается тонким лириком, ревнителем самобытности родного языка и речи, что и формирует истинно национального поэта. Звание народного поэта Беларуси Янка Купала официально получил в 1925 году, академика – в 1928, постепенно его дореволюционное творчество отлучается от читателя, как националистическое и возвращается только в эпоху так называемой перестройки. Тогда же в вышедшем «Избранном» была опубликована и поэма «На кутью», которая, по сведениям книжной палаты СССР 1990 года, к тому времени не имела перевода на русский язык. Творчество Я. Купалы возвращается не только в родную Беларусь, но всему славянскому миру, всем любителям поэзии. Открыт музей его имени в Татарстане, где поэт с семьей был в эвакуации, памятник воздвигнут на Кутузовском проспекте в Москве. До сих пор не известны причины его трагической гибели, когда он был вызван из эвакуации в столицу (28 июня 1942 года он упал в пролет лестницы в гостинице «Москва»). Но слово поэта живет и все более насыщено в мире, стремящемся сохранить свою самобытность перед угрозой обезличивающей глобализации.

Поэма «На Кутью» Я. Купалы начинается картиной зимнего пейзажа:

Лишь Млечный путь начнет мерцать,  
Лишь снег на поле заискрится,  
Как чуда свои являть  
Выходит ночка-чаровница.

В такой вечер возможны всякие чудеса, потому что свои чары «насылает» глушь, обвенчавшаяся с тишиной, а небесный небосвод вступает в заговор безмолвный с темной ночью: «Над миром тяжкий свой полон / Распростирает царство ночи. / И сладкий сон, могильный сон / Смеется белу свету в очи».

Поэтическая ткань поэмы проникнута ассоциациями из народной поэзии. Княгиня так красива, что ее взгляд «будто блеск далеких молний». Камни *самоцветные* горят у князя на короне,

когда обводит он дружину *молодую*, которой «не коснулся холод измен», оком *соколиным*. Пророчески звучат заверения князя:

Мы знаем: помнят нас живые,  
Хотя с подмостков этих сцен  
И оттеснили нас *другие*.  
*Другие* боги взяли верх  
И суд ведут над нашим краем,  
Но мрак да не накроет тех,  
В ком воли свет мы разжигаем.

Три гонца «со всех концов»: один из которых был со светильником, второй – с железным луком и третий – с гусями, по приглашению князя и по его просьбе, повествуют об увиденном, о путниках, бредущих безмолвною толпою, с повязками на глазах. Князь уверен: «Нет, не погибнет тот народ, / Что жаждет солнца, славы, песни, / Час пробуждения пробьет, / И к новой жизни он воскреснет».

Будить людей для новой жизни «луком, гусями, лучом» управляет князь гонцов. Язык поэмы метафоричен. *Шумит* беседа за столом. Незаметно время *длится*: «*Рокочут* гусли, и их звон / По свету белому *несется*, / В сердца людей *стучится* он, / И в них надеждой *отдается*».

Но вольную беседу, текущую неспешно, как река, в полночь, «будто чья рука» незримо пресекает. Вековой замок превращается в разоренное пепелище. И вновь, как и в начале поэмы, «над миром тяжкий свой полон / Распростирает царство ночи. / И сладкий сон, могильный сон / Смеется белу свету в очи».

В 1990 году в Доме творчества Союза писателей «Исlochь» была написана поэма «Рогнеда», автор которой побывала в княжеском Заславле, в музее, где и услышала историю древнего княжеского рода, прочитала книгу белорусского писателя К. Тарасова, консультировалась с историком Ф. Кривоносом и искусствоведом Н. Матвиенко. «Рогнеда» создана под воздействием памятников древнерусской словесности и изобилует неожиданными, поразительно контрастными поворотами высокой судьбы

Рогнеды – Гориславы – Анастасии. Л. Шашкова открывает одну из трагических страниц истории Беларуси. В Заславле – тишина. Умиротворяющ вид на Свислочь. Но именно здесь, в таком красивом месте, где ручьи Княгинька и Черница «из тьмы веков спешат пробиться и душу захватить в полон», нашла княгиня Горислава свой бесславный конец, монашкой завершив жизненный путь.

Юность княгини безоблачна. Князь Ярополк с Киев-столицей рад с кривичами породниться. Резоны княжеств двух дороже, и свадьба назначена на Ярилин день. В этот день княжна Полоцкая должна своей рукой надеть поясok княжий и, поклонившись, молвить с лаской: «Вот пояс, княже, В три опояски: Единство мысли, Единство слова, Единство дела». Вместо счастливой семьи, о которой мечтает Рогнеда, судьба приготовила ей великую беду, «вместо киевских ладей сваты другие в очереди»: «Владимир, Новгородский князь, / Войною страшною грозясь, / Невесту хочет Ярополка».

Он к славе рвется, «как к жене, и к власти, жаждуемой долго!» У Рогнеды на глазах убиты отец и мать, братья и Ярополк. Слава Владимира-князя засияла в небе кроваво незакатной звездой. А Рогнеда стала Гориславой. На что Владимир довольно рёк: «Гореть тебе моей славой (Сгорела для этой славы...)». Князь укрепляет трон, Горислава, шестая жена князя, воспитывает троих сыновей. Чтобы передать состояние Гориславы, для которой «брачное ложе с могилою холодом схоже», Л. Шашкова находит образное фольклорное сравнение: «Над Лыбедью раненой птицей / Душа Гориславы томится». В поэме дана новая этимология определения «Красное Солнышко». Красное – от крови покоренных вятичей, хазар, ятвагов.

Русь он любит великую?  
Власть он любит великую,  
Себя в этой власти любит он,  
И Русь – раз она его!

В начале сентября Беларусь проводит День белорусской письменности. Старинный, легендарный Заславль принимал в этом году XXI праздник книги и книгопечатания. Тема круглого стола, бесспорно, актуальна – «Созвучие: литература как зеркало эпохи». Общество всегда нуждалось в мудрецах, и голос писателя и поэта сегодня как никогда должен быть услышан и направлен на укрепление духовной нравственности. Книга остается во все времена высшей нравственной и духовной ценностью. Участникам Международного круглого стола была предоставлена возможность не только выступить с докладами, но и обменяться мнениями о современном состоянии и путях дальнейшего развития национальных литератур. «Літаратура і мастацтва» (5.09.2014) опубликовала интервью с А. Козинцевым, В. Казаковым, Л. Кун, А. Хамдамом и автором этих строк об активизации международного сотрудничества, укреплении великого духовного пространства и роли писателей в современном обществе. «Именно художник слова способен дать идеологическое, нравственное и духовное обоснование происходящих в СНГ процессов», – убежден Г. Пряхин. – Служение слову, идеалам мира, миролюбия и добрососедства должно сроднить писателей, призванных жить по законам таланта, вернуться к традиционным ценностям и сохранить родное слово. Писатель сегодня – носитель общечеловеческих ценностей. И очень важно быть в русле мировой литературы, находить яркие, необычные краски в действительности и сохранить их для будущего».

Л. Шашкова своей профессиональной деятельностью всемерно способствует упрочению наших духовных связей, ведет содержательную рубрику «ПроЧтение» на страницах «Казахстанской правды», благодаря которой читатель узнает о книжных новинках отечественной литературы, ярких событиях международного сотрудничества, составила книгу «Русские Казахстана» и целый ряд интересных изданий, участвует во многих проектах, является заведующей отделом культуры журнала «Простор» и т.д. Деятелям отечественной культуры посвящена книга ее очерков и эссе «Хранители огня» [7]. Открывает ее очерк «Зима патриарха» о народном писателе Казахстана, президенте казахстанского

ПЕН-клуба А. Нурпеисове, содержащий множество тонких наблюдений: «Природа его таланта – эпическая, сродни шолоховской – в глубинной связи с народной жизнью, родным языком, родными корнями». Или: «У Нурпеисова такой метод работы – записывать на первый попавшийся листок мысль, чтобы потом можно было вертеть ее со всех сторон, добываясь самой яркой и ясной формы выражения. Этим он может заниматься годами. Записи есть и на казахском, и на русском языках – на каком подумалось, на таком и записал».

От сегодняшнего времени автор очерка возвращается в прошлое, в годы Великой Отечественной войны, к периоду создания его первого романа «Курляндия». Умело включены в ткань повествования биографические сведения, оценка его щедрого писательского дара («Природа его таланта – эпическая, сродни шолоховской – в глубинной связи с народной жизнью, родным языком, родными корнями»), емко и полно освещена деятельность ПЕН-клуба, главное в которой поддержка писателей и поддержка литературы. «В память о своих друзьях он учредил литературные премии – в области прозы имени Ю. Казакова, в области перевода – имени Михаила Дудина, первого переводчика Абая. И создал журнал «Тан-Шолпан», исторически продолжив издания А. Байтурсынова и М. Жумабаева, где печатают как маститых, так и молодых, и платит им, что сегодня редкость, гонорары. И организует международные писательские встречи, чтобы сохранить духовное поле литературы».

Героями книги «Хранители огня» стали деятели литературы и культуры Казахстана и России А. Мусаходжаева («наш казахстанский феномен») и М. Ауэзов («Истинный Учитель в кругу истинных Учеников»), А. Молодов и В. Михайлов, Е. Толепбай («Кисти и палитра были и остаются его главной работой и непреходящей страстью, единственным прибежищем души... и неизменным средством самовыражения») и М. Алимбай, А. Гурьев и А. Тебенихин, Г. Исмаилова и И. Лебсак, Л. Скалковский и Д. Тналина, Б. Имангазина и В. Никкарев, Е. Рахмадиев и З. Тусипова, Н. Анастасьев и Дж. Баспакова, М. Жаксыгарина и Г. Рутковская, У. Кажиев и А. Таризи, Р. Муканова и А. Болюх,

Е. Мергенов и Ж. Аубакирова, О. Сулейменов. «Представители творческой интеллигенции РК – писатели, художники, артисты и режиссеры, ученые-гуманитарии благодарны Л. Шашковой не просто за внимание, но прежде всего за живой глубокий интерес к их творчеству» [2, с.156]. Герои ее очерков и эссе – «посвященные и освященные хранители огня духовности и культуры».

В «Хранителях огня» А. Карлюкевича поражает то, насколько интересные, многогранные личности открыли себя перед писательницей, публицисткой... Личности! Художники, каждый из которых не побоялся говорить о своем времени правду. Потому и уважают, чтят их и в Казахстане, и в мире. Читаешь «Хранителей огня» – и видишь, какой интересный портрет казахстанской культуры создала Любовь Шашкова. И, конечно же, сделала это не за один день. Помогли и многие годы журналистской работы. «Корреспондентствовала в редакции литературно-драматического вещания Казахского радио, – рассказывает Любовь Константиновна. – Затем работала в газетах «Вечерняя Алма-Ата», «Казахстанская правда», в литературно-художественных журналах «Простор», «Нива», в общенациональной газете «Мегаполис». Вот и собрала в одной книге за годы замечательных людей, с кем меня не раз сводила журналистская и человеческая судьба, кто дарил меня своей дружбой и участием, радостью приобщения к мировой культуре во всем ее многообразии и глубине, с кем постигала неповторимость Великой Степи, Казахии, Казахстана» [6].

Новая книга Л. Шашковой «Расскажи мне о себе» включает документальные повести в монологах, героями которых выступают Г. Исмаилова, А. Молодов, М. Бушмакина-Титова, Д. Тналина. Развернутые аналитические материалы, статьи-обзоры к юбилейным датам известных мастеров культуры Казахстана, интервью с писателями и поэтами, художниками и искусствоведами, рецензии на новые книги, сообщения о выставках – это все поле литературной деятельности Л. Шашковой.

Впервые казахстанские писатели приняли участие в праздновании Дней белорусской письменности и в работе Международной конференции «Художественный текст как средство общения народов» в Сморгони осенью 2009 года. «Урок любви к родному

языку» – так назвала свой материал о состоявшейся поездке Л. Шашкова. «Общие для стран постсоветского пространства составляющие современного культурного процесса заставляли и на празднование Дня белорусской письменности смотреть с точки зрения полезного опыта. Ведь задача сохранения и развития национального языка в Казахстане, как и в Беларуси, – одна из приоритетных в государственной политике» [8, с.143]. Заботой о языках и письменности (а письменность, как подчеркивают организаторы Дней..., может развиваться на белорусском, русском, польском, литовском, немецком и других языках) проникается сам народ – носитель и хранитель языка. «Более того, в сфере всеобщего внимания вовлекается не только Слово, родная речь, но вся историко-культурная уникальность той местности, где проходит праздник». Праздничные мероприятия включали открытие памятника Ф. Богушевичу, выставки, презентации книг и многое-многое другое. «И подумалось: подобно тому, как Беларусь укрепляет свое положение транзитной державы на экономическом пространстве, так расширению связующих путей, наведению новых мостов служат ее культурные инициативы, утверждающие на все времена приоритет Слова на земле», – завершает свой очерк о пребывании в Минске и Сморгони Л. Шашкова.

В 2011 году по программе «Издание социально-важных видов литературы» Министерством связи и информации Республики Казахстан Комитетом информации и архивов издана книга Л. Шашковой «Два вольных крыла», в которую включены стихотворения, поэмы и переводы. В аннотации подчеркнута: «Два вольных крыла – две добрых родины – Казахстан и Беларусь держат своею любовью душу поэта, поднимают ее ввысь над страстями и горечами века, оставляя неизбывными в стихах и жизни – веру, надежду, любовь. Два вольных крыла – это и две составляющие творчества поэта – стихи и переводы. Впервые автор включает в свою книгу переводы современных казахских, белорусских, уйгурских, сербских поэтов, а также переводы классиков – А. Байтурсынова, М. Жумабаева, Я. Купалы, Х. Бекхожина, К. Шангитбаева, У. Турманжанова».

Тяготение к вершинам белорусского поэтического древа – считает отличительной особенностью ее творчества А. Карлюкевич: «На кутью» – это не просто перевод, а новое, современное прочтение, осмысление классического, далекого от нас по времени произведения... Казахстан всегда был близкой Беларуси страной-сторонкой. Благодаря поэзии Л. Шашковой растет, ширится присутствие Беларуси в Казахстане» [10, с.346].

В стихотворении «Степь», посвященном А. Тарази, поэтесса признается:

И здесь жила моя душа.  
В безбрежности носима ветром,  
Влекума к дальним миражам,  
Не отторгаемая степью...

Беларусь и Казахстан неразрывны в творческой судьбе Л. Шашковой, чья профессиональная деятельность направлена на продолжение «постоянного на реальной основе, а не единичного взаимного культурного, литературного обмена, на реализацию совместных издательских проектов» [8, с.143], чтобы не прерывался диалог культур, литератур и мы слышали друг друга, знакомились с интересными произведениями и имели возможность видеть перспективу дальнейшего развития искусства, культуры и литературы в XXI столетии.

#### Литература:

1. Литература народа Казахстана / Отв. редактор С. В. Ананьева – А.: КАЗакпарат, 2014. – 380 с.
2. Бадиков В. «Ты есть я». Любовь Шашкова // Бадиков В. Новые ветры. – А.: Жибек жолы, 2005. – С.156-163.
3. Кешин К. Зеленая колыбель // Казахстанская правда, 26.04.2001. С.6.
4. Шашкова Л. Луг золотой. – А.: Жазушы, 2006. – 176 с.
5. Фроловская Т. Золотая свеча любви // Нива. – 2011. – №11. – С.168-172.
6. Карлюкевич А. Сородичи. Запах земляники // Керуен. – 2009. – №3. – С.92-95.



7. Шашкова Л. Хранители огня. – А.: СаГа, 2006.
8. Шашкова Л. Урок любви к родному языку // Казахстанская правда. 30.10.2009. С.12.
9. Культурное наследие в диалоге традиций. Материалы форума писателей и культурологов Казахстана и Беларуси. – Минск, 2009. – 193 с.
10. Карлюкевич А. Родная белорусская тема // Шашкова Л. Два вольных крыла. – А.: Казыгурт, 2011. – С.344-346.

## ТАТАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

На казахской земле в мире и согласии проживают более 130 наций и народностей. Замечательными культурными традициями известны татарские этнокультурные центры. Их деятельность направлена на укрепление национальной идентичности казахстанских татар через сохранение и развитие национальной культуры, языка, традиций, обычаев.

Представители татарских общин во время встречи с Президентом Татарстана Р. Миннихановым в рамках Дней Республики Татарстан в Казахстане (2014) отметили, что Казахстан является для них родным домом, где с уважением и вниманием относятся к культуре и традициям татар. Здесь издаются газеты и книги на татарском языке, реализуются образовательные программы, ежегодно проводятся республиканские Сабантуи, музыкальный фестиваль «Мелодии Иртыша», который проходит в Семипалатинске и Усть-Каменогорске, существуют новостной портал [www.akbars.kz](http://www.akbars.kz) и веб-сайты [www.tmk.kz](http://www.tmk.kz) («Татарский мир Казахстана»), [www.tatar.kz](http://www.tatar.kz). В Уральске создан центр Габдуллы Тукая, который является научно-методическим центром изучения и пропаганды творчества поэта.

Татары, благодаря национальной политике государства, как и представители других наций и народностей имеют сегодня реальную возможность достойно представлять себя и свой народ в самых различных сферах человеческой жизнедеятельности. Так как верным отражением духовного потенциала общества является литература, то вызывает интерес, как происходит развитие казахстанской литературы в последние годы. Современный литературный процесс Казахстана наряду с казахской, русской, уйгурской, немецкой, корейской, курдской, узбекской и другими литературами представляет и татарская литература.

Впервые исследование татарской литературы Казахстана было представлено в коллективной монографии «Литература народов Казахстана» в 2004 году. Статья «Татарская литература» [1], подготовленная Ф. Фаткуллиным и А. Тусуповой, знакомит читателей с развитием татарской литературы Казахстана в начале

и середине XX века, а также с казахско-татарскими литературными связями. Авторы проанализировали творчество членов Союза писателей Казахстана С. Шарипова (1882-1942), Г. Шариповой (1901-1969), И. Салахова (1911-1998), А. Хамидуллина (1923-2001), внесших значительный вклад в развитие татарской литературы. Авторы раздела собрали и изложили материал не только о художественной литературе, но и культуре, истории татарского народа в Казахстане, обратив особое внимание на деятельность татарских культурных центров в Казахстане. В данном разделе речь пойдет о произведениях татарских авторов, изданных начиная с 1990-х годов.

В период независимости Казахстана в татарской литературе динамично развиваются поэзия, проза (повести, романы, рассказы, путевые очерки) и публицистика. Преобладающая традиция современной татарской литературы – реалистическая. Выстраивая основу сюжета, писатели полагаются на жизненные события, которые могли произойти или происходили с реальными людьми. Писатели и публицисты, с одной стороны, обращаются к историческому прошлому казахстанских татар, с другой – посвящают свои произведения современной жизни. Татарские поэты создают поэтические творения на татарском и русском языках.

\* \* \*

Современная татарская публицистика в Казахстане представлена книгами и публикациями М. Ерзина, Г. Хайруллина, Р. Бикмухаметовой, И. Вафина, З. Махмутова и других.

На рубеже XX-XXI веков происходит переосмысление прошлого. Лишь осознав происшедшее в прошлом, можно правильно строить настоящее и будущее. В публицистике и эссеистике последних лет обнаруживаются литературные размышления о судьбах разных поколений. Книга М. Ерзина «Тропой предков» (2005) посвящена истории татар, переселившихся в XIX веке из России в Семипалатинск и Зайсан, а в начале XX века – в Алтайский округ Северо-Западного Китая. В местах проживания татары активно способствовали росту экономики, культуры

и просвещения. М. Ерзин относится к илийским татарам, он родился в городе Бурчуме Алтайского округа нынешнего Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР). «Татарская диаспора в Казахстане, как и все диаспоры в Средней Азии, многослойна как по времени расселения, так и по исходным местам жительства. Здесь живут потомки казанских, уфимских и касимовских татар, мишар из бывших Нижегородской и Саратовской губерний. Имеется особая прослойка илийских татар, репатриированных в 50-х годах XX столетия из Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая (СУАР). Все они составляют единую диаспору» [2].

Автор рассказывает о жизни Синьцзяна сороковых-пятидесятих годов XX века и общественно-политических событиях в жизни края, участником которых ему довелось быть. Он привлекает материалы и источники на казахском, русском, татарском, китайском и уйгурском языках, так как владеет ими свободно. В Предисловии к книге автор пишет: «Татары – это народ, который, покинув в разные времена по разным причинам родные места, оказался рассеян по многим землям. Часть этого народа поселилась в Казахстане и Средней Азии и дальше по ее пространству в Восточном Туркестане – в округах нынешнего Синьцзян-Уйгурского автономного района. В этой книге в основном пойдет рассказ о татарах, поселившихся в уезде Бурчум Алтайского округа провинции Синьцзян. Дополнительно, в связи с событиями, происходившими в Синьцзяне в 1920-1950 годах, будет кратко обрисована социально-политическая жизнь татар и родственных им казахов и уйгуров в Алтайском, Илийском, Тарбагатайском и Урумчинском округах края» [3, с.5].

Автор книги рассказывает о том, как в провинции Синьцзян поселились образованные татарские интеллигенты, деятельные ремесленники, опытные торговцы, знатоки сельского хозяйства. Они вносили значительный вклад в развитие культуры, просвещения, торговли и сельского хозяйства края. Вместе с тем татары сумели сохранить свой национальный облик, язык, традиции и обычаи. В 1930-е годы торговый капитал и производственные предприятия предпринимателей-татар росли

быстрыми темпами, расширялись их торговые связи с Россией и внутренними провинциями Китая. Для татарских торговцев и владельцев производственных предприятий открылись горизонты активного участия в будущем социально-экономическом развитии Синьцзяна. Но этим их полезным начинаниям внезапно был положен конец. Шэн Шицай, придя в 1933 году к власти, обнародовал политическую программу так называемых «Шести великих принципов». Под прикрытием ее первых двух пунктов – «антиимпериализм» и «просоветизм» – с 1937 года он приступил к конфискации имущества, уничтожению передовых, мыслящих людей и предпринимателей. Торговая и производственная деятельность татарских деловых людей оказалась на грани прекращения. Неблагоприятная обстановка, сложившаяся в провинции, не предоставила возможностей для возрождения деловой активности. Социально-экономическое положение населения ухудшалось день ото дня. Начиная с 1950-х годов, татары начали переезжать в Советский Союз.

Переезжая в Казахстан, М. Ерзин имел опыт работы журналиста в редакции газеты «Инкилабий Шаркий Туркестан» («Революционный Восточный Туркестан»). В Алматы он работал в редакции уйгурской газеты «Коммунизм туғи» литературным сотрудником, в Институте уйгуроведения Академии наук Республики Казахстан старшим научным сотрудником. М. Ерзин, окончивший университет в Китае, знаком со многими китайскими документами в библиотеках Китая. М. Ерзин существенно пополняет знания о татарах Казахстана. Его изыскания легли в основу ряда научных сборников, существенно расширивших зарубежное татароведение.

М. Ерзин является автором книги «Гасырлар сере» («Тайны веков», 2012), положительные рецензии на которую были опубликованы в газете «Фикер-Өмет». Профессор Г. Хайруллин отмечает ценность книги для развития современного татароведения. Ученый-тюрколог А. Камалов обращает внимание на использование автором китайских источников для восстановления основных этапов ранней истории татар. Самые ранние этапы истории татар М. Ерзин связывает с древними народами,

которые именуются в китайских источниках «дунху» (восточные инородцы).

В книге собраны статьи на татарском, казахском, русском языках. Статья «Мәхмүд Кашгари» посвящена 1000-летию со дня рождения Махмуда Кашгарского. М. Ерзин сопоставляет турецкое, урумчинское (СУАР КНР), ташкентское издания книги «Диван лугат ат-турк» известного средневекового тюркского ученого, исследует истоки книгопечатания и ксилографические традиции в истории тюркских народов, отмечая вклад тюркских народов в сокровищницу мировой цивилизации. По его мнению, культура в области издания книг была довольно высокой, и она распространилась не только в Центральной, но и в Юго-Восточной Азии. В честь 140-летия города Зайсан Восточно-Казахстанской области написана статья «Жуелмас эздэр». В статьях «Ескі заман ескерткіштері» и «Ежелгі Алмалық» ученый пишет об исторических памятниках, найденных в Или-Казахском автономном округе СУАР. Изданию в Китае кыргызского эпоса «Манас» посвящена статья «Манас» қытай тілінде». В статье «Удел журналиста» рассказывается о татарском поэте и журналисте Х. Тухфи – сотруднике газеты «Революционный Восточный Туркестан», с которым М. Ерзин был знаком лично. Всего в книгу включены 44 статьи автора. Неотъемлемым свойством публикаций М. Ерзина является соединение широкого охвата явлений культурной жизни казахского, татарского, уйгурского, кыргызского народов с проникновением в сущность изображаемых явлений.

М. Ерзин – один из основателей газеты «Өмет», выходившей на татарском языке, член Правления Татаро-башкирского культурного центра, лауреат премии «Бәллүр калым – Хрустальное перо», присуждаемой лучшим журналистам Республики Татарстан (2008).

Большую роль в развитии публицистики играет Г. Хайруллин – автор книг «История татар» (1998), «Татары: страницы истории и сегодняшний день» (1998, в соавторстве с А. Хамидуллиным), «Традиционная культура татарского народа» (2000), «Очерки истории и культуры башкирского народа» (2004). Под

редакцией Г. Хайруллина в 2011 году в Алматы вышел в свет энциклопедический словарь «Татары в Казахстане».

Особую популярность среди читателей получила книга «История татар», в которой описана история одной из крупнейших групп тюркских народов, носящих название «волжские татары». Свидетельством тому является размещение рукописи книги в интернете, в частности, в «Татарской электронной библиотеке» (<http://kitap.net.ru>), в разделе «Книги» сайта «Татар жәунәрләре» ([http://www.tatar.kz/kitaplar\\_t](http://www.tatar.kz/kitaplar_t)), а также на сайте Татарского исторического общества (<http://www.tatar-hist.ru>). Кроме того, книга была дополнена и переиздана в г. Алматы в 2010 году, а в 2012 году она вышла в свет в г. Саарбрюкен (Германия). Как указано в аннотации к книге, «на основе анализа известных исследований прослежен исторический путь, пройденный татарским народом с древних времен до наших дней. Рассмотрены государственные образования, в создании и развитии которых активно участвовали предки современных татар» [4, с.2]. Книга состоит из разделов «Далекие предки татар», «Великая Булгария в Поволжье», «Период Золотой Орды», «Казанское ханство», «Булгаро-татары в составе империи», «Советский период жизни татар», «История и современность».

Книга «Татары: страницы истории и сегодняшний день» входит в серию «Казахстан – наш общий дом». В ней кратко освещается история татар и обстоятельно говорится о жизни татар в Казахстане за последние 80 лет.

Книга Г. Хайруллина «Традиционная культура татарского народа», изданная при финансовой поддержке алматинского Фонда культуры тюркских народов, посвящена тем, кто развивал и сохранил самобытную культуру татарского народа.

Доктор педагогических наук, профессор педагогики, академик Международной академии информатизации, Международной академии наук педагогического образования, Международной академии акмеологических наук, Г. Хайруллин достойно представляет казахстанскую науку, а именно педагогику. Среди основных направлений его научных исследований следует назвать вопросы межличностного и межэтнического общения,

социализации личности и этносоциальное воспитание (труды «Технология и техника взаимодействия», 1999; «Общение и самопознание», 2005; «Теория и практика социализации личности будущих специалистов», 2006, в соавторстве). Г. Хайруллин принимает активное участие в создании учебников и учебных пособий для педагогических университетов, методических пособий для школьных учителей и преподавателей педагогических вузов. Он награжден медалями и Почетной грамотой Президента РК, почетными знаками «За заслуги в развитии науки Республики Казахстан», «За достижения в культуре». Почетный работник образования Республики Казахстан, Заслуженный учитель Республики Татарстан, Отличник просвещения Республики Узбекистан, Кавалер педагогической медали Джона Локка Международного консорциума ESIK, Г. Хайруллин является главным редактором газеты «Фикер», Президентом «Ассоциации татар и башкир Казахстана».

Член Союза журналистов Казахстана Р. Бикмухаметова – автор книг «Поклонимся великим тем годам!» (2010), «Летопись Независимости» (2011), «Все мы – дети земли» (2013), очерков и репортажей, опубликованных на страницах периодических изданий Казахстана, России и США. Она работала в газете «Ленинское знамя», на областном телевидении в Петропавловске. Ею созданы интересные документальные фильмы «Земляки», «Поклонимся великим тем годам». Являясь корреспондентом международной газеты «Весь мир» (издается в Казахстане), Р. Бикмухаметова вела репортажи из Сан-Франциско, куда на празднование 50-летия татарской диаспоры съехались татары разных стран. Р. Бикмухаметова – член Ассамблеи народа Казахстана, Председатель северо-казахстанского татаро-башкирского центра «Дуслык», Почетный гражданин Северо-Казахстанской области, Заслуженный работник культуры Республики Татарстан, делегат съездов Всемирного конгресса татар.

Под редакцией Р. Бикмухаметовой в издательстве «Северный Казахстан» в 2004 году вышла в свет книга «Татары на севере Казахстана». В ней собраны статьи, опубликованные в 1990-2000-е годы и посвященные истории и современности татарского



населения области. Книга состоит из четырех частей. В первой части «Из глубины веков» представлены статьи по истории татар с древних времен до наших дней, история татар Петропавловска, городов и сел Северо-Казахстанской области. Об известных татарских семьях Петропавловска, его мечетях написаны статьи Р. Давлеткильдеевой, Р. Тынчарова, Р. Бикмухаметовой. Историческую справку о городе Мамлютка представили Р. Нурмухамедова и А. Сивинская. Х. Шагвалеева, член Союза журналистов Казахстана, редактор районной газеты «Знамя труда» посвятила публикацию семье Мамлютовых – потомкам Мавлюта Валгузина, от имени которого происходит название этого города. В конце XVIII века он приехал в эти края и заложил основу будущего татарского поселения. К концу XIX века Мамлютка представляла собой поселок, а в середине XX столетия получила статус города. Вторая часть «История в лицах» посвящена известным татарам Петропавловска, жившим в городе в разные годы. Среди них В. Янгуразов, А. Ягуфаров, Р. Рязанов, К. Сутюшев, А. Аднашев, М. Хусаинов, Р. Давлеткильдеева, А. Шафеева, Г. Бичурина. Интересна статья о З. Жалтыровой – супруге казахского поэта М. Жумабаева. Третья часть книги «По страницам периодических изданий» включает статьи о проведении национальных праздников в Северо-Казахстанской области в 1990-е годы. Именно в эти годы возродилось празднование Наурыза и Сабантуя, был создан татаро-башкирский клуб «Дуслык», впоследствии ставший областным этнокультурным центром.

Книга «Все мы – дети земли» начинается очерком «Дорогой мой человек» об отце Р. Бикмухаметовой – Г. Мамлютове, участнике Великой Отечественной войны, уроженце села Мамлютки. Автор рассказывает о военных и послевоенных годах: «Мы, дети послевоенной поры, помним и победные фанфары, и черные картонные тарелки радио, что играли бравурные марши, а еще – горестные лица соседей, родственников, у которых погибли на фронте отцы и сыновья. Они верили и продолжали ждать их» [5, с.12]. Жизнь Г. Мамлютова не была легкой, в сорок лет он стал вдовцом, но, несмотря на трудности, воспитывал пятерых детей. Уважительно отзывается Р. Бикмухаметова о второй

маме Марие Сергеевне, с которой дети «не чувствовали сиротской доли». В памяти дочери отец остался добрым, порядочным и красивой души человеком.

Очерк «Истоки» посвящен казачьей станице Становое, где выросла мать Р. Бикмухаметовой Б. Аитова. Автор пишет о становлении и дореволюционной жизни станицы, затрагивает тему насильственной коллективизации, раскулачивания, репрессий против казачества. В 2002 году отмечался 250-летний юбилей села Становое. На праздник приехали представители знаменитых династий, прославивших в разные годы эту землю. Среди выступающих на торжественной части была и Р. Бикмухаметова – внучка потомственного казака Сибататуллы Аитова.

В обстоятельном и содержательном очерке «Татары Северного Казахстана» автор уделяет особое внимание современному периоду, проведению сабантуев, созданию татаро-башкирского центра «Дуслык», связям с исторической родиной, поездкам в Казань, дружбе представителей разных национальностей Северного Казахстана, вместе собирающихся на праздниках, фестивалях, конкурсах, выставках и фольклорных концертах. Завершается очерк следующими словами: «Около 15 тысяч татар и башкир живут сегодня на севере Казахстана. Возможность изучать родной язык, слушать живую речь и музыку, проводить праздники, общаться с деловым и творческим миром Татарстана, обучать детей по грантам, участвовать в работе Ассамблеи народа Казахстана ... дает надежду на сохранение мира и согласия в нашем общем доме – Республике Казахстан» [5, с.36].

Важнейшая особенность очерков Р. Бикмухаметовой – освещение жизни и творчества русских писателей Казахстана (И. Шухова и др.). В книгу «Все мы – дети земли» вошли рассказы «Искорки детства», «Долька апельсина», «Дерево Ангела», «Пространство времени» автобиографического характера.

Книгу «Татары на севере Казахстана» положительно оценил на страницах журнала «Гасырлар авазы» З. Махмутов, которому близка эта тема как автору научной монографии «Татары Северо-Казахстанской области: история, культура, идентичность» (2011), написанной в результате полевых исследований татар

в 2005-2010 годах. Им защищена кандидатская диссертация «Этнические процессы в среде современного татарского населения Северо-Казахстанской области Республики Казахстан». З. Махмутов является участником и координатором научно-исследовательских проектов «Татарское население Северного Казахстана», «Татарское население Казахстана». Он активно выступает с научными докладами на конференциях в России и Казахстане, публикует научные статьи. Актуальность его исследованиям «придает тот факт, что после обретения Казахстаном независимости татары в республике получили статус диаспоры. Изучение подобных этнических групп, дисперсно проживающих за пределами исторической родины, представляет собой одно из приоритетных направлений сегодняшней этнографии» [6]. В Петропавловске проживает пятьдесят процентов от общего числа татар области. В Мамлютке и в Становом проживают компактно, а во всех других населенных пунктах расселены дисперсно.

Научные исследования в области литературоведения проводят некоторые татарские литераторы. Объектом их исследований является творчество Габдуллы Тукая, детские и юношеские годы которого прошли на казахской земле, в городе Уральске. Тукаеведение – одно из авторитетных научных направлений татарской филологии.

Значительный вклад в развитие тукаеведения вносит М. Ерзин своими выступлениями в Казахстане и Татарстане на конференциях и торжественных собраниях, посвященных творчеству известного татарского поэта. В книге «Гасырлар сере» опубликованы статьи «Тукай идеяләры яшәгән илләрдә», «Бөек шагыйребезнең тантаналы юбилее», «Мерейи үстем ұлы ақынның торқалы тойы». В одной из них автор прослеживает, как в первой половине XX века поэтическое наследие Г. Тукая изучалось в уйгурских школах Казахстана и Восточного Туркестана, в то время многие поэты и писатели испытывали влияние новой татарской поэзии в лице Г. Тукая. В 1947 году в Восточном Туркестане в честь 60-летия поэта опубликован сборник его избранных стихотворений. Всестороннее и углубленное изучение творчества Г. Тукая в СУАР КНР наблюдается с 80-х годов прошлого

столетия, исследователи обращают внимание на ритмические особенности его поэзии, использование арузной системы стихосложения. Изданы научные труды «Художественное своеобразие произведений Г. Тукая», «Патриотизм в произведениях Г. Тукая», «Архитектоника произведений Г. Тукая» и другие. Празднованию 125-летия со дня рождения Г. Тукая посвящены статьи М. Ерзина.

Т. Каримов своими научными исследованиями вносит вклад в развитие тукаеведения. Его статьи, посвященные Г. Тукаю, публикуются в «Казахстанской правде», в газете «Ақ Жайық» и на татарских веб-сайтах. В разделе «Тукаеведение» интернет-портала «Габдулла Тукай» размещена его статья «Габдулла Тукай и казахская интеллигенция Западного Казахстана», в которой рассмотрено становление и развитие Г. Тукая как поэта и журналиста «в условиях общественной и культурной жизни западно-казахстанского города Уральск, находившегося на стыке двух богатейших культур – Востока и Запада» [7]. В «Казахстанской правде» к 125-летию Г. Тукая опубликована статья Т. Каримова «Вековые корни братства», в которой представлены материалы, свидетельствующие о взаимосвязи татарского поэта с казахской литературной средой.

В публицистических статьях Т. Каримова освещаются важные события в жизни нашей страны («Олимпийские игры и Казахстан»), история родного города («Михаил Гурьев», «Меценаты Ахмировы»), знаменитые люди Атырау («Адмирал Владимирский»). Он является Почетным профессором Атырауского университета (Казахстан), Почетным гражданином г. Туссон (США).

Активной деятельностью в деле сохранения и развития татарской культуры в Казахстане занимается И. Вафин, председатель Татаро-башкирского национально-культурного центра Алматы. В 1999-2003 годы он возглавлял объединенное правление татарских и татаро-башкирских центров Алматы и Алматинской области. В 1995-2003 годы – член Ассамблеи народа Казахстана и Малой Ассамблеи г. Алматы, является инициатором подготовки и издания книги «Татары и башкиры Алматы» (2004). И. Вафин занимался сбором и подготовкой материала для издания

энциклопедического словаря «Татары в Казахстане» (2011), в который вошли его статьи «Верный», «Кульджинский договор», «Кульджинский тракт», «Лепсинск», «Татарская слобода». В них публицист освещает историю возникновения населенных пунктов, заселенных татарами. Статья «Кызыл тан» посвящена памятнику архитектуры начала XX века – зданию торгового дома татарского купца И. Габдулвалиева. Примечательно, что здание сохранилось до наших дней. В настоящее время в нем располагается магазин по продаже тканей. Рассказывая о Лепсинске (в прошлом город, ныне – село в Алакольском районе Алматинской области), автор уделяет внимание соборной мечети, существовавшей в городе до 1944 года. При мечети действовала татарская школа. В город, основанный в 1846 году, переселенцы из Татарстана стали прибывать с 1989 года. В начале XX столетия это был торговый центр округа с заводами, фабриками, мельницами, в нем проводились ярмарки.

И. Вафин является автором статей о деятельности татарских культурных центров, организует в Алматы литературные вечера в честь известных татарских писателей и поэтов (литературно-музыкальный вечер в честь 125-летия со дня рождения Г. Тукая, 2011 и др.).

\* \* \*

В Казахстане поэзия на татарском языке представлена, в основном, литераторами старшего поколения – людьми, которые в молодости приехали на казахскую землю и большую часть своей жизни воспринимают Казахстан своей родиной. Татарские поэты Г. Хайруллин, Р. Абдусалямов, Н. Усманова, Р. Гузайров – авторы поэтических сборников, изданных на родном языке в последнем десятилетии XX и первом десятилетии XXI столетия. Поэты Р. Шакиров, Ф. Файзуллина, Г. Галлямова и другие публикуют свои стихи в периодических изданиях. Доминантными в их поэзии являются мотивы грусти и тоски, размышления о предках и подрастающем поколении, о родном языке. Они посвящают стихотворения Казахстану и казахскому народу, пишут о реалиях жизни в стране, переводят на татарский язык произведения

казахских авторов, способствуя гармонизации межнациональных отношений.

Г. Хайруллин пишет стихи на татарском языке под литературным псевдонимом Тимер Заһит. В последние два десятилетия им опубликованы поэтические сборники «Дусларымның уйлары һәм моңнары» («Мысли и мелодии моих друзей», 1997, в соавторстве), «Казанга хат» («Письмо в Казань», 1998), «Кызык дөнъя» («Забавный мир», 1999), «Сүзләрем сиңа кала» («Тебе останутся мои слова», 2000), «Комда калган эзләр» («Следы, оставшиеся на песке», 2004), «Татар дигән халық» («Народ под названием татары», 2005), «Гомер йомгагы» («На закате жизни», 2009), «Юлга чыктым» («Вышел я на дорогу», 2012).

В поэтическом творчестве Г. Хайруллина представлены стихи на разные темы: общественно-политические, философские, любовные. Они раскрывают чувства, мысли и переживания автора. Он пишет о родном народе и его судьбе, о родственных связях татарского и казахского народов, о любви к женщине и благодарности родителям, о родном крае и природе, рассуждает о прожитой жизни и человеческих качествах. Перу поэта принадлежат также стихи для детей и юмористические стихотворения. Отдельные произведения переведены на русский, турецкий, уйгурский языки. Поэтические сборники опубликованы в Алматы, Казани, Уфе, Анкаре. На многие его стихотворения созданы песни композиторами Р. Гатауллиным (Татарстан), М. Мурзахановым (Башкортостан), Г. Ахунжановым (Казахстан), Г. Тамендаровым (Казахстан).

Эмоциональностью отличаются стихи поэта, посвященные родному народу. Беспокойство за судьбу родного языка отражается в стихотворении «Туган телем өчен ачынам» («Печалюсь о родном языке»). Поэт беспокоится о том, что татарский язык не дойдет до дальних потомков. Он призывает любить и беречь родной язык, подчеркивая в стихотворении «Туган тел» («Родной язык») неразрывную связь существования самого народа и его языка: «О, родной язык, о прекрасный язык, / О, мелодичный татарский язык. / Родной мой язык еще живой, / Значит, жив и мой народ!» (В дальнейшем стихотворные строки даются

в дословном переводе. – А.М.). Родственным связям тюркских народов посвящено стихотворение «Төрки туганнар» («Братья тюрки»): «Хотя и разошлись мы на дорогах истории, / Не потухли наши связи. / Казань печатала песни Абая, / А Тукай – моя национальная гордость – / Жил в казахских степях». Дружбе казахского и татарского народов посвящены следующие строки: «Девушку-татарку навечно любимой / Парни-казахи выбирали. / Парни-татары, звонко напевали: / «Девушка-казашка – любимая моя».

К исторической памяти народа обращается внимание читателя в стихотворениях «Атилла» («Атилла»), «Олут Мөхәммәд» («Великий Мухаммат»), «Алтын Урда» («Золотая Орда») и др. Характерным для поэтического творчества Г. Хайруллина является обращение к далеким предкам. Искренняя благодарность предкам, стремление быть похожим на них и продолжать их деяния проявляются в его творениях. Так, в стихотворении «Картәткәемә хат» («Письмо моему дедушке») он обращается к духу своего предка: «Твое имя – нам фамилия, / Раз есть твои потомки на этом свете, / То и ты будто-бы живой и здоровый. / Что же еще нужно человеку?». Немало стихотворений посвящено матери. Стихотворением «Әнкәем» («Моя мама») автор выражает ей сердечную благодарность: «Прошли годы, пришла осень моей жизни, / Я и теперь хожу к маме. / Наклоняю седую голову к ее могиле, / Силу жить нахожу у дорогой моей мамы». Перед читателем раскрываются конкретные чувства человека, который печалится, сожалеет, просит простить: «В доме одинокая моя мама, / Если проедет машина по улице, / Бросает все дела, / Торопится к окну. / ... Мама, твоими святыми молитвами, / Я прошел большой жизненный путь. / С нетерпением ты ждала меня, / Я не смог приехать, прости».

В стихотворении «Әткәем» («Мой папа») наблюдается обращение к духу отца с сыновним смирением, преклонением перед его мудростью: «Теперь по возрасту я старше тебя, / Но чувствую я маленьким себя, / Когда думаю, как посмотрит папа, / На предстоящие мои дела». Незабываемая память о родителях отражается в следующих строках стихотворения «Гомер йомгактарын

суткэндэ» («Когда распутываем клубок жизни»): «Думая, что же осталось в памяти, / Нежную ласку отца и матери, / Душой и телом чувствую я». Эти стихи порождают образы людей, оставивших после себя хорошую память.

В поэтических произведениях о родном крае поэт выступает за сохранение природных богатств и бережное отношение к природе. В стихотворении «Корыган елга» («Высохшая река») он гневно обращается к человеку: «О, человек! Безжалостнее тебя / Есть ли живое существо? / Днем и ночью портишь ты землю, / Неужели тесен тебе широкий мир? / Извел ты леса, вырубив деревья, / Степь превратил ты в пустыню. / Что же останется твоим внукам?». С искренней любовью описывается родной край, его природа. Например, стихотворение «Дала» («Степь») начинается следующими строками: «Степь, степь... / Безграничная степь. / Простирается на четыре стороны горизонта. / С песнями весенних жаворонков / Опять пришла весна в широкую степь. / Буйно выросла густая трава, / Ароматы источают степные цветы». Основная мысль стихотворения «Туган туфрак» («Родная земля») – надо беречь родную землю, не отдавать ее никому: «Мы отдаем золото не жалея, / Пусть хоть какая будет ему цена, / Приехавшим гостям в подарок. / Роскошное добро отдаем, если нужно. / Мы не скупые, / Однако не отдадим мы / Даже пылинку родной земли. / Всякий дойдет до конца пути, / Родная земля примет его. / Что же есть дороже родной земли?».

Тема разлуки, неразделенной любви, верности своим чувствам встречается во многих стихотворениях Г. Хайруллина. В стихотворении «Йөрәгемнең сыңары» («Половинка моего сердца») описывается тоска по любимой: «Без тебя проходят мои дни, / Без тебя приходят мои рассветы. / Где искать и найти мне / Половинку моего сердца». Поэт превозносит превосходные качества женщины в стихотворении «Татар хатынына мэдхия» («Ода татарской женщине»): «Есть ли поэт, не написавший стихи о тебе? / Я тоже писал. / Я тоже пел. / Как другие, я тоже восхищался / Стройной статью, лучистым лицом». Глубокая внутренняя потребность высказаться проявляется в стихотворениях, посвященных проблеме скоротечности жизни, необходимости



успеть сделать в жизни все, что предписано человеку. Поэт дает совет быть честным, порядочным, не поддаваться трудностям, быть верным дружбе и т.д. Слова М. Макатаева «Вспомни меня» взяты эпитафией к стихотворению «Төшер исең» («Вспомни»): «Если в жизни будут тяжелые времена, / Опирайся на верного друга. / Если такой не найдется, / Тогда вспомни меня. / Я выйду на твою дорогу, / Я приду в твои мысли, / Хоть мы и не вместе, но издалека / Я дам силу твоим рукам».

В стихотворении «Сагынам язларымны» («Тоскую по своим веснам») звучит тема тихой грусти по прошедшим годам: «Лучи весеннего солнца в молодости, / Воодушевляли ее дороги. / Сердечные огни, стремления, / Все осталось лишь в памяти. / Провожал я сегодня диких гусей. / Строем они улетают далеко, / Они вернуться, если будут живы, / Я грущу о неповторимых веснах. / Не вернуться мои весны молодости». В стихотворении «Карлы буран» («Снежный буран») поэт призывает человека быть настойчивым и верным своему пути: «Нет, не останавливайся, путник, / Даже не смотри в ту сторону! / Если однажды остановишься, / Однажды уснешь, / Больше не сможешь встать на ноги. / Разные люди идут по дороге / Проходят через снежную пургу. / Твой путь не пройдет другой, / Свою дорогу пройди сам!»

В стихотворении «Үлән» («Травинка») описано восхищение силой жизни. В стихотворениях «Тау елгасы» («Горная река») и в «Комда калган эзләр» («Следы на песке») подчеркивается, что человек славен своими деяниями, он оставляет память о себе на земле лишь благодаря добрым делам: «Как воды текут безостановочно, / Уходят проходящие годы. / Уходит человек, его следы / Остаются его дела».

Иллюстрированный сборник детских стихов «Кызык дөнья» («Забавный мир») состоит из забавных четверостиший, каждое из которых дано на татарском и русском языках, поэтому они могут быть использованы для изучения татарского языка русскоязычными детьми: «Говорит щенку котенок: / Давай поиграем вдвоем, / А потом вдвоем с тобой / Мы песенку прекрасную споем!». В юмористических стихотворениях высмеиваются человеческие недостатки, с юмором описываются обычные ситуации,

происходящие в быту. Таковы стихотворения «Гаиләдә кем хужа?» («Кто хозяин в семье?»), «Махмыр» («Похмель»), «Очрашу» («Встреча»), «Урамда» («На улице»), «Артистлар» («Артисты») и т.д. В цикле стихотворений «Таһир бабай» («Дед Тагир») представлен образ деревенского острошлова, который своими шутками поднимает настроение односельчан в сложных ситуациях.

Поэт Р. Абдусалямов прекрасно владеет татарским и казахским языками. Стихотворения на татарском языке печатаются в периодических изданиях, в газете «Фикер». В 2008 году в Алматы вышел в свет поэтический сборник «Изге юллар» («Добрые дороги»). В рецензии на книгу Г. Хайруллин называет Р. Абдусалямова самобытным поэтом: «Его стихотворения воспевают чистую любовь, доброе, бережное отношение к родной природе, бескорыстную мужскую дружбу. Обладающие достаточно высоким художественным уровнем, поэтические произведения автора могут вызвать неподдельный интерес читателя. Прозаические произведения, вошедшие в данный сборник, описывают различные житейские ситуации, где высоко ценится дружба между людьми разных национальностей, мужество главных героев. Простой, ясный язык изложения представляет собой одно из преимуществ данных произведений» [8, с.107].

Книга открывается очерками, содержащими воспоминания о тех местах, где родился и жил поэт, где побывал во время путешествий. Р. Абдусалямов родился в Кульдже (СУАР КНР), переехал в Казахстан в 1959 году. На протяжении XIX-XX веков в Кульдже «было сильно влияние татарской интеллигенции и купцов, которые покинули Российскую империю в связи с Октябрьской революцией 1917 года. По некоторым данным до трети населения города в первой половине XX века составляли татары» [9]. Интерес вызывает очерк «Жэйләу». В поэтический цикл «Родная земля» вошли стихотворения «Туган жир» (о Кульдже), «Колжалыклар» (о кульджинцах), «Мәктәпкә йөз ел» (к столетию татарской школы в Кульдже), «Или», «Или буенда». Казахстану посвящены «Талды-Курган», «Алматы матурлана», «Ата-Тау», «Татар ижтимагый» и другие.

Поэтический цикл «Якынларга багышланган» («Посвящается поэтам») состоит из стихотворений в честь татарских и казахских поэтов: «Муса Жәлилгә 100 яшь», «Тукайга 120 яшь», «Абайга 150 ел». Обращаясь к Абаю, Р. Абдусалямов восхваляет его поэзию: «Мы ценим твои золотые слова, / Хоть и не успели увидеть тебя». Он обращает внимание на просветительскую роль казахского поэта: «Получив знания, ты передал их народу, / К свету ты повел свой народ».

Р. Абдусалямов – лирический поэт. Книгу «Изге юллар» завершает поэтический цикл «Мәхәббәткә багышланган» («Посвящается любви»). В стихах «Беренче мәхәббәт», «Яшьлек мәхәббәте», «Син генә», «Ике мәхәббәт», «Сөйгәнем» и других разными гранями отражается любовь, поэт пишет о первой любви, описывает красоту женщины. Любовь – глубоко личностная тема, супруга поэта Раушания олицетворяет женственность и является хранительницей домашнего очага. На стихотворения поэта созданы песни, одна из них «Матур булсын киләчәк» исполняется на сабантуях. В 2012 году избранные стихи Р. Абдусалямова опубликованы в коллективном сборнике «Изге туган телем...», изданном в Астане Ассоциацией татар и башкир Казахстана по итогам республиканского конкурса на лучшие поэтические произведения на татарском языке.

Поэзия Р. Абдусалямова отличается человечностью и добротой, его творения органически связаны с жизнью.

В книгах поэтессы Н. Усмановой отобразилось историческое прошлое татарского народа, социальные и культурные перемены, происходившие в прошлом столетии, поэтому ее творчество представляет интерес как ценный источник по истории общественно-политической и духовной жизни народа. Уроженка г. Кульджа, она пережила тяжелые годы «культурной революции» в Китае, в Казахстан приехала в 1950-х годах. Н. Усманова является автором поэтических сборников и публицистических книг «Ана теләге» (2005), «Остазларга ихтирам» (2006), «Оны-тылмас шәхесләребез» (2009), «Татарларнын милли йоллалары», «Сагыш» (2013). «Ана теләге» – сборник поэзии и воспоминаний о татарах, сыгравших важную роль в сохранении родного языка

и культуры в Китае. Среди поэтических произведений встречаются стихотворения, посвященные Г. Тукаю («Тукайга»), сложной судьбе татарского народа («Татарлар»), предкам («Безнен бабалар»), детям («Кызларыма», «Улларга», «Нәбрәм Гузәлгә биш яшь»).

Н. Усманова внесла большой вклад в популяризацию казахской литературы переводом на татарский язык стихотворений казахского поэта, лауреата Государственной премии Казахстана М. Макатаева. Презентация книги «Макатаев Мокагали шигырьлар», в которую вошли его 90 стихотворений из книги «Аманат» (2002), состоялась в 2008 году. Во вступительном слове переводчица отметила, что стихотворения М. Макатаева поразили её остротой чувств, пылкой любовью к родине, к своему народу и родному языку: «Поэту присущ реализм и неутомимый дух в борьбе за справедливость, в его творениях отражаются сложности и противоречия окружающего мира. Поразительно, что несмотря на то, что он прожил короткую и трудную жизнь, поэт успел написать множество стихотворений и поэм. Я решила перевести многие его последние стихотворения в надежде донести их до моего народа, чтобы он мог служить примером» [10]. В книгу включено стихотворение Н. Усмановой, посвященное М. Макатаеву: «Будут жить вечно твои стихи и твой народ. / Мечты твои сбудутся. / Из века в век потомки / Будут читать твои стихи, / Вспоминая и тоскуя по тебе». Перевод стихотворений М. Макатаева на татарский язык имеет неоспоримую важность в деле упрочения межнационального и межэтнического согласия. В 2013 году поэтессе вручены грамота Ассоциации татарских и башкирских культурных центров Казахстана и благодарственное письмо Полномочного представителя Республики Татарстан в Республике Казахстан А. Хасанова.

Р. Гузайров пишет стихи, песни, очерки, является членом редколлегии газеты «Өмет», часто посещает Татарстан, встречаясь с татарскими соратниками по перу. В 2001 году в Казани издана книга «Гомер агышы – йорак сагышы». На стихотворения «Алма-Ата», «Мамлютым», «Кечегәнем» созданы песни.

В Казахстане татарская литература на русском языке представлена творчеством поэта и переводчика Ф. Тамендарова, поэта, прозаика, эссеиста Ф. Байгельдинова, поэта и писателя Т. Каримова, поэта Р. Мусина и других. Общим является восприятие Казахстана своей родиной, особенно теми писателями и поэтами, которые родились здесь. К их числу можно отнести и Ф. Тамендарова – автора ряда поэтических сборников и книг для детей. Его стихи публикуются в альманахах «Литературная Азия» и «Литературная Алма-Ата», в газетах «Вечерний Алматы», «Дружные ребята» и в журнале «Простор».

Первые пробы пера, как и у многих, пришлось на юношескую пору, но первый поэтический сборник «Солнца светлого сиянье» вышел в 2002 году. В сборник вошли стихотворения, написанные за предыдущие четыре года, когда поэт много ездил по Казахстану, встречался с интересными людьми. В результате «Боровое», «На берегу Иртыша», «Балхаш», «Озеро Жасыбай в конце лета», «Зерно» и другие составили раздел «Люблю тебя, мой Казахстан». Ярко и образно описывает поэт природу Казахстана в стихотворении «Боровое»:

Вековые сосны. Скалы вдалеке.  
 Озеро в лазури. Берега в песке.  
 Так дурманит воздух хвои аромат,  
 И не отпускает Жумбактаса взгляд.  
 Не достать стрелюю грозный Ожжетпес,  
 И не встанет Воин, спящий вечность здесь.

Поэтично сравнение озера с ланью в стихотворении («Озеро Жасыбай в конце лета»): «В центре красивой, каменной пади / Озеро ланью тревожной не спит. / Волны бегут по лазуревой глади. / Черный утёс их побег сторожит». В стихотворении «Зерно» перед нами предстаёт серьезный и вдумчивый автор, отражающий в своей поэзии проблемы, вставшие на пути нашего общества. Об общечеловеческих ценностях, проблемах воспитания детей, стихотворения «Взрыв» и «Детки». Проблема «отцов

и детей» – вечная проблема преемственности поколений. Поэт вспоминает, как прошло его детство. Он рассказывает о поездках на «Медео», о посещении летом «Луна-парка», о том, как в подъездах пели песни «Битлз» и «Цветы».

Первый поэтический дебют Ф. Тамендарова вызвал положительные отклики в литературной среде Казахстана. Б. Канапьянов считает, что «приход Ф. Тамендарова в этот мир метафор и поэтических версификаций радует и обнадеживает. ... Он ищет себя в этом океане поэтической мысли, экспериментирует, откликается своим поэтическим сердцем на трагедийные события в мире, одним словом, идет путем созидания в нашем быстро меняющемся мире» [11, с.3-4].

В 2005 году издан поэтический сборник «Зеркало на ладони». Г. Бельгер пишет в «Предисловии», что после прочтения книги «многие строки автора хочется цитировать: они подкупают своей ясностью, искренностью, исповедальностью, открытостью, доверчивостью» [12, с.7]. «У автора чуткое сердце, зоркий глаз: все подмечает, все ощущает, всему радуется, восторгается божьим творением; красота земная не дает ему уснуть, ибо в доме земном воспринимает себя любимым жильцом» [12, с.8]. Стихотворения, вошедшие в сборник, разнообразны по тематике, это размышления о жизни, о добре и зле, об одиночестве и равнодушии. Автор воспевает общечеловеческие ценности, красоту и любовь. Немало произведений о предназначении поэта, которое неотделимо от желания быть полезным своему народу. Поэт высказывает интересные мысли, заставляющие о многом задуматься. Образы, связанные с Казахстаном (степь, красные маки, горы, домбра, трава адыраспан), можно найти во многих его произведениях. На «мощное звучание казахской темы» обращает внимание и Г. Бельгер.

В сборник вошло стихотворение «Алматы»: «Алматы – изумруд на предгорьях, / Каждой улицей дорог и нежен, / Удивителен в наших историях, / В нашей памяти неизбежен». Своим любимым поэтом Ф. Тамендаров называет А. Блока и считает себя последователем символистов. Тепло и искренне вспоминает о встречах с А. Вознесенским и Б. Ахмадуллиной в Алматы.

В книгу включены стихи, посвященные А. Вознесенскому: «Вы – ас. / Ваш труд / Тьму масс / Сотрут. / Мы – Бас / Вы – альт. / Без Вас / Мир мал. / Без Вас / Мир пуст. / Андрей Златоуст».

Презентация сборника стихов «Зеркало на ладони» прошла в Литературном доме «Алма-Ата». Поэта поздравляли коллеги и известные деятели культуры, среди них композитор Е. Каньянов, издатель Б. Иманалиев, главный редактор журнала «Столичное образование» С.-Г. Байменов. Корреспондент газеты «Курсивъ» Г. Хинич обратил внимание на иллюстрации, выполненные в шагаловском стиле казахстанским художником А. Курбановым: «... Шагаловский стиль, стиль метафоры отражают и стихи Тамендарова. Они раскрывают душу поэта, повествуют о дружбе и семье как основе основ» [13].

В 2010 году издана книга «Мгновение вдоха», в которую вошли переводы А. Кунанбаева, С. Сейфуллина и татарского поэта Кол Гали. По признанию переводчика, С. Сейфуллин близок ему как автор любовной лирики, к которой благоволит сам поэт. В 2013 году Ф. Тамендаров стал финалистом конкурса «Open Central Asia Book Forum and Literature Festival» (Лондон) в номинации «Художественный перевод». Им был представлен на конкурс перевод поэзии С. Сейфуллина.

В книгу «Мгновение вдоха» Ф. Тамендаров включил 1100 четверостиший из «Сказания о Йусуфе» известного средневекового татарского поэта Кол Гали (1183-1236). Эта поэма была написана в 1233 году. Для татарского народа этот дастан имеет большое значение. Поэма распространялась в многочисленных рукописях задолго до начала книгопечатания. Ее читали вслух долгими зимними вечерами в течение нескольких недель. С нею был знаком не только каждый образованный татарин, но даже неграмотный крестьянин. Так, передаваясь из поколения в поколение, поэма дошла до наших дней. А с началом книгопечатания она переиздавалась десятки раз и распространялась среди татар во многих тысячах экземпляров. В 2012 году Ф. Тамендаров за перевод «Сказания о Йусуфе» стал лауреатом Международного конкурса переводчиков «Ак Торна» в Уфе (Россия). Ф. Тамендаров планирует издать в 2015 году в Казани книгу переводов Кол Гали.

Сегодня мир открывает огромные возможности для путешествий. Но и привычный для многих туристический маршрут в поэтическом сборнике становится особым миром поэта. В книге Ф. Тамендарова «Мгновение вдоха» мы открываем его в стихах «Дубай», «Маврикий», «Шанхай», «Рим», «Лондон», «Мальдивы». Примечательно, что находясь в дальних странах, он не забывает о Казахстане, пишет о родине в стихотворении «В Египте»: «Зимой в Египте бархатно и нежно / Ласкает солнце твой прелестный стан, / А где-то ураган бушует снежный, / Там далеко любимый Казахстан». О Казахстане он думает, находясь в Шанхае: «Но где-то на Западе, чудится мне, / Белеет мой Тенгри в родной стороне».

В новых стихотворениях сборника продолжается осмысление темы родины, поэт размышляет о судьбе нашей страны, отмечая: «Труден путь твой, родная страна» и желая ей всяческих успехов. Общеизвестно, что поэзия является связующим звеном между природой и человеком. Поэзия представляет мир, создаваемый человеком в его гармонии с природой. В поэзии Ф. Тамендарова наиболее проникновенно запечатлены зима и весна. Многогранно явлен образ зимы: «Зима. Закат. Застыло солнце / На ветке голый одиноко. / Синеет снег вершин высоких, / Темнеет день в моём оконце» («Зимний вечер»).

Поэтические интонации меняются, как и тональность стихотворения:

Так тихо, плавно, бабочкой порхая,  
На землю падают святые кружева.  
И воздух чистый глубоко вдыхая,  
Я ощущаю, что душа жива.

«Снег»

В ярких, сияющих красках описывает поэт весну, называя ее ласково «веснушкой»: «В сырой земле смешной скворец / Сонливых ищет насекомых, / И оживает мертвый лес, / Встречая птиц своих знакомых» («Веснушка»). В любви к весне проявляются такие черты характера поэта, как мечтательность



и жизнерадостность. «Стихотворения «Крест», «Мечеть», «Цезарь», «Как ром» – поэзия экспериментальная, дань А. Вознесенскому. В «Венке сонетов», написанным под влиянием М. Волошина, отражено жизненное кредо поэта: «Я не предсказываю свою судьбу. Я просто её вершу». В Предисловии к книге «Мгновение вдоха» О. Жанайдаров так отзывается о поэтическом творчестве Ф. Тамендарова: «Прежде всего, это поэт романтического лада. В основе его творчества лежит русская романтическая поэзия XIX-XX столетий, притом, что сам поэт живет в XXI веке....» [14, с.4].

В детской литературе Казахстана в последние годы не часто появляются новые книги, поэтому издание сказки-поэмы «Золотая роза Гулистана» Ф. Тамендарова можно считать знаменательным событием. Книга издана красочно в 2009 году в издательстве «Аруна». Каждая страница книги проиллюстрирована рисунками и оформлена узорами в восточном стиле. Сказка-поэма «Золотая роза Гулистана» легко читается. Примечательно, что сказка-поэма впервые была опубликована на страницах газеты «Дружные ребята» в 2007 году (№ 41-45). Ф. Тамендаров продолжает писать стихи для детей. В 2014 году в издательстве «Аруна» выходит в свет книга стихов для детей «Дельфин – голубая спинка». Строки поэта согреты особой искренностью – говорит ли он о прошлом, настоящем или будущем. Обращаясь к современнику, он призывает: «Будь честен, добр, справедлив, / Умён, здоров, трудолюбив, / Но главное – будь счастлив!»

Ф. Байгельдинов – автор книг «Ветры в гривах» (2004), «Астральный взгляд» (2006), «Италийские наброски» (2006), «Провинциальные истории» (2008). Произведения Ф. Байгельдинова публиковались в журналах «Простор», «Нива», «Аманат», «Тамыр», «Аполлинарий», «Книголюб», в альманахе «Литературная Алма-Ата». Г. Бельгер называет его «незаурядной личностью, аналитиком, рассуждающим нестандартно, свежо, любопытно» [15, с.40]. Поэтический сборник «Астральный взгляд» представляет читателю поэтический талант Ф. Байгельдинова. В проникновенных стихах поэт раскрывает свое личное отношение к окружающему миру. Стихотворения «Жизнь – ожерелье»,

«Жизнь, словно суетный вокзал...», «В этой жизни всё не просто...», «Жизнь прошла виденьем странным...» и другие составили цикл «Резюме». В стихотворении «Жизнь – ожерелье» поэт размышляет о жизни: «Жизнь – ожерелье дней, минут, мгновений, / Нанизанных на ниточку Судьбы, / протянутой от прошлых поколений, / Из далей дальних, из холодной тьмы». Автор вступительной статьи к книге О. Шиленко представила следующую характеристику стихотворениям этого цикла: «Тревожно и зримо до мельчайших деталей стихотворение «Ночные поезда», пронзительны до боли его «Снега забвения», полны печальной мудрости и человечности «След крыла», «Прощание», «Молчат в ночи карагачи» [16, с.6]. Любимый цвет поэта – сиреневый, самый желанный собеседник – Бог, а лучшее время года – зима. Вероятно, любовь к зиме, к метелям, к её девственной белизне у поэта от обострённого стремления к чистоте, свежести, пространству. То же стремление ощущается и в характере автора. Наедине с собой он предельно честен, с друзьями и близкими благороден и бескорыстен. Эта суровая чистота души у него во всем, и в философии тоже.

Храни, Господь, от лжи и суеты,  
От зависти, от чёрного злорадства.  
Спаси меня от жалкой нищеты,  
Обереги от алчного богатства.

«Молитва»

Простые земные вещи радуют его не меньше, чем сияние звёзд: «И что дороже для меня: / Так и не выбрал, между прочим, / Надёжнейший булыжник дня / Или алмаз волшебной ночи...». Любовная лирика включена в цикл «Сердцебиение». В описаниях женской красоты («Над сонным раем майской рощицы», «Портрет»), обращениях к любимой («Прости», «Не отвергай») отражаются любовные переживания и душевная взволнованность лирического героя. В стихотворениях, созданных поэтом в зрелом возрасте, главные герои – немолодые люди, которых автор предостерегает: «Но... никогда не возвращайтесь / «К любви забытым берегам».

парня». Писатель отразил благородство души главного героя, пожалевшего своего обидчика. В любой жизненной ситуации человек должен оставаться человеком.

Рассказы «Шляпка» и «Вера, Верочка» посвящены современникам.

Святочный рассказ «Перышко» можно отнести к философской притче. Главный герой – одинокий мужчина, живущий в однокомнатной квартире в городе, «где никто, даже прожив многие годы рядом, не знает толком другого». Однажды ночью на улице он встречает ангела в обличье малыша лет пяти, приводит его домой, кормит, укладывает спать. Утром, проснувшись, обнаруживает, что малыш исчез, а на полу осталось только пёрышко. «Впервые за последние годы не видел он мучительно-тягучих кошмаров, напротив, в памяти остались какие-то беззаботно-светлые цветные сны. И от этого негромко засмеялся легко и счастливо, как безотчётно смеются лишь маленькие дети, празднуя, таким образом, каждый свой новый день». Писатель заканчивает рассказ на мажорной ноте, воодушевляя, успокаивая, настраивая читателя на веру в хорошее.

Путевые очерки Ф. Байгельдинова «Италийские наброски» дают возможность насладиться искусством в лучших галереях Италии, погрузиться в мир Микеланджело и Рафаэля в сокровищницах Ватикана, провести ночь на Палатине и проплыть в гондоле по каналам Венеции. В книге наряду с тонкими наблюдениями автора много лирических и философских раздумий о прошлом, настоящем и будущем на фоне современности конца второго тысячелетия, и всю её пронизывает чувство благодарности к народам Европы за созданные и бережно хранимые ценности духовной и материальной культуры, щемящее чувство любви к родной земле, особенно остро ощущаемое вдали от неё.

Г. Бельгер считает, что Ф. Байгельдинов «предпринял своё европейское путешествие во всеоружии знания, исторически, эстетически, нравственно оснащённый и подготовленный к восприятию всех пластов древней и современной культуры, умеющий передать всё увиденное живым, возвышенно-взволнованным, элегантным русским слогом и попутно остро и здраво, предельно

искренне размышляющий об актуальных проблемах нашей жизни» [18]. По мнению Н. Полонской, «автор сумел так заразить своим жизнелюбием и жизнелюбопытством, что захотелось всё бросить и проехать по тем же маршрутам, что и Байгельдинов, прихватив при этом и свои дороги и тропинки» [18]. Особое очарование и достоверность придают книге многочисленные авторские акварели, наброски, стихи и фотографии.

Т. Каримов – член Союза писателей Казахстана и Союза писателей Татарстана, автор книг «...И все цвета радуги» (2000), «Где ты, моя Родина, боль моя и свет?..» (2003), «Katharsis» (2003); «Облака плывут...» (2004), «Армысын, менің жанұям» (2005, «Здравствуй, мой дом», в переводе Ж. Аронова на казахский язык), «Төсләр балкышы» (2009, в переводе заслуженного деятеля культуры Татарстана Ф. Тархановой на татарский язык). Книга «Где ты, моя Родина, боль моя и свет?..» включена в 100-томную Библиотеку казахстанских поэтов и писателей «Қазына».

В книгу «...И все цвета радуги», изданную Камским издательским домом, вошли автобиографические рассказы «Дед Макабка», «Рисунок из детства», «Здравствуй, мой дом», «Начало. Как это было». Рассказ «Свист в ночи» посвящен директору и учителям средней школы г. Гурьева, в которой учился автор. Т. Каримов с благодарностью вспоминает своих учителей (русские, украинец, латыш, еврей, казашка, татарка и армянка) и учеников школы (казахи, русские, болгары, немцы, татары, украинец, ингуш, гречанка). Писатель обращает внимание на то, что люди жили дружно, не выделяя никого по национальному признаку.

Размышлениями о скоротечности жизни интересны стихотворения «Тебе – всегда некогда», «Вспоминая о будущем», «Я – ?». Ряд произведений написан в Мюнхене, где в 1993-94-х годах жил писатель. Впечатления об этом немецком городе отражены в рассказах «...И все цвета радуги», «На Нимфенбургер-канале». Книга «...И все цвета радуги» получила положительный отклик у казахских поэтов Ф. Онгарсыновой и Ш. Абильтая.

В книге «Katharsis» материал представлен на русском, казахском и английском языках. Автор относит ее к сюрреалистическому эссе. Для творчества Т. Каримова характерно ведение

повествования от первого лица. В данном произведении также используется этот литературный прием. Описывая происшедшие с ним мистические события, через видения «проявлявшиеся то ли во сне, то ли наяву», писатель передает внутренние чувства, ощущения и переживания. Осмыслению жизни человеческой, восприятию окружающего мира посвящены главы «Гвозди, или Начало проникновения в глубины собственного сознания», «Возвращение, или Осознание непостижимости вечности и бесконечности», «Пробуждение, или Осознание временности происходящего», «Зной, или Осознание безысходности и обреченности». Названия глав отражают их содержание.

Произведения последних лет размещены на сервере проза.ру ([www.proza.ru](http://www.proza.ru)). В новеллах «С Новым, 1964-м годом!», «Первое мая 1968 года», «На берегу Урала», «Ледоход», «Однажды, праздничным вечером» писатель пишет о детстве. Мюнхену посвящена новелла «Дождь». «Тихим, солнечным и приветливым» называет он этот город, мечтая вновь оказаться в нем. Новелла «Невозможная нежность и боль» имеет посвящение родителям – Акраму и Раузе Каримовым.

Т. Каримов активно занимается общественной деятельностью в республике, он дважды избирался президентом Ассоциации татарских и башкирских этнокультурных центров Республики Казахстан в 2007 и 2010 годах, сейчас он – Почётный президент Ассоциации татар и башкир Казахстана. Кроме того, Т. Каримов – член Исполкома Всемирного Конгресса татар. По мнению Т. Каримова, «связанные с казахским народом родственным языком, единой религией и судьбой, татары и башкиры являются позитивной силой в деле укрепления единства казахстанского народа» [19].

Отражение казахстанской действительности наблюдается в творчестве молодого татарского поэта Р. Мусина. В 2011 году в журнале «Простор» было опубликовано его стихотворение «Казахская степь», в котором автор описывает богатства Казахстана («И золото в недрах, и звонкая медь, железо и уголь, и черная нефть. А главное – это людские сердца, богатство, которому нет

конца»). Сквозной темой произведения является содружество разных народов, проживающих на казахской земле.

О мой Казахстан, ты в беде областал  
Корейцев и горцев заоблачных скал.  
Под твой шанырак – под степной небосвод,  
Как равный, был принят уйгурский народ.  
И немцы Поволжья нашли здесь приют,  
И русские в мире со всеми живут.  
Украинской песне здесь вольно всегда,  
Молдавские танцы берут города.  
Поляк и мордвин, белорус и авар,  
И я смуглолицый потомок татар –  
Здесь – дома.

Р. Мусин занимает активную гражданскую позицию, его волнуют события, происходящие в стране. И это находит отражение в поэтическом творчестве. Примером может служить стихотворение «Желтоксан», посвященное декабрьским событиям 1986 года. Отдельные строки посвящены Махамбету, спешащему на площадь к восставшим.

\*\*\*

Современный литературный пейзаж Казахстана невозможно представить без активного участия женщин – писательниц и поэтесс. Проблематика их произведений, так или иначе, связана с женской судьбой. Немаловажную роль играет и взгляд на окружающую действительность с женской точки зрения. В поэтическом творчестве преобладающей является любовная лирика. Основная тематика женской прозы охватывает проблемы семьи, в основе сюжета произведений чаще всего бытовая история.

Яркой представительницей женской литературы является Р. Ахтямова – автор книг прозы и поэзии «Обожженное сердце» (1994), «Судьбы и судьи» (1997), «Через окно воспоминаний» (2001), «Свет прозрений моих» (2001). Р. Ахтямова является переводчиком, работающим с оригиналами. Книга «Сотвори

добро» (1993) составлена из стихотворений поэтов разных национальностей в переводе Р. Ахтямовой. В книгу «Судьбы и судьи», помимо прозаических и поэтических произведений, вошли художественные переводы с татарского, казахского, турецкого, армянского и немецкого языков. В Предисловии В. Бадиков пишет: «Книга открывает большую и подчас трагическую правду в жизни и бытии нашего современника, потому что автор никогда не отступал от своей главной задачи – быть всегда нужным людям. Ее лирика и проза печатаются в журналах Москвы и Петербурга, республик СНГ и, конечно, Казахстана и всегда вызывают не просто невольное внимание, но и чувство глубокого преклонения перед талантом и духовной стойкостью автора» [20, с.3]. Следует отметить, что Р. Ахтямова действительно обладает сильным характером и духовной стойкостью, так как, потеряв зрение еще в детстве, ведет активную творческую жизнь.

Тема любви – определяющая в книге «Через окно воспоминаний». По мнению В. Бадикова, «это горький мед жизни, проза и поэзия любви» [21, с.3]. От стихотворения к стихотворению меняется настроение героини. В поиске смысла жизни поэтесса в стихотворении «И эта ночь была бессонной» задается вопросами: «Как дальше жить? Как примириться с тем, что во мне, вокруг меня?». Увидел свет диск исполняемых ею романсов «Золото осени», тексты к песням написала или перевела с других языков сама Р. Ахтямова, музыку для некоторых песен написали незрячие композиторы. К примеру, «Вальс выпускников»:

Снова сентябрь придет,  
Новый наступит год,  
Школьный звонок зальётся,  
Всех позовёт.  
Только наш прежний класс  
Больше не встретит нас.  
Кто-то другой весь год  
Ждать будет этот вальс.

На авторских встречах с неизменным успехом звучат стихи и романсы в исполнении автора.

Проза занимает в творчестве Р. Ахтямовой все большее место. Оригинальный сюжет, острые психологические портреты действующих лиц, смешение трагизма и сатиры вызвали интерес читателей к роману «Мадам Сидорова». Одна из вершин творчества поэтессы – это наполненное высокого драматизма эссе о духовной стойкости и талантливости незрячих людей «Санта Лючия». Оно было отмечено среди лучших произведений конкурса «Казахстанская литература-2000», проведенного фондом «Сорос – Казахстан». В 2005 году в Москве ей вручена международная премия «Филантроп» за выдающиеся достижения инвалидов в области культуры и искусства.

Д. Булатова – автор романа «Люди-реки» (2006), написанного в жанре семейной хроники. Название роману дали слова, которыми издревле называли себя татары – предприимчивые люди, в поисках лучшей доли продвигавшиеся вглубь Азии и осевшие в разных ее городах. В книге показано, как отразились в жизни одной семьи важнейшие события нашей истории. «С детства я слышала много рассказов от своей бабушки, вспоминаю, с какой душевностью она мне все это передавала. Вообще, у всех тюркских народов история познавалась через семейные предания, и «Люди-реки», в некоторой степени, являются их современным изложением, подтвержденным ссылками на исторические факты. В романе «Люди-реки» я описала совершенно новую, отличную от официальной, версию основания города Семипалатинска, основанную на семейных преданиях многовековой династии Булатовых. И казахи, и татары сейчас пытаются вернуться к своим общим корням. Появление моего романа, возможно, и есть напоминание моим современникам о забытой совместной истории...», – поведала в одном из интервью автор. В аннотации к книге указано, что в книге «тонко, но вполне осязаемо изображено таинственное влияние мистических сил на жизнь человека. Человеческая судьба как бы predetermined, но на каком-то важном этапе можно сознательными усилиями изменить свою карму. На каком? Автор пытается найти ответ» [22, с.2].

Книга состоит из четырех частей: «Семь Палат – Сам Булат», «Агажай-Алтай», «Ултан – Султан», «Ave, Мадина!». Каждая часть



разделена на главы. Отличительной особенностью романа является чередование временных отрезков, о которых повествует автор. Так, современные события, происходящие в 1970-м или 1996-м годах, встречаются в романе среди глав о событиях XVIII или XIX столетий.

Первая часть посвящена Темир-Булату Булатову, по версии писателя основателю города Семипалатинск (ныне Семей). Повествование о нем начинается с 1710 года в Казани. Автор знакомит читателя с детством Булата в доме его отца Исмагила – богатого татарского купца. До пяти лет он жил на женской половине с бабушкой и матерью, а затем проводил больше времени с отцом на мужской половине. С годами отец приучает сына к мужской работе по дому. На примере семьи Исмагила автор показывает старинные традиции и быт татарской семьи. Мужчины рубили дрова, мастерили деревянные чашки, ложки, коромысла, ковали железо, обжигали кирпичи, женщины шили одежду, вышивали, вязали, готовили еду. Подробно описано убранство комнат на женской половине.

Булат закончил учебу в медресе, помогал отцу по торговле. Вместе они ездили за товаром в Троицк, Тобольск и казахские аулы. Со временем Булат стал самостоятельно совершать поездки. Узнав о наборе людей в экспедицию для строительства крепости в верховьях Иртыша, Булат записался в экспедицию и вместе с шестью русскими купцами отправился в путь по реке. Прибыв на место, они стали строить семь домов. Автор пишет: «Географы-исследователи – побывавший в тех краях в 1734 году Герард-Фридрих (Федор Иванович) Миллер и посетивший в 1916 году Семипалатную Петр-Симон Паллас – писали, что крепость назвали в честь семи ламаистских храмов, от которых к тому времени остались только развалины. В семье же Булата жило предание, что название Семипалатной крепости пошло от семи построенных купцами палат – семи добротных купеческих домов» [22, с.45].

Рассказывая о жизни Булата в Семипалатной, писательница уделяет внимание описанию домов, которые строили татары. Она отмечает обязательное наличие окон в доме, большая часть

которых должна выходить на улицу. Во дворе должны стоять поленицы. «Порядок укладки поленьев передавался от отца к сыну и представлял как бы некую, переходящую от поколения к поколению, реликвию» [22, с.69]. Мастерству колки дров и складыванию их в определенном порядке мальчики обучались с малых лет.

Раскрывая в романе тему семьи, автор показывает, как решаются вопросы брака и внутрисемейные отношения. Интересы женщин замыкались на заботе о детях и хозяйстве, девушки сидели дома, до свадьбы мужчины не могли их увидеть. Интересны сравнения с казахскими девушками, которые в отличие от татарских девушек, не закрывали лиц, могли свободно разговаривать с мужчинами и большую часть времени проводили на чистом воздухе. В роман включены татарские и казахские народные песни, частушки, пословицы. Описывая в художественной форме реально-историческое время, Д. Булатова вводит в текст романа документальные источники. К примеру, указ Петра Первого от 21 января 1721 года. В главе «Семипалатная. 1750-1760 годы» она приводит отрывки из книги Ивана Андреева «Описание Средней Орды киргиз-кайсаков» (1785) и свидетельства немецкого ученого-естествоиспытателя и путешественника Питера Палласа, пишет о действительных событиях – гибели Джунгарского ханства и о переходе трех жузов Казахского ханства в подданство Российской империи. При создании книги автор использовала дневники своей бабушки З. Ахтямовой и старинные поговорки и песни, записанные её мамой Ф. Булатовой. Д. Булатова умело сочетает художественность с документальностью. В конце первой части читатель узнает, что у Темир-Булата было трое детей (сын Мухаммед-Карим и две дочери) от первой жены и сын Мухаммед-Вали от второй жены.

Во второй части писательница переходит к событиям, происходящим в XIX веке на Алтае. Главными действующими лицами становятся Мухаммед-Гали Булатов, сын Мухаммед-Вали и Жадыры Койбагар-кызы (казашки, дочери волостного) – внук Темир-Булата и его дети. Мухаммед-Гали женился на казашке из богатой казахской семьи Актай Баязит-кызы, которую после свадьбы стали называть татарским именем Ямлиха. У них

родились Исмагил, Аубакир, Гумар и Хадиша. Мужчины семьи Булатовых занимались торговлей, строили дома на берегах Иртыша. Они создавали семьи и обзаводились детьми. Автор раскрывает характеры героев, отмечая сильные и слабые стороны каждого, акцентируя внимание на общей их черте – сильно развитых родственных чувствах.

В начале XX столетия семейным делом стали руководить Исмагил и Аубакир. В 1910 году они переезжают в Бурчун. Автор приводит отрывок из книги В. Сапожникова и Б. Шишкина «Растительность Зайсанского уезда» (1918) об этом городе на китайской стороне. В Бурчуне Булатовы узнали о свержении царя в России и об Октябрьской революции. Их планам вернуться в Семипалатинск не суждено было свершиться.

Заметное место в третьей и четвертой частях занимает образ Зайнаб Ахтямовой – жены Гумара Булатова и бабушки Д. Булатовой. Зайнаб училась в гимназии-медресе. Помимо татарского, она знала арабский, русский, казахский, уйгурский языки. В Сарысумбэ (ныне г. Алтай в СУАР) она была директором женской школы. В Урумчи она работала в престижной школе № 6 и женской гимназии. Эта женщина имела сильный характер, она могла находить выход в самых кризисных ситуациях. З. Ахтямова была инициатором возвращения на родину. В 1955 году она с детьми и внуками переехала жить в Казахстан.

Роман «Люди-реки» интересен показом того, как глобальные исторические перевороты, войны, политические события меняют жизнь людей, их судьбы. В развитии семейной хроники действуют представители нескольких последних поколений. В воспроизведении жизни главных героев романа «Люди-реки» характерным для Д. Булатовой является обстоятельное их описание. В поле зрения писателя находятся не только отношения между членами семьи Булатовых, но и межнациональные отношения. В числе второстепенных героев романа встречаются казахи (Медет, Аман Гали и Нуриля, Шарипхан Кугедаев), калмыки (Айкун, Аурмен), русские (Андрей Хохлов, Александр Павлов, Крылов) и другие. Дружеские отношения с ними, взаимопомощь и поддержка помогают Булатовым в жизни.

В 2008 году издан роман «Непреклонный Да-Дан-Зу», в котором «описаны исторические события, имевшие место в китайской провинции Синьцзян в XX веке. Связующей нитью проходит повествование о жизни бывшего советского разведчика в Китае Махмуда Садри – сына промышленника из Кульджи, в 1947 году засланного из Алма-Аты в Синьцзян на борьбу с англо-американскими агентами. В книге рассказывается о репрессиях НКВД СССР в 1937-1939 года против русских белоэмигрантов, зажиточных татар и узбеков, поддержавших в 1920-х годах контрреволюцию из Синьцзяна» [23, с.2]. Наиболее ценным в романах Д. Булатовой является отражение реальной жизни.

Ф. Абубакирова известна как поэт, создатель подборки патристических стихотворений. Она – автор поэтического сборника «И это все о нас»:

Так исторически сложилось,  
И так судьба распорядилась,  
Что породнил всех Казахстан,  
Отчизною любимой стал!

Казахов, турков и корейцев,  
Славян, татар, узбеков, немцев,  
Чеченцев, греков и других,  
По духу близких и родных!

В поэме «Мы – казахстанцы!» поэтесса размышляет над тем, что дал суверенитет Казахстану: «Что подарила нам Свобода? / Что Независимость дала? / Мир и покой, синь небосвода, / Все, чтоб республика жила!»

Самым важным в жизни татар Казахстана, в целом, и татарской литературы, в частности, является сохранение родного языка. В связи с этим актуально звучит призыв Ф. Абубакировой в стихотворении «Язык народа – есть его душа»: «Так возведем на пьедестал почета / Величие родного языка». Конституции Казахстана посвящено стихотворение «Страна, родная, светлого пути!», автор которого считает важным быть честным,

порядочным и верным гражданином, служить по совести своей стране, прививать всем с детства любовь к отчизне и к родной земле.

Коль Родиною стал нам Казахстан,  
Трудиться все должны на его благо,  
Десятки лет наш лидер Нурсултан  
Ведет страну к вершинам шаг за шагом!

Страна родная, мы тобой гордимся,  
Успехами в различных отраслях,  
Добиться еще лучшего стремимся,  
Призов высоких в честных лишь боях!

Родной Кызылорде посвящена поэма о дружба этносов, потому что, как считает поэтесса, «очень важно передать молодежи всю ценность крепких межнациональных отношений» [24].

Заметным явлением казахстанской литературы стало творчество Н. Абдулвалиевой, работающей в жанрах новеллы, эссе и создающей литературу для детей. На детском восприятии окружающего мира построены стихи Н. Абдулвалиевой. В последние несколько лет немало стихов для детей молодой поэтессы размещены на крупнейшем русскоязычном литературном портале, посвященном современной поэзии стихи.ру ([www.stihi.ru](http://www.stihi.ru)). Такой подход к публикации детских произведений вполне оправдан, так как современные дети с малых лет приобщаются к Интернету и свободно ориентируются в Сети. Несмотря на то, что ее поэзия не издана отдельной книгой, автор заслуживает внимания исследователей. Создавая поучительные сказки для детей, одаренная талантом писать увлекательно, весело и мудро, Н. Абдулвалиева способствует нравственному воспитанию подрастающего поколения. В ряде её стихотворений отражена казахская тематика: «Наурыз – начало года, / Просыпается земля. / В эту ночь придет к народу / Сам пророк Кызыр-баба. / Пожелает только счастье, / Пусть сбываются мечты. / И обходят все ненастья / Город Барса – Алматы!»

Стихотворение «Атамекен» посвящено истории страны:

Я вижу сквозь призму времен и веков  
Воинственных тюрков, на флагах – волков.  
Оставил кочевник в истории след,  
Китайскую стену воздвигнул сосед.  
Дойдя до границы Великой Степи  
Замедлили бег Искандера полки.

Жизнь современного Казахстана обрисована убедительно и ярко:

Солнце и беркут украсили флаг  
Основа на гербе – Святой шанырак.  
И нет в общей юрте застенок, углов,  
Здесь каждый, Отчизна, на подвиг готов.  
И равный средь равных здесь каждый народ,  
Крылатые кони уносят в полет!

Тематика прозы Н. Абдулвалиевой разнообразна и современна. Необычно воссоздан концепт памяти в новелле «Конец авангарда»: «Закройте память! Я больше не хочу вашего прошлого, облеченного в слова и выдохи. Я боюсь «постоянства памяти» так же, как боюсь внезапного салюта за углом. Я желаю забыть Вас. Решить, что Вы мне только снились». Легкий, изящный стиль, полутона («Подарок господина Бо», «Конец авангарда») и жанровое многообразие (сказки, загадки, считалки, колыбельные) удачно сочетаются в творчестве молодого автора. Ее детская проза (рассказы о белке Таше-алматинке, Рексе и совенке Филе) соединяет нравственную проблематику и ценное ощущение детства, о котором размышляют современные литературоведы (В. Воскобойников в статье «Детская литература вчера и сегодня. А завтра?»), умение встать на позицию ребенка, легко и доступно писать о самом важном для подрастающего поколения.

Н. Абдулвалиева – участница конкурса литературного творчества молодежи Кыргызстана и стран СНГ, организованного

клубом «Золотая Табуретка» Американского университета в Центральной Азии (АУЦА) совместно с Министерством по делам молодежи Кыргызской Республики, литературным журналом «Жаңы Ала-Тоо», литературной газетой народов Кавказа «Горцы», электронной библиотекой «Новая литература Кыргызстана» и компанией «Event Deluxe» (2012). Произведения Н. Абдувалиевой вошли по итогам конкурса в литературный альманах «Много языков – один мир».

Представители татарской литературы Казахстана вносят значительный вклад в развитие современного литературного процесса нашей страны. Лирические и философские раздумья о настоящем и будущем народа отражены в татарской поэзии. Общим для творчества татарских писателей Казахстана является разработка автобиографического дискурса. Татарские публицисты освещают не только жизнь казахстанских татар, но и актуальные проблемы, явления текущей жизни современного казахстанского общества, осмысливая эстетические идеалы и нравственные ценности.

Имена Г. Хайруллина, Н. Усмановой, М. Ерзина, Р. Абдусалымова, Р. Гузаирова, Т. Каримова, Р. Бикмухаметовой, Ф. Абубакировой, И. Вафина, Д. Булатовой, как видных современных представителей татарского народа, внесены в энциклопедический словарь «Татары в Казахстане» (2011), изданный Ассоциацией татарских и башкирских этнокультурных объединений Казахстана. Эта книга содержит биографические данные о старейших мастерах слова С. Шарипове, Г. Шариповой, И. Салахове, А. Хамидуллине, М. Гумерове.

Как отмечено на портале официального сервера Республики Татарстан, «благодаря демократическому законодательству Казахстана, толерантным традициям казахского общества, а также – в немалой степени – личной дружбе президентов Татарстана и Казахстана, татары в этой стране чувствуют себя довольно комфортно, о чем свидетельствует небольшой поток миграции» [2]. Татары Казахстана испытывают на себе все политические, социальные, бытовые и морально-психологические изменения, вызванные новыми условиями жизни, что, соответственно,

находит отражение в литературе. Татарская литература на современном этапе достойно вписывается в литературный процесс Казахстана.

#### Литература:

1. Фаткуллин Ф. Х., Тусупова А. К. Татарская литература // Литература народов Казахстана. – А.: Ғылым, 2004. – С. 272-294.
2. Татары в Казахстане // [www.tatarstan.ru/index.php](http://www.tatarstan.ru/index.php)
3. Ерзин М. Тропую предков. – А., 2005. – 160 с.
4. Хайруллин Г. Т. История татар. – А.: Казинтерграф, 1998. – 178 с.
5. Бикмухаметова Р. Все мы – дети земли. – Петропавловск: Северный Казахстан, 2013. – 288 с.
6. Новая книга Зуфара Махмута // <http://www.muslem.ru>
7. [http://gabdullatukay.ru/rus/index.php?option=com\\_content](http://gabdullatukay.ru/rus/index.php?option=com_content)
8. Рәстәм Абдусаләмов. Изге юллар. – А.: Таугуль-Принт, 2008. – 108 б.
9. Кульджа // <https://ru.wikipedia.org/wiki>
10. Макатаев Мокағали шигьрьләр. – А., 2008. – 116 б.
11. Тамендаров Ф. Солнца светлого сиянье. Лирика. – А., 2002. – 142 с.
12. Тамендаров Ф. Зеркало на ладони. Стихи. – А.: Аруна, 2005. – 192 с.
13. Презентация книги поэта Фархата Тамендарова // [kursiv.kz/2005/07/22/ot\\_saranchi\\_k\\_poezii.html](http://kursiv.kz/2005/07/22/ot_saranchi_k_poezii.html)
14. Тамендаров Ф. Мгновение вдоха. Сборник стихов. – А.: Жибек жолы, 2010. – 122 с.
15. Бельгер Г. Постфактум. Книга рецензий. – А.: Искандер, 2007. – 380 с.
16. Байгельдинов Ф. Астральный взгляд. – А., 2006. – 242 с.
17. Байгельдинов Ф. Провинциальные истории. – А.: Интерлигал, 2008. – 190 с.
18. Байгельдинов Ф. Ф. Итальяские наброски. – А.: Интерлигал, 2006. – 196 с.



19. Т. Каримов. Ассамблея вышла на новый этап своего развития// 29.03.2009. <http://meta.kz//883333-taufik-karimov.html>
20. Ахтямова Р. Судьбы и судьи. Проза. Поэзия. Поэтические переводы. – А., 1997. – 228 с.
21. Ахтямова Р.З. Через окно воспоминаний. Стихи. – А.: Фонд «XXI век», 2001. – 115 с.
22. Булатова Д. Люди-реки. Роман-хроника. – А.: Үміт, 2006. – 480 с.
23. Булатова Д. Непреклонный Да-Дан-Зу. – А.: Мир, 2008. – 222 с.
24. Кызылорде посвятила поэму татарская поэтесса Фируза Абубакирова// <http://www.zakon.kz/4621362-kyzylorde-posvjatila-rojemu-tatarskaja.html>

## КОРЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Цивилизационно-культурное пограничье в современном литературоведении позиционируется как генератор становления мировой культуры в целом [1]. На пограничье, в контексте культурного трансфера создаются художественные произведения, авторы которых преодолевают границы культурных традиций и творчески воспринимают художественный опыт других народов и иных культур, отчетливо понимая, что «границы между языками, культурными системами, традициями, в силу их символической природы, заведомо нестабильны» [2, с.109]. Одной из тенденций мирового литературного процесса является следующая: писатели – представители своего народа и своей культуры – живут за пределами исторической родины. В литературе и публицистике современных корейских авторов России, Казахстана и Узбекистана, развивающихся, с одной стороны, в условиях глобализации, с другой – в условиях диверсификации, когда «вместе с данной нацией или культурой имеют место также и другие нации и культуры» [3, с.66], сохраняются и получают дальнейшее развитие традиции корейской классической литературы.

В разных ракурсах указанная тематика была затронута в докладах участников Международного семинара «History and modernity in the works of Korean writers of Uzbekistan, Kazakhstan and Russia» (Ташкент, 2014). Высокопрофессиональным, интересным и в какой-то степени неожиданным был взгляд критиков и литературоведов Республики Корея на произведения отечественных авторов, что позволяет в сопоставительном аспекте увидеть и раскрыть наиболее важное. На Международном научном семинаре «Литература и общество: корейцы СНГ» (Университет Конджу, 2014), организаторами которого выступили научно-общественный Институт корейского языка и литературы, исследовательский Центр гуманитарных и социальных наук университета Пугёнг, Национальный исследовательский фонд Кореи, Г. Н. Ким особо подчеркнул тот факт, что «разбросанные по разным уголкам стран СНГ современные корейцы активно

осваивают литературное пространство, работая в разных жанрах... Среди многочисленных этносов Казахстана корейская диаспора с 2009 года занимает восьмое место» [4, с.4].

В условиях усиливающейся интеграции и углубления инновационных процессов на новом теоретическом уровне продолжается переосмысление всего пути, пройденного национальными литературами республики. Определяются его основные вехи, этапы, периоды, раскрываются тенденции и особенности развития, самобытность и динамика каждой литературы. Впервые творческий феномен литературы народа Казахстана исследован авторами коллективной монографии «Литература народов Казахстана» под редакцией академика НАН РК С. А. Каскабасова, в которой представлен обобщающий раздел «Корейская литература» [5]. Авторы раздела воссоздают панорамную картину развития корейской литературы республики, включая в научный оборот монографии и книги, исследования и статьи П. А. Пак Ира, А. Н. Тэн, Г. Н. Кима, Д. В. Мена, Г. В. Кана, А. Темирболат и других ученых, позволяющие проследить основные тенденции литературного процесса XX века и раскрыть ведущие темы и проблемы прозы, поэзии, драматургии корейских авторов Казахстана, высвечивая диалогичность поэтик произведений авторов Республики Корея, Северной Кореи и корейских писателей и поэтов Казахстана, России, Узбекистана. Этим актуальным проблемам были посвящены международные научные конференции, организованные Международным Центром корееведения КазНУ им. аль-Фараби, ассоциацией корейских культурных связей (Сеул) – «Литература корейцев СССР и СНГ: открытия и перспективы исследований» (2012) и «Центральная Азия и Корея: история, состояние и перспективы сотрудничества», посвященная 20-летию установления дипломатических связей между Республикой Казахстан и Республикой Корея и 75-летию проживания корейцев в Центральной Азии, при участии Института гуманитарных исследований национального университета Кончжу, ассоциации корейского литературоведения и критики (2012) и др.

В современной корейской литературе наблюдается синтез, и довольно плодотворный, традиций классического

литературного наследия и влияния мировых тенденций в области словесности. Ориентация на традицию неизменно выходит на первый план, как и расширение содержательного плана произведений. Чрезвычайно важна, как постоянно подчеркивает Г. Н. Ким, «проблема идентификации литературного творчества внутри одного корейского этноса. Подобная проблема, существовавшая в течение полувека в послевоенной Германии, уходит в прошлое с объединением ФРГ и ГДР. Немцы вместо слова «Vereinigung» (объединение) пользуются эвфемизмом – «Wende», что означает на русском «поворот», и в этом, уверен Г. Н. Ким, есть своя логика, ибо тот крутой поворот в политической жизни народа еще не принес истинного объединения в разуме и эмоциях западных и восточных немцев. В Южной и Северной Корее слово «тхонгиль» (объединение) произносят как каждодневное заклинание, но в реальной жизни оно наступит не скоро, ибо, прежде чем исчезнет ДМЗ (демилитаризованная зона) вдоль 38-ой параллели, корейцам предстоит пройти долгий этап нормализации отношений и взаимной адаптации» [6, с.173]. В 90-е годы XX века возникла дискуссия о возможных путях развития литературного процесса на территории Корейского полуострова после объединения, и «корейские писатели вновь обратились к проблеме национального самосознания. В то же время рост популярности национальной идеи в Республике Корея сталкивается со встречным процессом взаимного сближения восточной и западной культур» [6, с.198]. Таким образом, поиск ответов на важнейшие вопросы современности, вызовы глобализации способствует раскрытию этнокультурного мира, общечеловеческое и общемировое волнует каждого писателя и поэта, идентичность и диалог выступают как взаимодополняющие регуляторы национально-литературной динамики.

Новую периодизацию истории и литературы корейцев на российском Дальнем Востоке и в Центральной Азии (1922-2012) научно разработал и доказал Г. Н. Ким в основательной статье «Этапы развития художественной литературы корейцев СССР и СНГ». На сегодня это самая полная и научно обоснованная периодизация с указанием исторических периодов и шести основных

этапов, представленных в виде таблицы, где «в левой стороне определяются этапы истории корейской диаспоры, а в правой – литературы», что позволяет «увидеть ее формирование и развитие в контексте поступательного процесса из прошлого времени в настоящее».

Каждый из выделенных периодов –

1. 1922-1937. Период зарождения и развития корейской пролетарской литературы;
2. 1937-1953. Период репрессий и насаждения социалистического реализма;
3. 1953-1964. Период десталинизации и появления русскоязычной корейской литературы;
4. 1964-1985. Период апогея литературного творчества советских корейцев;
5. 1985-1991. Период этнического ренессанса;
6. 1991-2012. Период поисков утерянного дома и трансформации идентичности «требуется историко-филологического анализа» [7, с.451].

В Казахстане корейские писатели, поэты, драматурги укрепляют своим творчеством межнациональное согласие, вносят существенный вклад в сплочение и толерантность народа Казахстана. В то же время в пьесах и романах, повестях и эссе много отголосков национальной боли, мотивов памяти и исторической Родины, что позволяет вычленить этнопостмодернизм (П. Антов) как характерную черту литературного процесса. В этом плане определенный научный интерес представляет объемная научная статья Г. Н. Кима «Ким Владимир (Енг Тхек) и его роман «Кимы», объединяющая критический анализ первой книги – «знакового события в русскоязычной корейской литературе» [8, с.464] из задуманного автором пятитомника и включение художественного текста в широкий исторический панорамный контекст. В романе В. Кима прослежена судьба корейских эмигрантов, произведение В. Кима в чем-то перекликается с романом известного прозаика, публициста, переводчика Г. Бельгера «Дом скитальца», в котором прослежена история немецкой семьи, раскрыта тема депортации на примере трех поколений.

Этические и эстетические проблемы, связанные с изображением коллективной травмы последствий депортации целого народа в 1937 году, являются объектом пристального изучения современного казахстанского литературоведения и литературоведения стран СНГ и Республики Корея по аналогии с тем, что особым объектом анализа в американском и западноевропейском литературоведении становятся «этические и эстетические проблемы, связанные с изображением коллективной травмы, вызванной террористической атакой 11 сентября 2001 года в США» [9, с.415]. Травма депортации 1937 года в литературах стран СНГ и травма террористической атаки 11 сентября 2011 года в США влияют на современную литературную теорию и современный литературный процесс в целом, что и обуславливает активное бытование термина «травматический реализм» в трудах английских [10] и американских [11] исследователей.

Тема трагического переселения народа, депортации 1937 года занимает в памяти и творчестве корейских писателей и драматургов особое место. Прошлое неотступно преследует героев: историческая родина, разбивающая семьи; тема репрессий (ТайгилЛАГ, ГУЛАГ, ВятЛАГ).

Травма утраты древних корейских книг, которые молодое поколение не может прочесть по причине не знания родного языка – основная в рассказе Хан Дина «Страх». Десятки томов корейской энциклопедии 1770-го года издания; «Мунхэн Биго», последнее издание в 50-ти книгах насчитывало 250 томов; книга о географии «Тонгук еди сынам» XV века; свод законов династии Ли «Тэджен тхоньпхень», учебник грамоты «Тысяча иероглифов» и другие, хранившиеся бережно, сжигают в печи. Преподаватель Ли потрясен происходящим: «Зачем тогда жить на земле, если на твоих глазах сожгут память народа...»

Тему более чем векового существования корейской диаспоры в России и Казахстане с разных точек зрения, в ракурсе настоящего, прошлого и будущего, проецируя реальное историческое время и время художественное или мифологическое, анализирует А. Кан в эссе «Невидимый остров» [12]. Центральное место в эссе занимает память. «Память как пустота. Память как ожог». А. Кан

вводит понятие этнического экзистенциализма. Принципиально важным для национального сознания он считает самоощущение вечного гостя: «Оказавшись на чужой территории, кореец автоматически расставался со своей культурой, традициями, национальным духом». И в любом случае он попадал под сильнейшее влияние русской культуры. В то же время он оказывался словно в состоянии междуязычия (незнание корейского и русского языков), которое на деле оборачивалось безъязычием. В сложившейся ситуации будущее корейской культуры видится писателю «на пути сращения мощного подсознательного пласта национальной – психологической и художественной – пластики... с российским образованием и российским контекстом». Память в произведениях корейских писателей выступает как лирическое переживание, благодаря которому автор выводит героя из художественного пространства прошлого в условное будущее. Память как сон, дикий и ужасный, оставляющий в читательском сознании ожог. Память – это и родной (корейский) язык, и все, с ним связанное (традиции, национальная культура, атмосфера, мироощущение). Память – вечная боль и память – пустота, абсолютная ледяная пустота и в то же время неземная пронзительная тоска автора по этой пустоте. Авторская завороченность своей памятью или объектом, ее вызвавшим, присутствует во всех перечисленных пунктах.

Лики памяти – Боль, Страдание, Сон, Ожог, Корейский язык, Пустота... Память перестает быть памятью, становясь прошлым, настоящим и будущим, истинным содержанием человеческого Духа. Горькой строчкой запоминается автобиографичный рассказ А. Кана «Правила игры» о Временах Великих Миграций: «Мой родной язык остался там же, где и мой отец».

В эссе «Третий Гамлет (Мировые диаспоры 21 века: опыт литературного осуществления маргинального героя)» А. Кан выделяет в современной литературе корейцев СНГ три направления: литература архаики, литература ассимиляции и литература сопротивления. Поэты архаики обращаются к дальневосточной поэтической традиции, что приводит в современной социокультурной ситуации к бесконечному оплакиванию утраченных

культурных ценностей [13, с.200]. Представители второго направления – некоторые поэты корейского происхождения (Диана Кан и др.) пытаются ассимилироваться в русской литературе. Литературу сопротивления А. Кан рассматривает на примере своего творчества, приходя к выводу, что литература корейцев СНГ – «русская по языку, корейская по ментальной пластике и... экзистенциальная по своему окончательному выходу, по всем ее Гамлетовским вопросам» [13, с.204]. А. Кан вводит понятие *новой этничности*, которое, «основываясь на базовых, родовых, национальных ландшафтах, изменяется и развивается во всех контекстах современного многонационального мира», призывая к созданию литературы подлинной самоидентификации в многополярном мире [13, с.205]. Путь родной литературы видится ему в следующей последовательности: от литературы отчаяния через литературы томления и преодоления к бесконечной великой литературе великого сердца.

А. Кан, анализируя проблему движения героя, формулирует главный смысл литературы коре сарам – «собрать и создавать из осколков прошлого бессмертные образы людей». Эссе А. Кана о современной литературе коре сарам в определенной степени автобиографично. Двойкий характер жанровой структуры и поэтики жанра раскрывает А. Темирболат: «... Они претерпевают изменения в зависимости от замысла писателя, выдвинутой им творческой задачи» [15, с.129].

Литература для А. Кана – живой организм, живая свободная литература, «со всей своей сложностью, нервностью, неоднозначностью, многослойностью, со всеми своими художественными, философскими подтекстами и контекстами». Именно она – герой «Книги белого дня» А. Кана, в отдельных главах которой проанализированы конкретные произведения корейских авторов от А. Кима до Г. Кан или прослежены пути ее развития, важнейшие, ключевые этапы. Это находит отражение в названиях глав монографии от главы первой, имеющей подзаголовок «Литература как спасение», до главы последней «Литература как возвращение», от темы памяти до темы женщины как героя и автора, темы безответной женской любви, темы надежды и подлинного



отчаяния, темы «вселенского женского одиночества» [16, с.166]. Для корейских авторов важно «вместить в своем сердце переживания соплеменников за всю историю их чужбинных лет, не утонуть в ... море слез и отправить по его волнам свой корабль любви – в прекрасный мир добра и справедливости» [16, с.9-10].

Тема исторического прошлого является сквозной в коллективной монографии «Литература корейской диаспоры Казахстана» под редакцией д.ф.н. Л. В. Сафроновой [17]. Книга включает два раздела: «Специфика художественного дискурса писателей, поэтов и драматургов корейской диаспоры Казахстана» и «Казахстанское кимоведение». В первом разделе исследуется большой пласт прозы и драматургии в аспекте диалога прошлого с настоящим (С. В. Ананьева), культурного дискурса средневековой корейской и уйгурской прозы (А. Т. Хамраев) и типологии социальных дискурсов исторической драмы на примере пьес Хан Дина и А. Садирова и Дж. Асимова (А. Т. Хамраев). Отражение социальных дискурсов в пьесах «способствует не только пониманию природы бытия и мироздания двух народов, но и своеобразию раскрытия жанровых и стилистических сегментов их произведений» [17, с.80].

Фольклорным истокам корейского театра и фольклорным мотивам современных постановок посвящены статьи искусствоведов А. Мукана и Г. Жумасеитовой. Бесспорно мнение А. Мукана о том, что казахский и корейский фольклор на современном этапе развития тесно связаны с литературой и драматургией. «Сценическое искусство – это всегда диалектика традиционного и нового, – резюмирует Г. Жумасеитова. – И мастерство драматурга, режиссера, а в конечном итоге и актеров, выражается в поиске гармоничного диалога в обновлении театрального языка посредством обращения к фольклорному наследию на новом уровне. Именно это – одно из основных направлений в развитии корейского театра в Казахстане» [17, с.64]. О творчестве писателя и драматурга Генриетты Кан размышляет А. К. Машакова, статья которой словно призывает вернуться к творческому наследию замечательного мастера художественного слова. Исторические аспекты переводов произведений Пушкина на корейский язык

и картину современного состояния художественного перевода в Корею раскрывают Г. М. Нурагунова и Сонг Ин Ким.

«Казахстанское кимоведение» открывается статьей директора Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова У. Калижанова, с новых позиций переосмысляющего творчество известного прозаика и переводчика, обобщающего контакты А. Кима с казахской литературой. Продолжает начатую тему статья о переводе А. Кимом романа-эпопеи М. О. Ауэзова «Путь Абая» автора этих строк и А. Хамраева о встрече с А. Кимом в Институте литературы и искусства им. М. О. Ауэзова.

Академик Академии российской словесности А. Ким глубоко убежден в том, что художник связан со своим временем, со своей эпохой. Эпоха глобализации, тоталитарных систем оказывает давление на человеческую личность. Главный конфликт человека и окружающего мира писатель видит в давлении мира на человеческую отдельность, в отчуждении личности, в полном безразличии к ней со стороны тоталитарных структур, в их бездушии по отношению к отдельному человеку. «Мы больны отчуждением», – с горечью констатирует автор в повести «Мое прошлое». Поэтому-то чувство беспредельного межличностного отчуждения сопровождается эпитетом «проклятое». Философия экзистенциализма, отчаяния выработала следующую модель поведения человека: уйти в творчество, чтобы выстоять. Настоящий художник послан в мир, чтобы слышать окружающих и сказать человечеству новое. Сам писатель подошел к теме бессмертия и уверен в том, что бессмертие – в самом человеке. На энергии бессмертия основано общение. О важных философских вопросах, своеобразии прозы А. Кима шел разговор в Институте литературы и искусства им. М. О. Ауэзова в рамках «круглого стола», посвященного творчеству известного прозаика и переводчика, в работе которого принимала участие А. Темирболат, исследующая творчество А. Кима и М. Пака на протяжении двух десятилетий.

С использованием современных методик исследования написаны разделы Л. В. Сафроновой «Художественное своеобразие рассказов А. Кима в аспекте структурной поэтики»

и А.А. Джундубаевой «Нарративный дискурс прозы А. Кима». Ритмическая проза, постмодернистская современность, проблема актуализации деконструктивистской селекции авторско-персонажных зависимостей в прозе А. Кима и многое другое – в центре научных интересов Л.В. Сафроновой, раскрывающей художественное своеобразие рассказов А. Кима в аспекте структурной поэтики. Литературовед-теоретик изучает всесторонне в сравнительном аспекте ритмическую композицию рассказов А. Кима, В. Маканина, Р. Киреева, метрическую прозу и ее семантику в повести А. Кима «Лотос», проблему автора и функциональность виртуального персонажа-симулякра в романе А. Кима «Онлирия». Типы нарраторов, роль эксплицитного нарратора, проблему коммуникативных пар и взаимодействие адресантов и адресатов конкретно и убедительно раскрывает на примере анализа повестей А. Кима «Собиратели трав», «Соловьиное эхо», рассказов «Двойная звезда», «Диагноз», «Под сенью ореховых деревьев» А. А. Джундубаева.

Образ современного мира «ассоциируется, – по мнению С.П. Батраковой, – не со стрелой (стрелой времени, стрелой одностороннего поступательного развития), а с ... сетью, паутиной, тканью, иначе говоря, с подвижным, хоть и не имеющим определенного вектора движения, сплетением причин и следствий, начал и концов, взаимосвязей и взаимоотражений» [18, с.14]. Так и в современном литературном процессе трудно вычленишь одно из другого, отделить, провести четкую грань. Литературная традиция совмещается с историческими документами и новыми теориями дискурсов. Корейский русскоязычный автор «волен работать в самых разных стилистиках и манерах – архаической, реалистической, модернистской, – выстраивая свой сюжет линейно или метафорически, играя с языком или относясь к нему слишком буквально, используя те или иные уровни художественной условности, создавая одно- или многоэтажные произведения, кому как по силам. Суть не в этом, а в том, что всех нас, как это видно из «Книги белого дня», объединяет один пронзительный посыл совершенной любви к несовершенному миру, через который наша стойкая, дерзкая литература, в своих лучших

проявлениях, своим чистым голосом присоединяется к хору литературы мировой» [16, с.271].

Корейская литература, как и русская, вбирает все потоки развития и писателей всех стран, где они представлены, потому что, где бы ни жил русский и корейский писатель, в его произведениях на глубинном уровне раскрывается национальная картина мира. В структуре художественного произведения, в поэтике, стилистике, системе художественных образов отражается национальное мирознание автора, этничность. Им Хван Мо в докладе на конференции «Центральная Азия и Корея: история, состояние и перспективы сотрудничества» (Алматы, 2012) выделил в истории корейской литературы России и Казахстана следующие этапы:

1923-1937 гг. – литература депортированных, ссыльных;

1937-1954 гг. – осознание литературы;

1954-1990 гг. – рост корейской литературы;

1990 гг. – по настоящее время – период освоения мультикультурального общества. Исследователь сделал верное наблюдение по поводу того, что образы детства в творчестве корейских писателей навевают образы Родины.

В современной литературной компаративистике важен взгляд извне, который по-иному высвечивает привычные тенденции и направления. В докладе Сонг Мёнг Хи «Центральная Азия и Корея: история, состояние и перспективы сотрудничества» (Алматы, 2012) к основным проблемам корейской литературы отнесены конфликт национального сознания, ностальгия по Родине, культурный шок, трудности адаптации. В творчестве корейских мастеров художественного слова постсоветского пространства ученым выявлен гибрид: культурное слияние страны проживания и исторической Родины. Подтверждением концепции Сонг Мёнг Хи являются проза А. Кима, М. Пака, Л. Сона, А. Кана, поэзия Ст. Ли.

Емко и всеобъемлюще сказал об этом прозаик с мировым именем А. Ким, первой картиной души которого (считая себя художником, писатель пишет по этому поводу: «Я мыслю цветом, линией и художественными образами») были степь и желтые

холмы Казахстана. Цвет старого меда холмов, огромные алые облака тюльпанов, словно в одночасье опустившихся с небес на землю, яркое сияние зелени. «Мир нашей души – это музей Божественного искусства. Каждый из нас носит в себе целую картинную галерею», – уверен писатель. Картинная галерея детства: пыльно-желтая степь, голубой свет небес (небо может быть разным: размытым и синим), желтые холмы, зеленые перья лука, бескрайние степи, неспешные орлиные спирали над горами. Склоны холмов «блекло-желтые» становятся весной «нарядными, как расписные шелка». Элемент национального мировосприятия дополняет весенний степной пейзаж. «Душу человека, – уверен писатель, – формируют ландшафты той страны, которую впервые увидел он в самом раннем детстве. В дальнейшем она не может измениться. Душа может только расшириться и дополниться другими картинами мира» [19, с.235]. Навсегда вошло в душу писателя «огромное пространство, которое вмещает в себя и круговые полеты орлов, и предгорную равнину, и желтые холмы Казахстана». В душе прозаика распахнулись огромные орлиные просторы, и она пропиталась насквозь жарой казахской пустыни.

А. Ким является непревзойденным мастером слова и образа. Поэтика его романов и повестей не просто оригинальна, в каждом последующем произведении известный прозаик так раскрывает образы героев и выстраивает повествование, что поднимает его на новый уровень. Творчество А. Кима «развивается по двум направлениям – корейскому, герметичному, под тяжелым небом изгнаннической, родовой, национальной судьбы, с четкой, детерминированной..., под стать древнегреческой драматургией, и русскому – напротив, неохватному, настежь открытому всем любопытствующим взглядам, залетным ветрам, драматургически не оформленному, а скорей портретному, где писатель больше художник... Как ему разрешить в себе два этих, никак не соприкасающихся мира, а об их пересечении вообще говорить не приходится» [14, с.202]. Диалектику развития художественного пространства А. Кима Александр Кан видит следующим образом: волнующееся сахалинское море – плодоносящее луковое

поле – проповедующий Отец-Лес. Писатель обратил корейского героя к русской жизни и космосу, продемонстрировав « всю возможную мощь и магию художественного слова, на что оно, слово, способно» [14, с.220].

В новой книге В. Кима «Ушедшие вдаль», название которой указывает не только на пространственно-временной континуум, но и в определенной степени художественно фиксирует перемещение концепта Родины («вдаль» – и от исторической Родины. – С. А.), автор размышляет о том, что «волею судьбы наши предки оказались в России, и для нас – представителей последующих поколений, СССР стал единственной родиной. Но это не значит, что мы должны предать забвению свой язык и культуру» [20, с.21]. Творчество корейских писателей, поэтов и драматургов, безусловно, находилось под влиянием классического литературного наследия Кореи и России и канонов социалистического реализма. В то же время «насильственное переселение в Казахстан и Среднюю Азию, раскол Кореи, война на полуострове, американская агрессия отразились в трагическом мироощущении корейских авторов» [21, с.228].

Эволюцию национальной идентичности и этнического самосознания, генезис диаспоры коре сарам, что очень важно для гуманитарных исследований и концептуально отражается в литературе, Г. Н. Ким прослеживает в следующей последовательности, выделяя основные этапы:

1. «Провинциальное самосознание корейских переселенцев на русский Дальний Восток.
2. Антияпонская борьба, коммунистическое движение и пробуждение национального самосознания.
3. Множественная идентичность периода национально-культурного строительства в СССР.
4. Сталинские репрессии и подавленное самосознание депортированного по этническому принципу народа.
5. Дремлющее самосознание в брежневский застой.
6. Перестройка, ренессанс этничности и формирование постсоветского диаспорного самосознания.

7. Радикальные изменения национальной идентичности и инновации в диаспорном самосознании постсоветских корейцев» [22, с. 27].

Обозначенные этапы эволюции национальной идентичности и этнического самосознания находят отражение в том или ином аспекте в художественной литературе и ярко проявляются в личности писателя.

Ведущими в творчестве современных корейских поэтов и прозаиков Казахстана являются концепты Родины и памяти. Размышления о родине проходят лейтмотивом через рассказ «Как называется тот край...» лауреата премии имени Б. Майлина СП Казахстана Хан Дина: «Родиной называется то место, где человек рождается, а как называется место, где он умирает? Есть ли такое слово? Не может быть, чтобы у этого места не было своего названия? Должно быть... Ласковое, грустное.... Чтобы при упоминании о нем защемило в груди...». Прощаясь с жизнью, мать героини думает о каких-то абстрактных понятиях. Катя, приехавшая из прибалтийского городка навестить больную мать, пытается ответить на непростые вопросы: «Раньше ее земляки, корейцы, жили, старели и умирали там, где родились. Так было из века в век. Понятие «родина» означало не только место рождения, но и место смерти. И не надо было Катиным предкам придумывать другое слово, а теперь... Ни один кореец или кореянка, родившиеся до 1937 года на Дальнем Востоке, не умрут на своей родине».

Цвет утраты у корейцев – белый. Художник, герой романа М. Пака «Пристань ангелов» задает риторический вопрос: не написать ли об этом картину. Но можно ли писать белыми красками по белому холсту? И как написать о тех первых двадцати семьях, поселившихся в 1863 году в долине реки Тизинхе на Дальнем Востоке? О девушке, родившейся в 1924 году в поселке Дальний Монгугай? О жителях поселка, собирающихся на торжества по случаю рождения ребенка или шестидесятилетнего юбилея – хвангаба? Так жил поселок до 1937 года. «Что стало с ним потом? Что стало с сотнями, тысячами других корейских поселков, разбросанных по всему Приморью, опустевших в одночасье

однажды холодной осенью? Покинутые, сиротливые, они рухнули, сравнялись с землей и заросли травой. А поезд уносил мою маму все дальше и дальше от родных мест. Что думала мама, тогда еще тринадцатилетняя девчужка, глядя в окно теплушки на осколки синих луж на черной земле, вздрагивающих в ночи от резкого крика паровоза, на красные облака и луну, не желающую отставать от бешено мчащегося поезда? О чем думали другие, взрослые женщины, старики? Они молчали, затаив в глубине боль» [23, с.264-265].

В последние десятилетия изданы сборники «Страницы лунного календаря», «Горсть океана», «Звено нежности», включающие произведения Хан Дина, Ян Вон Сика, Л. Сона, Г. Кан, А. Кана, М. Пака; сборники повестей, рассказов и эссе «Невидимый остров», книги А. Кана «Век Семьи», «Сны нерожденных», «Обретенный шаман», «Книга белого дня», роман «Треугольная земля» (в 3-х книгах), филологическая проза «Набоков и Потустороннее», книга прозы Г. Кан «Лето с любимым», Ян Вон Сика «Лунное затмение», «Золотые мгновения» и др. Романы Вл. Кима «Кровавый круг» и «Тайны Черного Дракона» – правдивые произведения, одухотворенные романтикой приключений, созданы в традициях русской реалистической прозы. Легендарная личность лидера освободительного движения против японских колонизаторов Хон Бом До – в центре одноименного историко-художественного произведения Вл. Кима, автора повестей «Судьба человека, покинувшего Чхунчхондо» и «Самая длинная ночь».

Событием литературной жизни Казахстана стал выход в свет двухтомника прозы и публицистики Л. Сона [24], в который вошли повесть, рассказы и киносценарии «Куда улетают самолеты?», «Площадь треугольника», «Вспомним лето и не раз...», «Внутреннее сопротивление», «Don Basilio», «Уроки музыки» о Казахстане, наших современниках, тайнах искусства и т.д. Увидели свет сборники повестей и рассказов В. Пу «Последний взгляд», книги стихотворений Ст. Ли «Грядя», «Пригоршня света», «Над полем осенним», «Редких звезд желтизна» и др.

Рассказ А. Кима «Плач по матери в Сеуле», опубликованный на страницах номера журнала «Нива», посвященного 60-летию



проживания корейцев в Казахстане, тематически перекликается с рассказом Хан Дина «Как называется тот край...». Герой автобиографического произведения А. Кима «кореец по происхождению, русский по своей культуре», вспоминая в крохотном номере третьеразрядной гостиницы Сеула зимнее посещение могилы матери в снежном краю далекой России, пытается найти ответ на вопрос: «...Почему она там, а я здесь, на корейской земле, еще живой и полный сил, так одинок среди сонма живых душ моего народа?». Главный герой произведения, гость страны своих предков, иностранец, почти не понимающий по-корейски, вынужден пользоваться услугами переводчика. Он не в силах скрыть «выражение внутреннего смятения на лице». Каждый из присутствующих в доме художника на неофициальной встрече по-своему воспринял его высказывание: «Мне стыдно, что я приехал на родину предков, не зная родного языка. Но я приехал сюда, как приезжают на могилу матери». Его внутренний монолог полон горечи и недоумения: «В чем смысл того, что мы, корейцы, живем так далеко на чужбине и там умираем? Какое высшее предназначение мы выполняем при этом, безутешно страдая, никогда не утоляя своей духовной жажды? И знает ли она, Древняя Родина, об этой жажде и страданиях, как мать знала обо всех наших душевных смятениях и устремлениях?» [25, с.95]. Мотив родины-матери поднимается до уровня евразийского мировосприятия: «Восток и Запад – может быть, это две совершенно разные ипостаси одного существа – человека. Возможно, высшим промыслом им подлежит любовь и брак – родится от этого брака дитя, новое существо – могучий светлый посланец в будущее? Восток, Запад... Россия... Корея... Материнская могила. Влажная щепоть земли с края рисового поля».

И хотя Аркадий Лим, герой «Пристани ангелов» М. Пака, просыпается в ночи с единственной мыслью: «...Кто я? Европейец, русский с лицом корейца, не могущий черкнуть на бумаге даже собственное имя на корейском, знающий с грехом пополам лишь разговорный, дремучий, унаследованный в детстве от ауканских стариков, на котором в Корее вовсе не разговаривают?», М. Пак

(как и все корейские писатели Казахстана) по художественному мироощущению остается корейцем.

Очерк В. Кима «Если Родина у нас одна» завершается символической зарисовкой, в которой очень важно сравнение арендаторов (по-корейски «гобонди») с ласточками и выход на концепты Дома и Родины. Риторический вопрос остается без ответа: «... Ранней весной собираются на Куйлюке «гобонди», смывшие грязь и отдохнувшие за зиму. Сидят на корточках вдоль тротуара, курят и негромко обсуждают – куда, с кем, когда. Точь-вточь как ласточки на проводах перед дальней дорогой. Есть ли у перелетных птиц свой дом, родина?» [20, с.21]. Удивительным образом в этих заключительных строках автор книги, изданной в Ташкенте, вступает в переключку с известным казахстанским прозаиком, публицистом, переводчиком Г. Бельгером, перу которого принадлежит роман «Дом скитальца», и с прозаиком, драматургом Хан Дином. Главный герой произведения – преподаватель Корейского пединститута Ли видит тонкий волосок горизонта «как нервно дрожащую струну. В гробовой тишине небо сливается вдаль то ли с покинутой землей предков, то ли с океаном. По немой, безжизненной и пустой земле, будто мышь из норки, выползает один коробок, за ним другой. Безликие и однообразные, обыкновенные товарные теплушки подъезжают все ближе. В одном из вагонов белобородый старик с высоким лбом мудреца держит на руках мертвого ребенка. Старик вопрошает: «О чем? Что он взыскует?» [26, с.6]. Ехали обритые сыны Кавказа и потомки сионских пророков, а навстречу им двигались дети «утренней свежести», так и не ведая – за что и почему их изъяли от родных очагов, от могил пращуров. Но страх поселился в их душах надолго. Это чувство страха физически ощутимо во время беседы Ли с новым ректором: «Истинно советский человек должен поступать как патриот...».

Рискуя собственной жизнью, преподаватель Ли прячет книги от пьяного истопника и с помощью местного казака, добродушного бородача («Выковыренный, стало быть?» – «Да, эвакуированный, с Дальнего Востока»), отправляет в Алма-Ату, в Государственную библиотеку. Взяв в руки том «Истории Кореи», он задумывается

над тем, что книга явно находилась в одной из библиотек Сеула до аннексии Кореи Японией. И вновь чувство страха подступает к герою: «Ему стало страшно: книги от японцев были переправлены во Владивосток, в Россию. Может, тогда их тоже спасал, но не какой-нибудь перепуганный тихий учитель, а некий другой Ли, тайком вывозя их мимо вооруженных патрулей по морю, в рыбацкой джонке или под слоем овощей в бедняцкой повозке... А теперь он спасает их. От другой власти. От безграмотных, трусливых чиновников другого управления образования... Что-то будет с ними?» [26, с.13]. В «Эпилоге» автор сообщает, что книги дошли до адресата, большинство из них выставлено в специальных футлярах нового здания Национальной библиотеки РК. Книги никто, к сожалению, не может прочесть, так как закрыли институт и некому учить детей родному языку, «некому прочесть сложные мудрые тексты многовековой давности». Но Хан Дин уверен, что именно в этих книгах может быть найдут будущие читатели тайну негибаемого корейского народа.

К 80-летию Хан Дэ Ена (Хан Дина) в Сеуле увидело свет однотомное собрание сочинений писателя на корейском языке, подготовленное Ким Бён Хаком. Он же является и автором первого подробного исследования о жизни и творчестве Хан Дэ Ена. Так включенные в книгу пьесы, повести, рассказы Хан Дина на родном языке вернулись на историческую родину. «Судьба родного языка, притока в литературу молодых корейских писателей, издания их книг на родном языке всегда волновала Хан Дина, и когда он был литконсультантом по корейской литературе Союза писателей Казахстана, и когда работал главным редактором газеты «Коре ильбо». Он говорил об этом, – пишет Л. К. Шашкова, – на VIII съезде писателей СССР в 1986 году. Он верил в особую миссию писателя. Выступая перед читателями в поездке по Сахалину, он сравнил профессию писателя с профессией пограничника: «Пограничник защищает границу Родины от врага, а писатель охраняет границу Добра от Зла, границу Правды от Лжи» [27, с.145].

Удачную формулировку, всеохватывающую и всеобъемлющую, находит Г. Доронин: «Жизнь его оказалась соразмерной

веку» [28, с.147]. Очерк Г. Доронина «Судьба свободного человека» посвящен удивительной личности Хан Дина, дипломная работа которого во ВГИКе называлась «38-я параллель». «Именно по этой параллели, – уточняет Г. Доронин, – проходила и проходит разделительная линия между двух Корей, так и не подписавших мирного договора. Забегая вперед, скажу, что позже драматург эту дипломную работу положит в основу пьесы «Дерево нельзя раскачивать». Действие пьесы разворачивается во время сильного наводнения, и на одном дереве оказываются два тезки – два Кима. Аллегория достаточно прозрачна» [28, с.148-149]. Именно эта пьеса и рассказ Хан Дина «Как называется тот край...» вызвали профессиональный интерес участников Международного научного семинара в Ташкенте (2014).

Автор очерка выстраивает повествование о главном герое на основе биографических данных, своих бесед с Хан Дином, встреч с супругой писателя Зинаидой Ивановной, бережно цитирует письма драматурга к супруге, удивляя читателей широтой кругозора главного героя, раскрывая его переводческую деятельность. Перу Хан Дина принадлежат более десяти оригинальных пьес и четырнадцать переводов на корейский язык, в числе которых пьесы Мольера, М. Карима, М. О. Ауэзова, «Гамлет» Шекспира, «Дом Бернарды Альбы» Федерико Гарсиа Лорки, «Первый учитель» и «Материнское поле» Ч. Айтматова и др. Он планировал издавать ежемесячный корейский журнал, переживал по поводу того, что корейская советская литература на грани исчезновения, что почти совсем не издаются книги на корейском языке. Издание произведений талантливых корейских литераторов Хан Дин считал «своей главной задачей» [28, с.153].

Родина, Дом, память, любовь – эти концепты в центре очерка Г. Доронина, завершающегося символично: «Человек, который однажды и навсегда выбрал свободу, творчество и любовь...» [28, с.153].

Хан Дину посвящен рассказ Л. Сона «Белого журавля полет...», который завершает рубрику «Память» последнего номера журнала «Простор» за 2012 год. Концепт память – определяющий в повествовательной структуре. Главный герой рассказа

едет в составе делегации писателей в КНДР, а его старший друг и наставник – Хан Дин просит навестить семью, о которой давно не имеет никаких известий. Но никто из членов семьи Хан Дина так и не откликнулся. Лишь младшая сестренка, школьная учительница, пообещала утром рано, в шесть часов, прийти на встречу, к мосту. «Какая же она из себя, сестренка Хан Дина, похожа на него или нет, как я с ней буду разговаривать, – размышляет герой рассказа, – поймет ли она мой диалект «коре мар», пойму ли я то, что она скажет на пхеньянском диалекте, и как мне рассказать о брате, которого она не видела уже много лет, возьмет ли она подарок или испугается, я уговорю взять, что тут такого, ведь никто не знает, что в этом чехле, да и кому какое дело, идет женщина рано утром с каким-то серым чехлом...» На этом внутренний монолог обрывается. Она так и не пришла.

Возвратившись в Алма-Ату и встретившись с Хан Дином, Л. Сон рассказал ему все, что удалось узнать: о смерти родителей, о несостоявшемся знакомстве с сестрой... Несмотря на то, что через месяц Хан Дин получил долгожданное письмо от родственников, самое страшное – полное отсутствие вестей от родных и близких на протяжении десятилетий: «Вроде бы и войны-то нет...» [29, с.158]. Рассказ светел и лиричен. Начинается он и заканчивается описанием журавлей: «Граница между Северной Кореей и Южной отмечена нейтральной полосой шириной в несколько десятков метров. Сюда во время дальних перелетов садятся стаи белых журавлей, чтобы передохнуть, подкормиться, почистить длинные маховые и кучерявые кроющие перья. Белые журавли очень общительны среди своих, но в контакте с миром других видов и подвидов несуразных животных они осторожны, поэтому охота на них затруднена...» И в конце рассказа всего лишь два предложения об охоте на этих удивительных птиц: отстреливают их крупной дробью или картечью. «Было ясно, – резюмирует Л. Сон, – что мысли о нейтральной журавлиной полосе не поэтическая метафора, а философия бытия рассказчика» [29, с.158], как и его литературная деятельность на пограничье культур.

Заглавие рассказа Хан Дина «Как называется тот край...» возвращается к современному читателю в стихотворении

Л. Шашковой, посвященной З.И. Ветровой. Стихотворение Л. Шашковой «Как называется тот край...» диалогично по сути и внешне выстроено как диалог: «Как называется место, / Где родилось мое Слово? / Как называется место, / Где я его вкус узнал?»

Ответ глубоко философичен и многомерен. Вроде бы парадоксален:

– То родина твоей речи,  
Ты с ней побредешь по миру.  
То родина твоей речи,  
Тебе ее не избыть.

Родина речи – не постоянная величина, обозначенная четко географически. С ней можно передвигаться по миру. Как у С. Санбаева: «Я научился носить Родину в сердце...». Поэтому родина предков может быть всегда с лирическим героем стихотворения: «То родина твоих предков, / Они в твои сны приходят». Да и родину жизни можно называть двойко: «Хочешь – зови любовью... / Хочешь – зови тоской».

Диалог продолжается, вопросы вполне конкретны, но тема ухода из жизни завуалирована, слово *смерть* так и не прозвучало:

– Как называется место,  
Где жизнь из рук ускользает,  
Как называется место,  
Где мне ее не удержать?

– Как называется место,  
Где стану пожухлой травой?

В ответных репликах *Родина твоей речи*, *Родина твоих предков*, *Родина твоей жизни*, *Родина твоих внуков* трансформируется и объединяется в одном концепте – *Родина твоей памяти*. Она не только не покинет героя. От Родины памяти начнется путь домой:

– То родина твоей памяти,  
Она тебя не покинет.  
То родина твоей памяти,  
Откуда пойдешь домой [30, с.147]

Все более отдаляющаяся историческая Родина... Россия, Казахстан, Узбекистан – ставшие Родиной для многих поколений корейского народа. Поэтому так интересны и притягательны стихотворение «Белеет парус одинокий...» М. Ю. Лермонтова и слова корейской песни «Река Туман, голубая вода, лодочник, машущий веслом». Они удивительно схожи. И вновь появляется тема пограничья, пограничья культур, литератур, поэтических традиций. Но именно пограничье позволяет по-особому видеть окружающий мир и воссоздавать его в творчестве, многогранно, необычно, запоминающе.

«И там, и здесь – грусть расставания. Но, чтобы это почувствовать, надо знать, – убежден В. Ким, – контекст корейской песни. Река Туман – пограничная, дальше – чужбина. Все корейцы, уходившие в поисках лучшей доли на север, переплывали этот водный рубеж. А лодочники в Корее машут одним веслом, стоя на высокой корме, и одеты они в традиционную белую мужскую одежду. Чем не одинокий парус, покидающий родной край? Потому-то песня и называется «Слезой омытая река» [31, с.215].

Родина как ключевой концепт культуры наделяется высшей ценностью. Встраивая концепт Родины в концептуальное пространство времени, корейские авторы стран СНГ казахскую степь и узбекские просторы непременно отождествляют с родиной. Но и историческая Родина остается для них желанной, как для автора-повествователя очерка «Встреча через сто лет»: «Я хотел бы пешком пересечь землю предков – Корейский полуостров, от острова Чжежудо до горы Пекту. Чтобы понять и поведать о ней своим собратьям по разлуке с родной стороной, что не забыла она своих разбросанных по свету детей, что ждет она с нетерпением встречи с ними».

Лауреат литературных премий журнала «Korean Expatriate Literature» (1999, Лос-Анджелес), Overseas Koreans Foundation, номинант Букеровской премии 1997 года, дважды лауреат

премии имени В. Катаева за повесть «Натюрморт с яблоками» (2001) и роман «Легкое путешествие по реке» (2007), Корейского Пен-Клуба за рассказ «Подсолнух» (Сеул, 2001), лауреат премии имени А. Куприна «Гранатовый браслет» за сборник рассказов «Облака на юге» (Москва, 2010) и телерадиокомпании KBS в области литературы (Сеул, 2006), член Союза писателей и Союза художников России художник и писатель М. Пак в 1992-1997 годы возглавлял секцию корейской литературы при СП Казахстана. Пьесы М. Пака «Когда рассеется туман» и «Пусть приснится тебе полет стрекозы» поставлены на сцене Государственного республиканского корейского театра музыкальной комедии. Предваряя свои рассказы о Корее, в книге «Сеульские каникулы» М. Пак, обращаясь к читателям, пишет: «Всякий раз, когда я приезжаю на историческую родину, мной овладевают необъяснимые волнительные чувства, меня обуревают предчувствие новых открытий. Возможно, этому способствует зов крови – ведь мои далекие предки когда-то жили в этой стране...» [32, с.3]. При создании романа о первых корейских иммигрантах в России «Смеющийся человечек Хондо», вспоминает М. Пак, он обратился к трудам Г. Кима, чтобы придать повествованию историческо-временное соответствие: «В ту пору Герман предоставил мне карту всех поселений корейцев в Приморье, которую сопроводил подробным описанием, чем там люди занимались». Роман написан в 1994 году, вышел в журнале «Простор», издан в переводе на корейский сеульским издательством «Сето» (1995), отдельной книгой выпущен в Москве (Издательство «Илигар» 2004), переиздан в Москве (Издательство «Новый хронограф» 2014).

Зов крови, пристрастие к путешествиям, персональные выставки живописи и графики – и, как результат, интересные новые книги М. Пака «Легкое путешествие по реке», «Сеульские каникулы», «Мандарины для Хелен», изящные, акварельные, в полутонах и неярких красках. Порой, их украшают рисунки и фотографии автора, репродукции его картин, что придает небольшому по формату изданию особое очарование. М. Пак создал, по мнению А. Темирболат, «удивительный, трогательно-лиричный, хрупко-поэтический мир. В каждом своем произведении



он затрагивает самые глубинные струны человеческой души. Делясь сокровенным, открывая свое сердце читателю, он будто зовет всех людей совершить путешествие по реке, реке жизни, чтобы обрести гармонию, ощутить вкус, пусть даже мимолетного и скоротечного счастья, погрузиться в симфонию бытия», – пишет А. Темирболат в Предисловии «Волшебный мир Михаила Пака» к книге «Легкое путешествие по реке» [33, с.6-7].

Главный герой романа «Мандарины для Хелен» Соволь (так его назвали в честь известного корейского поэта Ким Соволя), вернувшись из Эфиопии в Сеул, не находит себе места в большом городе. По ночам ему снится Африка, желтая пустыня, белое небо, круглые камышовые жилища, бедуины с тюрбанами на головах, запах молотого кофе и ячменной лепешки, инжир. И он решает на какое-то время уехать из города на остров Чечжудо, «цитрусовый остров», единственное место в Корее, где созревают мандарины. Весной целые поля залиты яркой желтой волной, и люди из разных стран мира приезжают взглянуть на это чудо. Случайное объявление в газете миссис Эйко стало для Соволя спасительным выходом. Двухэтажный дом, лужайка, маленький пруд, мандариновый сад – словно маленький рай на земле. Наверное, из-за этого остров Чечжудо известен как «Остров Богов» или корейские Гавайи. Миссис Эйко стремится показать Соволю все, что любит сама. В романе художественно воссоздано вулканическое происхождение острова – холмы-орумы и конусообразный вулкан, потухший десятки лет назад.

Роман философичен. Он о людях, у которых есть все, прекрасное образование, средства на жизнь и т.д. Но им трудно найти себя в окружающем мире. Автор раскрывает читателю мир Мирэ и Джона, Эйко и Ди Дарёна, Мао и Хелен, разносторонний мир Соволя. Судьбы героев переплетаются, и каждый выбирает свой путь. Доброта и забота Соволя о Хелен – основная нить романа. Его воспоминания – это отдельные фрагменты жизни, которые органично и тонко включены в текст романа. Герой постоянно вспоминает Хелен, свою домработницу в Эфиопии. Героиня снится Соволю, он видит ее словно наяву: «Мне приснилась

Хелен. Я еще подумал во сне – как странно. Хелен здесь, на острове Чечжудо?!».

В архитектонику романа органично встроена легенда острова Чечжудо. Ди Дарён, по кличке Рыжий Хамель, и Нам Суён являются потомками голландцев, попавших в кораблекрушение. В 1653 году корабль мореплавателя Хендрика Хамеля потерпел крушение у берегов Чечжудо. Хамель и его команда из тридцати пяти моряков прожила в Корее тринадцать лет. Хамель с товарищами вернулся на родину, но остальные моряки остались в Корее и обзавелись семьями. В вулканической пещере горы Халласан Рыжий Хамель предлагает воочию наблюдать за утекающим временем. И во время путешествия с Соволем происходят интересные, загадочные вещи, раскрываются сокровенные тайны души человека. Он увидел ушедшее время голландца Хамеля и Харына, время Ди Дарёна и Эйко. Река Времени приоткрывает тайны прошлого... Интересны философские размышления математика Ди Дарёна, наблюдающего за ускользающим временем с помощью цифр.

Один из символов острова – женщины-водолазы, хеннё, занимающиеся ловлей рыбы. Издавна в местной традиционной культуре острова ныряют только женщины. Хеннё становятся в шестнадцать лет, профессия переходит из поколения в поколение. Интересен следующий факт: «... Раньше хеннё добывали жемчуг, который очень ценился. А королевская семья носила украшения только из жемчуга, добытого чечжудовскими хеннё. Позже жемчуг извелся, и хеннё перешли на промысел морской живности – крабов, моллюсков, трепангов, осьминогов...» Неожиданна счастливая концовка романа. Соволь, став хозяином мандаринового сада, отправляется в путешествие за своей мечтой – Хелен, чтобы привезти ее на остров. Художественный мир главных героев романа М. Пака «Мандарины для Хелен», изданного в Москве, Алматы и переводимого на корейский язык, увлекает читателей яркостью, неординарностью, интересным повествованием.

Интерес к своим истокам в иерархии жизненных ценностей и творческих стимулов Г.Н. Ким считает наиболее важным,

определяющим. По его мнению, «желание познакомиться окружающее политэтническое общество со своей непростой исторической судьбой и своеобразием национальной культуры, характера и психологии, творческое стремление самовыразиться нечто отличающимся от других стимулировали и активизировали молодых и уже зрелых писателей, драматургов, поэтов, художников и фотографов корейской национальности» [34, с.154]. Так, легендарная личность лидера освободительного движения против японских колонизаторов Хон Бом До, впоследствии командира стрелкового батальона, вошедшего в состав Красной Армии, вновь привлекла внимание корейских литераторов. «Хон Бом До» Виктора Ким-Ли – первое историко-художественное произведение, повествующее о жизни легендарного героя-комбата, в период сталинских репрессий вместе с семьей депортированного в Кызылорду, где в 1943 году оборвалась его жизнь.

Выразительно и самобытно звучал в современной корейской литературе Казахстана голос Г. Кан. В сборник «Невидимый остров» включены два рассказа Генриэтты Кан «Круговерть», «Река прощания» и сказка для взрослых (так обозначен ее жанр) «Волна и камень», наполненная глубоким философским смыслом. Камень не знал, что «каждое прикосновение волны незаметно, по крупинке разрушает его каменное тело. Но, теряя каждый день по песчинке и меняясь, внешне он оставался все таким же несокрушимым. Должен ведь кто-нибудь оставаться твердым и неизменным даже в этом изменчивом мире». Лейтмотив ее рассказа «Круговерть» – бунт достоинства человека-творца, властителя сцены против бездарности. О счастье поздней любви – «Река прощания». Г. Кан в повести «Лето с любимым» не называет имя русского детского писателя, памятник которому есть в Каневе. Это Аркадий Гайдар, точно описан скромный бронзовый бюст и скромная могила. «При жизни был он отчаянным человеком с неровным от страшной болезни характером. Но никто, наверное, не умел так разговаривать с детьми... Тогда, до войны, даже педагогической науке некогда было говорить взрослым, как надо вести себя с детьми. Без этой науки, а по одной своей душевной

склонности стал он самым настоящим детским писателем, а его храбрость, как и доброта, вошли в легенду» [35, с.82-83].

К сожалению, туманные обстоятельства гибели Гайдара, отсутствие свидетелей трагического события на много лет сделали его имя полузабытым. Позднее Гайдар стал, по праву, первым среди детских писателей. В музее великого Кобзаря наблюдательная героиня не обнаруживает оригиналов живописных работ художника, только копии в натуральную величину, причем небольшие. А рядом – громадные белые гипсовые фигуры парубков и мужиков, гнувшихся под ярмом, символизирующих обездоленный народ. Иллюстрации кобзаря к «Бахчисарайскому фонтану» – крошечные, размером с книжную страницу, акварели. Изысканный, прозрачный колорит. Легкие облака шелков теряются на фоне фигур красавиц брюлловского типа. Это личная точка зрения автора, уверенного в том, что преувеличенная монументальность подавляет человека, хотя призвана показать его величие или величие его подвига: «Крошечная гвоздичка, выросшая на земле, по которой ступал погибший писатель, трогает во мне больше душевных струн, чем грандиозный памятник. А может, – размышляет героиня повести, – это говорит во мне восточная натура, избегающая громких фраз и внимающая малой частице огромного мира?»

Днепр, Черкасы, Киев... Из Канева дорога, запоминающаяся знакомым с детства степным раздольем, сухим душистым ветерком с запахом чабреца, ведет в село Черный Ташлык. В маленькой хате живет старенькая бабушка с удивительной улыбкой – на маленьком лице лучатся глубокие морщины, ласково сияют выцветшие глаза. Тончайшими нюансами повесть Г. Кан «Лето с любимым» заставляет читателя еще раз задуматься над тем, что много общего в культуре и жизни украинского, казахского и корейского народов.

Горькой строчкой запоминается автобиографичный рассказ А. Кана «Правила игры» о Временах Великих Миграций: «Мой родной язык остался там же, где и мой отец». В рассказ включены воспоминания о депортации 1938 года в Джамбульскую область: «Одни звезды над головой, да и те далеко». Воспоминания

вырастают из старой печали многолетнего сердца дяди Михаила, из глубины заоконного пространства. Звук женского крика, символ утраты «летел из века в век над землей, обрастая плачами жен и матерей, обитавших в невыносимой пустоте своего одиночества». Эта монотонно звучащая древность, безликая и величественная, отшлифованная миллиардами скорбных голосов, летит дальше навстречу новым голосам, новым утратам.

Отец, оставшийся в Пхеньяне, звал жену с детьми назад. Автор находит удачный изобразительный ряд при описании сцены отбытия поезда в Алма-Ату с пограничной станции Отпор: «Растянулись минуты, часы ожидания, застыли, пронизанные ноябрьским холодом, повисли на сломанных вокзальных часах ледяными мертвыми сосульками». Необычны метафоры: «Наступал вечер, и двор огромной зернистой лепешкой дожаривался на медленном огне издыхавшего дня». Жизнь родного деда, «курчавого стройного красавца» из Караганды, была плотно окутана завесой скорбного женского молчания. Но вскоре исчез и второй дед, «голубоглазый, широкоплечий и стройный», из «той редкой породы людей, что несут в себе свет в любую погоду, свет, зажженный самым сокровенным чувством». Он всегда говорил степенно, не спеша: «И не твоя вина в том, что ты остался без отца, без родного языка».

Рассказы и повести А. Кана, посвященные современным темам, в то же время ассоциативно связаны с картинами прошлого родного народа. Об этом эссе писателя о судьбах корейской русскоязычной литературы («Возращение домой»), о его личном восприятии литературы, ставшей идеальным убежищем, позволяющим ни от кого и ни от чего не зависеть («42: От литературы отчаяния к литературе преодоления») и др. Вся корейская литература движется «по пути обретения собственной Национальной Души и Памяти», по направлению к Великому Сердцу.

Среди представительниц старшего поколения, с которыми автору фатально невозможно установить полный контакт (из-за языкового барьера и из-за магической, завораживающей неподвижности их лиц, лиц мумий, уносящих с собой в небытие тайну целого народа), видятся ему те, кто уносит с собой Культуру

и Историю. «Я глубоко убежден, что те остатки культуры, фольклора, преданий, осколочки когда-то разбитого зеркала искусства, несут в себе именно они, – в складках своих лиц и ладоней, одежд, в тонких щелках глаз, в которых уже невозможно что-либо разобрать – это прорези маски, сквозь которые еще глядят на тебя исчезающие История и Культура». Размышляя о корейской литературе, создаваемой на русском языке, о том, к каким мировым стилям и направлениям ее можно отнести, о ее этнической идентичности, А. Кан убежден, что все, пишущие в самых разных традициях и направлениях, «объединены одной национальной тоской или ревностью по дому». Высокая этничность, индекс которой определяется «не по количеству корейских персонажей в повести или романе, не по какой-то другой национальной атрибутике и колориту, а только и только по способу авторского видения мира, пронизанного... национальной тоской, – видения корейского прасимвола, ... праиероглифа, проступающего сквозь любую – родную, чужую, – картину мира». А. Кан четко формулирует главный смысл литературы коре сарам – «собирать и создавать из осколков прошлого бессмертные образы людей».

О создании своей литературы А. Кан пишет в эссе «Над темной водой»: «Моя Литература выростала деревом истинной жизни прямо из моего сердца, из моего сопереживания и сострадания, – рассказы, романы, эссе...» Видимо, считает А. Кан, «внутренний бунт, несогласие с окружающей действительностью» бросили его, дипломированного физика, к письменному столу, «ибо сочинительство позволяло создавать свободные миры». Участник Сеульского форума по литературе и литературному переводу (2002), победитель Международных литературных конкурсов много ездит, читает лекции и выступает с докладами на конференциях самого высокого уровня в США, Республике Корея, России. Его киносценарии становились победителями конкурсов в Берлине и Сеуле. Принял участие в проекте «Сахалинские встречи – 2014». Постсоветская действительность художественно осмыслена автором в романе «Гул, или Голем Убывающей Луны», герои которого верят, что самым свободным и счастливым может быть только Голем Любви.

В «Предисловии переводчика» к сборнику члена Союза писателей СССР и Казахстана, члена Союза кинематографистов СССР и Казахстана, члена Казахского Пен-клуба, бывшего долгое годы главным редактором республиканской газеты «Корё ильбо» Ян Вон Сика «Лунное послание», В. Киктенко призывает помнить, что «книга эта временной – сквозь сердце поэта – разрыв меж двух культур. Корейской и русской. А также попытка преодоления этого разрыва средствами, предложенными обстоятельствами самой судьбы, языка и пространства...» [36, с.70]. Поэтический сборник «Золотые мгновения» (2005) Ян Вон Сика презентует читателю стихотворения лиричные и философские, в которых отражена судьба поэта, тоскующего по своей исторической Родине, но искренне любящего и благодарного казахской земле за приют, хлеб и кров. Имя поэта было широко известно не только в Казахстане, его проза и поэзия печатались во многих литературных сборниках и журналах Республики Корея, в Китае и США. В Республике Корея изданы «Слово» Абая и книга Н. Назарбаева «На пороге XXI века» в переводе на корейский язык Ян Вон Сика. Закончив в 1958 году ВГИК, Ян Вон Сик остается в СССР как политический эмигрант. С 1960 года его творческая жизнь и судьба связаны с Казахстаном: кинооператор-режиссер киностудии «Казахфильм» и бессменный сотрудник редакции республиканской газеты «Корё ильбо» (от зав.отделом литературы и искусства до главного редактора и советника).

«Золотые мгновения» – первая и единственная книга избранного Ян Вон Сика на русском языке. Книга состоит из двух разделов: «Золотые мгновения» (перевод О. Жанайдарова) и «Лунное послание» (перевод В. Киктенко), Предисловий переводчиков, рецензии В. Угая и небольшого обращения автора к читателям. Теплый, золотистый свет ее обложки, отражаясь на страницах, согревает каждую строку. Сквозная тема книги – трагическое прошлое корейского народа. Воспоминания – ключевое слово сборника, они постоянно с автором, который дорожит «великой памятью» своей, трепетно пишет о корейском дне памяти – «хан сик» («Поклон родным»), о друзьях («Воспоминания»), о Родине

(«Четыре стороны света»), о матери («Час заката», «Час заката – 2», «Берег судьбы», «Лунное послание»). Мотивы грусти и тоски, драматические нотки размышлений о судьбе старшего и подрастающего поколений, Дальнем Востоке и Казахстане, ставшем родиной тем, кто вырвался «из дьявольского круга изгнания», доминируют в поэзии Ян Вон Сика.

«Дикую, страшную весть» о депортации 1937 года хранят в памяти представители старшего поколения. Поэма «Завещание» посвящена знатному рыбаку Ли Хак Суну, который, осмотревшись на новом месте, сурово обронил: «Что ж, попробуем жить!» Своеобразным символом не только покинутого берега Охотского моря, но и всей прошлой жизни является одинокая лодка, «унесенная ветром в середину залива», плывущая в пелене снегопада. Герой одного из стихотворений, представитель поколения, «пронзенного чудовищной бедой», собирает урожай риса в пустыне, где «вчера стоял один камыш» («Наследие»). Трудолюбие, умение находить общий язык с соседями, дружеская помощь и поддержка, стремление к знаниям – эти черты автор считает определяющими в характере персонажей. Но дни минувшие, «как раны под бинтами», не заживают годами. Поэта не может не беспокоить судьба молодого поколения, не знающего родного языка, сам он продолжал традиции своих великих предшественников, представителей так называемой пейзажной поэзии «рек и озёр», поэзии XV-XVII веков «канхо». В классической корейской поэзии созданы непревзойденные образцы жанра: сиджо и каса.

Ян Вон Сик воспевает землю Казахстана и летнюю степь, майское небо, дает зарисовки осенних пейзажей. Символом любви выступает горный эдельвейс. Стихотворения о любви поэтичны и наполнены легкой грустью. Автор находит точный образ своей возлюбленной («душа моя, облако белое», «половинка души»). Строка экономна и ёмка: «Ты давно в мои проникла сны, / Цикл снов с тобой необычаен». Необыкновенно лирична и поэтична поэма «Кымракхва», созданная по мотивам корейской легенды, о девушке, защитившей свою честь и честь своего возлюбленного, преподавшей урок мужества и патриотизма.



Современная поэзия представлена творчеством лауреата премии «Ариран» Ст. Ли, активно публикующегося в российских и отечественных журналах. Читатели «Простора», «Московского вестника», «Москвы», «Юности», «Байкала», «Братины», «Иностранной литературы» и других изданий хорошо знакомы с его оригинальным творчеством и художественными переводами классической корейской поэзии I–XVI веков. Ст. Ли – участник Сеульского форума по литературе и литературному переводу (2002) и Всемирного фестиваля поэзии (Сеул, 2005), победитель VIII Московского Международного фестиваля «Золотое перо» (2011), один из претендентов (вошел в лонг-лист) Русской премии (2013). Русская премия – единственная российская премия для русскоязычных писателей зарубежных стран, учреждена в 2005 году и входит в пятерку самых престижных российских литературных премий. Официальный партнер конкурса – Президентский центр Б. Н. Ельцина, крупнейшая благотворительная институция России. Стихотворения Ст. Ли включены в антологию «Современное русское зарубежье» (М., 2002) и др.

Более 20-ти лет поэт изучал не только корейский, но и китайский, японский языки. Интерес и любовь к корейской поэзии ему привил ученый-кореевед Пак Ир, готовивший в свое время подстрочные переводы для А. Ахматовой и А. Жовтиса. Широко известны переводы Ст. Ли современной корейской поэзии и древнекорейской, его публикации в журнале «Азия» (Сеул). «Безусловным подспорьем в работе для Станислава Ли стала возможность побывать на исторической родине, окунуться в культуру древней земли, но чисто технические сложности перевода от этого не уменьшились. Ведь современная поэзия – это стихи, написанные на хангыле (корейское письмо), в то время как в древности господствовал ханмун – кореизированная форма древнекитайской письменности. Более десяти лет потратил Ст. Ли на эти переводы, прежде чем подойти к корейской поэзии XX века» [37, с.7].

Поэтический сборник «И черный журавль спускался с небес» современного корейского поэта Ко Ына, одной из самых трагических фигур в корейской литературе XX столетия, издан

на русском языке издательством «Художественная литература» (Москва, 2010). Ко Ын учительствовал, бродяжничал, уходил в монахи, участвовал в выпуске журнала «Мир буддизма» и в политической борьбе. В 1980 году был приговорен к 20-ти годам тюрьмы за антиправительственную деятельность. После амнистии издает сборники цикла «Родословная десяти тысяч людей», книгу лирических стихотворений «Горы Пэктусан». «Поэзия Ко Ына – своеобразный слепок с его жизни. Перед нами тот значительный и счастливый случай, когда поэт «сам становится стихом», – читаем в Предисловии к переводам Ст. Ли. Этот стих подобен другу: «Все боли мои он взял на себя, уходя из этого мира... / В летний день, закрывшись в бутоне белого мака» [37, с.7].

В издательстве «Художественная литература» (Москва) вышла в свет Антология корейской классической поэзии «Сто цветов» в переводах Ст. Ли и Ким Хен Тхэка. Подавляющее большинство стихотворений переведено на русский язык впервые. Антология, как пишет Л. Шашкова, «входит в число самых востребованных книг в России. И это говорит об интересе к классической древнекорейской поэзии, вновь зазвучавшей на русском языке:

Иволга, и та нашла себе подругу.

Летит легко. Крылом играя.

И только я один на этом свете,

Мне без тебя домой дорога тяжела» [38, с.11]

По авторитетному мнению А. Кима, «в стихах Станислава Ли бьется древняя корейская душа, бьется сердце казахстанского корейца, говорящего и думающего на корейском языке. Чем внимательнее вглядываешься в его простые прозрачные стихи, тем больше удивляешься, как много открывается в них нового света и пространства... Судьба наша, русскоязычных корейцев, более века тому назад улетевших от родимых куц и занесенных ветром истории на просторы России, Средней Азии, Казахстана, теперь общеизвестна... Наше прошлое, настоящее и будущее зависит от нас самих... И одними из значительных ценностей нашего общественного достояния являются стихи Станислава Ли,

выражающие сокровенные, глубинные движения нашей души». Ст. Ли передает особенности национальной картины мира, тонко чувствует свое национальное «я». Более 20-ти лет поэт изучал не только родной корейский язык, но китайский и японский, чтобы осуществить поэтические переводы классической корейской поэзии I-XVI веков. Ст. Ли проявляет живой интерес к казахской культуре, к культуре народа, среди которого вырос. Он любит слушать домбру, наблюдать за участниками айтысов. В его пейзажных набросках и акварелях – природа Казахстана, степь и горы.

С негасимым костром ассоциирует свою память лирический герой поэтического сборника С. Ли «Пригоршня света»: «Моя память – / Костер негасимый. / Редких звезд желтизна / Среди пепла...» [39]. Книга Ст. Ли «повествует» о неизбежной национальной потерянности, переходящей в личностное одиночество. Здесь и мучительные раздумья над графой «Родной язык», и безжалостное ощущение невозможности возврата к родным «далеким берегам», рождающее аналогию с судьбами падающих звезд, и горечь о забвении корейских имен, смысла корейских фамилий (Ким – это золото, а Ли – тонкая белая слива), и, наконец, признание внутреннего трагичного разлада: «Так зачем / В своем сердце / Храню я / Обиду и верность? / Будто тысячу лет проживу...» [40, с.112].

Поэтический сборник «Пригоршня света» Ст. Ли разнообразен по тематике и включает разделы: «Моя память – костер негасимый», «...Спешит мне навстречу – совсем налегке – мое детство...», «Не умолкай, дянгугу... дянгугу», «Задержу. Задержу уходящее солнце ладонью...», «В сердце моем одиноком тенью крадется любовь». Определяющим выступает архетип «ритма времен». Поэт использует разные изобразительно-выразительные средства, воплощая в поэзии «соответствующий этнический архетип» [41, с.57]. Понятие архетип (от греч. *archetypos* – первообраз, модель) зародилось и было обосновано в работах швейцарского ученого К.Г. Юнга. «Наши души, как и тела, состоят из тех же элементов, что тела и души наших предков», – писал К.Г. Юнг в «Воспоминаниях. Сновидениях. Размышлениях» [42,

с.233]. Тем самым они хранят память о прошлом, т.е. архетипическую память. Понятие «архетип» как инструмент исследования позволяет увидеть многие существенные стороны в содержании художественных произведений, прежде всего преемственность в жизни, неразрывную связь времен, память о прошлом. Архетипическая память играет в поэзии Ст. Ли значительную роль.

Сквозь годы слышится лирическому герою звук школьного звонка и страстная речь школьного учителя истории, сошедшего с ума (читатель может домыслить сам, от какого непосильного душевного груза помутился разум учителя. – С. А.). Воспоминания детства всегда с персонажем и автором. Лирический герой взрослеет. Взрослая жизнь уводит его из родного селенья. И рождается лирическая миниатюра: «Кукушка в горах, / в моем селенье, / отсчитывает время / без меня...». Архетип времени неотрывен от пути скитания, по которому прошел народ с просторов Дальнего Востока до степей Казахстана. Не на все вопросы прошлого получены ответы: «И дед на вопросы о прошлом молчит...» Забыты корейские имена, остались лишь короткие фамилии.

В символику стихотворений включены реалии национального быта: камышовые шляпы-саккади, теплый кан и др. Неизбежная осколочность воспоминаний передает общее через личное, сопричастное тайне любого детства: печально-медлительные национальные танцы, таинственный и нежный мотив народных песен. Но, по-прежнему, несмотря на то, что два поколения выросли в степях Казахстана, «роднее которых уж, кажется, нет», слышится «рокот далекий морского прилива». Не просто ответить автору и на вопрос: «Кто мы?»: «К югу и северу / Тянутся наши следы, / Гнезд родовых начала».

Символично, что одна из глав книги М. М. Ауэзова «Иппокрена. Хождения к колодцам времен» [43] имеет похожий заголовок: «Кто мы?» Языковое инобытие и двуязычие». Речь в ней идет о творчестве Алишера Навои, Юсуфа Баласагуни, Тоньюкука и исканиях русскоязычных писателей В. Санги, Ю. Рытхеу, Т. Пулатова, Ч. Айтматова. Парадокс глобализации заключается в усилении механизма этнокультурной самозащиты на фоне нивелирования национально-культурных различий. Неслучайно

в открывающем монографию К. Султанова «От Дома к Миру. Этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог» Предисловии «Быть и стать. Вместо вступления» российский литературовед обращается к известной картине Поля Гогена «Кто мы? Откуда? Куда мы идем?», потому что «художественный мир, если он состоялся, разворачивается как воплощенный в слове и по-своему уникальный опыт личностного и национального становления, самопознания и ... самоопределения» [44, с.9]. Наполнены глубоким смыслом размышления о притяжении – отталкивании двух культурных миров, о философии возвращения человека к человеческому в себе – поверх обособления и настороженного отношения к Другому. «Кто мы?» рефреном проходит через книги М. Ауэзова и К. Султанова.

Ст. Ли тонко и остро ощущает неотвратимый ход Времени, которое «желтеет страницами книг несожженных», а верхи камышей «осыпаются пеплом», сгорая. Воздух может быть острый, как лезвие ножа, а ветер то беспечным, то тугим. Нередко используется прием цветового контраста: белый дом и желтые шторы, белое нежное облачко и черная туча, рыжие и черные муравьи и т.д. Песенное и танцевальное искусство корейского народа несет в своих образах печаль и мольбу. В поэзии Ст. Ли сохраняется этнический архетип:

Наши танцы  
Печально-медлительны,  
В наших песнях –  
Сплошная мольба.  
Я спросил – отчего это?  
Услышал – судьба...

Словно отголоски диалога прошлого с настоящим, внука с отцом или дедом прорываются к современному читателю. Танцевальные и музыкальные образы помогают сохранить не только традиционную культуру, но и «гнезд родовых начала», таинства фамилий и т.д. А в неоглядной степи по-прежнему слышится рокот морского прибоя.

Один из разделов поэтического сборника назван «Не умолкай, дянгун... дянгун». Именно этот музыкальный народный инструмент вобрал «благословенный ритм времен», радость и народа стон, и «долгий путь скитанья...». Старинный музыкальный инструмент – дянгун – символизирует не только ритм времен, он помнит прошлое и выступает свидетелем настоящего. Вечные психологические вопросы – одиночество, бездуховность, проблема морального выбора – в поэзии Ст. Ли. Кипение страстей, суета, дела земные не слишком волнуют того, кто «принял назначение высоты – как высший знак судьбы». Поэт размышляет о тайне поэтического творчества:

Оранжевая,  
Закатная полоска...  
Я пробую писать  
Натуру с горизонта  
И тайну, скрытую за ним.

Ст. Ли известен и как живописец, для которого акварели – это видения поэта-художника, «краски, смешанные с водою, могут передать то, что невыразимо в слове. Акварель и переводится – «водяная прозрачная краска. «Сама по себе она, – уточняет Вл. Хан, – тонка, напевна и поэтична. Это лирика, растворенная в цвете, в едва уловимых образах, напоенных музыкой, словно краски водою». Необходимо подчеркнуть важность сайта Вл. Хана корё сарам ([www.koryosaram](http://www.koryosaram)), который знакомит со всеми значимыми событиями в культурной, политической и общественной жизни корейцев Узбекистана, Казахстана, России и Республики Корея. В картинах Ст. Ли, читаем на сайте, «сливаются воедино три ключа, источаемые сердцем и душою: слово и музыка претворены в зримом образе... Казалось бы, никакого сюжета и никаких особенных зримых образов – листья, цветы, деревья, трава, скалы, камни, изгиб ручья, холмы, контуры хижин, строений и храмов – все это едва намечено, размыто, вроде бы недорисовано, недоговорено... Созерцание само по себе – со-видение. То есть ты волей-неволей вместе с художником погружаешься

в навеянный настроениями образ, постигая его поэзию и смысл. Со-видение по своей сути – со-творчество. Это пленяющий взгляд, разгадывающий красоту мира, глубину проникновения в нее живописца, волшебное соприкосновение с его озарениями».

У поэта особые отношения с вечностью и временем: «Сухая / светлая осень... / в воздухе / блеснула и исчезла / паутинка, / разорвав мои мысли / пополам...»

Символика света и огня также многое определяет в поэзии Ст. Ли. Стихи насыщены лунным светом («голубым сияньем лунным очарована душа») и горьким полынным дымом, полынной грустью, безбрежным океаном степей и полночной тишиной. Цветовая гамма разнообразна и пестра: небрежный мазок акварели; бело-розовый цвет садов; вчерашний снег, хранящий иероглифы следов; цветущая ветка сирени и светлые камыши; огнерыжая лиса и превратившийся в невесомый и нежный цветок желтый одуванчик, улетающий в сторону звездной ночи. Нежные звуки свирели и запах рдеющей сини, упавшие звезды и холодная осенняя вода, холодная весенняя вода, в которой купаются звезды, и заснувшая чайка – признаки быстротекущей жизни, определяющим концептом которой выступает одиночество: «С одинокой вершины холма / Одиноко всплывает луна... / Одиноко стою у дороги – / И кругом тишина, тишина».

Скрипка играет всю ночь одиночества печальную мольбу. Одинокий след на снегу, одинокое сердце, одинокий клен, одинокий кулик... Ряд поэтических эпитетов может быть продолжен. Из песчинок тоски вырастает тень, тенью крадется любовь.

Глубоким философским смыслом наполнены строки стихотворения «Оранжевая, закатная полоска...»: «Не уходи, / Пока не станешь смыслом / Для тех, / Кто позади». Два поколения корейцев выросло в степях Казахстана, «роднее которых, уж кажется, нет...» («На Дальнем Востоке»). Но лирический герой возвращается снова и снова к памяти деда, в Посыет: «И лижет мне рану / Моря кусочек, / Похожий на чей-то / Шершавый язык». Мерещится «в неоглядной степи / Рокот далекий / Морского причала». Лирическому герою-автору стихотворения «Живу, уединившись...» бабочка пишет зигзагами прощальное письмо.

Луна заснула полплавком над тихой, сонной речкой. Взгляд поэта подмечает необычное в окружающем, где созревшие арбузы, как головы воинов, павших в бою. Подсолнухи смиренно склоняют шляпки. На землю скользит снег с опущенных ветвей.

Завершает поэтическую подборку стихотворений Ст. Ли в том же «Поэзия» Антологии современной литературы «Независимый Казахстан» стихотворение «В ущелье»: «В ущелье, / где многократно / эхо / откликалось / на голос, / я вернулся... / позвать свое детство». Победитель VIII Московского международного конкурса «Золотое перо – 2011», Ст. Ли глубоко озабочен тем, что происходит с национальными культурами в эпоху глобализации. Он размышляет о роли поэта в современном социуме. Этому было посвящено его выступление в Сеуле в 2005 году на Международном поэтическом фестивале мировой поэзии. Об этом – его стихотворение «Останови свое я...», опубликованное в сборнике участников фестиваля из 29 стран мира [45, с.97].

«Музыку вечности, кажется, я угадал», – размышляет поэт, не думая «выверять мелодию стиха, / и знаками крепить / к бумаге намертво слова». Поэзия – полет души свободной, неведомо куда. Поэт сожалеет: «Маятник / добра и зла / в сторону безумия / ушел далеко за предел». Каждый слышит только себя. Но поэты во все времена мечтали быть услышанными всей нацией. Голос поэта сегодня не может изменить мир. Отсюда – вывод: «Найди в себе мужество остановить свое я». Преемственность поколений должна сохраниться, как должны быть переданы знания, жизненный опыт, национальный уклад, ведь даже кленовые листья «багровые, желтые, алые», плывя по осенней реке и прощаясь с ветками голыми, «с полоской родимой земли»

Плывут молчаливо,  
И в этом молчании  
Мне слышится просьба,  
Чтоб память о них  
Берегли...



Корейская литература и корейская драматургия, в том числе, сохраняют присущие им своеобразный колорит и играют консолидирующую роль в укреплении межнационального согласия, толерантности народа Казахстана. Казахские мотивы и образы постоянно присутствуют в корейской прозе, поэзии и драматургии. В истории развития корейской драматургии есть важные вехи. Первый сборник десяти пьес Хан Дина на корейском языке издан в 1988 году. Первая его пьеса «Мачеха» создана в 1964 году. В следующем, 1965 году, осуществлена ее постановка на сцене корейского театра [21, с.227]. На сцене Большого театра в Сеуле поставлена пьеса Хан Дина «Не стоит качать дерево». В сборнике пьес «Дорожка феи в саду» [46] она опубликована под названием «Не стоит раскачивать дерево». Актуальность пьесы вызвала необычайный зрительский интерес, который сохраняется и сегодня.

Развитие корейской драматургии тесно связано с историей создания и становления корейского театра. Тематика пьес была самой разнообразной: от темы революции и воссоздания образов революционеров-интернационалистов (Тхай Дян Чун «Южнее 38-ой параллели», «Хон Бом До», Тхай Ден Чун и Цай Ен «Партизаны», Цай Ен «Рассвет», Цай Ен и Ем Са Ир «Незабываемые дни», Мен Дон Ук «Дорога на Север») до постановок на сюжеты классической корейской литературы. Исторические хроники, средневековые повести, сказания, проза и поэзия XVIII-XIX веков служили источником современных театральных постановок. На их основе были поставлены спектакли «Сказание о девушке Син Чен» (поэтическая средневековая повесть о любви), «Нон Гэ» Ким Ду Чира (материалы «Имчжинской хроники») и другие.

Ведущими темами спектаклей становились – тема духовного взросления женщины, жизнь современников, морально-этическая проблематика, проблема воспитания подрастающего поколения, новые тенденции в жизни молодежи, особенности формирования личности в современных условиях и т.д. И в жанровом плане просматривается разнообразие: трагедия, комедия, камерная лирическая драма, героическая трагедия, драма, дрампамфлет, пьеса-роман, пьеса-сказка, патриотическая комедия,

мелодрама, музыкальная сказка, музыкальная комедия-фарс и др. В пьесах корейских драматургов раскрыты фольклорные образы и мотивы.

В сборнике «Дорожка феи в саду», посвященном 75-летию Республиканского корейского театра музыкальной комедии и 70-летию проживания корейцев в Казахстане, представлены 12 пьес шести авторов ведущих жанров. Тональность пьес самая разнообразная: от трагико-эпических нот при воссоздании картин прошлого до искрометных, образных и точных интонаций в текстах музыкальных сказок и комедии-фарса, реплики действующих лиц которых из далекого прошлого звучат, порой, актуально и современно.

Тема наркомании и современные нравы крупного бизнеса раскрыты Цой Ен Гыном в пьесе «Не умирайте молодыми». Любовь покупается и продается. В этом контексте оправданна реплика одной из героинь в ответ на покровительственное: «Одним словом, я ставлю на тебя» – «Это на скачках ставят на беговую лошадь». Прямые угрозы, обещание серьезных проблем – в ответ на нежелание идти на компромисс, отказ от сделки. Гордые и честные – лишние люди. Тень прошлого и след 1936-го года дают знать о себе и в современной жизни. Сосед оболгал анонимно соседа, засадил в тюрьму, где тот и умер. Умер и доносчик. Дед помогал семье предателя, его жене поднимать детей, относился к ней, как к родной дочери. Современная действительность перечеркивает все моральные ценности. Дети бывших односельчан оказываются по разные стороны наркоторговли.

Встреча двух бывших возлюбленных, которых развела судьба, – не нова в драматургии. В Прологе пьесы Г. Кан «Не цветет вишня осенью» бабушка размышляет о молодом поколении, молодых семьях, детях в детских домах. «Да знаете ли Вы, – обращается директор детского дома Вера Ким к Нине, вспомнившей об оставленной 16 лет назад дочери, – что такое для ребенка родной дом? Если вы найдете ее, все разрушится». Брошенные дети на редкость стойкие и терпеливые. Звери не бросают своих маленьких детенышей, а люди, порой, хуже зверей. Мудрые слова директора обращены к Нине. Ею же напутствует и бабушка,

в доме которой она остановилась: «Жизнь-то порой страшнее смерти бывает». Привычку рано вставать она объясняет поговоркой: «У старых людей утренние сны птицы расклеивают». Судьба Али оказалась счастливой. Ее удочерил школьный друг Нины – Веня с супругой и вырастил как родную дочь, решив сохранить тайну.

В определенной степени современные нравы отражены в пьесе А. Кана «Коридор»: «Все на продажу». Ценности трансформируются. Действующие лица меняют свои облики. Экзистенциальное ощущение одиночества в пьесе А. Кана «Коридор» (жанр которой самим автором определен как патриотическая комедия) сквозное: «Самое страшное, когда рядом люди, а на самом деле – никого...» [47, с.162]; «Всем одинаково плохо и одинаково хорошо» [47, с.162]; «А сейчас, как в тоннеле: ни начала, ни конца... Вот когда-нибудь войду и обратно не выйду» [47, с.164]; «Везде одно и то же. Замкнутый круг» [47, с.180]. Призраки бывшие, родные, близкие, дальние, куклы, тени, призраки...

Концепт «дом» роднит и объединяет творчество немецких и корейских литераторов. Римма отвечает бывшему мужу: «А где он, дом? Вот мой дом! (Шумно раскрывает зонтик)» [47, с.164]. Аня, подруга Антона, 16-17 лет мечтает, как и героини «Трех сестер» А. П. Чехова, уехать в Москву и жить так, «чтобы никто не мог уходить из моего нового дома и возвращаться, когда пожелает» [47, с.174]. Антон, сын Риммы и Бориса, собираясь вслед за Анной, просит немного времени «попрощаться с домом. Мысленно». Концепт дома оживает в просьбе Бориса, обращенной к матери: «Мне срочно нужен здешне-тамошний словарь». И в диалоге матери с сантехником: «Разве книги спасут, если дом рухнет? Книги надо читать в светлом, чистом и сухом доме» [47, с.176].

Мотив ухода из дома (Анна, Антон, бабушка) и вынужденного возвращения (Римма) проходит красной нитью через всю пьесу. Нет дома у соотечественника, приехавшего из-за рубежа, он приглашает всех в ресторан на прощанье. И концепт дома вырастает до концепта Родины, маленьких родин, разделенной родины; чудесной родины, пасторальной картины из окна проносящегося

поезда, выйти из которого нельзя; родного городка, в котором родилась Римма. Родина гостя – технический прогресс: «Освободили нас: послали на рудники, понастроили заводов, железных дорог, магазинов, небоскребов, военно-морских баз, банков... А теперь, где бы я ни был, везде вижу: технический прогресс. И гордость меня переполняет... Технический прогресс – это и есть моя Родина» [47, с.183].

Лейтмотив непрекращающегося дождя проходит через всю пьесу. Вслух читает страницы «Библии» о потопе пришедший по вызову сантехник. И дождь, и коридор оживают в репликах матери, одной из главных героинь. Коридор может шалить и хулиганить, менять свою длину, трансформироваться, укорачиваться (в детстве) и удлиняться (сейчас). Приезжий гость не понимает значения слова «коридор», ему пытаются объяснить, подбирая синонимы и выстраивая синонимический ряд: проход, вестибюль, тоннель, шахта, мостик – нежилое, промежуточное пространство. Ложь, грубость, невежество, потемки – это все тот же коридор, темный и душный, которого так боится мать.

Диалогичность поэтик включает диалог индивидуального и общественного опыта конкретной эпохи. Вот как это происходит у А. Кана: «... Я высвобождал близких, дорогих мне людей, замурованных прошлым, политическим режимом, исторической несправедливостью, расизмом и ксенофобией, собственными слабостями, ошибками, просто кривым и дырявым пространством и временем, и возвращал им жизни в своих рассказах, воскрешал их смыслы, которые обыкновенно так стремительно исчезают с уходом людей. И свое сочинительство, и свою литературу я воспринимал уже как некое религиозное действие по возвращению живых и ушедших из духовного небытия» [47, с.233].

Тема депортации затронута в пьесе А. Кана «Коридор». О депортации пишет современный писатель, «творчество» которого прочел всемогущий Аполлон (именно он решает, кого отправить в поездку на историческую родину): «... Между табличками слова – «свобода», «самосознание» – вот еще такое слово помню: «депортация». Аполлон своеобразно и необычно воспринимает творческий процесс. Писатель, у которого он был в гостях, чтобы

обсудить прочитанное, «ручонками своими так мелко-мелко по листу водит, и прямо видно, как из-под пера его маленькие человечки враспынную разбегаются, потом он их – раз! – волевым движением коротенькой руки обратно – в колонки, темницы, – вот тебе и самая настоящая депортация!» [47, с.170]. А вот молодая героиня пьесы, Анна, рассказывает о матери, ждущей отца: «Она сейчас как сумасшедшая стала, все ходит по комнате – из угла в угол. Как заключенная за час до освобождения» [47, с.173].

Прошлое и современность причудливо переплетены в пьесах. Тележурналист Виктор в комедии Л. Сона «Женитьба деревенского дурачка», смех в которой звучит с грустинкой, размышляет вслух: «Грустно, но факт – сейчас самое модное слово – «бывший»... Бывший колхоз, бывший председатель, бывший Советский Союз... А вы заметили, что слово это произносят с оттенком ностальгии?..» [46, с.135].

78-летняя бабушка, одна из героинь пьесы, читает старинные книги и переживает, сможет ли кто-нибудь прочесть их в будущем? Мотив судьбы книг на корейском языке – сквозной в литературе Казахстана. Об этом рассказы Хан Дина, поэзия Ст. Ли. Бабушка в пьесе Л. Сона, одинокая, на авансцене в лучах прожектора, беспокоится о судьбе родного языка: «Книжки правнукам читаю редко, плохо стало со зрением, скоро ослепну совсем. Да и не хотят слушать детишки мое чтение, потому что не понимают. Они уже не говорят по-корейски, оттого и скучно слушать меня. Я страдаю, но ничего не могу поделать. Хочу умереть, но вот не получается... А если умру – что будет с вашими книгами? Куда их денут? Наверное, выбросят за ненадобностью, как выбрасывают всякий ненужный хлам...» [46, с.163].

Светлой грустью проникнуты слова и мотив старинной корейской песни, исполняемой бабушкой на свадьбе.

Глубоко символичен в контексте толерантности и уважения народов республики монолог Арыстанбека, обращенный к своим друзьям: «Дедушка Орынбай рассказывал, как в тридцать седьмом году вы появились здесь и как вам, корейцам, было трудно, он напоил вас кипятком, простой кипятком был... А сейчас

хорошее время, живи, работай, детишек расти. Земли много и никто вас не гонит!.. Почему все уезжают? Немцы в Германию, евреи в Израиль, русские в Россию и другие тоже... Я в России родился, но дедушка нашел меня, и я вырос здесь. Надо жить там, где вырос!.. Мы привыкли всегда вместе жить и корейцев всегда уважали... Я люблю свою землю и хочу, чтобы все жили на ней, трудились и были счастливы» [46, с.170].

Музыка звучит в мелодраме Л. Соны «Третий муж». Звучит долго, волнуя своей высотой и задушевностью, действуя на персонажей умиротворяюще. Под действием грустной и одновременно светлой мелодии, выводимой высоким женским голосом, перестает плакать малышка в мелодраме Л. Соны «День рождения». Мужской голос подпевает в припевах. Драма «Академические беседы» Л. Соны начинается с вальса на стихи М. Ю. Лермонтова «Тучки небесные, вечные странники...». Этот же вальс завершает девятую картину. В момент воспоминания о первой встрече героев звучит «Аве, Мария». Композиция драмы Л. Соны включает воспоминания персонажей разных национальностей. Крюгер, фрау Битнер, Дорохов, Геттингер, Игнатиус... Исторические документы о депортации переплетаются с рассказами очевидцев («Мы, по сути дела, ходили в жизни ногами кверху!..»).

Искренней благодарностью казахскому народу пронизаны романы, повести, пьесы корейских писателей и драматургов. Казахская семья чабана Орынбая Темирова – одна из главных в системе художественных образов драмы Л. Соны «Память». Пьеса имеет подзаголовок – хроника первых лет. Л. Сон – автор сценариев ко многим фильмам. Более 20 документальных фильмов «Сонг СИНЕМА» участвовали в международных фестивалях документальных фильмов, где удостоивались призов (гг. Берлин, Пярну, Париж, Лима, Токио, Хельсинки, Сеул, Вильсурьон). Л. Сон – автор сценариев и режиссер документальных фильмов «Опыт», «Коре сарам», «Астана», «Потому что любил...», «Враг народа» и других. Его перу принадлежит сценарий фильма «Жеруйык. Земля обетованная». На фестивале документальных фильмов во Франции (Вильсурьон) Л. Сон получил первый приз за документальную картину «Директор школы». Его сценарий стал

лауреатом Международного конкурса сценариев Министерства культуры и спорта Республики Корея (2011).

Осенней ночью 1937 года в степи останавливается грузовик. «Небо светится бисером звезд». Раздаются беспорядочные реплики на корейском и русском языках, полные страха и ужаса перед безвестностью. Выстрел прерывает плач, всхлипывания и выкрики. Водитель грузовика, пьяно шатаясь, останавливается перед грузовиком, в свете не выключенных фар и пытается образумить милиционера: «Помрут они все тут... Не могу я больше... Все горит вот тут! (Стучит по своей груди). И спирт не подмога, смотреть больно...» Но милиционер непреклонен: «Под трибунал меня хочешь подвести, сволочь?». Казахская степь стала новым домом для корейцев-переселенцев. Не выжить им без дружески протянутой руки казахского народа. Помнить об этом, не забывать свое прошлое, чтить родителей и передавать все самое святое молодому поколению – к этому призывают корейские драматурги, к какой бы тематике они не обращались.

В финале пьесы Л. Сона с глубоко символичным названием – «Память» раздается крик новорожденного. У Ен Дина родился правнук. Крик новорожденного звучит как примирение в повести С. Санбаева «Весной нас зачарует голос». Рассказывая биографию своих героев, писатель преломляет сквозь призму их сознания историю страны, в которой они живут, проследив судьбы казахских семей, откочевавших в трагические 20-е годы XX века через мангыстауские степи в Туркмению и Афганистан. Изучение продолжения дискурса о депортации в художественной литературе корейских авторов, движение корейской драматургии от реализма – к метафизике и исторической травме позволяют рассматривать шире и объективнее влияние исторической травмы на современную культуру.

Корейский русскоязычный автор, по мнению А. Кана, «волен работать в самых разных стилистиках и манерах – архаической, реалистической, модернистской, – выстраивая свой сюжет линейно или метафорически, играя с языком или относясь к нему слишком буквально, используя те или иные уровни художественной условности, создавая одно- или многоэтажные произведения,

кому как по силам. Суть не в этом, а в том, что всех нас, как это видно из «Книги белого дня», объединяет один пронзительный посыл совершенной любви к несовершенному миру, через который наша стойкая, дерзкая литература, в своих лучших проявлениях, своим чистым голосом присоединяется к хору литературы мировой» [16, с.271]. В современной корейской литературе Казахстана главным остается глубинное осмысление пути народа, его предназначения на земле.

#### Литература:

1. Цивилизационно-культурное пограничье как генератор становления мировой культуры / литературы. Материалы конференции. – М.: ИМЛИ им. А. М. Горького, 4-6 июня 2012 г.
2. Ласкина Н. Репрезентация культурных барьеров в модернистской критической прозе (М. Пруст, В. Вульф) // Літературна компаративістика. Випуск IV. Імагологічний аспект сучасної компаративістики: стратегії та парадигма. Часть II. – Київ: Видавничий дім «Стилос», 2011. – С.108-124.
3. Вегвари В. Язык, культура и коммуникация в европейском межкультурном пространстве // Язык и культура. К юбилею профессора Э. Ф. Володарской /Под ред. член-корр. РАН Ю. Л. Воротникова. – М.: Издательство Института иностранных языков, 2010. – С.63-66.
4. Иконникова Е. Зарубежная корейская диаспора в литературе // Сэ Корё Синмун. Новая корейская газета. Южно-Сахалинск. 7.11.2014. С.4
5. Ян Вон Сик, С. В. Ананьева. Корейская литература // Литература народов Казахстана. – А.: НИЦ «Ғылым», 2004. – С.211-241.
6. Ким Г. Н. Корейская литература // Новейшая зарубежная литература. – А.: ИД «Жибек жолы», 2011. – С.172-202.
7. Ким Г. Н. Этапы развития художественной литературы корейцев СССР и СНГ // Ким Г. Н. Избранные труды по корееведению. – Тараз-Алматы: ЖИЦ «Сенім», 2013. – С.449-453.



8. Ким Г. Н. Ким Владимир (Енг Тхек) и его роман «Кимы» // Ким Г. Н. Избранные труды по корееведению. – Тараз-Алматы: ЖИЦ «Сенім», 2013. – С.454-464.
9. Глебова О. В. Теория травмы и современное литературоведение // Язык и культура / Под ред. чл.-корр. РАН Ю. Л. Воротникова – М.: Издательство Института иностранных языков, 2010. – С. 413-417.
10. Ganteau J.-M., Onega S. (eds). The Ethical Component of Experimental British Narrativ since the 1960s. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2007.
11. Rothberg M. Traumatic Realism: The Demands of Holocaust Representation. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2000.
12. Кан А. Невидимый остров. Корейская диаспора СНГ (1988-1998): опыт художественного преодоления маргинального сознания // Невидимый остров. – А.: ИД «Жибек жолы», 2004.
13. Кан А. Третий Гамлет (Мировые диаспоры 21 века: опыт литературного осуществления маргинального героя) // Корейская диаспора в ретро и перспективе. Материалы международной конференции. – А., 2007. – С. 198-205.
14. Кан А. Современная литература коре сарам: вопросы, задачи и их решения // Известия корееведения в Центральной Азии. – 2011. – Выпуск 18. – С.229-239.
15. Темирболат А. Поэтика литературы. – А.: Қазақ университеті, 2011. – 186 с.
16. Кан А. Книга белого дня. Литература корейцев СНГ в поисках утраченной идентичности. – Тараз: Сенім, 2010. – 462 с.
17. Литература корейской диаспоры Казахстана / Под ред. Л. В. Сафроновой – А.: ИП «Сагаутдинова М.Ш.», 2013. – 195 с.
18. Батракова С. П. Проблема интерпретации вчера и сегодня // Западное искусство. XX век: Проблемы интерпретации. – М.: КомКнига, 2007. – С.5-34.
19. Ким А. Мое прошлое // Ким А. Остров Ионы. Мегароман. Повести. – М.: Центрполиграф, 2002.

20. Ким Вл. Если Родина у нас одна // Ким Вл. Ушедшие в даль. Ташкент: Истиқлол, 2013. – С.11-21.
21. Ким Г. Н., Мен Д. В. История и культура корейцев Казахстана. – А.: Ғылым, 1995. – 346 с.
22. Ким Г. Н. Развал СССР и дивергентные процессы среди корейцев СНГ // Известия корееведения в ЦА. Вып. 21 – 2014. – С.11-31.
23. Пак М. Пристань ангелов // Пак М. Пристань ангелов. – А.: Жазушы, 1998.
24. Сон Л. Избранное в двух томах. – А.: ИД «Жибек жолы», 2006.
25. Ким А. Плач по матери в Сеуле // Нива. – 1997. – №4. – С.94-95.
26. Хан Дин. Страх // Нива. – 1997. – №4. – С.6-12.
27. Шашкова Л. Возвращение Хан Дина // Простор. – 2012. – №12. – С.144-146.
28. Доронин Г. Судьба свободного человека // Простор. – 2012. – №12. – С.147-153.
29. Сон Л. Белого журавля полет // Простор. – 2012. – №12. – С.154-158.
30. Шашкова Л. Как называется тот край... // Простор. – 2012. – №12. – С.146-147.
31. Ким Вл. Белеет парус одинокий // Ким Вл. Ушедшие в даль. – Ташкент: Истиқлол, 2013. – С.208-221.
32. Пак М. Сеульские каникулы. – М.: Святигор, 2011. – 264 с.
33. Темирболат А. Волшебный мир М. Пака // Пак М. Легкое путешествие по реке. – А.: Ценные бумаги, 2007. – С.4-7
34. Ким Г. Н. Корееведение в Казахстане: прошлое, настоящее и будущее // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия востоковедения. – 2001. – №2. – С.139-156.
35. Кан Г. Лето с любимым. – А.: Сенім, 2005.
36. Киктенко В. Предисловие // Ян Вон Сик. Золотые мгновения. – А.: Искандер, 2005. – С.66-70.
37. Казахстанская правда. 5.06.2012.
38. Шашкова Л. Сто осенних цветов // Казахстанская правда. 26.11.2014.
39. Ли С. Пригоршня света. – М.: РИК «Культура», 2003. – 96 с.

40. Бадиков В. На изломе времен. Судьба и голос художника. – Шымкент, 1996. – 160 с.
41. Васильев Н. Л. Историзм и относительность концепта «национальная литература» // Сравнительное литературоведение: теоретический и исторический аспекты. Материалы Международной научной конференции «Сравнительное литературоведение» (V Поспеловские чтения). – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С.53-58.
42. Юнг К. Г. Воспоминания. Сновидения. Размышления. – Киев, 1994. – 250 с.
43. Ауэзов М. М. Иппокрена. Хождения к колодцам времен. – А.: ИД «Жибек жолы». 1997. – 172 с.
44. Султанов К. К. От Дома к Миру. Этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог. – М.: Наука, 2007. – 302 с.
45. International Poetry Festival for World Peace. – Сеул. – 2005.
46. Дорожка феи в саду. Сборник пьес корейских авторов. – А.: RUAN, 2006. – 352 с.
47. Кан А. Коридор // Дорожка феи в саду. – А.: RUAN, 2006. – С.161-193.

## КУРДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Современный Казахстан предстает перед мировым сообществом как динамично развивающаяся страна с богатым культурным наследием. Глубокое осмысление казахского национального исторического, литературно-художественного опыта в тесной связи с историческим опытом и с художественной теорией и практикой литератур этносов республики – одна из важнейших тенденций современной общественно-гуманитарной науки полиэтничного Казахстана.

Не так давно (по историческим меркам) литературный процесс Казахстана обогатился курдской литературой, свежестью ее красок, национальным колоритом. В суверенном Казахстане создана ассоциация курдов «Барбанг» («Рассвет»), функционируют курдские культурные центры в городах и областных центрах республики – Алматы, в Алматинской, Южно-Казахстанской, Жамбылской и других областях. В местах компактного проживания курдов организованы творческие коллективы фольклорных ансамблей, поэтические кружки. В школах для курдских детей ведутся уроки родного языка.

На курдском и русском языках выходят газета «Жийана курд» (главный редактор – Г. Хаджисулейман) и литературно-художественный, научный и общественно-просветительский журнал «Нубар» (главный редактор – К. Мирзоев). В Казахстане успешно развивается творчество курдов – писателей и публицистов, историков, основателей научных школ, литературоведов-филологов К. И. Мирзоева, Н. К. Надирова, М. С. Юсубова, Г. А. Алиева, Маду Дылдаха, Халима Амо Надирова, Ф. Алиевой и др.

Родственные духовные узы связывают казахский и курдский народы. Подтверждением этого служат трудный 1937 год, а затем и 1941-1944 г.г., когда курды нашли приют на земле казахов. Переселение курдов на территорию Казахстана протекало в несколько этапов. Первый – это осень 1937 года, когда курдов переселяли в массовом насильственном порядке в числе других депортируемых народов – иранцев, турок, как подчеркивалось

в документах тех лет «при очистке погранполосы» советской государственной границы в районе Кавказа.

Второй этап – депортация 1944 года в составе народов Северного Кавказа. Постановлением ГКО от 31 июля 1944 года, принятом под грифом «Совершенно секретно», Правительству Казахстана предписывалось разместить 40 тысяч спецпереселенцев из Грузии. Было выселено 115,5 тыс. человек из приграничных с Турцией Ахалцихского, Адигенского, Аспиндзского, Ахалкалакского и Богдановского районов Грузии (в их числе было около 20 тыс. курдов). В связи с нестабильностью на Кавказе, событиями в Нагорном Карабахе и вокруг него в 1988-1990-м годах курдские переселенцы снова потянулись в Казахстан. Сотни курдов переселились в Казахстан из республик Средней Азии, Закавказья, России.

Трагедия курдского народа отражена в произведениях «Сорок мужчин», «Тюрьма», «Двадцать лет в двойной ссылке», «Калинак» известного общественного деятеля, педагога, поэта, исследователя А. Надилова, автора книг «Как это было» (Москва, 1996) и «Жажда лет» (Алматы, 1999). Первые стихотворения были опубликованы учащимся Закавказского педагогического техникума, будущим поэтом, педагогом в 15-летнем возрасте. В сборник «Жажда лет» вошла серия автобиографических рассказов о жизни автора в Казахстане после депортации семьи из Азербайджана в 1937 году, поэтические произведения и драматическая пьеса «Честь». Сборник «Жажда лет» представляет собой «размышления умудренного непростой жизнью человека о различных общественных событиях, свидетелем которых был писатель, всегда тесно связанного со своим народом» [1, с.57].

Одно из поэтических произведений А. Надилова посвящено великому сыну казахского народа Абаю. Автор отдает дань уважения поэту-мыслителю, восхищается его многогранным творчеством, выражает свое братское отношение к казахскому народу и чувство безмерной благодарности за расцвет своей национальной культуры на земле великого Абая.

Лирический герой стихотворения А. Надилова «Если бы я полетел» мечтает о том, что настанет день, когда не будет на земле границ, и он отправится на свою далекую свободную Родину, где

увидит родных и близких. Понятие Родины для поэта – многогранно. Об этом – стихотворение А. Надилова «Мать Родина». Родина – опора и источник творческого вдохновения. «Сорок мужчин», плач по невинно убиенным (родственники которых долгое время верили и ждали, что главы семей вернутся к своему очагу), занимают в творчестве А. Надилова особое место. Темной ночью, вскоре после прибытия спецпереселенцев на юг Казахстана, среди сорока арестованных увели старшего брата поэта. В сердцах оставшихся – «раны скорби». Они просят помощи у Матери-земли, у равнин, беркутов: «Вода наша – яд, / еда наша – горе, / скорбь – наша, странников, участь...». Поэт создавал свои произведения на казахском и курдском языках.

В 2002 году на страницах журнала «Дружба» памяти старшего брата А. К. Надилова посвятил очерк «Мой первый и главный учитель» известный ученый, академик НАН РК Н. Надилов. Скупно и кратко пишет автор очерка о депортации из азербайджанского села Кикач. «Без следствия и суда, без вины» оказались многие семьи курдов в южном Казахстане. Отца уже год не было в живых (ушел из жизни чуть старше 40 лет), братьям было 20, 18, 14 и 10 лет. Будущему известному ученому-нефтехимику – 4 года. Будущему поэту Анвару Надилову, автору широкого известного стихотворения «Сорок мужчин» – 14 лет. Старший брат Абдулла, расстрелянный через три месяца после ареста, смог передать братьям спичечный коробок со словами-завещаниями отца и его самого: «Берегите и воспитайте Надира».

Анвар Каримович, молодой школьный учитель, через многое прошел в юности. Депортированный педагог долгое время был под неусыпным надзором инспекторов и проверяющих, не раз доказывая свою «высокую квалификацию и как учителя, и как организатора учебно-воспитательного процесса» [1, с.55]. Учась самостоятельно, уча детей, преодолевая языковые барьеры, А. К. Надилов преподавал по-казахски (на казахском обязывалось вести обучение) по учебникам на русском языке, переводя на курдский. По ходатайству педагогического коллектива он был назначен директором школы и стал (не имея соответствующего диплома) преподавать математику, физику и химию в старших классах.

Впоследствии А.К.Надилова назначают заведующим учебной частью в школе. Тринадцать лет педагог проработал директором средней школы совхоза им.ХХІІ партсъезда Алгабасского (ныне Байдибекского района). Главными талантами своего старшего брата, Отличника народного просвещения Казахской ССР, Заслуженного учителя Казахстана автор очерка называет бескорыстное служение людям, огромную любовь и преданность своему народу.

В очерке раскрыты философская глубина, острое поэтическое зрение, истинное благородство и ответственность А.К.Надилова за каждое слово и дело, а в творчестве – чувство языка, понимание сокровенного смысла казалось бы всем известных выражений. «Отчизна – чеканное звучание, серьезный, сложный смысл, включающий в себя корень-значение «отец, отечество, отчий дом» – их надо беречь, защищать, к ним тянешься всеми помыслами. Поэтому слово обращено больше к разуму человека, его воле и чувству долга, ведь Отчизна – это твоя страна в ее исторической, социальной, государственной судьбе, твое место на земле» [1, с.57].

Н.К.Надилов поэтично и возвышенно размышляет о дорогих понятиях: «Родина – понятие более сердечное, простое, неистребимо живущее в душе человека на самом глубоком, подсознательном уровне. Это чувство-осознание питается такими первейшими реальностями, как мать, родная природа, родной язык, родные люди; далее – родные места, дорогие имена и даты, традиционные для тебя и твоих близких нравственные ценности, имеющие непреходящее значение в жизни многих поколений... Не стоять человеку твердо на земле, не жить ему уверенно среди людей без Родины, для Отчизны. Именно они – основа твоей неразрывной связи с деяниями и судьбами предков, внутреннего постижения ответственности каждого за дарованное ему место под солнцем, в бесконечном ряду близких. Без них невозможно ни прошлое, ни настоящее, ни будущее родных людей, составляющих народ» [1, с.57].

Борьба курдского народа за независимость является лейтмотивом произведений А.Абдулрахмана, достойного продолжателя древней курдской классической литературной традиции.

А. Абдулрахман впервые в истории современной курдской литературы создает образ курдской женщины, которая мужественно, плечом к плечу с отцом, мужем и братом борется за независимость своего народа, своей Родины.

В романе «Война в горах» художественно воссозданы исторические события 20-30-х годов XX столетия в Турецком Курдистане. В книге «Гунде Мерхаса» («Село героев») автор на примере повстанцев одного курдского села показал героев, ставших спасением и надеждой каждого курда. Отдельными книгами вышли в свет стихи и поэмы А. Абдулрахмана «Де» («Мать»), «Гулистан», «Хасрата мын», «Моя мечта», «Почтение», переведенные на языки народов мира. Жизнь простого народа неизменно изображается поэтом в гуманистическом ключе. А. Абдулрахман хорошо чувствовал и понимал культуру близких по судьбе народов Востока, о чем свидетельствуют превосходные переводы С. Вургуна, Р. Рза, А. Аласкера. Широко известны в его переводе на курдский язык отрывки из произведений Абая Кунанбаева.

Писатели, поэты, публицисты А. Надиров, С. Саяди, Г. Хаджисулейман, Б. Бала, Ю. Ф. Абдулла, М. Сулейман, Б. Назир, Н. Каримов и другие пишут свои произведения, в основном, на родном языке и издают их небольшими тиражами. Основные темы – тема Курдистана как исторической родины, тема депортации, тема дружбы и благодарности казахскому народу, которому посвящены стихотворения, поэмы и песни. История и художественные картины казахской жизни в поэтических творениях, хрониках курдских поэтов и писателей, а также курдская тематика в казахской литературе подтверждают историческую реальность и разнообразие казахско-курдских литературных связей.

Усиление интеграционных процессов, охватывающих экономику, политику, культуру, науку и образование, является характерной чертой современного мира. В связи с расширяющимися связями особую актуальность приобретают проблемы межкультурного общения. И такие факторы, как язык, лингвистическая индивидуальность, традиции, национальный характер играют решающую роль в межкультурной коммуникации. Основная идея диалога культур показывает важность поиска точек



соприкосновения между социально-культурными реалиями и современными ценностными приоритетами Казахстана.

Каждая национальная литература, как известно, обнаруживает свои индивидуальные особенности именно во взаимосвязях и взаимодействии с другими литературами. Наиболее глубоко разработаны темы «Межнациональные связи курдской литературы», «Литературный процесс и некоторые вопросы взаимосвязей казахской литературы», «Из истории казахско-курдских литературных связей», «Казахская литература и проблемы ее художественного перевода», «Художественный перевод как форма казахско-курдских литературных связей» и др. Новый уровень взаимодействия и взаимообогащения казахской и курдской литератур представлен в историко-типологических исследованиях, выявляющих общие тенденции в развитии литератур с разным опытом исторического развития, с учетом самобытности каждой из них. Эти исследования позволяют говорить о новом художественном качестве произведений как казахской, так и курдской литературы, лучшие образцы которой стоят в одном ряду с достижениями мировой классики.

Мы наблюдаем эволюцию в самом подходе к изучению литературных связей. Непосредственные контакты, перекличка тем и образов обогатились проблемами эстетического анализа, выявления историко-типологических сходжений между казахской и курдской литературами. Казахская и курдская литературы, в основе которых – прогрессивные, гуманистические традиции, безусловно, способствуют общему процессу взаимообогащения и расширения художественных возможностей словесного искусства.

О качественно новом взаимоотношении курдской литературы с литературой Казахстана, вызванном идейно-художественной зрелостью, с особой выразительностью свидетельствует, например, поэтическая эволюция Г. Хаджисулеймана. В книге «Жажду Родины» Г. Хаджисулейман стремится выразить новые черты новой жизни. И поэту это удается. Среди интонаций стихотворений «Наши джайляу», «Поле», «Сердитость гор» мы улавливаем интонации, восходящие к традиции философской дидактики,

достижениям восточной поэзии (романтический стиль, красивые пейзажные описания и т.д). Можно с уверенностью сказать, что горизонты казахско-курдских литературных взаимосвязей не были еще так широки, как сейчас.

Стихотворение «Моему казахскому брату» [2] Г. Хаджисулеймана, члена Союза журналистов Казахстана (это стихотворение и все последующие даются в переводе на русский язык Т. Васильченко – К. М., А. К.), имеет подзаголовок «Посвящается депортации курдов в Казахстан в 1937 году» и содержит глубоко символические строки:

Когда выпали черные дни  
И погасли надежды огни,  
Голод, холод, болезни кланя,  
Заслонил ты от смерти меня.  
Ты со мной поделился, как брат,  
Хлебом-солью, хоть и не богат.  
И с тех пор набирался я сил,  
В твоём стане гнездо свое свил.

В стихотворении «Мой Казахстан» Г. Хаджисулейман называет казахскую степь «доброй матерью», которая не позволила «остаться птенцам без гнезда», поэтому свет негасимой ее заботы автор «в сердце сыновьем» хранит:

Я припадаю к объятьям твоим,  
Край, что меня обогрел.  
Этой землею я в бедах храним,  
Я ее сердцем воспел.

В дом свой скитальцев с сиротской судьбой  
Ты принимала, любя.  
Где бы я ни был теперь, я – с тобой,  
Даже вдали от тебя.

«Мой Казахстан» есть и у Б. Назира. Стихотворение на русский язык переведено М. Стукалиной. Оно напевно и светло. Идея дружбы – центральная: «Ты домом стал для многих и судьбою»; «Ты дал разноплеменному народу / мечту и хлеб, а главное – свободу». Гордый гимн Казахстана звучит в сердцах его жителей.

Стихотворение патриотично: «Мы выбираем мир и дарим миру / любовь и дружбу...» [3, с.4].

Благодарны казахскому народу представители старшего поколения, чьи воспоминания успели записать и опубликовать на страницах газеты «Курдистан». Рефреном очерка М. Мьсто «Мне этот «Поезд смерти» не забыть» могут быть определены следующие строки: «Страшные годы... Горькие воспоминания тех, кто пережил изгнание из родных мест, лишения в чужих краях, жизнь под надзором и постоянный страх перед неизвестностью» [4, с.3]. Только забота, внимание местных жителей (колхоз «Алга» Алма-Атинской области) отогрели сердца и души депортированных, вернули к жизни: «Мы благодарны казахам за то, что они помогли нам выжить», отдавая незнакомым людям последний кусок хлеба, последнюю одежду, были рядом и в горе, и в радости.

С. Саяди, член Союза журналистов РК, заместитель редактора журнала «Нубар», собственный корреспондент газеты «Жийана курд», автор поэтических книг «Курдистан» (1995, на родном и русском яз.), «Олень и Курдистан» (1996), сборника стихотворений и прозы «Несбывшаяся любовь». Идея дружбы и братства народов Казахстана служит источником вдохновения и естественно находит свое воплощение в художественном слове. В стихотворении, озаглавленном символически, «В братской семье» поэт С. Саяди выразил чувства, близкие курдским поэтам и писателям, проживающим в Казахстане: «Вот Казахстан – богатый край радушный... / Народам всем накрыт здесь дастархан».

Поэт обращается к великим личностям земли казахской, которые воспевали единение народа и дружбу с соседями:

Учили жить одной семьею дружной  
Его сыны – Абай, Джамбул, Чокан.

Аль-Фараби – великий сын Востока  
Был мудрым и к единству призывал.

С. Саяди имеет полное право говорить от имени всего курдского народа: «Мы обрели здесь заново свободу, / Откинув беды, что за нами шли. / Мы, курды, равными среди народов / Здесь на земле казахской проросли».

Стихотворения С. Саяди «Голос правды», «Курды мира», «Без крови не будет» представляют собой лирическое повествование об историческом пути, который прошел курдский народ. В непрерывности органической связи прошлого, настоящего и будущего, единстве народного бытия, изображенного в стихотворениях «Поле битвы», «Возведите памятник», поэт видит ту разумность, которая и придает глубокий смысл человеческой жизни. Поэта волнует тема единства курдского народа: «Поселилось горе в Курдистане, / Разметались люди, кто – куда!».

Рефреном проходит через все стихотворение вопрос «А когда?», давший название всему произведению: «Но настанет день – мы будем вместе! / Улыбнутся дети ... а когда? .. / Соловьи засвищут ошалело / В День Свободы Нашей... а когда?» [5, с.2].

Представителями курдской литературы на протяжении многих лет было создано немало произведений, повествующих не только об исторической судьбе курдов, но и о дружбе с казахским народом. Многие из них примечательны тем, что авторы, будь то прозаики или поэты, драматурги или очеркисты, описывая быт, привычки, характер своего народа, с большим тактом и уважением изображают казахов. Всеми своими помыслами они преданы и верны той земле, которая в лихую годину приютила и накормила их. Она им близка, как своя, поэтому они именуют ее «второй родиной». Курдский поэт и известный акын М. Сьелемин пишет:

Тобой согретые народы  
Здесь ощутили вкус свободы.  
Под крышей дома-исполина  
Живут они семьей единой.

И курды – боль моей души –  
Здесь, в Казахстане, дом нашли.

Примечательная судьба самого поэта. М. Съелемин – автор многочисленных песен и лирических произведений «Наша родина Курдистан», «Курдский язык», «Мое сердце», «Куда мне идти» и др. Поэтические произведения поэта печатались на страницах периодических изданий Армении и Казахстана. Любовь к литературе и искусству – неотъемлемая часть его бытия. В 1992 году он создает в поселке Ачибулак курдский театр и танцевальный ансамбль.

Куда бы не забросила курдов судьба, уверен М. Съелемин, они пронесут с собой сыновью любовь к Казахстану: «Судьба нас может разлучить, / Но в сердце курда будет жить / Под небесами дальних стран / Любовь к тебе, мой Казахстан!».

У курдской и казахской литературы много общих тем, образов, сюжетов. Большой вклад в дело сближения братских литератур внес поэт К. Чачани, более тридцати лет руководивший секцией курдских писателей, член Союза журналистов и Союза писателей СССР. Малая родина – вот о чем постоянно пишет поэт. Знакомые с детства народные легенды и предания, красота родной природы, любовь к отчему краю.... Именно родительский кров связывает поэта с «малым космосом» родного села и со вселенной. К. Чачани воспеваает реальные ценности бытия, необъятные просторы Курдистана. Он искренне верит, что рано или поздно обретет свою родину свободный и независимый курдский народ. И будут звучать песни:

Как тревога в глазах,  
Как звезда в роднике  
Отражается в песнях народная доля.  
Даже птица поет на родном языке,  
Даже голос хранит запах отчего поля.

«Песни курдов просты», – подчеркивает автор, но «своих сыновей прославляют они высоко и протяжно»: «Так рыдает журавль, / Так поет соловей, / Голубую звезду окликавая отважно».

Поэт призывает своих соотечественников хранить песни и поэзию, литературу и культуру: «Только песни храни – родниковую песню!».

Тема Казахстана стала лейтмотивом в произведениях современных курдских писателей, читая которые, ощущаешь, что между нашими народами возведены прочные, надежные мосты взаимного понимания и дружбы. Возникшее чувство единения является естественным продолжением собственных дум, поисков и свершений. История казахского народа ощущается как своя. Об этом поэтично и проникновенно пишет курдский поэт Б. Бала в стихотворении «Моему казахскому брату»:

Твое имя – казах.  
В сердце курдов записано золотом имя твое,  
С бесприютным народом делил ты свой хлеб и жилье.  
Твои предки в истории яркий оставили след.  
Знал ты беды и войны, ведь легкой истории нет.

Жизнь народа переживала взлеты и падения, но честь была превыше всего:

Ради чести своей шел на подвиг и жизнь отдавал.  
Был растоптан и снова из пыли и пепла вставал.  
Твой Абай, твой Джембул – как алмазы в короне горят.  
Славой Динмухамед, Нурсултан за себя говорят.  
Десять лет независим! Пусть будут века, не года.  
Пусть земли твоей враг не коснется ногой никогда!

Б. Бала не только поэт, но и прозаик, автор очерков и повестей «Гулистан», «Сайран», «Рок» и др. Широко известна его деятельность как переводчика с казахского, азербайджанского и турецкого языков.

Современное сравнительное литературоведение одной из главных задач считает изучение внутренних законов взаимосвязей литератур и уделяет серьёзное внимание научному осмыслению контактов литератур, в которых наиболее интенсивно

проявляются тенденции интернационализации художественного и эстетического мышления.

Каждая национальная литература, как известно, обнаруживает свои индивидуальные особенности именно во взаимосвязях и взаимодействии с другими литературами. Курдская литература имеет свою неповторимую судьбу и пути развития, некоторые ее жанрово-поэтические и стилевые особенности весьма близки литературам Востока. Она формировалась и развивалась в тесном общении с литературами региона вплоть до настоящего времени, особенно в непосредственной связи с казахской литературой.

Сюжеты и образы, типологические сходжения, взятые из восточного эпоса («Лейли и Меджнун», «Юсуф и Зулейха», «Калила и Димна», «Тысяча и одна ночь»), образ Александра Македонского (Искендера) характерны как для казахской, так и для курдской литератур. Многие из них вошли в творческую память наших народов, были художественно трансформированы на свой лад и по сей день вызывают живые, эстетически значимые ассоциации как у писателей, так и у читателей. Эта культурно-духовная близость, характерная, конечно, и для других восточных литератур, в данном случае имела свою историю, которая продолжается и в наше время. Наиболее ярко казахско-курдские литературные связи проявили себя (и обратили на себя внимание) в 30-х годах XX века. Можно считать, что с этого времени начался новый этап казахско-курдских литературных связей.

История и художественные картины казахской жизни в стихах, поэмах и хрониках курдской литературы, а также курдская тематика в казахской литературе подтверждают историческую реальность и разнообразие казахско-курдских литературных связей. Литературоведы неоднократно подчеркивали, что только «чужая» культура и только в глазах другой способна раскрыть себя полнее, только соприкосновение одного смысла с другим способно раскрыть глубины разных культур. Это и пробуждает желание как можно больше узнать о сокровенном опыте другой нации, изучать ее литературу и искусство.

Поэзия А. Кадо (Агите Кадъри) тонко и проникновенно повествует о поэтических впечатлениях, об истории курдской

литературы, о фольклоре. Его поэтическое наследие соединило в себе традиции, с одной стороны, устного народного курдского поэтического творчества, с другой – традиции курдской классической поэзии Ф. Тайрана, А. Хани, Хажара, Джагархуна и др. В стихотворениях А. Кадо «Весна», «Ах, Родина моя», «Курдистан», «Гюлизар», «Мир», «Милый друг» и других сильно образительное начало. Некоторые из них тяготеют к пейзажной лирике. Посредством сопоставления с образами окружающего мира автор передает свои чувства и переживания.

Заметное влияние на его лирику оказало то, что он занимался скрупулезной работой по собиранию и систематизации редких и малоизученных текстов курдского фольклора. Благодаря его подвижническому труду, многие из современных читателей знакомы с творчеством выдающегося поэта XIV-XV в.в. Ф. Тайрана. Особое звучание получает в его поэзии мысль об изменении мира. Мир изменился настолько, что в сознании человека прежние идеалы разрушены, поэтому и появляется ощущение катастрофы как духовной, так и физической. Видимо, поэтому эстетический идеал поэта дан не в прямом изображении, а завуалированно, через желание приблизиться к высокой цели, к поиску возможностей представить человека в гармонии с миром и, прежде всего, с самим собой.

Но, к сожалению, не всегда находит автор подобный идеал в современной ему жизни. Отсюда, по всей видимости, трагический тон некоторых его произведений. В стихотворении «Милый друг» лирический герой тоскует о своей Родине: «Я болен от страданий, нем, / Лишь ночью слышен сердца стон, / Мне луч рассвета дорог тем, / Что Родины коснется он».

Литературно-критический портрет в мировой литературе чаще всего подразделяется на три вида: литературно-критический портрет, содержащий анализ и оценку творчества писателя; мемуарно-биографический портрет, написанный по личным воспоминаниям писателя-автора; и художественно-биографический, созданный на основе факта или эпизода из жизни творческой личности. Жанр портрета, по мнению современных исследователей, может выполнять яркую социально-нравственную



функцию [6], так как любая творческая личность воспитывает окружающих активной гражданской позицией, своим отношением к избранной профессии. Границы между разновидностями литературно-критического портрета и творческого портрета подвижны и условны.

В современной литературе Казахстана много национальных поэтов, прозаиков, публицистов, которые своими произведениями рассказывают о прошлом, пишут о современности, консолидируя казахстанское общество. Они воспитывают у молодежи умение воспринимать мир в его многообразии, учат толерантности, коммуникабельности, уважению к культурам и литературам. Биографические данные о поэтах и прозаиках включаются в Антологии, исследования монографического плана, в научные статьи, очерки современного литературного портрета. Творческий портрет в этом ряду занимает особое место. Его автор должен показать не только талантливого человека, но и раскрыть истоки таланта, заинтересовать читателя.

Поводом для написания творческого или литературного портрета может послужить личная встреча (если автор и герой портрета – современники), знакомство с произведениями, живописный портрет и т.д. Обязательное условие создания портрета творческой личности – хорошее знание творческого пути и его основных произведений, биографии, мировоззрения, ближайшего окружения и т.д. Автор очерка должен обладать определенной долей фантазии, творческого вымысла, диапазоном критической мысли и глубокой эрудицией.

В литературоведении и критике Казахстана XX века жанр литературного и творческого очерка широко представлен в творческом наследии М. Каратаева, М. Базарбаева, З. Кабдолова, И. Шухова, Дм. Снегина, Н. Ровенского, М. Симашко, Вл. Владимирова, Г. Бельгера, Л. Енисеевой-Варшавской и многих других писателей и публицистов.

«Судьба поэтов никогда не бывает безоблачной, – размышляет автор очерка «Поэт своего народа» Т. Васильченко. – В 1989 году во время армяно-азербайджанского конфликта вокруг Нагорного Карабаха проживающие в Армении курды вынуждены были

покинуть родные места и искать пристанища в разных уголках тогда еще Советского Союза. Покинул родину и Гасане Хаджисулейман. Эта драма позже отразилась горестными мотивами в его поэзии: «Земля, где наши предки вместе жили, / Мне дорога как родина, как мать. / Мы эту землю сердцем не забыли / И жизнь готовы за нее отдать» [7, с.64].

Истоками литературного творчества Г. Хаджисулеймана автор очерка считает курдский фольклор. Т. Васильченко воссоздает картины детства поэта, когда его мама – Фатма в одиночку поднимала на ноги осиротевших детей. Будущему поэту в то время исполнилось 4 года: «Именно от матери воспринял он в раннем детстве красоту курдских сказок, легенд, поговорок. Так состоялось его первое знакомство с курдским фольклором, и это, безусловно, оказало формирующее влияние на чуткую от природы душу, пробудило тягу к родному слову, к литературному творчеству» [7, с.63].

Поэтическая мысль поднимает поэта к новым высотам. Но он не забывает землю Курдистана, свою историческую родину, ее цветущие сады и живительный воздух. Повествуя об историческом пути родины, Г. Хаджисулейман в своих поэтических произведениях перекликается с основными мотивами поэзии С. Саяди. Два поэта в непрерывности органической связи прошлого, настоящего и будущего, в единстве народного бытия ... видят ту разумность, которая и придает глубокий смысл человеческой жизни. В Казахстане выпускник Ереванского государственного института им. Х. Абовяна по специальности – учитель курдского и азербайджанского языков и литератур завоевывает популярность как корреспондент журнала «Нубар» и газеты «Курдистан». В поэтической эволюции Г. Хаджисулеймана ясно видны качественно новые взаимоотношения курдской литературы с литературой Казахстана. В суверенной республике расцвел талант курдского поэта.

Читательская аудитория произведений Г. Хаджисулеймана включает истинных ценителей поэзии России, Казахстана, Германии, Турции, Армении, Азербайджана, Кыргызстана. Главный редактор газеты «Жийана курд» много и плодотворно переводит.

На курдский язык им переведены поэма Абая «Ескендир», стихотворения Ж. Жабаева, С. Сейфуллина, И. Жансугурова и М. Макаева. Для антологии «Стихотворения Франциска Скорины на языках мира» Г. Хаджисулейман перевел стихотворение белорусского просветителя и поэта на курдский язык.

В творчестве известного курдского поэта и переводчика воссоздан поэтический облик казахского поэта, просветителя, философа, мыслителя Абая. Метафоры, сравнения и эпитеты – из тюркской поэзии.

Алмазом чистым мысль сверкала,  
Хоть сердце славы не искало.  
Она сама к тебе летела,  
Сердца потомков гордых грела.  
И целый мир теперь узнал  
Тебя, казахский аксакал.

В творческом очерке-портрете Т. Васильченко перечислены и охарактеризованы поэтические сборники Г. Хаджисулеймана «Мое сердце» (1995), «Жажду Родины» (1996), «Стон сердца» (2011), «Мои страдания». Поэтические произведения получают высокую оценку специалистов и любимы широкой читательской аудиторией. Он успешно издается как прозаик, публицист, драматург.

Т. Васильченко особо подчеркивает тот факт, что три поэтических сборника «Мое сердце», «Жажду Родины», «Стон сердца» и книга публицистики «Дорога жизни» Г. Хаджисулеймана изданы в Алматы. И, подводя итог, резюмирует: «И все же в первую очередь Гасане Хаджисулейман остается поэтом – ярким, многоплановым, интересным». Поэт посвящает в поэтическом сборнике «Жажду Родины» целый цикл стихотворных произведений «Цветы Родины» – Курдистану, многострадальной земле, исторической родине курдского народа. В стихотворениях «Жажду Родины», «Родина», «Горы Курдистана», «Курдские парни» – боль души и надежда, размышления и мечты поэта, волею обстоятельств оторванного от своей родной земли. Г. Хаджисулейман

говорит о своей любви к земле Курдистана – ласковой и улыбчивой:

В мечтах я иду по цветущим садам,  
Где воздух живителен, словно бальзам,  
Где сердце должно исцеленье найти...  
Я этой мечты никогда не предаю.  
Взойдет еще солнце, рассеет туман,  
Свободной и равною станет меж стран  
Земля моих предков, родная моя  
Далекая Родина – мой Курдистан.

Величавые горы родины – горы Агири – «выручат в беде», у них особый, «пьянящий аромат, когда цветами склоны их песят» («Не забуду наших гор»).

В стихотворении «Жажду Родины», давшем название всему сборнику, лирический герой признается в том, что устал скитаться: «Мне ноша скитальца не стала легка, / А Родина все еще так далека! / О, если б увидеть ту землю хоть раз, / У края дороги коснуться цветка!...».

В поэзии Г. Хаджисулеймана, как и в поэзии его великих предшественников – Т. Шевченко, К. Хетагурова и многих других, сильны мотивы бережного отношения к родной земле. Обращаясь к тучам (стихотворение «Белые облака»), поэт просит их: «Не стелитесь над моей / Родиною, тучи, / Солнца свет верните ей, / С солнцем будет лучше...». Поэт-гражданин тоскует по Родине: «Я от Родины так далеко...». Стихотворение «Родина» – программное для его творчества. Поэтические формулировки лаконичны и точны. Родина – «имя мое и честь», «дом мой? Гнездо? Очаг?», «Родина – это мир и покой». Лирический герой стихотворения «Горы Курдистана» высказывает свое сокровенное желание: «О горы Родины моей, / Так велико мое желанье / Напиться из живых ключей, / Чтоб исцелить свои страданья». Заключение строки содержит уверенность в мужестве, крепости курдского народа: «Ничто не сдвинет гор моих, / В них крепость курдского народа». Любовь к земле предков не ослепляет поэта.

Она не вытесняет из его сердца мир национальных представлений и связей, а, наоборот, расширяет духовный кругозор, учит ценить не только свое, но и гордиться тем, что создано другими народами.

С 1992 года Г. Хаджисулейман – корреспондент журнала «Нубар» и газеты «Курдистан» (впоследствии – главный редактор). Его имя широко известно как в странах СНГ, так и в дальнем зарубежье. Поэт публикует стихи, статьи, очерки и рассказы в газетах и журналах республик СНГ (Армения, Азербайджан, Беларусь, Россия, Казахстан) и в дальнем зарубежье (Германия, Турция). В ракурсе имагологии – «учении об образах как составной части сравнительно-исторического метода в литературоведении», как определяет ее автор «Толкового словаря обществоведческих терминов» Н.Е. Яценко [8], важны художественные переводы Г. Хаджисулеймана на курдский язык поэмы Абая «Ескендир», стихотворений Ж. Жабаева, С. Сейфуллина, И. Жансугурова и М. Макатаева. Является автором повестей «Беда одного села», «В ущелье Зилан», пьес «Шейх Саид» и «Шейх Махмуд Барзанджи» на исторические темы, поэм «Моя мать» и «Жизнь в борьбе».

В 2001 году выходит в свет сборник стихов Г. Хаджисулеймана «Родина зовет меня» (на курдском языке). Поэтическая эволюция его творчества, идейно-художественная зрелость поэта свидетельствуют о качественно новых взаимоотношениях курдской литературы с литературой Казахстана и о том, что именно в суверенной республике расцвел талант курдского поэта. Поэтический сборник Г. Хаджисулеймана «Жажду Родины», включающий четыре раздела: «Цветы Родины», «Моя дорога», «Курдская красавица», «Добрые руки», расцвечен красками казахстанской природы. Поэт стремится показать новое, что появилось в жизни Казахстана, и в то же время традиционные пейзажные мотивы. В стихотворениях «Наши джайляу», «Поле», «Сердитость гор» присутствуют традиции «философской дидактики», романтического стиля восточной поэзии.

Джайляу встречает лирического героя стихотворения «Наши джайляу» словно мать, утешает и укачивает его: «Под рукой – травы прохлады, / След росы едва заметен... / Сердцу так немного

надо – / Луг, цветы и солнце светит». Воздух в горах словно насто-  
ян на мёде. Голос горной птицы настолько мелодичен и завора-  
живающ, что собственный голос поэту кажется «грубей и проще,  
с хрипотцой ручья студеной».

Своеобразный диалог ведут между собой лирический герой  
стихотворения и сама горная природа, убеждающая поэта:

О поэт! На целом свете  
Не найдешь страны прекрасней!  
Посмотри, как с облаками  
Спрячт белые вершины...  
Здесь твой дом, ты здесь – с друзьями,  
А друзья в беде не кинут.

Курдский поэт с горечью и любовью повествует о своей нацио-  
нальной истории, культуре, особенностях национального харак-  
тера в стихотворениях «Посвящение Ахмеду Хани», «Моему лек-  
тору», «Азербайджанский язык» и многих других. Ахмеда Хани  
автор стихотворения считает «вершиной горы для нас»: «Читаю  
вечные строки Хани, / Они полны страдания и боли... / Но в труд-  
ный час он меня хранит, / В моем скитанье, в моей доле».

В стихотворении «Мустафа Барзани» поэт сравнивает лири-  
ческого героя с лучом долгожданном в ненастные дни. Благода-  
ря его неустанной деятельности, «весь мир постепенно о курдах  
узнал / о курдской культуре, / о трудной судьбе...» Стихотворе-  
ние поэта посвящено столице суверенного Казахстана – Аста-  
не [2, с.4], которая «душою тепла» и сплетает «прочно дружбы  
нить»: «Родник прозрачный – Астана, / Ты в добрый час воз-  
рождена...». Для истинного художника слова уважения достоин  
любой язык из мировых наречий. Г. Хаджисулейман воссоздает  
в своем творчестве поэтический облик выдающегося казахского  
поэта, просветителя, философа, мыслителя Абая, прокладываю-  
щего своему народу путь к знаниям, дорогу к свету:

Алмазом чистым мысль сверкала,  
Хоть сердце славы не искало.

Она сама к тебе летела,  
Сердца потомков гордых грела.  
И целый мир теперь узнал  
Тебя, казахский аксакал.

Алматы считает курдский поэт Г. Хаджисулейман своей родиной (стихотворение «Алма-Ата»). В стихотворении встречаются клишированные образы: «город-сказка», «город-сад», «цветущий город», в котором «тенисты парки», ослепительные дворцы. Но искренняя доверительная поэтическая интонация убеждает читателя в том, что поэт встретил этот город на счастье: «Жизнь моя – Алма-Ата».

Во многих поэтических произведениях интересы и чувства курдов и казахов совпадают. Особенно наглядно это выражено в стихотворениях Г. Хаджисулеймана о важнейших общечеловеческих ценностях «Страдания человека», «Добрые руки». В стихотворении «Если дела ладятся» прославляется доблестный труд:

Хлопок собирают, хлеб растят,  
На земле возделывают сад,  
Города возводят и мосты.  
Руки добрые всегда чисты.  
Эти руки вырежут свирель –  
Разольется тамбур<sup>1</sup>, а может, саз,  
Чтобы песня уследила нас.

Сложная диалектика человеческих отношений в стихотворении «Курдская красавица» изображается поэтом в слиянии с мощью и непредсказуемостью природной стихии. Он наделяет природу человеческими качествами, одушевляет солнце, луну и звезды:

И солнце мне мигало алым веком,  
Когда я провожал его ко сну.  
Луна и звезды надо мной склонялись,  
Мне доверяли тайные мечты...

---

1 Тамбур (курдск.) – музыкальный струнный инструмент

Так дни и сны мои чередовались  
Среди добра, любви и красоты.

Поэзия Г. Хаджисулеймана метафорична: «Зачем же разбросала нас судьба, / как листья на ветру ... / И гонит прочь?». Голос поэта поднимается до обобщений: «В детей стреляют, в женщин, стариков, / наш разорен очаг, обрушен кров ... Мир глух...». Поэт верит, что курдский народ вернется на родину.

Важность воспитания молодежи в духе патриотизма и любви к Родине – доминанта сборника прозаических и поэтических произведений «Dayîk» Барие Бала. Тема исторического прошлого художественно разработана в книге «Deh bûyer» [9] Б. Бала. Поэма «Трудные годы» имеет поэтическое посвящение:

Благодарю тебя, казахский брат,  
За доброту твою, гостеприимство.  
И в бедности ты был душой богат,  
Цена превыше дружбу и единство.

В первой главе поэмы «Холодный ветер с гор подул» повествуется о трагических 1926-ом и 1937-ом годах. В 1926 году после подавления на территории Северного Курдистана турецкими войсками национально-освободительного восстания Шейха Саида более 4 тысяч курдских семей бежали на Кавказ: «Лишились мы родной земли / И только память сберегли. / А новым домом стал для нас / Седой Кавказ».

1937-ой год – год репрессий и депортации курдского народа с Кавказа. Риторические вопросы стариков, женщин и детей остаются без ответа: «Зачем? И кто здесь виноват? И кто прислал сюда солдат? Кто отдал им такой приказ? За что, куда увозят нас?». Автор находит удачный образ дома-аула: «Аулы таяли в пыли...». Семьи тронулись в путь, «пожитки жалкие влача». Мужчины шли, стиснув зубы. Курдянки, «плача и крича, от неожиданных смертей / под юбки прятали детей». И лишь мудрые старики понимали, что «судьбы будут нележки, / раз их заставили спешить...». Последующими строками обозначен лейтмотив поэмы: «Но – надо ехать, значит – жить».



Природа сочувствует переселенцам, «речка не поет – она на камни слезы льет». Все в окружающем мире притихло и при-  
молкло. Умолкли птицы, застыли тучи в небесах, «с небес свет  
солнца ясного исчез». Трагичен последний полет орла. Гордый  
символ гор «в ущелье смерть свою обрел...». Картина заброшен-  
ности в ауле и в окрестностях усиливается повторением эпитетов  
*пустой, обескровленный*. И как дома, *разграбленные, пустые*,  
остаются без своих хозяев («в разбитых окнах – хлад и мрак»),  
так и «на обезлюдивших полях / сиротски хлеб несжатый чих». Дальше  
картины горя становятся безысходными: «Как саван, снег его накрыл и погубил». *Холодный* ветер, как горя стон, раздается повсюду.

Усиливаются в поэме мотивы сиротства и прощания: «С ли-  
ствой простились тополя, / Одедась в траур вся земля». Мир  
людей, жителей Кавказа и мир природы дополняют друг друга.  
И через сравнения, удачно найденные детали и образы («Два  
рельса, словно две змеи, по нашей жизни пролегли...»; «Народ,  
что скошен, как трава, / перевозился, жив едва») Г. Хаджисулей-  
ман раскрывает трагедию депортации.

Втоптали в души гнев и страх.  
Народ мой таял на глазах.  
Останки близких и родных –  
Во рвах, на станциях чужих.

В ноябре, в степные холода, «на дальней станции, в снегах»  
юрты кров над головой и радушие хозяйки («Нас – восемь душ,  
и трое вас, / Пусть будет трудно нам сейчас, / Но проживем...  
Похоже, здесь вы насовсем») помогают преодолеть «неизвест-  
ность, страх, отчаянье».

Искренней благодарностью наполнены заключительные  
строки первой главы поэмы, ведь «язык души понятен всем»:

Казахский стал для нас родным –  
На нем мы ныне говорим.  
Но и тогда, в суровый час,  
Без перевода стал для нас

Струей живительной воды  
Язык сердечной теплоты.

Вторая глава поэмы «Под флагом голубым», обращенная к внукам («Уверен: внуки знать должны / Историю родной страны, / За что Отечеством зовем / Страну, в которой мы живем»), открывается посвящением:

Брат – казах! Твое имя  
В историю золотом я запишу.  
Образ твой с благодарностью  
В сердце ношу.

Родной народ автор поэмы сравнивает со стаей перелетных птиц, которая обрела в Казахстане («Мы свили гнезда – здесь наш дом») «комфорт душевного тепла». Казахстан «братскою рукой вернул нам радость и покой, в сердцах надежду поселил, от горя, страха исцелил».

В суверенном Казахстане курдский народ живет в семье единой. Казахский брат не только впустил в свой дом и уберег от горькой судьбы, но и назвал курдов своими друзьями.

Тема духовного родства этносов Казахстана, межэтнического взаимодействия художественно воссоздается в публицистике Н. Надировым, Г. Хаджисулейманом и др. В очерках и эссе Г. Хаджисулеймана, включенных в книгу «Дорога Жизни», в аспекте концепта большой и малой Родины раскрыт образ главного героя Мамеда Бабаева. Книга интересна с точки зрения стиля и композиции, поэтики и языка. Курдские поэты воспитывают молодежь яркими примерами творческого пути известных общественных деятелей, ученых – академиков НАН РК Н. Надирова и К. Мирзоева, для которых «познание мира – творческий процесс», а главные уроки – «согласие и мирный диалог».

60-летию депортации курдов в Казахстан посвящена книга публицистики Н. Надирова «Мы, курды-казахстанцы», главы которой не только раскрывают феномен изгнания через личную судьбу автора, но и проникнуты искренней благодарностью

казахскому народу («Как мы обрели вторую Родину на казахской земле», «Казахстанский Курдистан», «Историческая справедливость – веление времени»). Автобиографический дискурс наполняет книгу теплотой, душевной открытостью. Умение анализировать, сопоставлять, обобщать, приходиться к интересным выводам – отличительная черта стиля публициста Н. Надилова.

Н. Надилов – основатель физико-химической научной школы, научной школы нефтепереработчиков и катализаторов РК. Первый директор Института химии нефти и природных солей АН КазССР (Гурьев), главный ученый секретарь АН КазССР, член ряда зарубежных академий, «отец казахстанской нефтяной науки» (Сафи Утебаев), Н. К. Надилов руководил комплексными исследованиями состава и свойств нефти месторождений Казахстана. «Инновационные идеи ученого об использовании нефтяных пород для производства синтетической нефти, ряда ценных редких элементов, моторных топлив и других нефтепродуктов успешно внедрены в производство» (А. Кенжегалиев).

Монография Н. Надилова «Нефтяные породы Казахстана» увидела свет в Казахстане и в Канаде на английском языке. Научный труд Н. К. Надилова «Нефть и газ Казахстана» (1995) признан лучшей книгой года. Лауреат премии имени академика И. М. Губкина, премии имени академика АН КазССР К. И. Сатпаева I степени, высших государственных наград РК, Н. К. Надилов основал научно-технический журнал «Нефть и газ», являясь его бессменным главным редактором. В 2011 году ведущее издание страны в области естественных и технических наук стало лауреатом в номинации «За самый высоко рейтинговый научный журнал» [10].

Новейшей истории западного региона Казахстана посвящена книга публицистики Н. Надилова «Тенгиз – море нефти, море проблем», в которой образным художественным языком изложена история открытия и освоения крупнейшего нефтяного месторождения на Западе Казахстана – Тенгиз. Большое место занимает в книге экологическая проблематика.

Как подчеркивает автор книги, само время велело ему, «очевидцу невиданных социально-экономических и культурных

преобразований в западном регионе Казахстана, обобщить материалы открытия и освоения уникального Тенгизского месторождения» [11, с.6]. Автобиографический дискурс повествования помогает «в определенной степени систематизировано изложить историю открытия и освоения Тенгиза, его перспективы и вклад в укрепление казахстанской экономики, еще раз напомнить имена первопроходцев в освоении огромной природной кладовой Казахстана» [11, с.6].

Книга публицистики Н. Надирова «Тенгиз – море нефти, море проблем» включает десять глав и охватывает широкий повествовательный пласт, начиная с первых глав «Контракт века» и «История открытия Тенгиза». Научная объективность и душевная теплота при описании людских судеб – таков стиль автора анализируемой книги. Личное знакомство с прославленными нефтяниками, среди которых основатели известных рабочих династий, придает повествованию лиричный настрой. С особым интересом читаются главы «Кадры – главное богатство СП «Тенгизшевройл», «Состояние природной среды Тенгизского региона» и др. Книга охватывает биографии представителей нефтяной отрасли: казахов, русских, американцев.

Современные исследователи выявляют своеобразие публицистики, подчеркивая совершенно очевидное: «... Традиционная ретроспективная повествовательная перспектива, ориентированная на изображение жизненного пути личности в хронологической последовательности и по возможности без больших временных перерывов, уступает место в модернизированном автобиографическом дискурсе документализированным формам повествования, отличающимся фрагментарностью, прерывистостью и незаконченностью» [12]. Эти характерные черты присущи очеркам Н. Надирова. Включение в книгу Н. Надирова «Тенгиз – море нефти, море проблем» официальных документов, ставших уже историей, привносит характер документальности и фактографичности, что превалирует в главах «Геология Тенгизского месторождения», «Социальные вопросы» и т.д. В текст книги включены справки, благодаря которым воссоздается история казахстанской нефти. Например: «Промышленное освоение

Эмбинского нефтеносного района началось 29 апреля 1911 года, когда на площади «Доссор» ударил нефтяной фонтан. Активные поисково-разведочные работы 1930-х годов дали основания для разработки широко известных месторождений Байчунас, Косчагыл, Шубаркудук, Сагыз, Кульсары» [11, с.50].

Документальность стилю придает серия фотографий, карт, диаграмм, таблиц. Уникальны фотоснимки подписания «Контракта века» Президентом Республики Казахстан Н. Назарбаевым и Председателем правления, директором-распорядителем корпорации «Шеврон» К. Дерром, посещения Председателем Совета Министров СССР Н.И. Рыжковым и Председателем Совета Министров Казахской ССР Н.А. Назарбаевым месторождения Тенгиз в 1988 году. Фотографии представлены в рубриках «Будни СП «Тенгизшевройла», «Социальные программы «Тенгизшевройла» и т.д. В ткани повествования цитируются подлинные документы, высказывания крупнейших советских ученых. Вторая глава «История открытия Тенгиза» начинается с высказывания видного ученого, основоположника советской нефтяной науки и практики академика АН СССР И.М. Губкина, который «еще в 1931 году на чрезвычайной сессии АН СССР отмечал: «Энергичная и смелая разведка может сделать из Урало-Эмбинского района грандиозный район со многими десятками миллионов тонн добычи нефти».

«В трудах Н. Надирова запечатлена наша история, история нашей науки и казахстанской нефти, знать которую представителям молодого поколения просто необходимо, чтобы стать всесторонне развитой, гармоничной личностью, успешно реализующей самые амбициозные проекты на благо родного Казахстана», – считает С.В. Ананьева [13, с.8].

В книге публицистики Н. Надирова «Разница во времени, или Исторические повороты: экзамен на порядочность» в ракурсе автобиографизма обобщен жизненный и профессиональный путь известного ученого-нефтехимика сквозь призму общественных событий в СССР и независимом Казахстане. Автобиографический дискурс в последнее время выступает «объектом повышенного внимания лингвистов, литературоведов, социологов

и психологов ... и относится к числу жестко регламентированных дискурсов» [12]. История развития высшего образования Казахстана и работа Академии наук республики воссозданы Н. Надириным в лицах и событиях. Известный ученый состоялся в родном Казахстане. Это еще один аспект раскрытия казахской тематики в курдской литературе.

«Каждая книга имеет свою биографию, свою историю», – уверен Н. Надиринов. Она обращена к читателям, молодежи, так как учит любить свою Родину – суверенный Казахстан. Очерк о старшем брате «Мой первый и главный учитель» раскрывает духовную близость двух педагогов, известных людей Казахстана. Н. Надиринов в центральную часть очерка включает описание своей поездки со старшим внуком Арифом на 60-летие родной школы села Орнекты, которую автор очерка закончил в 1948 году. Сдержанный по характеру, старший брат был близок младшему «внутренне, сердцем». Он учил детей репрессированных курдов главному – внутренней раскрепощенности, внутренней свободе. Педагогический коллектив школы, обучая детей на казахском языке, преподавая русский, сделал все для того, чтобы не был забыт родной курдский язык, «ведь с языком оживает и вся система национального духа: традиции, обычаи и обряды. Язык – это история народа, основа национальной культуры» [1, 57].

Книги публицистики Н. Надиринова «Мы, курды-казахстанцы», «Разница во времени, или Исторические повороты: экзамен на порядочность», «Тенгиз – море нефти, море проблем», отражая историческую эпоху рубежа веков, переломные моменты и новые веяния, дополняют раскрытие темы Казахстана в курдской литературе республики новыми образами людей труда и научной и творческой интеллигенции.

Новейшая литература рубежа веков отражает изменения, происходящие в обществе. «Национальные литературы расширяют сферы влияния друга на друга, обогащаясь новыми темами, мотивами, концептами и дискурсами», – подчеркивают авторы Предисловия «Интеграционных процессов и казахской литературы» [14, с.3]. Поиск ответов на важнейшие вопросы современности, вызовы глобализации на современном этапе способствует

раскрытию этнокультурного мира в художественном тексте писателей, поэтов, публицистов, драматургов Казахстана.

Как отмечают критики, казахская и курдская литературы все интенсивнее взаимодействуют друг с другом. Подобное взаимовлияние, на наш взгляд, является необходимым фактором внутрилитературного развития, органической частью самого процесса художественного творчества. Новизна, перспективность художественных поисков заметно обогащают палитру литературы этносов Казахстана.

Благотворное значение казахско-курдских литературных связей проявилось почти на всех этапах развития литератур. В изучении данной проблемы уже сложились определенные традиции. Литературоведы едины в убеждении, что зарождение и развитие казахско-курдских литературных связей – важнейший источник национально-поэтического творчества, школа подлинного гуманизма и народности, реализма и высокой художественности. В этом плане представляют большой интерес научные монографии К. Мирзоева, в том числе «Проблемы преемственности межлитературных связей» (Алма-Ата, 1998). Важна и актуальна прошедшая в октябре 2013 года в Казахском Национальном педагогическом университете им.Абая международная научно-практическая конференция «Историко-культурные связи Казахстана со странами зарубежного Востока».

В Париже и Брюсселе – двух крупнейших европейских столицах – созданы и работают институты курдоведения. В 1994-ом году состоялось торжественное открытие Курдского научно-исследовательского института в Берлине, в числе востоковедов из разных стран мира – США, Англии, Голландии, Франции, России и других был и К.И. Мирзоев. Доктор исторических наук, профессор А. Алтаев указывает, что есть своя определенная закономерность в том, что фундаментальное исследование истории и культуры курдов «Курды. Малая энциклопедия» появилось впервые именно в республике Казахстан. Монография – одна из первых на постсоветском пространстве, но первая в Казахстане в энциклопедическом плане, комплексно и всесторонне освещает историю, язык, литературу, религию, менталитет одного

из древнейших и самобытных народов мира. Автор пытается ответить на некоторые вопросы, не имеющие до сих пор однозначного и убедительного ответа. В частности, рассказать о жизни и деятельности легендарного Саладина, воспетого в западноевропейских балладах, при котором мощное Аюбидское государство достигло своего наивысшего могущества.

«Научная разработка проблем, связанных с консолидацией казахстанского общества, предполагает глубокое изучение истории и культуры всех этнических групп, проживающих в республике. Решение этой задачи стимулирует процессы межнационального взаимопонимания и взаимодействия, способствующие успешному движению Казахстана по пути построения развитого демократического и цивилизованного государства. Книга К. И. Мирзоева «Курды. Малая энциклопедия» расширяет горизонты казахстанской историографии дружбы народов». Она позволяет глубже постичь истоки культурных и исторических взаимосвязей казахского и курдского народов (этому вопросу посвящена отдельная глава «Курды Казахстана»)). «Данный труд, – как отмечает известный казахский ученый-востоковед, профессор Ж. Дадебаев в статье «Курды. Малая энциклопедия», – выдающийся труд в нашей духовной жизни ... открывает перед нами фольклор и письменные памятники одного из самых древних восточных народов мира (историю, культуру, язык, литературу, традиции и обычаи)». Автор четко характеризует национальные черты курдов. Особо подчеркивает, что «курды, где бы они ни жили, при любых ситуациях никогда не забывали о своей гражданской ответственности, в том числе о своем родном языке. Они всегда жили и живут в мире с соседними народами, осваивая язык этих народов». К. И. Мирзоев, автор монографии, показывает богатство и своеобразие курдского национального эпоса, исследует фольклорное наследие курдов. Данная энциклопедия является плодом долголетнего плодотворного труда автора, который с малых лет вырос в этой национальной среде, впитал в себя все ее лучшие качества, что позволило ему показать культуру курдского народа во всей ее многогранности и самобытности» [15].



При всем разнообразии творческих манер, стилистических пристрастий, многосторонности тематического выбора произведения современных курдских писателей объединяет пламенная любовь к многострадальной Родине, высокая нравственность, уважение к народам, к культуре всего мира. Из книг современных курдских писателей и поэтов, выходящих на родном языке и языках народов мира, читатели узнают о жизни курдов, о выдающихся сыновьях и дочерях курдского народа, его национально-освободительной борьбе, о том, что куда бы ни привели курда житейские дороги, его не покидает священная мечта о Большом Курдистане, о суверенном и независимом государстве, где наконец-то воссоединится в единой счастливой семье столетиями разрозненный, разорванный на части курдский народ. В этом плане интересен очерк К. Мирзоева «Воплощение мечты или поездка на историческую родину». С детства мечтал известный ученый увидеть родину предков и внимательно замечает, что турецкие курды сохранили родной язык и говорят на диалекте курманджи, «но процентов двадцать – тридцать родной язык уже забыли, языком общения для них стал турецкий, запрет на курдский язык дал свои результаты». Делегация из Казахстана посетила историческую крепость Исаак Паша в Баязете, мавзолей великого курдского поэта, философа, просветителя Ахмеда Хани.

При виде снежной вершины Агри и реки Аракс у К. Мирзоева сложились поэтические строки: «Два берега одной реки – / Вы так близки и далеки. / В реке Аракс тонули звуки / Любви, страданий и разлуки. / Хочу, чтоб берега реки / Сомкнулись, словно две руки / В рукопожатье братском, крепком / Под голубым и мирным небом!» [16, с.2].

На международной конференции PEN-клуба в Бишкеке принимала участие представительная курдская делегация в составе поэта, журналиста Ш. Сафара, поэтессы, переводчика Б. Доски, писателя, публициста С. Кавибыри и приглашенного Ассоциацией «Барбанг» журналиста, редактора радиовещания на курдском языке в г. Кельн Дж. Кая. В Доме Дружбы в Алматы на встрече с учеными, писателями, поэтами, журналистами была озвучена

мысль о ежегодном проведении подобных встреч в представительстве Международного PEN-клуба в Алматы.

И казахская, и курдская литература отразили общие для обоих народов черты национального характера – независимость и свободолюбие, стойкость и мужество, щедрость и доброту, верность слову и долгу.

#### Литература:

1. Надиров Н. К. Мой первый и главный учитель // Дружба. – 2002. – №20-21. – С.54-57.
2. Хаджисулейман Г. Жажду Родины. – А.: Алатау, 1996. – 108 с.
3. Назир Б. Мой Казахстан // Жийана курд. Март 2009. №3 (135). С.4.
4. Мьсто М. Мне этот «Поезд смерти» не забыть // Курдистан. 2.07. С.3.
5. Саяди С. А когда? // Азия дауысы. Сентябрь 1992 (№15). С.2
6. Касьянова Д. Творческий портрет как жанр искусствоведческого издания // <http://www.relga.ru>
7. Васильченко Т. Поэт своего народа // Нубар. – 2011. – №2. – С.63-66.
8. [http://slovarnik.ru/html\\_tsot/i/imagologi8.html](http://slovarnik.ru/html_tsot/i/imagologi8.html)
9. Бала Б. Deh bûyer. – Б.: Салам, 2012. – 176 с.
10. [http://www.spr.kz/site\\_go.php?id\\_firm=378600](http://www.spr.kz/site_go.php?id_firm=378600)
11. Надиров Н. К. Тенгиз – море нефти, море проблем. – А.: НИЦ «Ғылым», 2003. – 266 с.
12. Бондарева Л. М. К проблеме организации текстового пространства в немецкоязычном автобиографическом дискурсе // <http://www.km.ru/referats/>
13. Нефть и книги // Казахстанская правда. 10.12.2013. – С.8.
14. Интеграционные процессы и казахская литература. – А.: Арда, 2011. – 256 с.
15. Курдистан. – 1994. – №1 (21).
16. Жийана курд. Август-сентябрь 2014. С.2.

## УЗБЕКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Современный литературный процесс в республике интересен многонациональным составом писателей и поэтов. Свой неповторимый колорит вносят узбекские литераторы, живущие компактно в Южно-Казахстанской области и создающие свои произведения на узбекском языке. В Казахстане работает узбекский театр, ведется теле- и радиовещание на узбекском языке [1], выходят три журнала и более десяти газет на узбекском языке [2], действуют узбекские национальные культурные центры в Шымкенте, Кызылорде, Алматы, Талдыкоргане, Астане, Караганде [3].

История узбекской литературы в Казахстане своими корнями уходит в далекое прошлое и неразрывно связана с историей народа. На территории Южного Казахстана жили и создавали свои произведения известные поэты Юсуф Сарёми и Абдулхамид Лузуми. Ю. Сарёми – выдающийся представитель узбекской литературы второй половины XIX века и начала XX века. Он родился в Сайраме. Как известно, на территории Сайрама находился древний город Исфиджаб [4] – крупный торговый город на Великом Шелковом пути. А. Лузуми жил и творил в Чимкенте в первой половине XX века. Имена великих просветителей Востока – Ходжи Ахмеда Яссави, Сулеймена Бакыргони, Атаи и других классиков староузбекской литературы связаны с древней сайрамской землей, которая испокон веков была центром тюркского культурного и литературного мира.

До обретения независимости произведения местных узбекских авторов не были знакомы широкому кругу читателей. В советский период поэты и писатели уезжали в Узбекистан, но не теряли связь со страной, где родились, и в дальнейшем стали связующим звеном между казахской и узбекской литературами. С провозглашением независимости Казахстана наблюдается активизация деятельности узбекских писателей и поэтов Казахстана, укрепляется традиционная творческая связь с казахскими авторами, осуществляется пропаганда общих ценностей народа Казахстана в соответствии со стратегией «Казахстан – 2050»: один народ – одна страна – одна судьба.

В Казахстане действуют узбекские литературные объединения «Чашма», «Чимкент», «Сайрам», «Исфижоб», «Шуъла», «Кудрат Хикмат», «Куккиё илхомлари», «Камолот», «Карвон», «Атой», «Шамчирок». Каждое из них имеет свою историю становления и развития, но объединяют их общие цели – пропаганда мира, дружбы, толерантности и взаимопонимания живущих в Республике Казахстан наций и народностей.

В 1987 году в Сайрамском районе Южно-Казахстанской области по инициативе творческой интеллигенции было создано литературное объединение. Его, как символ чистоты и источник творчества назвали «Чашма» («Родник»). В становлении «Чашмы» большую роль сыграл редактор районной газеты «Мехнат байроги» (ныне «Сайрам садоси») Ю. Сайдалиев, впервые опубликовавший в печати произведения литераторов.

Первым руководителем «Чашмы» стал поэт И. Жуманов, который успешно руководил литобъединением до 1992 года и сумел собрать вокруг себя активных молодых представителей творческой молодежи. С переходом И. Жуманова на работу в редакцию областной газеты «Дустлик байроги» (ныне «Жанубий Козогистон») деятельность «Чашмы» продолжилась. В 1998 году председателем литературного объединения «Чашма» стал поэт А. Прагов. Деятельность литературного объединения активизировалась, многие авторы пополнили его ряды. В 2003 году районное литературное объединение «Чашма» получило статус областного, этому немало способствовали члены Правления Южно-Казахстанского отделения Союза писателей Казахстана – доктор филологических наук К. Сыздыков, писатели М. Байгут, А. Аймак, Е. Койбагаров и Х. Есенкараева.

Активно пишут и печатают свои произведения Т. Юлдашев, И. Жуманов, Ш. Шопулатов, С. Акрамов, К. Юсуфалиев, Б. Жумаев, С. Камолова, У. Каримова, И. Хукиев, Г. Хасанова, Т. Пирназарова, Б. Муталов, К. Солибеков, С. Мумин, О. Режаметова, И. Юнусметов, Ш. Юсуфалиева, Р. Нишанкулова, А. Саидмуродов, М. Бегметова, Ш. Эргешов, Б. Мирасулов, С. Махмурзаева, М. Сапарова, участвуют в литературных конкурсах «Назм

юлдузлари» («Звёзды поэзии»), «Офарин!» («Браво!»), «Истикболим – истиклолим» («Моя независимость – мое будущее»), выступают на фестивалях народного творчества «Сайрам талантлари» («Таланты Сайрама»). Активно занимаются общественной деятельностью, многие из них награждены нагрудными знаками «Жамоат фидойиси» областного узбекского культурного центра и «Жамоат фахрийси» Ассоциации узбеков Казахстана «Дустлик».

Художественные произведения публикуются в журналах «Муштум» (Ташкент), «Элем әдебиеті» (Астана), «Дала» (Алматы), «Гулистан» (Ташкент), газетах «Кишлоқ хаёти» (Ташкент), «Ишонч» (Ташкент), «Оңтүстік Қазақстан» (Шымкент), «Жанубий Козогистон» (Шымкент), в журналах «Бойчечак», газетах «Жануб жарчилари», «Мартобе», «Сайрам садоси», «Жамият ва марифат», «Сайрам сабоси», «Болажон», «Исфижоб», «Адабиёт ва санъат» Сайрамского района ЮКО.

Писателями и поэтами «Чашмы» изданы коллективные сборники «Канот коқди» («Взмах крыла»), «Туёна» («Подарки»), «Турон чечаклари» («Цветы Турана»), «Чашма гулдасдаси» («Венок «Чашмы»), «Чашма мавжлари» («Волны «Чашмы»), «Чашма чамани» («Цветник «Чашмы»), «Ёшлар овози» («Голоса молодых») и ряд книг. Литераторы «Чашмы» перевели на узбекский язык и опубликовали на страницах местных газет и журналов произведения казахских писателей и поэтов. Проводятся литературные вечера и встречи читателей с известными мастерами пера Казахстана и Узбекистана. Литературное объединение «Чашма» активно сотрудничает с другими творческими объединениями Южного Казахстана, обмениваясь опытом и проводя совместные литературные мероприятия. Литературная премия «Аргумок» («Скакун»), учрежденная литературным объединением, девятый год присуждается лучшим узбекским литераторам.

В 2012 году «Чашма», своеобразная школа литературного мастерства и место творческих встреч, отметила свое 25-летие. В областном узбекском драматическом театре на торжественном собрании, посвященном этому знаменательному событию, присутствовали официальные лица, казахские литераторы и гости из соседней Республики Узбекистан. Союз писателей Республики

Казахстан представлял И. Сапарбаев, от отделения СП Казахстана на Южно-Казахстанской области выступали А. Аймак и Е. Койбагаров. Творческую делегацию Узбекистана возглавил дважды лауреат Государственной премии Республики Узбекистан, лауреат Президентской премии мира и духовного согласия Республики Казахстан писатель Н. Фозилов. По его мнению, «объединение «Чашма» заметно повлияло на развитие узбекской литературы в Республике Казахстан. Литераторы «Чашмы» внесли большой вклад в укрепление дружбы братских узбекского и казахского народов и развитие связей между узбекской и казахской литературами». В 2013 году председателем творческого объединения «Чашма» стал С. Акрамов.

Литературное объединение «Чимкент» основано осенью 1997 года. Первое заседание, в котором участвовали М. Розметов, Э. Султонова, Н. Юлдашева, Ф. Раимбердиева, М. Сайдуллаева, прошло в зале заседаний областного департамента образования ЮКО. В 2000 году членами литературного объединения «Чимкент» стали двадцать литераторов. В 2003 году заседания и встречи его участников стали проводиться каждый месяц. Обсуждались литературные новости города, рекомендовались к изданию лучшие произведения. Каждый мог высказать свое мнение. Начали издавать прозаические и поэтические сборники, мемуары, брошюры, справочники. Читатели с большим интересом знакомились с творчеством узбекских писателей и поэтов, живущих в Шымкенте. Ряды литературного объединения постоянно пополнялись.

По инициативе руководства объединения в 2006 году был проведен первый поэтический конкурс «Прославим Родину», посвященный 15-летию Независимости Казахстана. В конкурсе участвовали представители всех узбекских литературных объединений республики. Продолжая традицию, в декабре 2011 года проведен поэтический конкурс «Прославим Родину», посвященный 20-летию Независимости Казахстана. Знаменательным событием в жизни членов творческого объединения стало издание в 2013 году книги «Чимкент – ижод гулшани» («Шымкент – цветущий творческий город»), включающей восемь разделов

об истории города, деятельности узбекского культурного центра, об узбекских писателях и поэтах, ярких личностях, о деятельности литературного объединения «Чимкент». В книге представлены поэзия, проза, журналистика, публицистика, живопись более 90 творческих деятелей города Шымкент.

Многие участники творческого объединения «Чимкент» выпустили в свет книги и брошюры на узбекском языке. Изданы книги М. Розметова «Ишқ достони» (1993), «Муҳаббат можароси» (1997), «Вафодорим» (1999), Х. Гултураева «Муборак ҳаж сафари» (2007), «Уч кунлик дунё» (2008), «Журналистик ҳавас» (2008), Ю. Эргаша «Қайтар дунё» (2010), «Умр поғоналари» (2011), «Ойдан тушган одамлар» (2013), «Султон Жалолиддин» (2013), «Биз билган ва билмаган дунё» (2014), Т. Эрмата «Кўнглимдаги гапларим – Сизларга армуғон дўстларим» (2007), «Ҳаёт ва саломатлик дурдоналари» (2012), З. Ташмухаммедовой «Изҳори дил», «Тухфа» (2008), М. Юлдашевой «Малоҳатим» (2006), М. Ибрагимовой «Дилда борим» (1993), К. Зокирова «Ҳаётдан топилган жавоҳирлар» (2009), «Шеърят бўстони» (2010), А. Абдукаримова «Ёшлик завқи» (2008), М. Аташева «Эртаклар оламида» (2009), Т. Усмонова «Тақдир китоби» (2010), «Улфатларим» (2011), А. Абдухоликова «Ҳаёт довлари» (2011), Р. Диловаровой «Бахт нишонаси» (2011), М. Султоновой «Яхшиликдир ҳаётнинг нақши» (2011), С. Мумина «Кўркам наволар» (2008), «Ҳижрон ноласи» (2012), Н. Мухаммедовой «Ҳаёт қиссаси» (2013), П. Намоза «Виждон азоби» (2011), «Мақсаднинг саргузаштлари» (2012), «Оқ қушлар, оппоқ қушлар» (2014). Изданы книги Р. и З. Тожихановых «Қўш иждокор севишганда» (2012), С. Мумина и З. Ташмухаммедовой «Икки дил таронаси» (2012), З. Ташмухаммедовой, К. Зокирова, С. Мумина «Уч нозим назми» (2013). Тематика произведений разнообразна. Авторы литературных произведений стремятся силой художественного слова пробуждать добрые и чистые высокие чувства, утверждать высокие нравственные понятия.

С 1997 года литературное объединение «Чимкент» возглавляет поэтесса, переводчица, член Союза журналистов Республики Казахстан Э. Султонова, редактор областной

культурно-просветительской, литературно-художественной газеты «Исфиджаб», выходящей с 2006 года на узбекском языке. К достижениям литературного объединения «Чимкент» следует отнести награждение нагрудными знаками «Жамоат фидойиси» и «Жамоат фахрийси», присвоение литературной премии «Аргумок».

Деятельность литературного объединения «Чимкент» ориентирована, прежде всего, на литературную работу с творческими людьми. Опытные литераторы готовы поделиться знаниями с молодыми, начинающими поэтами и писателями. Узбекские писатели и поэты Казахстана стремятся вырастить достойную молодежь, воспитать её в патриотическом духе.

Литературное объединение «Сайрам» создано в 1979 году в Сайрамском районе Южно-Казахстанской области. Его председателем избран поэт О. Сайдикрамов, секретарем Х. Кучкаров. М. Бутабеков и А. Пардабеков возглавили публицистический и поэтический отделы. Год спустя коллектив стал называться творческим объединением «Сайрам» имени Юсуфа Сарёми, а позднее руководителем «Сайрама» стал поэт А. Пардабеков. Активными членами «Сайрама» являются Х. Тиллахужаева, М. Кодиров, Х. Йулдош, Э. Султонова, И. Мамадаминов, А. Пратов и С. Зиёбекова. Приостановив свою деятельность в начале 1990-х годов, в начале 2000-х годов «Сайрам» возобновил работу. Литературное объединение «Сайрам» в 2010 году возглавил С. Юлдош, в настоящее время им руководит Г. Рахметов.

Литературное объединение «Исфижоб» было организовано в 2002 году в Сайрамском районе Южно-Казахстанской области по инициативе поэта У. Собира, который и по настоящее время возглавляет этот коллектив. Литобъединение носит имя поэта О. Тиллахужаева. Ведущие члены коллектива награждены нагрудными знаками «Жамоат фахрийси», «Жамоат фидойиси», многие стали лауреатами литературной премии «Аргумок». Изданы книги Х. Кучкарова, С. Шомуродова, Х. Одиловой, О. Тиллахужаева, Х. Кучкарова. В 2003 году в Алматы издан коллективный сборник «Исфижоб инъоми».



Литературные объединения «Кудрат Хикмат» и «Куккиё ил-хомлари» многие годы действуют в городе Туркестане. «Кудрат Хикмат» возглавляет поэт, член Союза писателей Республики Казахстан Э. Рузиматов. Организатор и руководитель «Куккиё ил-хомлари» – сотрудник газеты «Туркистон» А. Иззатуллаев. Члены этих литературных объединений являются лауреатами литературной премии «Аргумок», получают призовые места на конкурсах «Назм юлдузлари», «Культура и традиции узбекского языка», «Человек года ЮКО», «Устаз каламгер», «Офарин», «Туркистон тароналари».

В 2012 году в кишлаке Корабулок Сайрамского района было создано литературное объединение «Шуъла» («Сияние»), возглавляет которое поэтесса Г. Бегалиева. Литературовед, кандидат наук Р. Бегалиев является научным советником творческого коллектива. Литературное объединение «Шуъла» насчитывает в своих рядах более 20-ти литераторов, чьи произведения публикуются в газетах «Жанубий Қозоғистон», «Сайрам садоси», «Сайрам сабоси», журналах «Бойчечак», «Камалак» и отличаются разнообразием и сложностью душевных переживаний и настроений литературных героев. У каждого автора свой художественный стиль, легко узнаваемый читателями. Создавая произведения о добре и милосердии, трудолюбии, активной жизненной позиции и ответственности, они призывают к единению и солидарности, дружбе, воспитывают чувство патриотизма, уважение к старшим.

Несмотря на относительно небольшой срок существования этого литобъединения, к настоящему моменту литературная деятельность многих активистов отмечена наградами (нагрудными знаками «Жамоат фидойиси» и «Кумис алка»), призовыми местами на конкурсах «Назм юлдузлари» и «Офарин!», благодарственными письмами областного узбекского культурного центра. Литературное объединение «Шуъла» предоставляет возможность литераторам раскрыть свои таланты, а читателям – приобщиться к истокам прекрасного, познакомившись с их произведениями.

В Южно-Казахстанской области в кишлаке Кулкент Сайрамского района действует творческое объединение «Камолот»

(руководитель М. Махамедова), в кишлаке Озодлик Тюлкубаского района – «Карвон» (руководитель М. Миразизов), в кишлаке Турбат Казигуртского района – «Атойй» (руководитель Б. Собитов) и «Шамчирок» (руководитель А. Усмонов) в Тулебийском районе.

Расцвет узбекских литературных объединений приходится на период независимости нашей страны. В эти годы в Союз писателей Республики Казахстан приняты узбекские писатели и поэты И. Жуманов, Х. Кучкаров, Б. Собитов, А. Пратов и З. Муминжонов. Книги узбекских литераторов печатаются в типографиях и издательствах Алматы, Ташкента, Шымкента и Сайрамского района, некоторые из них переведены на казахский язык. В 2009 году в Алматы вышел в свет поэтический сборник А. Пратова «Бір тал гүл», в который вошли избранные стихотворения на казахском языке в переводе И. Сапарбаева. Художественный перевод активно развивается в узбекской литературной среде. А. Пратов, З. Муминжонов, Д. Сайфуллаев, Б. Муталов и У. Собир успешно перевели на узбекский язык произведения казахских поэтов и прозаиков М. Байгут, Е. Койбагарова, Т. Карина, Ж. Каттабека и К. Ергобека, С. Абдрахманова, А. Файзуллаева, К. Мырзалиева, А. Дуйсенбиева, М. Кожаева, М. Шаханова, Х. Есенкараева, И. Омара, С. Исакова.

С целью духовного поощрения и материальной поддержки узбекских поэтов и писателей ежегодно проводится форум узбекских литераторов Казахстана «Назм юлдузлари» («Звезды поэзии»), учрежденный Ассоциацией узбеков РК «Дустлик». По словам председателя Ассоциации Р. Холмуродова, одной из основных целей проведения этого конкурса является популяризация творчества узбекских литераторов: «Мы намерены издать сборник стихов нынешних участников форума и раздать школам для использования в качестве учебного пособия» [5]. Узбекский областной драматический театр, торжественно открытый в 2003 году Президентом Республики Казахстан Нурсултаном Назарбаевым, в прошлом году отпраздновал свой десятилетний юбилей. Его деятельность способствует развитию узбекской литературы в нашей стране, так как на его сцене поставлены

драматические произведения узбекских авторов Казахстана и эта традиция продолжается.

Узбекскими литературными объединениями проводятся различные мероприятия, направленные на обмен опытом, повышение профессионального уровня, развитие связей с коллегами из Республики Узбекистан. В 2012 году при Ассоциации узбеков РК «Дустлик» было создано творческое объединение «Ижодкор», председателем которого единогласно избран А. Пратов. Основная цель объединения – координирование деятельности всех узбекских литературных объединений Казахстана. Созданы отделы поэзии, прозы, детской литературы, критики, переводческого дела и фольклора, для работы в которых делегированы лучшие представители узбекских литературных объединений Казахстана.

\*\*\*

Самым распространенным жанром современной узбекской литературы Казахстана является поэзия. На поэтической ниве творят многие узбекские мастера пера. В их творчестве основное место занимают произведения патриотического характера, отражающие привязанность к жизни страны, гордость за независимый Казахстан. Узбекские поэты воспевают дружбу между многочисленными национальностями, живущими в республике, мир и взаимопонимание. Звучат, так называемые, «вечные» темы любви, дружбы, уважения к старшим, созерцания природы. В творчестве узбекских поэтов пейзажные описания выступают в роли призмы, через которую читатели ощущают любовь к родине, единство человека с природой. Создано множество стихотворений, посвященных родителям, друзьям и соратникам по перу.

Известным и признанным узбекским поэтом является Э. Рузиматов, литературная деятельность которого началась в 1953 году, когда он, поступив в один из вузов Ташкента, принимал активное участие в литературном кружке «Ёш ижодкор» Союза писателей Узбекистана. В первой книге стихотворений «Кунгабокар» («Подсолнухи»), изданной в 1963 году в городе Ташкенте, видно дарование поэта, пишущего для детей и подростков. Проходили

годы, издавались книги «Тинчимаган Эргаш» («Озорник Эргаш»), «Тегирмончи» («Мельник»), «Пахта қўшиғи» («Песня о хлопке»), «Товоксой куёши» («Солнце Таваксия»), «Дўстлик йўли» («Дорога дружбы»), «Табиб бобо ва менинг саргузаштларим» («Дедушка лекарь и мои приключения»), «Қовун палак» («Дыня»), «Ақилли айиқ» («Умный медведь»), «Хизр бобо ва бемор киз» («Дедушка Хизр и больная девушка»), «Туркистон гуллари» («Цветы Туркестана»), «Туркистон ва Робия Султонбегим» («Туркестан и Рабия Султанбегим»), «Чинор тагидаги учта киз» («Три девушки под чинаром»), «Чўлдаги олишув» («Схватка в степи»), «Қадимий Сигноқ ва отчопар қиссаси» («Повесть о старом Сигнаке»), «Зиёратчи совғаси» («Подарок паломника»), «Укоша ота ва Эшон бобо», обращенные, в основном, к юным читателям школьного возраста. Серьезные и веселые стихотворения, пропагандирующие доброту и дружбу, гуманизм и патриотизм, заучивались наизусть. В 1974 году поэта приняли в Союз писателей СССР, а в начале 1990-х годов он стал членом Союза писателей Казахстана. Э. Рузиматов, помимо литературного творчества, активно участвует в общественной деятельности, будучи на протяжении десяти лет председателем узбекского культурного центра города Туркестан.

Узбекский поэт известен и как талантливый переводчик, он успешно переводит с казахского на узбекский язык произведения казахских авторов. На узбекском языке вышли книги К. Мырзалиева «Кумуш кунгирок», А. Дуйсенбиева «Шеърлар туплами», К. Ергобека «Адабиёт ва абадият». Ряд стихотворений Э. Рузиматова переведен на казахский, таджикский и русский языки. Произведения Э. Рузиматова включены в «Антологию узбекской детской литературы».

Э. Рузиматов пишет о национальных ценностях, мире, солидарности, сотрудничестве между народами. В 2006 году на форуме узбекских литераторов Казахстана «Назм юлдузлари» лучшим стихотворением признано стихотворение Э. Рузиматова, посвященное памяти великого казахского батыра Хаджимукана. В книге «Мучал нима?» (2013), тепло встреченной юными читателями, автор рассказывает в поэтической форме, доступной детям

о двенадцатилетнем цикле летоисчисления, увлекательно пишет о годе мыши, коровы, тигра, зайца и т.д.

Учитель по образованию поэт Т. Юлдошев (псевдоним Туроб Сайракий) посвятил немало стихотворений людям этой благородной профессии. В стихотворении «Устоз» («Учитель») он обращается к учителям: «Если споткнемся иногда в жизни, / Приходят на помощь ваши наставления. / Везде и всюду, на каждом шагу, / Как будто вы вместе с нами. / Как велико терпение учителя, / Даже горы перед ним бессильны» (дословный перевод). Стихотворение «Наврузим» («Мой Наурыз»), посвященное приходу весны, проникнуто оптимизмом, полнотой жизнеощущения: «... Ласточки, прилетавшие каждый год, / Удивят нас красивыми гнездами на домах. / Солнце разбудит от сна весь мир, / А подснежник похвалится, сказав: «Я первый!»» (дословный перевод). В стихотворении «Бахт нима?» («Что такое счастье?») поэт обращается к друзьям: «Что такое счастье?! / Ответь мне мой друг, / Я эту загадку никак не могу решить». «Счастье бесконечно как небеса», – утверждает он далее. Поэтические произведения Т. Юлдошева посвящены красоте, добру, надежде и любви.

Поэт И. Жуманов (псевдоним Журъат), лауреат журналистской премии имени казахского писателя и журналиста С. Ерубаева, начал литературную деятельность в 1990-х годах. Первый поэтический сборник «Имонимдан айирма!» («Не отнимай мою веру!») вышел в свет в 1993 году. Ряд стихотворений, переведенных на казахский язык М. Акынбековым, издан в книге «Туран толқынлары». Критические статьи И. Жуманова, опубликованные в газетах «Дустлик байроги», «Дидар», «Жамият ва маърифат» и других, посвящены современным актуальным социально-общественным проблемам. В поэтическом сборнике И. Жуманова «Кайтар дунё» (2012) широко отражена тема Казахстана, особенно в стихотворениях «Козогистоним», «Той муборак!», «Манкентим» и других. Произведения поэта пробуждают в сердце каждого читающего любовь к Родине. Поэт родился в кишлаке Манкент и в стихотворении «Манкентим» вспоминает о своем детстве в прекрасных садах, которые располагались на склонах, призывая читателей быть заботливыми, относиться

друг к другу по-доброму. В стихотворении «Не булгай?» («Что будет?») и в ряде других поэт пишет о доверии народа, о том, как важно сохранить доброе имя.

По мнению А. Эшонова, «узбеки Южного Казахстана по праву могут гордиться поэтом Журъатом. Он – настоящий творец, безусловно, мастер слова». Лауреат Международной премии им. Яссави Т. Убайдулло называет И. Жуманова истинным знатоком своего дела, творящем в жанре классической поэзии – газель. В стихотворении «Козогистоним» речь идет о международной славе независимого Казахстана, о великом будущем народа и государства, красивой природе. Стихотворение «Той муборак!» («Поздравляю с торжеством!») посвящено 150-летию со дня рождения великого Абая: «Я – сын узбекского народа из рода Навои, / Утоляющий жажду из родников Абая. / И поэтому от души поздравляю с такой великой датой, / Перед вами склоняюсь по-узбекски» (дословный перевод). И. Жуманов пишет о творениях великого Абая, мелодиях Жамбыла.

Поэт О. Дуржонбоев (псевдоним – Давоий) посвятил поэтический сборник «Туркистон тупрогидан» («На земле Туркестана») 1500-летию города. Поэтический талант О. Дуржонбоева передает любовь к Родине и родной земле. Книга открывается одноименным стихотворением «Туркистон тупрогидан». Воспевая древний город Туркестан, поэт рассказывает о земле своих предков, о величественном памятнике поэту-мыслителю XII века Ходже Ахмеду Яссави, построенному выдающимся полководцем А. Темуром. В стихотворении «Туркистон Мадхи» («Ода Туркестану») поэт воспевает природу Туркестана, Сырдарью. Но главное: здесь жил и занимался творчеством выдающийся учёный Аль-Фараби. Поэтизируя Ташанак, Икан, Карнак, поэт обращает внимание на трудолюбие и взаимное уважение представителей разных национальностей, живущих в селах, расположенных недалеко от Туркестана. Стихотворение «Миртемирни эслаб» посвящено узбекскому поэту Миртемиру Турсуну, который родился в селе Икан и был известен стихотворениями, воспевающими дружбу казахского и узбекского народов. «Древний Туркестан, как священная книга, в которой одну страницу занимал

Миртемир – славный его сын», – заключает автор. Тема Казахстана продолжена стихотворением «Олмаота» («Алма-Ата»), в котором поэт вспоминает свою молодость, студенческие годы, воспекает высокие горы Алатау, красоту города и дружбу жителей разных национальностей: «Помнишь, Алма-Ата, беспокойную молодость мою. / Пришёл я издалека, почувствовал здесь дружбу и любовь. / Дорога далека, но близка душа. / В твоих объятиях уйгуры, русские, корейцы и многие другие. / Ты для нас опора, Алма-Ата. / Привет тебе от Яссави, привет тебе из Туркестана» (дословный перевод).

В поэтическом творчестве О. Дуржонбоева широко представлена любовная лирика. В сборник вошли стихотворения «Муҳаббат» («Любовь»), «Муҳаббат тўлқинлари» («Волны любви»), «Муҳаббатсанми?!» («Может быть это любовь?!»), «Айри тушма муҳаббатдан» («Не отлучай от любви»), «Сенсиз» («Без тебя»), передающие переживания человека, душевную боль и воспевающие преданность влюбленных. Используя разнообразные эпитеты и изречения, поэт с большим мастерством создаёт произведения о любви, он желает, чтобы любовь была вечной и осеждала душу каждого человека, потому что без любви нет жизни. Ряд стихотворений посвящен матери («Онажон», «Онамни эслаб». «Она – хаёти»). Несмотря на трудности, мама учила своих детей всегда быть трудолюбивыми, честными и справедливыми. Её образ остался навечно в памяти: «Ты была для нас дорога, как алмаз, / Но, когда мы поняли это, / Было уже поздно» (дословный перевод). Поэт всесторонне отобразил окружающую жизнь и с большим поэтическим мастерством показал человеческую судьбу.

О. Дуржонбоев пишет о дружбе («Одам одамга дўст», «Дўстим Баҳодирга», «Дўстим Сапога»), о предназначении поэта («Шоир қалби», «Шоир дўстимга»), обращается к поэтам-современникам: «Оглянись, посмотри вокруг, / Увидишь, что творится. / В жизни бывает всякое, / Послушай внимательно людей и пиши. / Так ты останешься навечно в их сердцах» (дословный перевод). В стихотворении «Абай» поэт утверждает, что Абай своим литературным наследием стал гордостью не только казахов, но и всех

тюркских народов. Обращаясь к Абая, узбекский поэт говорит, что он был маяком для всех – и для бедных, и для богатых, его прекрасные стихи и изречения известны среди кыргызов, туркмен, узбеков, таджиков. Абай создавал свои произведения для народа, думал о нем, переживал о его нелегкой участи.

Ш. Шопулатов в стихотворениях о Родине, включенных в изданную в Ташкенте книгу «Шукрона» («Благодарение», 2002), восхищается широкими просторами Казахстана, трудолюбием узбекского народа, содружеством народностей, проживающих на казахстанской земле. Своими поэтическими произведениями он пробуждает в сердцах людей огонь доброты, а у молодежи – истинные чувства патриотизма. Об этом речь в стихотворении «Бу менинг Ватаним – Козогистоним!» («Это моя Родина – Казахстан!»): «Красивые города, цветущие сады, / Просторные долины, поля, зеленые леса. / Трудолюбивому народу эта ода моя, / Мир и дружбу хочет наш Елбасы, / Я счастлив, что живу на такой великой земле, / Моя Родина – это мой Казахстан!» (дословный перевод).

В стихотворении «Чашма» кизларига» («Девушкам «Чашмы») Ш. Шопулатов воспеваает поэтесс творческого объединения «Чашма», их самоотверженность в жизни и творчестве. Поэт размышляет о том, что люди бывают разными, среди них встречаются и бездушные личности, которых он призывает к доброте и человечности: «Печали мира сего разрушают мою душу, / А поступки некоторых удивляют меня. / Один покажет себя другом, / Потом вражеским взглядом наблюдает за тобой» (дословный перевод).

Посредством стихотворений и газелей ведет постоянный диалог с читателями С. Мумин. Его богатый опыт творческой работы воплощен в книгах «Кўркам наволар» («Прекрасные мелодии»), «Икки дил таронаси» («Мелодии двух сердец»), «Хижрон налоси» («Рыдания от разлуки»). Любовная лирика, которую создал С. Мумин, во многом следует уже устоявшимся традициям и канонам жанра, при этом дополняя их новыми веяниями и современным видением мира. Он пишет о любви, о боли потерь и расставаний. В стихотворении «Юрагим бахтга тўла» («Сердце



полное счастья») герой восхищается любимой: «Нежные мелодии наполнили сердце счастьем». Музыкальный инструмент «саз», на котором играет любимая, гармонично дополняет картину.

Не чужды С. Мумину патриотизм, гражданская ответственность, привязанность к отчужденному краю, Казахстану и ее столице Астане. Его бескрайняя любовь к отчужденности выражается в стихотворении «Қадрдон Ватан» («Дорогой Родине»), где воспеваются главные ценности страны – независимость, символом которой является Астана. Важное место в стихотворении отводится Главе государства, Лидеру нации Н. Назарбаеву: «Удача и счастье – спутники наши, когда во главе Елбасы!».

С. Шомуродов пишет в жанре газели. В книге «Умр ўтмоқда» («Жизнь проходит»), изданной в 2010 году, представлены стихотворения «Э, муҳаббат» («О, любовь!»), «Сездирмагай муҳаббат», «Муҳаббат» («Любовь»), «Соф муҳаббат» («Прекрасная любовь»), «Сирли муҳаббат» («Таинственная любовь»), «Дилбарим» («Милая моя»), «Сайрам қизлари» («Девушки Сайрама»), «Кўй, муҳаббат...» («Оставь меня, любовь»). В стихотворении «Сирли муҳаббат» поэт пишет о таинственном и сложном мире любви. Стихотворение «Сайрам қизлари» посвящено девушкам Сайрама, поэт описывает их красоту, ум, верность, вежливость. Обращается и к родителям: «Онамга деб...», «Азиз онамга», «Отажоним биздан йирок», утверждая, что родители – самые дорогие люди на свете, поэтому их надо беречь.

Стихотворения «Давонлардан ошарсан» и «Ижод бустони Чашма» посвящены литературным объединениям «Исфижоб» и «Чашма», сыгравшим важную роль в становлении поэта. С. Шомуродов надеется на продолжение творческой жизни объединений. Посвящая стихотворения поэтам-землякам Ю. Сарёми, Т. Юлдошеву, Ш. Шопулатову, И. Жуманову, О. Тиллахужаеву, С. Шомуродову, раскрывает их роль в развитии узбекской литературы.

Поэт А. Пардабеков (псевдоним – Сайраимий) в стихотворениях «Эътикод», «Согинч», «Малагим менинг», «Хотиралар» ведет речь об общечеловеческих ценностях. Стихотворение «Малагим

менинг» («Ты – мой ангел») представляет собой монолог – обращение лирического героя к любимой: «Ты – мой ангел. / Ты – яркое солнце на небе, / Ты – моя чистая мечта» (дословный перевод). Раскрывая душевный мир героя, он показывает силу любовного чувства. Необычны и интересны «Фардлар» («Полустишия»), наполненные описанием смысла бытия, и призывом быть ответственными за поступки и дела. А. Пардабеков пишет и рубаи, в которых наставляет учеников быть достойными, принести пользу обществу.

П. Бобоев – автор поэтических сборников «Умримдан шуъла» («Отблески моей жизни») и «Учмас излар» («Нестираемые следы»). Поэт вспоминает о трудном детстве, голодных и послевоенных годах, предлагая дорожить нашим временем, нашей независимостью. В стихотворениях, адресованных юным читателям, поэт призывает детей быть умными, порядочными, упорными, хорошо учиться и примерно вести себя («Укилмай колган китоб» – «Непрочитанная книга»).

Поэтические произведения Х. Мирхайдарова, певца Родины, любви, природы, на узбекском и на казахском языках опубликованы в книгах «Сени согинаман» («Тоскую по тебе») и «Куккиё гуллари» («Цветы Куккие»). Следуя народным традициям, используя разнообразные художественные средства изображения, в стихотворении «Козогистон» автор гордится независимостью страны: «На голове корона независимости, / На весь мир смотришь по-царски гордо».

С. Бобохонов, автор поэтического сборника «Кечиккан карвон» («Опоздавший караван», 1991), не мыслит себя вне реальной жизни. В стихотворении «Мангулик мадхияси» («Гимн вечности») он пишет: «Поднявший человека на небеса / И сохраняющий со всех сторон. / Заполняющий весь мир светом, / Это ты, мой народ...» (дословный перевод). В стихотворении «Менинг она Иқоним» («Мой родной Икан») воспеты родной кишлак и его жители. Поэтические циклы «Роҳатбахш рақамлар» («Благодатные цифры») и «Олтмиш йилнинг ҳаёлотида» («Думы за шестьдесят лет») отражают размышления и впечатления автора о прожитой жизни. С. Бобохонов – автор poem «Бизнинг қахрамон»

(«Наш герой») о Герое Советского Союза из города Туркестан Курбонбое Ирисбекове и «Қарғишға учраган қыз» («Несчастливая девушка») о трагической судьбе молодой девушки. Женщинам, а именно матери, дочерям, любимой посвящены стихотворения «Сизлар ҳақда кўшиқ» («Песня о вас») и «Ўтар умрим ёруғ эт-гил» («Освети мою жизнь»). Своеобразие поэта выражается тем, что его поэзия глубоко лирична.

Глубокими патриотическими чувствами пронизана поэзия М. Миразизова. Главный мотив стихотворения «Нур Отан – Козогистоним» («Нур Отан – мой Казахстан») – любовь к родине: «Храбрый барс Азии, пусть твоя мощь растет тысячелетиями, / Слава твоя пусть сияет как белый снег Алатау. / Пусть будущие поколения гордятся тобой. / Все едины в большом Казахстане. / Как мать заботлива ты ко всем, Родина моя» (дословный перевод).

Зрелость личности проявляется в первую очередь в отношении к жизни, в чувстве личной ответственности за общее дело. Созданные талантливым поэтом образы помогают читателям понять простоту и величие человека. Поэт призывает читателей быть искренними, честными и правдивыми. В его произведениях анализируются биографические истоки, корни, взрастившие поэта как гражданина, любящего жизнь, природу, окружающий мир.

Поэт О. Тиллахужаев прожил короткую, но яркую жизнь. Инвалид от детства, он посвятил себя поэзии. Страдания, перенесенные молодым человеком, отразились в его поэтических творениях. В стихотворении «Ёшлик» («Молодость») он пишет: «Куда ты ушла и почему так рано, / О весна моей жизни, молодость моя. / Не торопись, дай заглянуть последний раз, / Ты же покинула меня очень давно» (дословный перевод). В стихотворении «Шеърят» («Поэзия») он обращается к поэзии: «Я был цветком, я был светом, / Теперь уж стал совсем другим. / Мир кажется очень тесным. / Что делать мне, поэзия, скажи?» (дословный перевод). Трогательны строчки, адресованные матери: «Неисполненное желание у меня есть одно, / Не смог я написать оду в честь своей матери. / Нет, и не будет равной ей на этом свете белом, / Моя мать мне так дорога, дороже ее никого нет» (дословный перевод).

Именем поэта названы одна из улиц его родного Сайрама и творческое объединение «Исфижоб». Издана книга «Армон куши», посвященная памяти О. Тиллахужаева.

З. Муминжонов (псевдоним – Зокир Ахмад) – поэт, переводчик, член Союза писателей Казахстана первые стихотворения опубликовал в местных изданиях, затем в узбекистанской прессе, в детском журнале «Гунча», газетах «Литература и искусство Узбекистана», «Ташкентская правда», «Ленин учкуни» и др. Первый поэтический сборник «Бахор камалаги» («Радуга весны», 1993) принес ему известность. В творчестве З. Муминжонина раскрываются многие нравственные ценности. Теме патриотизма, толерантности и дружбы между национальностями, живущими в Казахстане, посвящены стихотворения «Чинара», «Родине», «Я видел страны...», «Здравствуй, Астана!» и др.

Многие поэтические произведения переведены на казахский язык С. Сахабатовым и М. Акинбековым, на русский язык – Ю. Кунгурцевым. З. Муминжонов занимается литературными переводами с казахского и русского языков. Издательским домом «Жибек жолы» в его переводе изданы книги А. Файзуллаева «Два яблока» (1995), М. Кожаева «Арстанбаб – учитель Ясави» (1997). Издательством «Ёзувчи» Узбекистана издана повесть казахского писателя И. Омара «Неоконченная песня» (2002). Им переведены с русского языка рассказы Ю. Кунгурцева, с казахского языка рассказы М. Байгут, С. Исакова, стихотворения М. Шаханова, Х. Есенкараевой и других авторов. В областном узбекском театре поставлены пьесы Ж. Худайбердиева «Звездочет», «О, великий султан!», А. Файзуллаева «Батыр» в переводе З. Муминжонина. Он является одним из инициаторов создания областного узбекского театра, директором которого назначен в 2003 году. Узбекский театр стал поистине местом возрождения культурных ценностей и национальных традиций.

\*\*\*

Современные узбекские писатели Казахстана стремятся правдиво воспроизвести действительность на страницах своих произведений.

Книги писателя, публициста, члена Союза журналистов Казахстана М. Мирхолдорова на исторические темы воспевают чувство патриотизма, любви к родине, личной ответственности, героизм. Первая повесть посвящена узбекскому поэту, писателю, общественному деятелю, жившему в XIX веке в Сайраме. М. Мирхолдоров в течение многих лет изучал жизнь, творческое наследие Юсуфа Сарёми. В повести «Мавловий Юсуф Сарёми» он отобразил многие неизвестные до сего времени факты из его жизни и творческого пути. М. Мирхолдоров был одним из инициаторов и организаторов празднования в 1990 году 150-летнего юбилея Юсуфа Сарёми.

В повести «Канли излар» («Кровавые следы») автор повествует о джунгарском нашествии начала XVIII века на казахские земли. Основываясь на исторических фактах, М. Мирхолдоров рассказывает об осаде Сайрама джунгарами в 1723 году, завершившейся захватом и разрушением города. Джунгары ушли, захватив в плен жителей города. Один из героев повести – Кори-ака, пожилой и мудрый человек, столяр по профессии, старается поднять дух товарищей. Его поддерживают Камолитдин, Шомахмуд, Мириллом, Сайдимхон, Танирберген, Мехрихон, Зебихон, Гулбодам и другие. Улучив благоприятный момент, трое джигитов бегут из плена и им удается в итоге набегов на лагерь и смерти хана освободить пленников. Освобожденные пленники трогаются в путь, не ведая куда. Через несколько дней путники останавливаются у большого озера, решая пожить здесь какое-то время, так как приближаются зимние холода. Храня память о родной земле, они называют озеро Сайрамколем, а место стоянки – Сайрамом. На следующий год политическая ситуация резко меняется. Китайская империя разбивает джунгаров, но сайрамцам не разрешено покинуть эту местность и отправиться на родину. Писатель рассказывает историю возникновения села Сайрам около озера Сайрамколь в Китайской народной республике.

М. Мирхолдоров – автор публицистических исследований «Сайрам тарихи» (1991), «Хожа Ахмад Яссавий» (1992), «Хазрат Хожа Ахмад юртида» (1994), «Сайрамлик аллома, фузало, бузурглар» (1994), «Чимкент тарихи» (1997), «Корабура авлиё»

(1997), «Табаррук зиёратгохлар» (1999), «Ахмад Яссавий кароматлари» (2003), «Хожа Ахмад Яссавийнинг янги топилган хикматлари», «Сайрам лапарлари» (2010). Книга «Табаррук зиёратгохлар» была опубликована и на казахском языке под названием «Зиярат орындар» (1999). Знаток истории и современности, М. Мирхолдаров внес существенный вклад в изучение истории родного края, посвящая книги древней сайрамской цивилизации, великим религиозным и духовным деятелям, в частности, Ходже Ахмаду Яссави, его предкам и потомкам, святым местам Сайрама, Чимкента, Туркестана, историческим, архитектурным, археологическим и культурным памятникам древности, средневековья и последних столетий. Труды М. Мирхолдарова, академика Академии наук «Турон» (Ташкент), служат историческим источником для многих исследователей из зарубежных стран.

Литературное творчество прозаика, сатирика и публициста С. Юсуфалиева (псевдоним – Сабрий) отличает хорошее знание истории, обычаев, традиций и уклада жизни узбекского народа. С. Юсуфалиев – автор книг «Қалб тугёни» («Крик души»), «Ҳаёт сўқмоқлари» («Тропинки жизни»), «Қорабулоқ илҳомлари» («Вдохновение Карабулака»). Произведения С. Юсуфалиева переведены на казахский и русский языки.

В повести «Ҳаёт сўқмоқлари» речь идет о человеческой судьбе, полной неожиданностей, радостей и разочарований. Повествование начинается в 30-е годы прошлого века, когда жители покидали аулы и уезжали в города, чтобы пережить голодное время. Сюжет повести основан на реальных событиях.

Главный герой повести Серик с братом Нурланом остались сиротами. Похоронив мать, они покидают аул и добираются до Ташкента, где Серика приютил кузнец Азим-ата. В годы Великой Отечественной войны Серик отправляется на фронт. Азим-ата также едет на фронт, чтобы передать подарки воинам. По прибытии он невольно оказывается участником боевых действий. Заблудившись в лесу, персонаж останавливается в землянке лесника. Но землянка обнаружена немцами, ее обитатели взяты в плен. К счастью, спасение было близко, советские солдаты освобождают героев повести. Азим-ата продолжил боевой путь

уже в составе освободившей их части. Неисповедимы фронтовые пути. Неожиданно он встречается своего названного сына Серика. Они вспоминают родные края, мирные тихие вечера, мечтая вернуться домой после войны. «Вот кончится война, вернемся домой, я тебя женю. Буду радоваться внукам», – говорит старик. Но мечтам Азим-ата не суждено было сбыться, он погибает.

Ю. Сайдалиев известен как писатель и журналист, чьи произведения разнообразны в сюжетном плане. В них отражены забавные и грустные, смешные и трагические истории. Герой рассказа «Кумсаш» («Соскучился») попадает в сельскую больницу. Больная мать героя остается дома, и сын решил узнать, как она себя чувствует. Однако телефон находится в другом корпусе, а его «охраняет» строгая Маша-апа. Улучив момент, юноша обращается к ней с просьбой позвонить. «Здесь больница, а не телефонная станция», – слышит он в ответ. Позвонить разрешил дежурный врач.

Главный герой, набрав номер, услышал на другом конце провода родной голос матери. Маша-апа покорена поступком юноши: «Ах, дурачок, сказал бы, что матери хочешь позвонить. А я-то думала, что друзьям или девчонкам, – сказала женщина и расстроганым голосом продолжила. – На всю больницу один телефон. Нам постоянно жалуются пациенты, что дозвониться невозможно, вечно занят». Увидев слезы строгой медсестры, молодой человек интересуется, что же ее взволновало. И слышит в ответ: «Прости меня, сына вспомнила, он твой ровесник. Только он на Украину с семьей уехал, уже три года прошло. Даже в праздники не позвонит, открытки не пришлет. Твоя мать счастливая. Третий день как ты в больнице, а уже звонишь домой. Хороший ты парень». Автор рассказа подчеркивает, что отношения повзрослевших детей к родителям определяются заложенным в детстве воспитанием, что наглядно демонстрируют две разные семьи.

Творчество Р. Бегалиева – яркое явление современной узбекской литературы. Гуманист по убеждению, впитавший в себя мировую, русскую, казахскую и родную узбекскую культуры, он всю жизнь хранит в себе уважение и любовь к родному краю, трудолюбивым сельчанам, мудрым аксакалам, женщинам-матерям.

Р. Бегалиев – автор прозаических книг «Қорабулоқ тонги» («Заря Карабулака»), «Қорабулоқ аёллари» («Женщины Карабулака»), «Унитилмас хотиралар» («Незабываемые мгновения»), «Тақдир» («Судьба»).

Особый интерес вызывает книга «Қорабулоқ тонги», где описываются красота природы, чистота родников, питающих прекрасные сады и рощи, создающие прохладу в летний зной. Главными героями являются простые люди, трудом и талантом которых славится родной край. Героическому и самоотверженному труду женщин в военные годы посвящена книга «Қорабулоқ аёллари». Её героини, не покладая рук, ковали победу в тылу, восстанавливая разрушенное войной хозяйство, оставаясь верными хранительницами домашнего очага, создавая тепло и уют в своих многодетных семьях. Автор раскрывает характер наших современниц – женщин-лидеров, занимающих ответственные посты, преданно относящихся к своей профессии. Их трудовой и жизненный путь заслуживает глубокого уважения.

Переплетение судеб, различные жизненные ситуации воссозданы в книге «Унитилмас хотиралар». В основе рассказа «Киз угурлаш» («Похищение девушки») лежат реальные события с непосредственным участием автора. Очерк «Тақдир» раскрывает биографию известного в Сайрамском районе Жумабека Менгильбаева и его семейной династии. Герой повествования в девять лет волею судьбы попал в интернат Алматы. Спустя годы, он окончил двухгодичную партийную школу и факультет журналистики университета. На его долю выпали суровые военные и не менее тяжелые послевоенные годы. Всю свою жизнь Ж. Менгильбаев посвятил делу воспитания подрастающего поколения, трудясь в сфере образования. Работая на ответственных должностях, всегда являлся примером служения делу. Вместе с супругой Ханшаим они воспитали десятерых детей – достойных граждан своей страны.

Герои произведений Р. Бегалиева – примеры для подражания и формирования у подрастающего поколения чувств патриотизма и любви к Родине. Его произведения повествуют о теплых



взаимоотношениях между людьми, о силе единства казахов и узбеков, в трудные годы ставших опорой друг другу.

М. Намозбоев (псевдоним – Пулат Намоз) – автор книг «Виждон азоби» («Угрызения совести», 2011), «Мақсаднинг саргузаштлари» («Приключения Мақсада», 2012), «Оқ қушлар, оппоқ қушлар» («Белые журавли», 2014), повествующих о пережитом, о судьбах знакомых людей. Жизненные ситуации, людские проблемы, события и происшествия правдиво описываются в его произведениях.

В рассказе «Виждон азоби» события разворачиваются в советский период и продолжаются в наши дни. Главный герой Хамид Ахмедович – владелец фирмы. Решив женить сына на дочери бизнес-партнера, он ссорится с ним. Уктам встречается с другой девушкой – дочерью тракториста. В конце концов, Хамид Ахмедович меняет свое решение и одобряет выбор сына. Матерью невесты оказалась давняя знакомая отца. Эта встреча возвращает главного героя в восьмидесятые годы прошлого столетия. Тогда, работая директором одного из степных совхозов, он обидел эту женщину. С тех пор Хамид Ахмедович не видел её и ничего не слышал о ней. И вот, встретившись с ней через много лет, он испытывает угрызения совести, понимает, что допустил много ошибок. Герой старается стать другим человеком и измениться в лучшую сторону.

В книгу «Виждон азоби» вошли рассказы «Чимилдикда ёлғиз қолган келинчак» («Оставшаяся одна»), «Мафтуна» («Влюбленная»), «Армон» («Мечта»), «Фожеа» («Трагедия»), «Маъюс кўзлар сири» («Тайны грустных глаз»), «Ўйламай қўйилган қадам» («Необдуманый шаг»), «Билмайин босдим тиконни» («Колючки») и повесть «Тақдир» («Судьба»). По мнению поэтессы Э. Султановой, у прозаика «своеобразный стиль повествования и способ освещать события и злободневные проблемы. В его произведениях на первом плане судьбы наших современников».

\*\*\*

Счастлирое сочетание в одном лице таланта прозаика и поэта свойственно некоторым узбекским мастерам слова. Их поэзия

имеет в своей основе личные переживания. Проза представлена интересными темами, которые обращены и в прошлое, и в настоящее, охвачены и история нашей страны, и нравственные проблемы. Пристальное внимание писателей в жанре малой прозы вызывает личность с ее внутренним духовным миром, преобладает реалистическое восприятие действительности. Примечательным является обращение узбекских литераторов к сатире, басням и афоризмам.

Поэт, прозаик С. Акрамов (псевдоним – Суннатуллох Акрам) – автор книг «Зиё улашгувчи маскан» («Очаг просвещения», 1999), «Кизилкишлогим» («Мой Кизилкишлак», 2009), «Хаётим – баётим» («Моя жизнь – моя поэзия», 2012) известен и как переводчик с казахского и русского языков.

Книга «Кизилкишлогим» состоит из рассказов, стихотворений и басен на узбекском и казахском языках. Среди узбекских литераторов Казахстана С. Акрамов – единственный поэт-баснописец. Его басни «Чумчук ва тургай» («Воробей и жаворонок»), «Хамтовоқлар» («Единомышленники»), «Бури ва Бойтабат» («Волк и Байтобат»), «Муттининг ити», «Калдирғоч ини» («Гнездо ласточки») читаются с интересом. Жаворонок в басне «Чумчук ва тургай» призывает воробья-лгуна к честности и правдивости. В басне «Хамтовоқлар» волк, лиса и журавль подружились, но однажды хищники съели журавля. Мораль басни: знай с кем дружить. Пороки современных чиновников-коррупционеров высмеиваются в басне «Калдирғоч ини».

В книгу «Хаётим-баётим» вошли поэтические и прозаические произведения. В исторической повести «Коракурунғ ехуд Коратой карокчи киссаси» через освещение жизни главных героев Мирзо гирчи и Коратой карокчи писатель раскрывает социальное положение жителей Южного Казахстана в конце девятнадцатого и начале двадцатого веков. В основе произведения – действительные события у берегов реки Арысь, где не было покоя простым людям, местным крестьянам. Разбойники крали домашний скот и, особенно, лошадей. Коракурунғ – скакун, известный своей скоростью, люди называли его «крылатым конём». Разбойники во главе с Коратоем украли у Мирзы-гирчи скакуна.

В конце концов, Коратою пришлось вернуть коня хозяину. Мирза-гирчи осыпает его проклятиями, через две недели Коратой скоропостижно умирает. Суровая смерть наступает его в 40 лет.

Современности посвящены рассказы «Топталган гунча» («Цветок в пыли»), «Лахадга яширилган олтинлар» («Золото, закопанное на кладбище»), публицистические произведения «Ёмоннинг яхшиси ким – у яхшининг ёмони ким?!» («О достойных и недостойных людях»), «Субутсиз одамлар ҳақида» («О тех, кто не держит обещаний»), «Янги замон бойлари» («Современные богатые люди»), «Котелокдаги каламуш» («Крыса в котелке»), «Мунофик бандалар хусусида» («О лицемерах»), «Қарз сўраганнинг бир юзи қора, бермаганнинг икки юзи қора» («Взял в долг – верни»), «Мол – мулк тўплаш тўғрисида» («Богатство не вечно»). Афоризмы на темы морали и нравственности «Туйкудан тугилган фикрлар» («Внезапные мысли») дают ответы на многие вопросы.

Стихи, рассказы и публицистические статьи П. Иброхимова публикуются на узбекском и казахском языках в районных и областных газетах. В 1993 году вышла в свет его книга «Қайнарбулок мавжлари» («Қайнарбулакские волнения»). В стихотворении «Дунё ганиматдир, дустларим!» («Цените мир, он – недолговечен!») поэт размышляет о скоротечности времени: «Вчера был ребенком, а сегодня старик, / Лицо пожелтело как увядшие листья», призывая читателей: «Мир – недолговечен, цените его, мои друзья!». Древнему селению Икан, расположенному рядом с Туркестаном, посвящено стихотворение «Иконим» («Мой Икан»): «Твое имя осталось в истории, / Твою славу никак не забыть. / Твои люди трудолюбивы, / А ты сам, как старый дехканин. / Ты – один из очагов Турана, / Ты – казна многих богатств. / Древнее пристанище, мой Икан, / Тебя невозможно забыть» (дословный перевод).

Член Союза писателей Казахстана, литературный советник областного узбекского драматического театра, поэт, писатель Х. Кучкаров (псевдоним – Аваз Кузи) – автор книг сатиры «Қосагулнинг хотини» («Жена тамады») и «Антика усул» («Удивительный приём»), книг «Ортада колган кунлар» («Минувшие дни»), «Жавохирга татигулик умр» («Ценность жизни») об участнике

Великой Отечественной войны Сулаймане Юлдашеве, «Козок элининг узбек театри» («Узбекский театр на казахской земле») в честь десятилетия областного узбекского драматического театра.

Х. Кучкарову присущи тонкий юмор, самоирония, умение посмеяться над собой и жизненными обстоятельствами. В рассказе «Ўз уйим – ўлан тўшагим» («Мой дом – моя крепость») повествуется о простом пастухе, который по путевке попал на курорт. Но с первой минуты он почувствовал себя весьма неудобно. Как ни странно, отдых не пошел ему на пользу. С каждым днем все больше болела голова, он нервничал и решил вернуться поскорее домой. Прибыв в родной город, пастух почувствовал себя гораздо лучше, потому что за многие годы работы на пастбище, находившемся между нефтеперерабатывающим, цементным и шинным заводами, настолько привык к загрязненному воздуху, что на отдыхе его не радовали чистый морской воздух и окружающая красота природы.

Стихотворения Х. Кучкарова, в основном, юмористические. В стихотворении «Чашма» 25 ёшда!» («Чашме» – 25 лет!») он поздравляет коллег с юбилеем, называя имена многих из них, желает творческих взлетов и успеха. Неравнодушен автор и к проблемам повседневной жизни. В стихотворении «Хажвчи курганлари» («Приключения юмориста») он описывает центр кишлака, где скопление автотранспорта затрудняет движение пешеходов, особенно обеспокоены женщины за своих детей. Пассажирские «Газели» то останавливаются на каждом шагу, то вдруг пускаются наперегонки, водители не думают, что рискуют жизнью пассажиров. Сатирические рассказы и стихи Х. Кучкарова, богатые тонким юмором, едкой сатирой, тепло принимаются читателями.

Член Союза писателей Казахстана Б. Собитов – автор книг «Калб армуғони» («Подарок от сердца», 1993), «Турбат тароналари» («Мелодии Турбата», 1995), «Битмас жарохат» («Неизлечимая рана», 1995). Книга «Турбат тароналари» содержит патристические стихи о Казахстане. Восхищение родной страной, уверенность в ее будущем отражаются в стихотворении «Козогистоним» («Мой Казахстан»). Автор признается в любви к Отчизне:

«Бескрайняя, просторная Родина, / Я вырос в твоих объятиях, / Ты сильна, прекрасная страна».

Размышления относительно ценности и бесконечной неповторимости каждого человека запечатлены в стихотворении «Мусаввир» («Художник»), где автор раскрывает внутренний мир талантливой личности – известного казахстанского художника М. Калдыбаева. Стихотворение «Турбатнама» («Сказание о Турбате») посвящено родному аулу, его жителям-труженикам, известным личностям – аулие Исмаил-ата, родственнику великого суфия Ходжа Ахмеда Яссави, известному средневековому поэту Атои, родственнику А. Яссави, поэту середины XX века Туроб Тула и другим, оставившим заметный след в истории.

В 1995 году телефильм, снятый по мотивам повести Б. Собитова «Битмас жарохат» («Неизлечимая рана»), занял первое место на международном конкурсе «Мардлик мангулик» («Вечный подвиг»), посвященном 50-летию окончания Великой Отечественной войны. Организаторы конкурса – республиканская газета «Ўзбекистон овози» («Голос Узбекистана») совместно с телевидением Узбекистана. Стихотворения Б. Собитова на казахском языке (в переводе А. Мейирбекова) вышли в сборниках «Туран толқындары» и «Сыр шертеді ақындар» (1996).

Одним из ведущих поэтов и писателей в узбекской литературной среде Казахстана является А. Пратов (псевдоним – Рахим Рашид). Он известен как талантливый художник слова в литературных кругах Казахстана и Узбекистана. Член Союза журналистов Казахстана и Союза писателей Казахстана А. Пратов – автор книг «Ўз дунём бор» («Мой мир») и «Бір тал гүл» («Букет цветов») на казахском языке. Кроме того, он публикуется в казахских журналах «Дала», «Әлем әдебиеті» и газетах «Оңтүстік Қазақстан», «Мәртөбе», в узбекских периодических изданиях Казахстана и на страницах центральных, отраслевых газет и журналов Узбекистана. Директор – главный редактор газеты «Адабиёт ва санъат» («Литература и искусство»), журналов «Камалак» («Радуга») и «Бойчечак» («Подснежник») внес весомый вклад в развитие узбекской литературы, детской литературы и периодической печати. Вдохновителями и учителями поэта стали классик узбекской

литературы А. Навои и современные мастера пера А. Арипов и Э. Вахидов.

Книга А. Пратова «Бір тал гүл» вышла в свет на казахском языке в переводе И. Сапарбая. Член Союза писателей Казахстана З. Муминжонов особо подчеркивает тот факт, что «это первая книга узбекских писателей Казахстана, изданная на государственном языке за последние двадцать лет». Литературный критик Р. Бегалиев полагает, что А. Пратов – «один из плодотворно и прекрасно пишущих узбекских поэтов нашей Родины – Республики Казахстан. Недавно в алматинском издательстве «Дала» была издана его книга «Ўз дунём бор», состоящая из четырех частей. Когда читаешь её, то ощущаешь глубину мыслей и разнообразие высказываний».

В цикле «Халқим. Ота юртим» («Мой народ. Мой отцовский край») встречается немало стихотворений философского содержания: «Если годы пройдут безрезультатно, / Значит, от твоей жизни не осталось ничего». Не менее близка А. Пратову и патриотическая тема. Особыми чувствами проникнуто стихотворение «Астана»: «В просторной казахской степи, / Раскрылись цветы, / Это наш город Астана». Много теплых слов нашел автор, чтобы выразить свою любовь к родному краю в стихотворении «Родина одна»: «Если разлука мне предстоит с любимой, / Я смогу найти другую спутницу. / Только оставьте мне родину мою. / Она – одна единственная. / Если друг предаст меня, / Я расстанусь с другом. / Только не разлучайте меня с родиной. / Она – одна единственная!» (дословный перевод).

А. Пратов пишет сатирические произведения. Он умеет найти и подметить курьезность ситуации. Так, в рассказе «Уддабурон» («Шустряк») главный герой, приехав в санаторий, решил улучшить условия проживания свои и окружающих. Он пишет жалобу, которую подписывают все отдыхающие, проживающие в этом номере. При этом он говорит, что переживает за всех и хочет, чтобы им дали другой номер. Но в результате предпринятых им действий одноместный номер в другом корпусе получает только он сам, его бывшие соседи так и остаются в прежнем номере.

Комизм и драма слились воедино в рассказе «Страшный сон», где автор раскрывает коллизию семейных отношений. Главный герой Сакивая Салиевич не прочь выпить в веселой дружеской компании. Постоянные посиделки, заканчивающиеся далеко за полночь, приводят к скандалам с супругой, пытающейся вразумить мужа бросить пить. Как-то в канун восьмого марта Сакивая Салиевич в очередной раз напился, пришел домой и уснул. Ему приснился страшный сон, будто бы они с женой поменялись ролями и все стало происходить с точностью до наоборот. Супруга в состоянии подпития махала кулаками перед носом мужа, ругая и оскорбляя его. Проснувшись, он задумался. Словно прозрев, он другими глазами посмотрел на жену и спящих детей. На следующий день главный герой вернулся домой трезвый с подарками и букетом цветов, чтобы поздравить жену с праздником: «Каким же глупым я был, но теперь я – совсем другой человек». А. Пратовым написаны рассказы «Мехрибонлар» («Добрые люди»), («Замонавий эр» («Современный муж»), «Кўз» («Глаза»).

Литературное творчество А. Пратова – многогранно. В 2013 году на сцене казахского народного театра Сайрамского района осуществлена постановка его драматического произведения «Жасорат ва садоқат» («Подвиг и верность») о событиях Великой Отечественной войны, о трудовой доблести труженников тыла. Главные герои пьесы Азамат и Зухра любят друг друга. Азамат на фронте, в бою лишается рук и ног. Он не хочет возвращаться в свой родной кишлак и собирается жить в доме инвалидов. Узнав об этом, его любимая девушка собирается в дальнюю дорогу. Она находит героя и уговаривает вернуться домой. До конца своих дней герои живут в любви и согласии. В пьесе возвеличивается настоящая любовь и воспеваются храбрость, верность, мудрость, доброта и человечность. Пьеса поставлена на казахском языке режиссером А. Колдановым в прекрасном исполнении казахских артистов.

А. Пратов занимается и литературным переводом с казахского языка на узбекский. В его переводе вышли в свет рассказы и повести Е. Койбагарова в книге «Ёшлигим, бебошлигим»

(2006), рассказы лауреата премий «Алаш» и «Баурмал» М. Байгута и Т. Карина.

А. Пратов был инициатором создания литературного объединения «Чашма», отметившего в 2012 году двадцатипятилетний юбилей, и литературной премии «Аргумок». Многие годы он успешно руководил этой творческой организацией. Благодаря его усилиям «Чашма» – единственное в Казахстане литературное объединение узбекских писателей получило областной статус, а его участники неоднократно становились победителями творческих конкурсов.

Поэт и прозаик И. Хуккиев – видный представитель узбекской литературной среды в Казахстане. Тематика его произведений разнообразна. Историческое прошлое и настоящее страны, любовь к родному краю, дружба, верность – основные темы его творчества.

Гражданская лирика И. Хуккиева отличается ярко выраженным патриотическим настроением. Стихотворения поэта оптимистичны и полны веры в светлое будущее. И. Хуккиевым в стихотворении «Мой Казахстан» представлены картины современной жизни, успехи в созидательном труде. Поэт высказывает пожелания: «Пусть твоя судьба будет полна счастья, мой Казахстан! / Ты – независимая страна, у тебя много возможностей, / Доброе имя твое всем известно, мой Казахстан. / Пусть будет каждый твой шаг успешным, мой Казахстан!» (дословный перевод). Лирический герой – убежденный борец за светлое будущее, находится в гуще событий. В стихотворении «Родина», посвященном 80-летию Южно-Казахстанской области, каждая строка пронизана светлым чувством любви к родному краю: «Я буду всегда с тобой родная страна, / Я бережно храню всё то, что ты мне дала».

Проза И. Хуккиева представлена исторической драмой «Хокон» («Хан»), охватывающей период ранней истории тюркских народов, о жизни и смерти основателя сакско-тюркского государства Алп Эр Тунга. В драме действуют Кайхисрав – Шах Мидии, Зара – Шах Ирана, Куркут ата, М. Кашгари, А. Яссави, А. Навои, А. Тимур и др. Автору удается увидеть эпоху того времени в многообразии характеров, показать, что каждый человек



индивидуален, но в минуты опасности важна сплоченность, чтобы противостоять опасности и врагам. Автор драмы наводит читателей на размышления, воспитывая уважение к истории и великим личностям прошлых веков.

Поэт и прозаик Д. Сайфуллаев издал повесть «Хакикатка айланган туш» («Сон, ставший явью»), сборник лирических стихотворений «Бир этак юлдуз» («Множество звезд»). В стихотворении «Ватаним – саждагохим» («Мой поклон тебе, Родина») автор признается, что для него родина – это бескрайние степи, высокие горы, глубокие озера и все, чем богат независимый Казахстан. Поэта радует, что Казахстан сегодня устремляется все выше и выше, страна процветает, строятся и растут новые города, и среди них столица Астана сверкает, словно жемчужина в степи. Не менее значимо стихотворение «Туркестан», автор которого уверен, что самым священным понятием для человека является родная земля, на которой он родился и вырос. В поэтических произведениях Д. Сайфуллаева встречаются также размышления о бренности человеческой жизни, о природе и человеке, состоянии которых совпадает как осень за окном и в душе.

Д. Сайфуллаев известен переводами с казахского языка поэзии М. Шаханова, трудов академика НАН РК Р. Бердибая, книги К. Ергобека «Арыстар мен ағыстар». С русского языка на узбекский он перевел сборник рассказов Ф. Кафки и английских писателей. Занимается и исследовательской работой. В 2001 году в Алматы издан «Қазақша-Өзбекше сөздік» – «Қозоқча-Ўзбекча луғат». В 2008 году в Астане – «Өзбекше-Қазақша сөздік» – «Ўзбекча-Қозоқча луғат». Обе книги выпущены по заказу Министерства культуры и информации РК.

К. Солибеков пишет стихотворения, рассказы и басни. В книгу «Мафтунанинг ишлари» («Пример Мафтуны») включены стихотворения «Биринчи уқитувчим» («Первый учитель»), «Кушлар» («Птицы»), «Корбобо» («Дед мороз»), «Укам» («Братишка»), обращенные к детям. Детская поэзия учит добру, щедрости, правдивости, любви к окружающим. Особое место в поэзии К. Солибекова занимает образ матери, что характерно для многих узбекских поэтов. В стихотворении «Менинг ойим» («Моя мама»)

поэт признается: «Мы перед вами преклоняемся, / Самая щедрая из людей. / Благодаря тому, что вы есть на этом свете, / Наш дом полон счастья» (дословный перевод).

Книга на узбекском и казахском языках «Туйкусдан келган фикрлар» – «Кенеттен келген ойлар» состоит из философских размышлений и афоризмов. Известна и любовная лирика, воспевающая красоту и нежность, гамму чувств влюбленных.

Стихи Б. Муталова (псевдоним – Баходир Оташ) пронизаны духом гуманизма и любви к родине. Для поэта нет ничего милее и ближе, чем родная сторона, где он появился на свет и рос как вольная птица бескрайних степей. Своей отчизне он посвящает стихотворение «Жаннат макон Ватаним» («Моя Родина как рай»), где выражает восхищение красотой родных мест, багряными закатами и ясной зарей восхода. Большую часть поэтического сборника «Талаба кундалиги» составляют стихотворения о любви. В жанре сатиры поэт высмеивает людские пороки, безнравственность, отсутствие морали, призывает к очищению души, стремлению к высоким идеалам.

Поэт и писатель Ё. Мадалиев – автор книги «Тарихдан бир саҳифа» («Одна страница истории») критически анализирует и обобщает действительность, подсказывает пути решения проблем, призывая в то же время оставаться честными, доброжелательными и искренними по отношению друг к другу. В стихотворении «Бизни қаритмайди, юғурик онлар» («Нас не старит течение времени») он философски высказывает свое отношение к происходящим событиям в жизни: «Нас не старит течение времени, / Мы стареем от горя, печали. / Мы стареем не от пролетающих месяцев, складывающихся в годы, / Мы стареем от лживых друзей и неблагодарных детей. / Может быть, мы жили бы больше ста лет, / Если бы не было плохих людей» (дословный перевод).

В стихотворении «Кули очикларни йули хам очик» («У кого открытая рука – у того открытая дорога») автор предостерегает читателей от скоропалительных выводов и неверных решений в отношениях с окружающими. В поэтической форме высказаны мысли о том, что нет ничего дороже в этом бренном мире, чем

умение разбираться в людях, ценить дружбу, родителей, родину, уважать старших. Поэт советует: «Ты не бойся человека, который не знает своей пользы, / Бойся человека, которому никогда ничего не хватает. / Ты не бойся человека, который недоволен своей жизнью, / Бойся человека, который недоволен своим народом».

Философская направленность творчества Ё. Мадалиева проявляется в особом стереотипе мышления, в манере изложения, применении образной системы поэтического языка, что в совокупности рождает самобытный, своеобразный стиль. Метафоры, сравнения, символы являются способами выражения мыслей автора, пронизанных любовью к Отчизне. Это наиболее ярко проявляется в стихотворении «Уммондек бахт» («Море счастья»): «В этом мире ищи счастье, / Печали и горя и так достаточно. / Ты пожелай людям добра, / Недобрых везде хватает. / В этом мире ищи свободу, / Тесноты везде достаточно. / Всегда ищи хорошие дела. / Никогда не говори «Уже поздно». / Живи и люби свою родину. / Чужую родину не ищи никогда» (дословный перевод).

\*\*\*

Глубокий психологизм, внимание к семейным ценностям, контраст детства и взрослой жизни, любовь, верность, личная жизнь героев – такова женская литература. У. Каримова (псевдоним – Кадриябону) известна узбекским читателям Казахстана как талантливая поэтесса и писатель. В стихотворении «Манкентим» («Мой Манкент») она с гордостью рассказывает о своем родном селе Манкент, его красоте: «Ты воевал с врагами и стал защитником моим. / Ты воспитывал меня с малых лет, в твоих садах поют соловьи. / Многие мечтают побывать здесь» (дословный перевод). Казахстану посвящено стихотворение «Қозоғистон – Она Ватаним» («Казахстан – мой край родной»): «О, мой родной край, / Пусть будет вечной твоя свобода. / Тобой гордимся и счастливо живём».

Стихотворение «Дўлантош» («Священный камень») написано на основе исторических событий, битв в XV-XVIII веках в Манкенте. Маленькая девочка с братом во время битвы убежали от врагов, они постарались спрятаться. Героиня обращается

к Всевышнему: «Не убивай меня ради брата, ведь кроме меня у него никого не осталась. Прошу, преврати меня хотя бы в камень, пусть в моей тени враги не заметят моего брата». Её просьба была услышана: она превратилась в камень, который позднее стал символом добра. В повести «Дарз кетган умид» («Израненная надежда») рассказывается о жизни, обычаях и народных традициях земляков. В основе произведения – реальные события из жизни односельчан. Главная героиня – одинокая женщина, воспитавшая шестерых детей.

В повести «Ушалмаган орзулар» («Несбыточные мечты») повествуется о дружной семье, житейских проблемах, о доброте и силе воли матери. Красной нитью через всё произведение проходит мысль: человек живёт всю жизнь среди проблем, но женщина – мать всегда может их решить, таково её назначение. У. Каримова занимается переводом произведений с русского и казахского языков на узбекский. Ею переведены стихотворения И. Жансугурова «Родной язык», рассказы Т. Куатбаева «Не гаснет огонь любви», У. Жунисбекова «Наставления матери».

С. Камолова – автор поэтических сборников «Қалбим туғёни» («Трепет сердца»), «Ёд этган яхшиларим» («Вспоминаю вас, мои дорогие»), «Қўнгил мулки» («Богатство души»). В книге «Қалбим туғёни» (2005) воспеваются доброта и гуманизм, любовь и дружба. В стихотворении «Юртим жамоли» («Красота моего края») С. Камолова описывает свой родной кишлак Карабулак. Поэтесса уделяет внимание местным жителям – людям, по ее мнению, особенным, добрым и трудолюбивым. Казахская тематика отражается в стихотворении «Қозоғистон – Ватаним менинг!» («Родина моя – Казахстан»): «Нас воспитывают наставления Абая, / А в творения Жамбула даже соловей влюблен, / Бауржану посвящает дастаны весь мир, / Великих предков мы помним всегда». Стихотворение «Кутлайин Туркестоним» («Воспеваю Туркестан») приурочено к 1500-летию Туркестана.

Самоотверженному труду учителя посвящено стихотворение «Раҳмат, устозим!» («Спасибо, учитель»): «О, великодушный наш учитель! / От всего сердца ученики преклоняются перед Вами». В раздел «Мушоира» («Состязание поэтов») вошли стихотворения

«Чашма», посвященное творческому объединению «Чашма», «Адиб Носир Фозиловга!», посвященное народному писателю Узбекистана Н. Фозилову, «Шоир Мирпулат Мирзога» об узбекском поэте М. Мирзо из Ташкента, «Баходир Собитнинг 50 ёшига!» о члене Союза писателей Казахстана, поэте Б. Собите.

Уважение и признательность родному узбекскому языку выражены в стихотворении «Она тилим» («Родной язык»). В стихотворении «Халқим» («Мой народ») воспеваются трудолюбие и честность народа, щедрость и доброта. Самоотверженный труд узбекских дехкан воссоздан в стихотворении «Танти дехқон ўзбегим» («Щедрый мой узбекский дехканин»): «Просыпаясь раньше солнца, / Собирается в поле на работу. / И с раннего утра до сумерек, / Трудится с кетменем на поле» (дословный перевод). В книгу С. Камоловой «Ёд этган яхшиларим» (2010) вошли поэтические посвящения родным, отцу и матери, братьям и сестрам, ученикам и коллегам, друзьям и соратникам по перу. Поэтический сборник «Кўнгил мулки» (2012) состоит из новых стихотворений поэтессы, представляющих размышления о жизни и любви, гуманизме и человечности.

В произведениях О. Режаметовой отразилось все своеобразие ее неповторимой индивидуальности. Ее творчество многогранно – это лирика, в которой раскрываются все тонкости переживаний героев, и проза, отражающая многогранность бытия, видение современности. Рассказы удивительно современны, остроумны, они отражают блеск фантазии.

Главный герой рассказа «Осмон пастрлашган кеча» («Ночь, в которую опустилось небо») Рахим после окончания школы уезжает в город, где заканчивает университет и аспирантуру, остается работать. Становится кандидатом и доктором наук, занимает руководящий пост. Однажды ему приснился родной кишлак, родительский дом, отец. Вот уже полвека он живет в городе. Чтобы вывести его в люди родители пожертвовали многим, построили хороший дом в городе, отказывая себе во всем. «А чем я помог своему брату?», – вопрошает герой. «Нет, никогда и ничем!», – отвечает ему внутренний голос. Вовлеченный в повседневные дела и работу, он даже не принял должного участия

в похоронах матери и отца, переложив весь груз забот на брата. Когда последний раз был в кишлаке, не придавал значения тому, что сосед мошенническим путем отобрал у брата садовый участок, который в свое время благоустроил отец. Не смог найти подходящих слов утешения, чтобы поддержать морально. Воспоминания прервал резкий телефонный звонок. Подняв трубку, он услышал голос брата, в горле вдруг запершило, глаза невольно увлажнились. Как выяснилось, брату также приснился отец. Поговорив с братом, Рахим-ака почувствовал в душе облегчение и решил поехать в родной кишлак.

Х. Одилова в книге «Исфижоб инъоми» публикует стихотворения «Уйлар» («Думы»), «Унутолмадим» («Не могу забыть»), «Аёлларни асранг» («Берегите женщин»), «Адхамбек Йулдошева» и другие. Основные темы ее произведений – родина, мать, любовь, доброта, отношения между людьми. Казахстану посвящено стихотворение «Бу менинг Ватаним, Козогистоним!» («Это моя Родина, Казахстан!»). Женские образы раскрыты в стихотворениях «Аёлларни асранг», «Азиз онажонлар!». Женщинам-матерям адресованы следующие строки: «Ваши сердца щедры и широки как река, / Дети и внуки кружатся вокруг вас. / Когда вы смеетесь, вокруг много радости, / Только с вами жизнь наша прекрасна...». Стихотворения Х. Одиловой глубоко лиричны и оптимистичны, воспевают любовь и красоту.

Г. Хасанова (псевдоним – Гули Осие) в поэтическом сборнике «Кавсар булогим» («Райский родник», 2012) пишет о взаимопонимании среди людей, о взаимосвязи общества и природы. Как известно, многие мастера художественного слова отождествляют родину и мать. Подобное встречается и у Г. Хасановой в стихотворении «Ватан туйгуси» («Ощущение Родины»): «Моя Родина мне как моя дорогая мама, / Державшая в объятиях меня, / Она – Родина, воспитавшая меня» (дословный перевод). Праздничное и радостное настроение навеивает стихотворение «Янги йил» («Новый год»).

Т. Пирназарова – одна из ведущих узбекских поэтесс Казахстана. В ее поэзии утверждаются истинные жизненные ценности. Тоской по ушедшему отцу проникнуто стихотворение «Отажон!»

(«Мой милый отец»): «Ищу ваши следы и никак не могу найти, / Вижу знакомые лица, но это не Вы» (дословный перевод). Стихотворение «Менинг онам» («Моя мама») посвящено матери. Поэтесса чувствует женскую душу, многие произведения посвятила женщинам.

Г. Бегалиева пишет стихи о Родине, патриотизме, человечности, любви и доброте, матерях: «Мама милая моя, я всегда чувствую твою заботу, / Мне очень тоскливо, что живу вдалеке от тебя. / Стремлюсь к тебе, но редко могу с тобой встретиться» (дословный перевод). Река в стихотворении «Сурхондарём» («Моя Сурхандарья») напоминает героине юность. Птицей счастья называет автор стихотворения «Шеърият» поэзию.

Э. Султонова, автор сборника поэзии и прозы «Шамсикамар» (1998), поэтического сборника «Армугон» («Подарок», 2013), прозаической книги «Қалдирғоч қанотида» («На крыльях ласточки», 2014). Э. Султонова много и плодотворно работает на литературном поприще. Она редактировала и готовила к изданию книги и брошюры на узбекском языке свыше 30 авторов.

В книге «Армугон» собраны стихотворения философского содержания, вчитываясь и вслушиваясь в звучание которых постигаешь глубокий смысл бытия, внутреннего мира и жизни. Символично название стихотворения «Шамсикамар» (в переводе с арабского «шамси» – солнце, «камар» – луна). «Быть солнцем и луной трудно», – говорит автор, но я хочу стать между ними утренней яркой звездой в поэтическом мире. В стихотворении «Мир» она воспеваает мир и дружбу во всей вселенной, эти непреходящие ценности, которые сегодня актуальны как никогда. Э. Султонова призывает людей объединиться, наслаждаться голубым небом, ярким солнечным светом, где место под солнцем есть для каждого. Стихотворение «Астана» посвящено столице Казахстана: «Астана – мой светлый город, / Ты – город-маяк в степи Казахстана, / Ты – молодая столица моей родины».

Стихотворение «Сехрли кўзлар» («Волшебные глаза») она посвящает всем влюбленным: «Смотрю в твои волшебные глаза, / И вижу, что творится на душе. / Твоим признаниям в любви, / Внимаю, молча, счастлива уже» (дословный перевод). Произведения

Э. Султоновой пронизаны чувствами любви, дружбы, печали и радости.

В поэзии З. Ташмухаммедовой отражены реалии сегодняшней жизни. В книге «Изхори дил» («Желание души», 2012) автор с высоты прожитых лет дает наставления читателям, откровенно делится воспоминаниями детства, юности, студенческих лет. Отдельной строкой выделены образы родных людей: отца, матери, близких родственников. Она заставляет читателей переживать снова и снова счастливые мгновения ушедшего в вечность времени, посвящая стихотворения матери, детству и юности: «Мои детство и юность. / Ласковые и озорные. / Моя песня и мелодия, / Мои улицы и дома» (дословный перевод). В стихотворении «Устоз» («Учитель») З. Ташмухаммедова благодарит педагогов за их нелегкий, но благородный труд: «Учителя, воспитатели, / Ваше имя достойно чести, / Вы даете знания детям, / Это нелегкий, но славный труд. / Вам низкий поклон от всего сердца» (дословный перевод). Совместно с поэтом С. Муминым издан поэтический сборник «Икки дил таронаси» («Мелодии двух сердец»).

Н. Мухаммедова – автор книги «Ҳаёт қиссаси» («Сказание о жизни», 2013). В стихотворении «Шукур» («Благодарение») поэта предлагает протянуть руку добру, отрицает зло, бесчестие, предательство и ложь в стихотворении «Ўзгани ўзингдай бил!» («Узнай других, как себя»), стараясь врагов превращать в друзей.

\*\*\*

Определенный вклад в развитие узбекской литературы в Республике Казахстан вносит молодое поколение писателей и поэтов.

Поэт А. Иззатуллаев (псевдоним – Акажон Иззатулла) – автор поэтического сборника «Соғиниб яшайман» («Живу в печали», 2008). Свою любовь к поэзии он выразил в стихотворении «Назм гулшани» («Цветник поэзии»). В стихотворении, посвященном великому узбекскому поэту и просветителю Алишеру Навои, он пишет: «Чтобы восхвалять Навои, / Хватит ли слов, которыми он пользовался. / Чтобы возвеличить этого поэта, / Нужен еще один Навои» (дословный перевод).



Х. Кучкоров (псевдоним Хуршид Аваз) хорошо знаком творческой интеллигенции. В 2012 году поэт и журналист издал поэтический сборник «Муhabбат излаб» («В поисках любви»).

Стихотворения молодой поэтессы Д. Рустембековой созвучны и гармоничны молодости. Она, как и ее ровесники – начинающие поэты, пишет о возвышенных чувствах любви, о разлуке и расставании с любимыми. Д. Рустембекова возвеличивает преданность в любви, доброту в человеческих отношениях. В 2011 году издана ее первая книга «Калбим нидоси» («Возглас души»). Особо выделяется в сборнике любовная лирика. Личные переживания поэтессы запечатлены в стихотворении «Унсиз муhabбат» («Молчаливая любовь»): «Мысленно разговариваю с тобой каждый день, / Но от тебя не слышно никакого ответа. / Когда небо полно звезд, вспоминаю об этом. / Зачем мне такая молчаливая любовь?!» (дословный перевод). «Сизни ўйлайман» («Думаю о вас») – стихотворение о неразделенной любви: «Мои страдания не знают границ, / Мои беспокойные мысли только о вас».

В 2013 году вышла в свет первая книга М. Сапаровой «Аққу арман» (на казахском и узбекском языках), в которой она стала тонким лириком. М. Сапарова искренне влюблена в поэзию, в равной степени владеет родным узбекским и казахским языками. В стихотворении «Абай» она говорит том, что каждый казах может по праву гордиться своим великим предком Абаем, историей, единством народа. Стихотворение запоминается удачными сравнениями. В стихотворении «Мен ҳаётни севаман» («Я люблю жизнь») поэтесса воспевае любовь к жизни, родному краю, людям. Казахстану посвящено стихотворение М. Сапаровой «Казагистон шунака» («Такой Казахстан»): «Казахстан! Гордо реет в свободном небе твое знамя. / Акыны воспевают твое величие».

Произведения молодой поэтессы отличаются особенностью стиля. Понимая, что литература не должна и не имеет права быть оторвана от стремительного течения жизни, от проблем сохранения мира, создания условий для простого человеческого счастья, М. Сапарова всей силой художественного слова выражает эти стремления.

Ш. Молайханов серьезно относится к жизни, к творчеству, любит свою Родину, возвеличивает доброту и человечность в людях. В стихотворениях «Козогистоним – онам менинг!» («Казахстан – мне как мать»), «Корабулок – она кишлогим» («Карабулак – родной мой кишлак») высок патриотический дух, поэт призывает молодежь любить свою Родину и преданно служить ей. Плод благородных душевных порывов – стихотворение «Ватан ягонадир» («Родина – одна»): «Отцовская родина, материнский край – мой Казахстан, / Вечное место великого предка Яссави – Туркестан. / Твои сыновья – мужественны и отважны».

В поэзии Т. Абдусаметова отражены реалии жизни, его стихотворения напечатаны в сборнике «Чашма чамани». В стихотворении «Онажон» («Моя милая мама») читаем: «Вы нам посвятили свою дорогую жизнь, / Всегда думая и заботясь о нас. / В объятиях вашей любви мы учились и росли, / Вы видели свое счастье в нашем счастье» (дословный перевод). Природе родного края посвящено стихотворение «Корабулок – гузал масканим» («Карабулак – мой красивый край»).

Молодые авторы, ощущая поддержку со стороны старшего поколения писателей и поэтов, раскрывают свои таланты и дарование, создают интересные книги, стихотворения, патриотическую лирику.

В динамичном развитии узбекской литературы в Казахстане в годы независимости большую роль играют литературные объединения, на регулярных заседаниях которых происходит обмен опытом, проходят обсуждения книг, лучшие из них рекомендуются к изданию. Узбекские писатели и поэты создают свои произведения на узбекском языке, а казахским читателям их творения становятся доступными благодаря художественным переводам. Они стремятся вместе с соотечественниками создавать достойное будущее народа Казахстана, жить в свободной и процветающей стране. Узбекские поэты и писатели вносят значительный вклад в развитие казахстанского литературного процесса. Интерес к существенным социальным проблемам и внимание к духовной жизни современника, высокая гражданственность и гуманизм, широта общественного кругозора, умение оценивать

явления действительности в исторической перспективе свойственны узбекской литературе нашей страны.

#### Литература:

1. Узбеки в Казахстане // [http:// ru.wikipedia.org/wiki](http://ru.wikipedia.org/wiki)
2. «Робита» – связующая нить поколений // [http:// robita.ucoz.org/news/2011-11-01](http://robita.ucoz.org/news/2011-11-01).
3. [http:// www.assembly.kz/userfiles/baza\\_dannyh\\_eko.pdf](http://www.assembly.kz/userfiles/baza_dannyh_eko.pdf)
4. Сайрам // [http:// ru.wikipedia.org/wiki/](http://ru.wikipedia.org/wiki/)
5. В Южном Казахстане состоялся форум «Звезды поэзии» // [http:// www.fergananews.com/news.php?id=4245](http://www.fergananews.com/news.php?id=4245)

## КАЗАХСКАЯ РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Русскоязычные писатели – это широкое литературное течение, возникшее на границе и стыке двух культур и литератур с «двойным культурным гражданством» (А. Дравич). В советское время зачинателями казахской русскоязычной литературы были Б. Момыш-улы, М. Джумагулов. Старшее поколение представляют О. Сулейменов, А. Алимжанов, С. Санбаев, Э. Габбасов. Среднее объединяет писателей и поэтов А. Ежену, Р. Сейсенбаева, Б. Канапьянова, Б. Каирбекова, К. Бакбергенова, О. Жанайдарова, Б. Б. Момыш-улы, А. Кодара, А. Жаксылыкова, Д. Накипова, Х. Булибекова, К. Кабдрахманова, А. Дидара, У. Тажикену, Р. Буркитбаеву-Нулену и других. Новая генерация – С. Усенбекова, Ш. Нурпеисова, Е. Аскарбеков, М. Исенов, Е. Жумагулов, Р. Шбинтаев, А. Сабралиева, А. Макаримова и другие. Национальное, духовное начало в их прозе и поэзии берет верх. В. Бадиков вводил в научный оборот термин «художественный билингвизм», который, по мнению критика, «предполагает, прежде всего, владение двумя языками в эстетическом, творческом плане, хотя на практике мы нередко имеем по крайней мере два типа: неполное (одностороннее) двуязычие и полное (двустороннее), и звучит этот термин более нейтрально и типологично, чем «двуязычие» или «казахские русскоязычные поэты». В. Михайлов уточняет в интервью «Литературной газете»: «... Русскоязычную литературу, мне кажется, было бы точнее называть литературой русскоязычных» [1].

Прозу и поэзию казахских, русских, уйгурских, немецких, корейских, татарских писателей и поэтов Казахстана изучал В. Бадиков («На изломе времен. Судьба и голос художника»), «Новые ветры», «В потоке времени не потерять себя» и др.). В разделе «Русскоязычные писатели Казахстана» критик и литературовед указывал на то, что «казахские писатели являются собственно казахскими по своему художественному мироощущению, хотя за счет русского языка творчества в их произведениях ощущается и влияние русского менталитета» [2, с.296]. Представителями

мировой культуры в своей и своей – в мировой называет казахских русскоязычных поэтов и писателей О. Сулейменов.

Творчество писателей и поэтов-билингвов в разных ракурсах исследуют М. Ауэзов, Г. Бельгер, Б. Джилкибаев, У. Абишева, У. Бахтигереева, В. Савельева, С. Абишева, А. Абдулина, А. Ищанова, А. Темирболат, Л. Сафронова, Ж. Толысбаева, А. Тусупова, Л. Абдулина, М. Аргынбаева, Ш. Адибаева, М. Асылбекова, О. Валикова, А. Джундубаева и др. Национальное своеобразие поэтики О. Сулейменова выявляет поэт Б. Канапьянов: «Он может буквально одной строфой обозначить свою сыновью причастность к казахскому фольклору, казахскому эпосу, и вновь, следуя принципу «от частного к общему», предстать сыном человечества, представителем мировой культуры: «По клавишам и – закричат! / На выручку, быстрее Листа, / Из эпоса джигиты мчат, / Опаздывая лет на триста». Ментальность, национальные образы, мир кочевья и современность – все это подтверждает принадлежность поэзии О. Сулейменова, как и всех его собратьев по перу, к казахской литературе.

Яркие представители казахской русскоязычной литературы рубежа веков и начала XXI века в своих поэтических и прозаических произведениях предпринимают попытки осмысления новой действительности, воссоздают картины истории, далекой (трагическая судьба военнопленных в годы Великой Отечественной войны и послевоенные десятилетия) и не столь отдаленной, в том числе героические и трагические страницы Афганской войны, переосмысливают переломные исторические моменты рубежа веков. Творчество крупных мастеров Казахстана получило широкое признание далеко за пределами родины, в США, России, Канаде и т.д.

На рубеже веков О. Сулейменов издал серьезные исследовательские книги «Язык письма», «Пересекающиеся параллели», «Тюрки в доистории», «Код слова», написанные на стыке палеографии, археологии, истории, философии и других наук. О. Сулейменов многогранно и всесторонне, на основе знания и сопоставления многих языков мира прослеживает эволюцию слова-знака и слова-символа. «Идея Олжаса создать новую научную

дисциплину тюрко-славистику является, безусловно, актуальной и плодотворной... Прежде всего, эта идея – закономерный итог его лингво-компаративистских разысканий, открытий и гипотез... Выход Олжасовской «Доистории» можно теперь считать ... мощным прорывом к истокам языкового этногенеза. Причем на самом широком сравнительном фоне всех языков мира, мертвых и живых» [2, с.321–322]. Определяя место О. Сулейменова в евразийском и мировом литературном пространстве, Р. Абазов особо акцентирует внимание на великолепном знании писателем-интеллектуалом национальной, региональной и мировой культуры, характеризуя поэта как «великого писателя, тонко подмечающего детали, любящего жизнь, имеющего свой характерный и совершенно локализованный стиль письма».

По мнению российского языковеда С. Преображенского, щедрый на догадки О. Сулейменов движется дальше в поисках связей между мировыми языками, алфавитами и историей освоения греками финикийского письма, прослеживает судьбы отдельных финикийских букв в греческом и латинском алфавитах. Рассказ его может быть кратким, но достаточно информативным. Главное – может побудить заинтересованного ученого-читателя углубиться в обозначенные темы и прийти к своим открытиям, которые будут интересны и автору книги «Код слова». Так, на примере превращения названия финикийской буквы kof в букву fita при заимствовании алфавита архи-греками ставит под сомнение схему распространения алфавита в Средиземноморье: финикийский > греческий > этрусский > латинский. Композиция книги включает главу «Альфа» (новеллы), в которой читаем: «Название знака Арфа семитами могло произноситься как Карфа. «Карфаген должен быть разрушен!» Причуды ассоциированного мышления. К царю этого края (ныне Тунис) привели странника. «Что ты просишь?», – пишет О. Сулейменов и приводит далее диалог. – «Мне бы немного земли». – «Сколько?» – «Мой вол в пути пал, снял с него шкуру. Вот мне бы землицы, не больше его шкуры». Царь посмеялся и разрешил ему отмерить себе земли шкурой. Странник разрезал шкуру на тонкие, как бечевки, ремни, связал их и намерил на целый город, который назвал Карфаген, поселил

в нем свой кочевавший род: genus – «род» (лат.)» [3, с.32-33]. В книге «Код слова» намечены перспективы дальнейших научных исследований, в частности, «в развернутом исследовании «Тюркская пирамида» должны появиться полные главы «Тюрки в Шумере», «Тюрки в Древнем Египте», «Тюрки в Этрурии», «Тюрки в Древней Индии», «Тюрки в Древнем Китае», которые укрепят конкретными материалами основание пирамиды» [3, с.74]. Стиль книги научный и образный одновременно: «В «горских» и «лесных» языках, как в вечной мерзлоте, сохраняются динозавры и мамонты лексики, давно вымершие в других слишком общительных наречиях. И эту особенность географии языка надо учитывать этимологу» [3, с.75].

Зарубежное восприятие творчества поэта представлено в сборнике «Мир Олжаса Сулейменова», в который включены материалы, переведенные на русский с немецкого, английского, французского, корейского, польского, монгольского языков второй половины XX – первого десятилетия XXI столетия. Многие статьи на русском языке издаются впервые. Наибольший резонанс творчество О. Сулейменова получило во Франции в рецензиях и статьях Л. Дени, А. Филип, Л. Робеля, П. Гамарра, Л. Рей, А. Боске, К. Муз, Ф. Сальвэна, Ф. Диа, Р. Дора, Б. Шамбаза, А. Фишлера. В Германии всесторонне исследует поэзию О. Сулейменова известный прозаик, издатель, переводчик Л. Кошут. В Монголии издана книга О. Сулейменова «Аргамак» с Предисловием поэта, драматурга, переводчика Ж. Лхагвы. Американская рецепция книг О. Сулейменова представлена обстоятельными научными статьями специалистов в области культурологии, компаративистики, славяноведения и современных литератур Р. Абазова, доктора философии Х. Рам (Йельский университет) и Н. Каффи (Калифорнийский университет), информацией Дж. Уайтелла и др. Профессионально о восприятии произведений О. Сулейменова в Польше и Республике Корея пишут профессор Варшавского университета, теоретик и критик литературы Е. Чаплеевич и поэт, эссеист, переводчик Ким Бён Хак.

Инициатор многих культурных инициатив, ученый – литературовед, публицист, культуролог, дипломат и политик М. Ауэзов

к процессу взаимосвязи культур обращается постоянно, отмечая их динамичный, стадийный характер, размышляя в «Иппокрене: Хождении к колодцам времен», теоретически беспрецедентной книге (С. Абдулло), о родстве, сходстве, идентичности культур народов мира, опираясь на идеи В.Г. Белинского, М.М. Бахтина, Г.Д. Гачева. Осмысливая своеобразие искусства, автор книги пытается уяснить его главную характеристику, заключающуюся в единстве общечеловеческих и самобытно национальных черт, в историческом и современном художественном опыте в его динамичном, процессуальном состоянии. Наполнены глубоким смыслом размышления о притяжении – отталкивании двух культурных миров, о философии возвращения человека к человеческому в себе – поверх обособления и настороженного отношения к Другому. Выстраивая логическую закономерность: историко-культурная преемственность, процесс взаимосвязей в современном и историческом плане, современные искания культуры, с преимущественным вниманием к ее «диалогу с современностью», М. Ауэзов резюмирует: «Именно с таким настроением совершались наши хождения к колодцам духовности в поисках ответа на вопрос «Кто мы?». Стиль Ауэзова – эссеиста С. Куттыкадам определяет как «поэтический слог с ажурным орнаментом глубоких мыслей, созвучных притчам персидских суфиев».

Концепт времени – определяющий в его творчестве, как и в книге «Времен связующая нить», в которой установлены некоторые важные закономерности современного общекультурного процесса Казахстана. Принципиальная новизна – в выявлении тенденций, ведущих к духовной суверенности казахского народа. Связи и переходы от одного положения к другому автор не устанавливает по заранее сконструированной схеме, так как (читаем запись 1978 года в Дневниках «Уйти, чтобы вернуться» [4]) в создании книг «особая надежда – на суверенную жизнь стиля, которому (хочется верить) не чуждыми будут ассоциативность, органично-прихотливые капризы, мудрая нелогичность и целеустремленная непоследовательность». Исступленная жажда «истины» соседствует с трезвым пониманием ограниченности возможностей – собственных, своей ситуации и своего времени.



В контексте обрести право естественного перехода от «я» личностного к «я» больших концентрических кругов. И каждому из «я» предоставить возможность говорить своим голосом». Так сформулировано стремление к собственному равновесию с миром. Все чаще говорят в современном мире о возрождении роли слова. В Дневниках, в главе «Главпочтамт» (1978 год) об этом сказано во временном контексте: «Одно из неперменных условий возрождения роли слова (возвращение силы слову) – выпадение (выход) из условностей чужого (чуждого) времени. Необходимы параметры – продуманные, аргументированные, трезво выверенные – современного национального времени». В вечерней прикаспийской степи автор Дневников, погруженный в космос работы, испытывает нечто, напомнившее ему слово «свобода». Это парение, вознесение, полет, когда чистые листы бумаги заполняются его рукой, сердцем и разумом. Кочевник живет в ритме природы, четче улавливая «биение пульса земли. Гумилев близок к истине, связывая расцвет и упадок культуры кочевья с дыханием морей, влиянием ливней, с солнечной активностью». Контрасты степи становятся понятнее. «Огромное небо, огромная степь – крохотная юрта, в ней: грандиозного самоощущения человек...» Не здесь ли истоки будущей экспедиции «Каспий: нефть и культура»?!

Универсальная формула жизни: «Уйти, чтобы вернуться» – в названии книги М. Ауэзова. «Этим путем идут науки и искусство», а формой, средством, способом жизни может быть только литература. Вспоминая М. М. Бахтина: «Идти вперед может только память, а не забвение», М. Ауэзов дополняет: «Умея вспоминать, мы обретаем способность мечтать о будущем и, в конечном итоге, добиваться осуществления своей мечты».

Многие общественный деятели, ученые и писатели называют своим учителем Б. М. Джилкибаева, доктора филологических наук, профессора, переводчика, писателя, автора научных трудов и книг «Казахский эротический роман», «Полынная речь ногайлинца Бродника», «Мастер Аш Чиян» и других, публикующегося в журналах «Дружба народов», «Простор», «Айт», альманахах «Книголюб» и «Литературная Алма-Ата». Блестящее

классическое образование на филологическом факультете Ленинградского государственного университета, знание латыни, санскрита, древнерусского, арабского и еврейского языков обогатили педагогическую и переводческую деятельность (перевел И. Джансугурова, М. Жумабаева, Н. Оразалина и др.), оригинальное творчество. Главные темы прозы и поэзии: судьба поэтов, философов, восточных мудрецов и правителей. Этнографические мотивы, исторические экскурсы, библейские сюжеты делают произведения Б. Джилкибаева оригинальными, далёкие времена в них соприкасаются и перекликаются с современностью. На юбилейном вечере в его честь в Национальной библиотеке РК из выступлений Н. Черновой, А. Жаксылыкова, С. Жансугурова, Т. Фроловской, К. Гайворонского, Д. Накипова, У. Тажикеновой, К. Кушкаровой, Н. Орызбекова и многих других сложился портрет «неординарного полифоничного человека, звучащего во всех проявлениях своей многогранной жизни одинаково глубоко и ярко» [5].

У каждого из нас свой Пушкин, свой Лермонтов, свой Маяковский. «Мой Пушкин», – как замечательно сказал В. Непомнящий – это ворота в мой духовный мир, это моя вера». Роман-эссе академика НАН РК З. Кабдолова о своем педагоге, выдающемся писателе-мыслителе XX века называется «Мой Ауэзов». У Б. Джилкибаева – замечательная книга «Мой Ильяс», которая не просто встраивается в ряд высокоинтеллектуальных исследований отечественных и российских авторов. Книга раскрывает тайны «слияния творческих кровей» (Н. Ровенский), учит уважительному отношению к классике. Философско-филологическую прозу Б. Джилкибаева «Казахский эротический роман» Н. Чернова охарактеризовала как роман с глубокими «многоплановыми, философскими рассуждениями о современном социуме, культуре, литературе, обычаях казахского народа, происхождении русских и казахских слов, обрамленными утонченными арабесками эротики, овейной поэзией». Объемное произведение, из трех глав, без сквозного сюжета в аннотации названо экспериментальным. Филологичность книги «проявляется в двойственности заглавия» (В. Савельева). Найденная в архиве

убитого писателя-отшельника мистифицированная рукопись «дает толчок для дальнейшего развития событий... Мнимонаучное заглавие романа Б. Джилкибаева начинает управлять и порождать событийные новеллистические, криминальные, детективные сюжеты внутри каждой из трех глав текста. В романе явно ощущается раздвоение автора: на автора-ученого и автора-художника» [6, с.174]. В итоге – «энциклопедия сюжетов, начиная от фольклорно-эпических и авантюрно-новеллистических ... до современных социальных и детективных». Произведение с магистральным сюжетом, основанным на «истории взаимоотношений человека со словом на уровне имени, заклинания, топографии. Полилингвизм автора позволяет ему сталкивать слова из разных языков, вдохновенно рассуждать о типологии и переводе, соотнося слово-логос и слово-иконос... Читатель получает из уст автора энциклопедию сюжетов, начиная от фольклорно-эпических и авантюрно-новеллистических (в первой и второй главах) до современных социальных и детективных (в третьей главе)» [6, с.174].

А. Жаксылыков и К. Гайворонский раскрыли феномен юбилера как Учителя, воспитывающего уважение к классической литературе, владеющего энциклопедическими знаниями. Мастером, постигшим Слово и Время, удивительно точно вписывающим его в контекст современности, назвала Б. Джилкибаева Р. Артемьева: «Обращаясь к истории, он смотрит в будущее, пристально глядя в настоящее» [5].

Для прозы Р. Сейсенбаева, С. Санбаева, А. Жаксылыкова, Д. Амантая, Д. Накипова характерны амбивалентность образов, расширение тематики, углубление психологизма и драматизма. Прошлое, настоящее и будущее, картины реальной жизни и вымысел, фантастические сюжеты и образы соседствуют с вполне современными героями. Переживанием за судьбу своей страны пронизано, как красной нитью, многоплановое и многогранное повествование А. Жаксылыкова «Сны окаянных», экзистенциальная направленность которого очевидна. 5 книг структурно, семантически, философски, мотивно связаны и посвящены памяти безвинных жертв испытаний на атомных полигонах Казахстана.

Жертвы ядерного полигона в Семипалатинске, их изуродованные судьбы воспроизводятся со всей силой реализма в рамках философского, экспрессивного повествования. Не может оставить равнодушным читателя судьба подрастающего поколения, вынужденного жить в изоляции на территории брошенного военного городка. Поэтика произведения включает несколько повествовательных пластов и сюжетных линий.

Авторская манера повествования гиперболчна и гротескна. Тем выпуклее решается тема войны, ядерных полигонов, безудержной гонки вооружений. Раскрываются мифологические аспекты психологии войны в мышлении людей. Нередко в текст художественного повествования автор включает сухие статистические данные о младенческой смертности, которая была наиболее высокой в Западном Казахстане из-за недостаточных мер по охране здоровья и сильного химического заражения окружающей среды в результате действия военных полигонов «Капустин Яр» и «Азгир». Совместное воздействие химических и радиационных факторов (эффект синергизма) приводит к более сильному воздействию на живой организм, по сравнению с каждым из этих факторов в отдельности.

Важна встреча героя первой книги романа «Поющие камни» Жана с самим собой, как важно и раскрытие темы советского прошлого, тоталитаризма. Автор приветствует стремление к гармонии, истине, добру и красоте. Многочисленные функции выполняют в романе сновидения, своеобразные миры наизнанку. Герой нередко пребывает в двух мирах: реальном и бессознательном. Концепт дороги – традиционный символ жизненного пути героя. Трагедийному повествованию присуща мифологичность. Всем ходом эпического повествования А. Жаксылыков призывает к свободе и ответственности, возвеличивая в человеке творца, воспевая силу его духа. Наиболее сложным в структурном и философском плане является роман «Дом суриката», продолжающий в футуристическом и неореалистическом духе тему сверхвооружений в новейшей мировой истории. Глобальный экологический кризис усугубляет последствия необузданной гонки вооружений. Сложные стилистические фигуры и тропы,

эллипсис, парабола, парадоксы образуют внутренне единую ткань повествования. Автор вместе с читателем ищет Путь. Проводником по лабиринту «апокалипсиса наших дней» в эпоху столкновения цивилизаций считает «Дом суриката» А. Кодар. Бахытжан Момыш-улы характеризует прозу А. Жаксылыкова как работу «о развитии разума, эволюции души, очищении сердца» [7, с.401].

Р. Сейсенбаев продолжает разработку темы ответственности гражданина за свою Отчизну, морального долга перед подрастающим поколением, писательского мастерства. Р. Сейсенбаев, технарь по вузовскому образованию, как и О. Сулейменов, С. Санбаев, Б. Канапьянов, «принес в литературу своего времени обостренное чувство человеческого достоинства, личности, ее неперемного, по Пушкину, «самостояния» в тоталитарном обществе» [8, с.184]. Герои Р. Сейсенбаева – нравственные максималисты, инакомыслящие, стремящиеся жить и творить по совести. Для них главное – любовь, дар прощения, щедрость души («Ночные голоса»). Писателю близок жанр экзистенциального публицистического романа, остающегося документом своего времени. Силен авторский лирико-публицистический пафос романа «Мертвые бродят в песках», герои которого Насыр, Кахарман, Марзал, профессор Славиков – люди особенные, болеющие душой за свое дело, за сохранение жизни на планете и за всех окружающих. Герои, порой, похожи на автора, у которого «на все свой взгляд, свое отношение, он воспринимает мир по-своему, и у него свое духоустройство, его нравственные устои – Абай и Шакарим, он везде и всюду блюдет честь своего рода, нации, народа, не разменивается на житейские мелочи, у него своя тема, свое видение, свой стиль письма и человеческого поведения... Его уникальный «Аманат» – концептуальный завет грядущим поколениям» [9, с.5]. Своеобразный прием избирает Р. Сейсенбаев в романе «Ночные голоса», главный герой которого тридцатисемилетний Айдар Курманов, геолог по специальности и «молодой», по мнению критиков, писатель «пытается объяснить происхождение историй, сочиненных им или рассказанных ему случайными попутчиками, знакомыми, друзьями».

Писатель отправляется в путешествие по родной земле из своего маленького уютного городка на срединных землях Сары-арки. Как и герой повести Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича», герой романа казахского писателя задумывается над вечными вопросами: «Жить? Как жить?» Утрата реальности, идеи служения человеку гибельны для писателя. Герой на перепутье. Диалог с незнакомцем помогает понять что-то важное и увидеть перспективу. Явившийся ему юноша, слова которого доносятся откуда-то издалека и повторяются глухим, протяжным эхом, предостерегает и напутствует: «Ты утрачиваешь реальность, а мифологизация – это не только приобретение, но и потеря. Ты снова на перепутье и снова страдаешь. Миф – утешение, а реальность – это жизнь, это служение во имя человека... Не убьешь свою совесть, будешь жить, и тогда мы обязательно встретимся». Проснувшееся желание жить позволяет подвести некоторый итог прожитому. Несобственно-прямая речь героя полна раздумий: «... Что же за книгу он написал? Цикл рассказов? Роман? Эскиз романа? «Ночные голоса» – наверное, и название можно было подыскать более оригинальное, не в том суть, а в том, что он пытался поведать о состоянии души человека и в час отчаяния, и в минуту радости». Мы слышали звуки голосов, которые «особенно властно потревожили его тишину». Роман призывает читателей задуматься над вечными проблемами бытия, ценить радость и полноту жизни. О духовном возрождении своей страны, укреплении ее могущества мечтает как сам писатель, так и герои его произведений на историческую и современную тему.

Повести и романы С. Санбаева «Белая аруана», «Когда жаждают мифа!..», «И вечный бой!..», «Коп ажал», романы «Медный колосс», «Дорога только одна», «Времена года нашей жизни» сыграли значительную роль в истории отечественной литературы. На страницах произведений писатель рассуждал о счастье, любви, добре и справедливости, о долге, чести и достоинстве. Огромное внимание С. Санбаев уделяет проблеме нравственного выбора, взаимоотношениям человека и общества. Значительное место в творчестве писателя занимает тема личности и истории. Автор утверждает неразрывное единство частной судьбы и судьбы

человечества. Рассказывая биографию своих героев, писатель преломляет сквозь призму их сознания историю страны, в которой они живут. С. Санбаев в романе «Весной нас зачарует голос» прослеживает судьбы казахских семей, откочевавших в трагические 20-е годы XX века через мангыстауские степи в Туркмению и Афганистан. Казахи называли эту страну на свой лад – Ауганистаном, Страной откочевников, Прибежищем переселенцев. Кабул – Кабыл – Открытый город, принимающий людей. Главными были дух племенной жизни, свобода вероисповедания, возможность свободно кочевать по просторам со своими стадами. Так прошлое вторгается в жизнь жителей долины Оймак.

Отряд моджахедов под командованием Гинаята выполняет сложную задачу. Ему поручено доставить французского журналиста через минные поля и горный перевал Шакмак к следующему перевалу Чермен в отряд Ахмад Бека. Гинаят понимает, что отнюдь не журналиста сопровождают его бойцы, слишком активизировались советские десантники, идут буквально по следам. Их цель – перехватить военного специалиста, направленного под видом журналиста координировать военные операции повстанцев и моджахедов. Порой, полевые командиры, а не погрязшие в интригах политики, решали дело. Такова внешняя канва событий. Но роман глубже и многослойнее. Он о Родине в сердце каждого персонажа, о правде и предательстве, долге и чести. Это фактически первый роман в казахской литературе об афганской войне, когда казахи воюют друг против друга. Трудно понять майору Турлыжанову, действительно ли старейшины кишлаков соблюдают условия перемирия или ведут двойную игру, подобно проводнику Сайфулле. Одним-двумя штрихами писатель рисует образ 40-летнего афганца с характерной походкой. Сайфулла «шел длинным, скользящим шагом, как-то странно разводя руки в стороны, словно пытался поймать какого-то зверя или животное... Прорезая ночной воздух руками, словно крыльями..., отчего казалось, что он как бы стелется по-над землей, парит в воздухе».

Турлыжанов дорожит званием десантника, командира элитных частей армии, воинским братством и пытается разобраться

в сложных взаимоотношениях разноплеменной страны, в традициях и обычаях: «До недавних пор в здешних горах и пустынях то и дело вспыхивали межплеменные войны..., длились по нескольку лет, сопровождаемые таким жутким насилием и зверством, что в жилах леденеет кровь... И сейчас сплошь и рядом – дикие расправы, кровная месть, рабский труд, продажа девочек, еще почти детей, в жены. Правосудие совершается не столько по шариату, сколько по патриархальным и феодальным законам». Нурлан Турлыжанов ищет ответа на вопрос, кто же скрывается под именем Бакая? Есть ли такой полевой командир. И все больше (после беседы с Нуржаном) склоняется к мнению, что это и есть Гинаят. Помогают ему давние рассказы отца о древних батырах уильской и каратальской степей Ботакане, Карабатыре, Алакае, Макате, Сакале, Кошкаре и Бакае... Старший брат Галимжан запечатлел их подвиги в своих произведениях. По именам сыновей Гинаята – Карабатыр, Каракерей, Жаик – можно догадаться, откуда семья пришла в далекий Афганистан. Неслучайно Галимжан говорил, что имена предков дают детям, чтобы не позабылась история родного края, а история – это суть биография народа.

Судьбы героев так тесно переплетены в романе, что дело не в одном только родном поселке Макат, о котором вспоминает Нурлан. Отец Гинаята старик Нуржан, хозяин кишлака, успел перед смертью рассказать Нурлану про его отца, Турлыжана, который пришел забирать у него в 1929 году скот (по разнарядке количество кулаков и баев все увеличивалось). Нурлану старейшина Нуржан-баба напоминает то персонаж романа Галимжана, то Темира-ата и Оспана-ата, однажды превратившихся в каменных балбалов в тайсойганских песках и рассказывающих древнюю историю. Выслушав старейшин кишлака мудрых Нуржана и Нияза, отнюдь не заблудших душ, как считали в Казахстане людей, живущих на чужбине, Нурлан вдруг осознает, что настоящая история его родного края живет за границей. Нияз рассказывает об акыне Отемурате, батырах Кошкаре, Бараке, Бакае. Белый женский платок, который срывает с непокрытой головы Нагима со словами: «Вы же с одних колодцев. У вас один предок»,



останавливает Нурлана и Гинаята от необдуманных шагов и последствий. Зыбкий мир в кишлаке восстановлен, четвертый сын Гинаята и Нагимы увидел свет, крик новорожденного – голос весны.

Один из авторов статей сборника «По следам белой аруаны...» О. Калиев вспоминает, как отец Сатимжана Санбаева Хамза Санбаев, учитель казахского языка и литературы, не просто обучал, но и прививал «любовь к родному языку, истории народа. Вот откуда корни любви Сатимжана к нашему самобытному народному искусству, к родной Земле, с обязательными поездками на сенокос, когда от запаха буйргына и жусана, действительно, кружится голова. И эта беззаветная любовь к родине навсегда поселилась в его щедром и большом сердце, где всегда находилось место и маленькому Макату, и родной Атырауской земле, и всему Казахстану независимо от того, где бы он ни находился».

Мотив пути связывает настоящее с прошлым в поэзии и прозе Б. Канапьянова: «Идет через судьбу моя дорога к храму...». О преемственности знаний, духовного опыта размышляет поэт. Изменилось время, которое принесло новые технологии: «Эта мудрость земных фолиантов / Переходит в компьютерный диск» («Вспоминаю былого кумира...»). Творческая личность пребывает в поиске воздуха «таинственной драмы» и раскованности детской мечты. Книга Б. Канапьянова «Весы» включает этюды, очерки, интервью и статьи за последние тридцать лет («Из века в век», «Вместе – с каждым», «К истокам»), многие из которых были опубликованы в периодической печати России и Казахстана и посвящены современному литературному процессу. Книга открывается исследованиями по казахскому фольклору (орхоно-енисейские надписи, поэтическое наследие Анахарсиса, «Словарь тюркских языков и наречий» М. Кашгари, творчество Баласагуни, «Кабус-наме» Кей Кавуса, «Козы Корпеш – Баян Сулу» и «Кыз Жибек»). Во втором разделе помещена рецензия на «Пушкинский календарь», 365 дней-страниц, наполненных светом и образом поэта. «Календарь – это веками сложившаяся система, «нарушение» которой возможно только в поэзии, ибо только в стихах могут возникнуть чисто весенние мотивы,

когда за окном серая осень с дождями, или наоборот, то есть поэт властен изменить в своих произведениях сам ход вещей в природе, однако время написания этих вещей все одно фиксируется реальными датами календаря, в данном случае Пушкинского. Впервые в мире этот календарь издан в 1999 году и несет свой хронологический отсчет с 1 января 1999 года и, я думаю, отныне будет вечно нести эти дни-страницы во имя памяти великого поэта, во имя самой Поэзии».

Ярким поэтическим личностям Казахстана – Махамбету, Шакариму, М. Жумабаеву, С.-М. Торайгырову, П. Васильеву, И. Жансугурову посвящены исследования Б. Канапьянова. Очерки и статьи разнообразны по тематике, по объему, по затрагиваемым проблемам трагической судьбы казахской интеллигенции, о деятелях Алаш Орды, художественного перевода, анализа поэтического текста, книгоиздания и т.д. Взволнованно звучит голос Канапьянова-исследователя: «И пусть ни в одном историческом документе из биографии И. Жансугурова нет упоминания о его встречах с М. Жумабаевым. Не верю! Двум ровесникам по возрасту, двум ярким представителям казахской поэзии находиться в одно и то же время в Москве, учиться, пусть в разных учебных заведениях, и ни разу не встретиться! Наверняка есть соответствующие подтверждения о их хоть одной мимолетной встрече в гуще литературной московской жизни того периода». И своеобразное доказательство этого – образ Аханасера и Кулагера.

В публицистическом стиле Б. Канапьянова не может не найти отражения его поэтический талант. Поэт пишет о поэте: «Шакарим... Если вслушаться в звукопись этого имени, то можно отчетливо уловить зов сквозь шорох космического гравия шуршащего звездами в ночном пространстве степи – зов неумиряющего творчества». Автор книги обладает даром сопоставления, сравнения и умеет вычленил и оттенить в творчестве казахских классиков самое главное и ценное. В статье «Великий поэт мировой культуры (Магжан Жумабаев)», которая была опубликована в качестве предисловия к изданию книги М. Жумабаева «Пророк» в Москве, в 2003 году, Б. Канапьянов размышляет о божественной

преимущества поэтического духа. В разножанровых статьях и исследованиях – широта интересов Б. Канапьянова, его многогранная литературная и общественная деятельность. Завершается второй раздел «Абаевским календарем» (малой антологией поэзии), издатели которого – ИД «Жибек жолы» к юбилею великого поэта достигли благородной цели – присутствия поэтических образов на каждой странице перекидного календаря, на каждой странице рабочего дня. Третий раздел – воспоминания о родителях, детстве поэта. Статьи завершающего раздела «Часы и время отца», «К истокам» лиричны и элегичны, написаны задушевно и с особой теплотой. Чувством огромного уважения к таланту Ч. Айтматова запоминается эссе «Памяти Чингиза Айтматова». Глубокие философские раздумья о мировых религиях, о неисчерпаемом богатстве фольклора, о творчестве писателя чередуются с личными воспоминаниями о встречах с киргизским прозаиком, анализом творчества и образов главных героев. Не раз возвращаясь к образу Абуталипа Куттыбаева, Ч. Айтматов, по мнению Б. Канапьянова, «словно искал дальнейшего соответствия прошлого к настоящему, реального к божественному, соизмеря однажды уже воплощенный замысел романа с теми переменами не только общества, но и каждой личности в отдельности, когда мы действительно «рекомендуем» Богу свои помыслы, страдания и надежды». Б. Канапьянов призывает быть достойными наследия великого сына человечества Ч. Айтматова.

Земным оком Тенгри называет Иссук-Куль Б. Канапьянов, через творчество которого красной нитью проходит любовь к своей родине, семье и родной природе. Этим великим чувством пронизаны его прозаические произведения, рассказы и повесть «Тамга Тас». Умение находить и «видеть романтическое в природе и в жизни, в истории, в человеческих делах и чувствах» (В. Максимов) – отличительная черта таланта Б. Канапьянова, в поэзии которого отражаются судьба и абсолютная гармония. В философском плане осмыслена судьба военнопленных Второй мировой войны в повести «Тамга Тас» (Мияно Ясуши), в основе которой реальные события из жизни военнопленных японцев. Мияно Суши – единственный реальный персонаж, спустя 60 лет

посетивший места своего пребывания в плену – Южное Прииссыккулье. Трагические страницы прошлого оживают благодаря беллетристическому дару Б. Канапьянова, сочетающего литературный вымысел (fiction), без которого повесть стала бы документальным произведением, и документальную основу (pop-fiction). 125 интернированных солдат Квантунской армии переправили из Ташкента в Рыбачье и пароходом – в Тамгу. Два года они возводили корпуса военного санатория для армии победителей и обустроивали терренкур к побережью Иссык-Куля. 125 человек трудилось вдоль побережья, было установлено 125 гранитных ступеней, «надгробий по прошлой жизни».

Теперь известно, что 60 000 военнопленных так и не вернулись в Японию. Девятнадцатилетний солдат Квантунской армии Мияно Ясуши попал в плен в августе 1945 года. Вместо учебы в университете его призвали в армию, в артиллерийский полк в Маньчжурию. Около месяца длилась война Советского Союза и Японии. После безоговорочной капитуляции 600 000 японских солдат, офицеров и генералов оказались в плену. Главный герой повести ощущает себя «малой песчинкой во многотысячной массе военнопленных, и у него, как у всех остальных, была своя душа и свой взгляд на вещи и миропорядок, которые в силу самосохранения нельзя было высказывать вслух, и лучше всего хранить эти мысли и суждения глубоко в себе, возвращаясь в коротких снах на далекую Родину». Горные вершины вдоль Иссык-Куля напомнили ему родные горы. Плывая навстречу солнцу на катере по озеру, Мияно Ясуши, крепко зажав в кулаке алюминиевую ложку, которую ему подарил еще в Маньчжурии добродушный русский солдат, «пел о своей стране, где восходит такое же солнце, о видах Фудзи – утром, днем и вечером...» Авторское повествование глубоко психологично: «Свежий воздух вывевал из его ранимой души все тяжелые воспоминания о долгом, нечеловеческом пути с востока на юго-запад». Жизни всех военнопленных были сохранены. Все 125 человек вернулись домой.

Мияно Ясуши любил бывать около священного камня, покрытого письменами. Вокруг – божественная тишина, словно в храме, в который водили его в детстве, перед поступлением

в школу, родители. Приближаясь к камню, он ощущал «ничем не объяснимое состояние божественной гармонии с окружающей его природой – горами, елями, березами, извилистой рекой в низине и там, еще ниже, в прекрасной долине, небесной чашей Иссык-Куля». Довольно часто образ далекой Родины приходит на память главному герою во время поездок вдоль берега озера. Дорогу домой, долгую дорогу назад, на родину, свой путь богов Синто с мая 1948 года вспоминает Мияно Ясуши, вернувшись к озеру в преклонном возрасте. На скамье перед терренкурром пожилой гость попросил оставить его одного. Он вновь вспоминал дорогу домой, с каждым днем уменьшавшую их путь на родину. А затем совершил восхождение по гранитным ступеням терренкура, вспоминая по именам своих товарищей: Сабуро... Икэда... Киути.. Такэучи Сакаэ... Камия Токэхико... Мацуда... Каждая гранитная ступень имела имя военнопленного. Это было восхождение во имя великой памяти.

В сюжетную канву повести включена линия Тосиро – Чолпон. Любовь пленного японца и красавицы Чолпон выдержала все тяжелейшие испытания. В конце 60-х годов они объявились в Японии – спокойный и умудренный пережитыми скитаниями Тосиро и его верная спутница Чолпон. Повесть Б. Канапьянова – о неумирающем озере его судьбы, на берегах которого разворачиваются трагические и радостные события: «Это в тебе, бирюзовое озеро Иссык-Куль, наша сила, это ты, как говорят испокон веков, смотришь оком в небо и само являешься небесным оком на нашей земле».

В книгах публициста, прозаика и переводчика Бахытжана Момышулы современная действительность сопряжена с историей народа. Создав цикл произведений о легендарной личности Бауржана Момышулы – «Сыновья великого волка», «Восхождение к отцу», «Во имя отца», Бахытжан Момышулы экспериментирует с разными жанрами. Эссе «Рыдание о Золотом Князе» посвящено А. Сарсенбаеву. Сердцевина произведения, слова, вокруг которых аккумулируется повествование, – хокку Мацуо Басе: «По дороге не ссорьтесь, / Помогайте друг другу, как братья, / Перелетные птицы!» Настоящим интеллигентом и аристократом

(«лучший сын») считает героя эссе автор. Свет доброжелательности, тепло доверительности, высшая форма духовности были присущи герою эссе.

Проза Б.Б. Момышулы философская, образная, метафорическая: «В мире много дорог, ведущих в разные страны и города. И на пути встретится много мудрых и знающих людей, у которых можно получить ту долю знаний, которую ты сможешь унести с собой». Лейтмотивом повести «Свет волчьей тропы» является призыв автора свято хранить внутреннюю свободу и независимость. «Время и пространство – два крыла, которые перенесут душу через безбрежность неизведанного океана при условии, что душа будет безгрешной, озаренной, чистой». С неторопливым повествованием переплетаются и становятся его частью сны и притчи (притча о серой змее, притча о Мансуре, мастере на все руки и др.).

Писателя привлекает духовный путь взросления героя. Старец в повести «Свет волчьей тропы», оставив несметное земное богатство, уводит с собой духовное сокровище, чтобы сделать из мальчика великого мастера и прославленного шейха. Герой повести Сабыржан уверен, что «это наше счастье, что к нам приходят аруахи с глубоко нравственной душой, оставившие далеко внизу всю земную шелуху. Но люди продолжают судить о них по этим очисткам, не умея или не желая видеть чистое ядро, сияющий духовный стержень, ту светлую ось, вокруг которой станут концентрироваться их будущие жизни».

В притче о Мансуре – два действующих персонажа Мансур и дервиш. Многому научившись и многое освоив, Мансур, мастер золотые руки, предлагает дервишу нож. Дервиш отказывается от подарка: «Только меч познания может вскрывать запертые замки душ и заржавевшие двери сердец, что каждый день, если мы сами того пожелаем, будут открываться все более широкие горизонты. Для этого не нужно жалеть сил и следует продолжать продвигаться по дороге поиска духовного познания. Вот тогда человек встанет на Путь. А там уже стоит сделать один шаг навстречу Богу, и Аллах сделает десять шагов навстречу ему». Герои – великолепные мастера. Но работают с разными

материалами и субстанциями. Дервиш усмехнулся: «Ты мастер. Я тоже мастер. Ты превращаешь грубое железо в изящные и нужные людям вещи. А я самих людей пытаюсь превратить в изящные, тонкие, умные создания, закаленные в огне духовности. Я не молот и не наковальня, а мех, которым ты раздуваешь огонь. Мое дыхание помогает разгореться искрам, тлеющим в груди тех, кто возжелал слушать меня. Но это дыхание возродил не сам я, а мои пресветлые Учителя».

Лиричны и наполнены добрыми воспоминаниями «Ветры памяти» Б. Б. Момышулы. Детство и юность сопровождают человека всю жизнь. Мотивы Родины (малой и большой) и памяти истоками уходят в детство. Все, заложенное в раннем возрасте, во взрослой жизни согревает и оберегает: «Чтобы понять и полюбить друг друга, нам было достаточно общей судьбы, той колыбели, которую называют городским двором. Нам было довольно сознания, что живущий в родном дворе тебя не обидит, не причинит боль, что он надежный друг и честный человек. У нас было больше общего, чем отчуждающего, и мы всегда искали то, что нас объединяет. Двор для меня – это опыт и память, ведь человеку служат уроком все прошедшие времена. Двор – это малая родина городского поколения, без которой оно не смогло бы обрести большого Отечества. Двор не меняется в главном, оставаясь стихийным воспитателем, внушая питомцам свои представления о чести и совести. Думается, он не простил бы и беспамятства, ведь двор – это люди, которые требуют возвращения к ним...».

Писатель, публицист, киносценарист Дидар Амантай романы и повести пишет на казахском языке, эссе и стихотворения – на русском. Он – один из ярких представителей новой волны в казахской литературе. Одни пишут о нем как о постмодернисте, другие – как об основоположнике городской литературы. Героями произведений является молодежь, образованная, интеллектуальная, ищущая ответы на непростые вопросы современности («Цветы и книги» и др.). Для стиля Д. Амантая характерна плотность письма, короткие предложения. Он словно экономит слова, высоко ценя каждое из них. По образному определению

Г. Бельгера, «в прозе он – философ, в философии – прозаик». Великолепно ориентируясь в мировой классике и современной литературе, свободно переходя от сопоставления образов и мотивов в национальных литературах к анализу казахской, Д. Амантай убедителен в выводах. Блестящий докладчик и убедительный оратор обосновывает современность Чингиза Айтматова тем, что с каждым годом его творчество порождает все новые и новые вопросы. Более того, творчество Ч. Айтматова бессмертно, оно – толкование жизни человечества в XX веке.

В исследовании «Чингиз Айтматов и современная проза» Д. Амантай разделил всю прозаическую литературу на пять составляющих: социально-антропологическая проза, коммерческая, фантастическая, философско-метафизическая и поэтическая, подчеркнув, что в творчестве конкретного художника они представлены в смешанном варианте. От обобщающих выводов автор возвращается к Ч. Айтматову, акцентируя внимание на его общечеловечности «благодаря вопросам метафизики, которыми пронизаны все его книги. Он всегда находился в поисках смысла. Потребность в созидании смысла и ценностей привели его к вопросу Бога, веры и назначения человека в этом мире. Его герои всегда непременно показаны в экзистенциальных ситуациях... Он был выдающимся интеллектуалом и гуманистом ушедшего столетия».

Эссе, выходящие из-под пера Д. Амантая, индивидуальны, неповторимы и нередко пронизаны грустью. Автор убежден, что «все преходяще, кроме чувств». Он высоко ценит человеческую память: «Только человеческая память – вечность, все, пережитое тобой, никогда не забудется, ты через всю свою жизнь, до самой смерти пронесишь даже однажды мельком увиденный и ставший любимым образ в памяти. Вечность солнца не важна, важно до боли знакомое и любимое тобой» (эссе «Однажды увиденный образ»). Человеческие чувства, особенности восприятия связаны с мирозданием. Каждый из нас вступает в диалог культур, литератур, взаимообогащаясь. Говоря о конкретной возлюбленной и обращаясь к ней, автор эссе пытается понять через нее «загадку Вселенной, не боясь быть смешным», «а ты (обращается



он к возлюбленной. – С. А.), как знак красоты, обещанной за пережитое страдание, должна служить Музой беспокойной поэзии в тяжелые минуты».

В иной тональности написан «Реквием по осени», в котором много ассоциаций и реминисценций из русской классической поэзии. Его герои: Поэт, девушка и осень. Осень – это и время года, и лирическая героиня, и образ любви. Стихотворный текст Д. Амантая мелодичен и диалогичен. Д. Амантай размышляет о судьбах художников, мыслителей, писателей и поэтов. О даре творчества, о даре слова. Художник, успешный, молодой, в расцвете сил вдруг теряет художественные навыки. Свежие краски сохнут. Кисти разбросаны. Каждое утро приобретаются в магазине новые холсты, которые остаются нетронутыми, и новые краски. Красавица-жена лелеет мечту о новом доме и путешествии в Средиземноморье. Художник, закрывшись в мастерской, плачет, как ребенок. Это первая часть эссе «Ретроспектива по Камю и Достоевскому», короткого, лаконичного, как и все произведения этого жанра у Д. Амантая. Во второй части следует обобщение: «Бывает, когда усомнишься в правильности выбранного пути, не хочется читать, тем более писать. К тебе приходит абсурд, жизнь становится бессмысленной, написанная проза кажется далекой, чужой, и ты, как тот художник, теряешься. Такие дни будут напоминать тебе чистые, ненаписанные полотна того художника. Ты молча, без чувств будешь собирать такие дни твоей жизни, на которых ничего не написано, ни печали, ни благоговения. Кроме одиночества среди равнодушных людей. Тогда захочется иметь красоту, которая тебя спасет».

Поэзия Д. Накипова, страстная, образная, нервная, соединяющая исторические и философские аллюзии, параллели и сюжеты, обращенная к современникам, находит продолжение в постмодернистской, «поэтической прозе» (В. Бадиков). В последние годы увидели свет «Песня моллюска», «Близнецы», «Круг пепла», «Тень ветра», «Время Ре». «Песню моллюска» – своеобразную лирическую мозаику определяли как «поэму контрапункта», «поэму-цепочку», «полилог», «книгу ответа» и т.д. «Близнецы» – как философский памфлет, лирически окрашенную публицистику,

лирическую исповедь самого автора. Прологом к большому романному эпосу считал В. Бадиков социально-бытийные, апокалиптические поэмы «Близнецы», «Падение Багдада», «Время Ре». Трилогией о времени и человеке называет «Время Ре» Д. Накипова – Б. Каирбеков, подчеркивая их талантливую звукопись: «Поэма – дневник чувств, душевного поиска утерянного родства со всем человечеством. Он подобен скомканным листкам, вырванным из сердца, но не выброшенным, а вновь разглаженным дрожащей рукой – Умом, осознавшим, что это не повторить. Так черновик становится документом стенающих чувств» [10].

Поэт призывает заглянуть в себя: «Сжать бы мир до родного аула, / За день обойти и увидеть всех разом, / В глаза посмотреть: есть ли в них радость? / Нам нечего делить: / как небо поделить над нами? / Не поделить уже отмеренный нам срок. / Но поделиться тем, что копит сердцем память / И тем, что соевьсть запасаает впрок».

Давай делиться... – в этом суть вещей, –  
Ведь атом разделенный всемогущ!  
Твоя печаль пусть станет и моей,  
Моя любовь – твоей, как солнца зимний луч.

Афористичность мысли, музыкальность фраз, поэтический настрой раскрывают мир душевных переживаний и размышлений, призывая слышать правду сердца. Емко и точно говорит об этом Б. Каирбеков: «Стихи его – это речитатив потока информации о всех тревогах и страхах, вздымающихся над всей планетой, и речитатив этот тороплив как перестук телеграфного аппарата, едва успевающего разбить поток на точки с тире, а то и путаясь в них. Это – не вечевой колокол, призывающий объединиться на борьбу со Злом, это – не сирена, предупреждающая о землетрясении или новом вселенском потопе. Это несвязное пророчество спящего в трансе шамана, к которому важно прислушаться» [10]. Глубина художественного образа Д. Накипова связана крепко и прочно с библейскими временами. Порой он балансирует в художественном мире «Круга пепла» на грани фантастического прошлого Мироздания и современности, такими узнаваемыми картинами, топосами города Алма-Ата (театр

оперы и балета, улица Калинина, консерватория и т.д.). Избрав образную формулу соития-любви всего живого в мироздании, Д. Накипов раскрывает все ее грани как знака и символа предостережения и надежды. Художественно-философский завет адресует автор читателям XXI века, к которым обращался в начале романа, в своеобразной поэтико-прозаической увертюре-монологе. Герои романа в «галактике Сокровенности» призваны исполнить «лучший из танцев Любви». В. Савельева обращает внимание на подзаголовки к роману-дилогии: «Круг пепла» – «роман прозрений», «Тень ветра» – «роман упований в круге пепла». «Топика романов то раздвигается до пределов космического пространства и другой планеты, то сжимается до вполне достоверных пределов города Алма-Аты или Петербурга (балетное училище на улице Росси и Мариинский театр)» [6, с.169]. В языке и синтаксисе романа – дилогии проявляются «элитарность и экспериментальность» [6, с.170].

Исторические процессы обладают жесткостью тектонических плит. В этом уверен Д. Накипов и передает эту убежденность читателям. Элитарность и экспериментальность романа проявляются в языке и синтаксисе. Еще его беспокоит долгий поиск идентичности. Писатель призывает быть терпеливее, ответственнее, совестливее к своим соседям, к тем, кто живет рядом, подчеркивая высокую миссию литератора: «Миссия литератора неотделима от искренности его пути в литературе. Писатель раскрывает драматизм судьбы своих героев, подсказывает первопричину удач и несчастий, читатель находит утешение в его словах или надежду на лучшее. Новая «многоуровневая» литература предполагает понимание всей сложности «кардиограммы» мира, бесконечного количества дифференциальных исчислений таких категорий, как доброта, любовь, отношения между мужчиной и женщиной, отношения родителей к детям» [11].

Литературный текст воспринимается, порой, как сложное, многомерное художественное целое. Но именно поэзия всегда чутко реагирует на новое в жизни и судьбах людей, разрушая культурные барьеры и актуализируя идею диалога между народами, странами, культурами, Западом и Востоком. Поэтические

творения А. Ахетова, представленные в поэтическом сборнике «Звездой полночною сгорая» (2014), обращены к современнику, ждущему трепетного свидания с настоящей поэзией. Она рассчитана на вдумчивого, аристократичного читателя, гордящегося своей Родиной и бережно сохраняющего ее образ в своем сердце. Лирический герой мечтает, где бы он ни был, из дальних странствий возвратясь: «Наслаждаться родимою речью / И вдыхать запах милых полей». Перу писателя и поэта принадлежит роман «Три Георгия», благодаря которому открыл для себя «планету Северный Казахстан» с особой ментальностью населяющих ее людей М. Симашко. Его стихотворения называл импрессионичными, подчас по-фетовски свежими и грустными Н. Ровенский. Честной и смелой книгой с глубоким проникновением в жизнь и пониманием многих ее глубинных процессов считал известный ученый, философ П. А. Пак-Ир «Книгу покаяния» А. Ахетова.

Автор 20-ти оригинальных и переводных книг, А. Ахетов широко известен читающей публике «Книгой памяти», «Судным днем», «Светом истины», поэтическим сборником «Открытое сердце ранимо...» и др. В одном стихотворении А. Ахетова, пересекаясь и взаимосвязано, могут звучать, таинственно переплетаясь, и высокие гражданские мотивы, и трепетная любовь к Отчизне: «Вокруг берез наряды обручальные, / Родных степей торжественный простор». Произведения выходят за четкие границы жанров, так как отражают сложное мировидение современного поэта, равнодушного к судьбам своих земляков, согреваемого в любых жизненных ситуациях воспоминаниями детства и юности, где «сквозь туманы грибные берез кружева».

Поэзия А. Ахетова удивительным образом вбирает в себя богатство и изящество восточной поэзии, есенинскую удаль и размах, блоковскую и лермонтовскую строгую любовь к Отчизне, философские мотивы Фета и Тютчева, гражданственность Маяковского. Гражданская лирика пронизана болью по мрачным вызовам времени метаний и поиска своего достойного места в истории и настоящем. Лирический герой гордится своими предками и с гордостью произносит: «Я – казах!»: «В дробном стуче копыт,

/ В разметавшихся гривах коней, / Словно в камень впечатана / Слава немеркнущих дней».

Казахский фольклор, кладезь мудрости и богатства, исторические сказания и предания, образы степных правителей, сказителей, батыров, лихих наездников и степных красавиц – еще одна составляющая его творчества. И возникают картины эпического размаха: «В порыве грусти и печали, / Под тихий перебор домбры, / Событья дивной старины / В устах сказителей звучали».

Евразийская составляющая, как контрапункт, проходит лейтмотивом через его прозу и поэзию, высвечивая корни древнего родства:

Еще с времен величия Орды  
С Россией породнился я великой,  
И дорогие находил черты  
В ее тревожном материнском лике.

Не от того ль живет во мне джигит,  
Что бредит о невесте синеокой.  
Наверно, что-то общее роднит  
Россию со степным моим Востоком.

Евразийство воплощается в необычных поэтических образах, вдохновленных традициями древнерусской литературы: «И отвергнутой невестой, / Жертвой скорбною любви, / Погребли под Лобным местом / Церковь Спаса на крови». Обличая и в то же время сострадая, А. Ахетов переводит на язык поэзии то, что стало достоянием публицистики, приглашая читателя к философскому восприятию мира.

Искусство выступает спасением для героинь прозы У. Тажикеновой, таких разных, земных, увлеченных и разочарованных. «Непридуманные истории» составили книги «Сакрализация памяти» (2001), «Восхождение к абсолюту» (2003), «Лоза тамариска» (2009). Критики и литературоведы отмечают музыкальность фраз и слов, своеобразие поэтики, азиатскую ментальность, многообразие жанров: роман, рассказы, путевые заметки, публицистика, переводы. У. Тажикенова повествует о женских судьбах, жизненных коллизиях, сложных поворотах, о судьбе старшего

поколения, народной мудрости и смекалке, юморе и жизнелюбии. Проявления правды жизненной и правды литературной могут быть самыми разнообразными. Случай играет свою роль в жизни. Порой стиль становится завуалированным, в духе криптограмм, а героями произведений – торговцы, обслуживающий персонал кафе, ресторанов, продавцы магазинов, чиновники, врачи, писатели, журналисты, художники и т.д. Писательница «чутко прислушивается к традициям казахских жырау и толгау, насыщая повествование лиризмом и стихотворными цитатами...» (В. Бадиков).

Сборник произведений назван У.Тажикеновой «Лоза тамариска», потому что она является «символом гибкости, силы человеческого характера, духа..., символом жизнелюбия, жизнестойкости, символом неброской красоты (он цветет нежным сиренево-лиловым, аметистовым облаком, это цвет духовности), символом доброты, жертвенности...», и включает роман-пунктир «Ось существования», рассказы, непридуманные истории, путевые заметки, публицистику, переводы, рецензии и отклики писателей. О ее творчестве размышляют Д. Исабеков, Д. Накипов, В. Буренков, Б. Джилкибаев, А. Арцишевский, С. Блатова и др. Произведения У.Тажикеновой – это «экзистенциальный эпос, осмысливающий и воссоздающий наше время» (В. Савельева). У ее книг – большая читательская аудитория и «скрытый автобиографизм». Они становятся объектами научных исследований, диссертаций, статей в периодике. Роман «Ось существования» интересен «сочетанием художественно преображенного документализма и стремлением подняться над ним, увидеть бытие как нечто цельное и большее, чем одна недолгая человеческая жизнь. Все события в романе даны ретроспективно как хаос лиц, биографий, ситуаций, конфликтов, встреч, расставаний и смертей... Проза У.Тажикеновой не тенденциозна, – считает В. Савельева, – но она писатель, для которого важна позиция, принципы и футурологическая оптимистическая перспектива» [6, с.173].

Р. Буркитбаева – Нукунова – автор более 10 книг, изданных в Казахстане, России, среди них «Я завидую солнцу» (1996), «Арабески любви» (1996), «Кочевница-Любовь» (1998), «Ночные

зеркала» (2001), «Таинство ночи» (2002), «Пристань грез» (2006), «Набережная надежд» (2006), «Лик ускользящей Луны» (2008). Строка ее рождает строку, с любовью рисует яркое пятно в серой повседневности. Отметая прочь все лишнее, она находит, по мнению М. Пака, то, что ищет – свою мелодию. Поэтическая душа Р. Буркитбаевой-Нукуеновой аккумулирует в себе противоречивость окружающего мира и являет на свет образы искренние и светлые». Образцом взаимодействия казахской и русской культуры считает У. Калижанов «изданные в Москве сборники стихов Р. Буркитбаевой-Нукуеновой. Дизайн сборника выполнил корейский писатель М. Пак, который хорошо знает менталитет казахов. Оформление получилось очень удачным и стопроцентно казахским, как будто книга вышла из печати не в российской столице, а здесь, в Казахстане» [12, с.173].

Муза современного поэта предстает в разных обличьях. Муза Р. Буркитбаевой-Нукуеновой – «скрип пера. Пара ангельских крыл». Поэтесса и прозаик пишет сказки «В южном саду» и др.), реалистическую прозу. Ее переводят на языки народов мира, так как автор «обладает безусловным литературным даром, который проявил себя не только в ее трепетной, звонкой и открытой миру поэзии, но и в прозе – документальной и художественной, идущей по горячим следам нашей казахстанской истории и современности» (В. Бадиков). О ней пишут во Франции, Болгарии, России. В. Дударев (Москва) уверен, что в книге поэтессы «Набережная надежд» чувствуется «рука художника, встречается поразительная четкость формы и зрелость композиционного начала, а еще юность порыва», потому что сердце к сердцу находит путь.

«Любовь к земле живет в сердце каждого, но отношение крестьянина к ней особенное», – так начинается рассказ Х. Омара «Демб», давший название одноименной книге прозы, талантливой, своеобразной, соединяющий лиро-эпический дар автора и его научные изыскания. Книга не вышла в свет в советское время, один из консультантов Союза писателей Казахстана посоветовал использовать автору свое дарование «для создания рассказов большей социальной значимости». Х. Омар пытается расслышать голос прошлого, улавливая «тончайшие вибрации

прошедших времен и из звуков минувших дней» создает симфонию сегодняшнего дня (Б. Жумадильдин). Интересен стиль прозаика. Повествование психологично, насыщено глубокими философскими размышлениями о вечных проблемам бытия, о жизни и смерти. Поэтически и одухотворенно автор размышляет о жизни кочевника и его жилище – юрте, аккумулирующей энергию Синего Неба. Особая энергетика раздвигает границы пространства. В рассказах и эссе писатель восхищается поэзией, музыкой, искусством танца. Задумывается над хрупким следом дня уходящего. Книга пробуждает интерес к истории родного народа, зовет к размышлениям.

Современная поэзия Казахстана представлена яркими именами, передающими национальные картины жизни своего народа. Б. Каирбеков считает себя, прежде всего, переводчиком, ратуящим за максимальное приближение к оригиналу. Он снимает фильмы и пишет стихи, лирико-философские, наполненные раздумьями и яркими художественными образами:

Родиться на свет – это только экзамен,  
Фальстарт, репетиция, проба пера,  
Но свет отыскать! –  
В нем вспыхнуть, как знамя, –  
Вот счастье рожденья, забвенья, игра!

Поэтические жанры в последних сборниках «Дневник», «Путь воды» и других – самые разнообразные: элегии, притчи, лирические миниатюры и т.д. В его творчестве все взаимосвязано: Небо и Земля, Человек и Природа, Жизнь и Искусство. Осознавая себя кочевником в Космосе Мироздания, поэт предвосхищает наш выход «на планетарное мышление», к идее Земли как общего дома. Поэт мечтает быть открытой книгой, «в которой есть, о чем вам рассказать». Пространственно-временные координаты его лирики безграничны: это и память сердца, и космическая даль, гармония начала и конца, бесконечное мгновенье: «Я вновь хочу быть картою старинной, / Где страждущим обещан древний клад, / Я быть хочу той самую глубинкой, / Где очарует вас природы взгляд».



Но именно гармония влечет поэта:  
Гармония начала и конца, –  
Точнее, бесконечное мгновенье,  
Когда вся жизнь – испуг и жар лица,  
И сердца восхищенное волненье.

Поэт пишет стихотворения как письма другу, доверительно и откровенно. Строки стихов-писем наполнены до краев добром, светом, нежностью. Сквозь них явственно проступает лирическое «Я» поэта. А символом времени избран образ воды (сборник «Путь воды»).

А. Кодар – поэт и драматург, культуролог и философ, литературный критик, переводчик национальной классики, президент ассоциации «Золотой век», главный редактор журнала «Тамыр». «Первичное значение слова «тамыр» – река, поток. И в этом потоке, – рассказывает А. Кодар, – все мы: и пляшущие человечки из Тамгалы, и авторы журнала, и казахстанская культура как наше коллективное действо. Это поток сознания, это струение крови в жилах. Это рождение журнала из духа музыки, еще той, «тамгалинско-тенгрианской», но уже и нашей, «философствующих язычников», «танцоров духа». Слово «Тамыр» имеет три значения: 1) корень, 2) пульс или кровеносный сосуд, а третье значение можно перевести как побратимство».

«Зов бытия», «Антология казахской поэзии», «Цветы руин», «Истина Коркыта», «Наследники Чингисхана», «Зеркало Атым-тая», «Птицы и ангелы», книга переводов М. Жумабаева «Исповедь» и многие произведения А. Кодара глубоко философичны, ироничны, диалогичны. Поэт словно со стороны наблюдает за современной жизнью, вспоминает былое, обращается к личностям ярким, неординарным, вступает в диалоги, отстаивает свое мнение и свою точку зрения. В центре его поэзии – родная степь, с ее просторами, народными героями, славным прошлым: «В степи не услышишь глас одиночки, / Степь подобных себе только лепит. / Преобладанье пространства над точкой / Я называю степью». В год 20-летия Независимости увидел свет уникальный поэтический сборник, являющийся, по сути, диалогом поколений. В книге «Встреча в поднебесье» представлены в переводах

А. Кодара стихотворения Махамбета, М. Жумабаева и стихотворения самого А. Кодара.

Свое двуязычие А. Кодар называет спасением, выходом из любой ситуации и творческого кризиса. «Когда на русском я сам себе не нравлюсь, когда я как бы исчерпал свои средства выражения, я перехожу на родной, казахский. И как будто омолаживаюсь. Я вхожу в стихию этого языка, лиризма, романтики, который полон каких-то новых, еще не использованных средств и не растроченных сил. И этот язык меня как бы заново рождает. Мои стихи на казахском полны какой-то языческой радости жизни, в то время как стихи на русском полны грусти. В этом, по-видимому, кроется разный опыт этих двух языков, который порождает различную ментальность моего поэтического стиля. Человек, который пишет на разных языках, знает, что каждый язык ведет себя в сознании писателя абсолютно как собственник, требуя особого к нему отношения. Поэтому на казахском я выражаюсь не так, как на русском. И русский язык диктует мне свои правила и опыт, свои средства выражения, отличные от казахского» [13].

Проблема билингвизма, двуязычия волнует А. Кодара постоянно: «Я двуязычен, словно двуголов, / Одной – в Восток, другой смотрю на Запад. / Я на казахском грустен и суров, / На русском я – загадочно внезапен». Поэт преодолевает холод отчужденья странный. И периодически обращается то к родному, то к русскому языку:

Мир, что един для зренья, в языке  
Уходит вглубь нюансов и различий.  
Я – эхо слов, что были вдалеке,  
А вот теперь сошлись в моем обличьи.

В словах, как и в языках, нет вражды. И поэт ощущает себя мостом «над пропастью во ржи, / что свел две бездны, бодрствуя, в память».

Оригинальное творчество О. Жанайдарова разнообразно: стихотворения, оды, баллады, поэмы, историческая поэма, научно-фантастические рассказы, повести и т.д. Он – автор книг «Тысяча

окон в степь» (2001), «Сны на рассвете» (2003), «Религия и мифология древних тюрков» (2004), «Мифы древнего Казахстана» (2005), «Легенды древнего Казахстана» (2006) и многих других. В «Поэтической тетради», приложении к альманаху «Литературная Алма-Ата» (шеф-редактор Р. Бектемисова), О. Жанайдаров сборник своих стихов называет символически «Былое величие предков» по одноименному стихотворению: «Былое величие предков / Мне спать не дает по ночам. / Дрались наши предки крепко / За жизнь, за домашний очаг». Великому Ч. Валиханову, чей караван шел к неизведанным вершинам, поэт посвятил «Поэму о Чокане», рефрен которой – где правда об исследователе «Манаса» и народных преданий, этнографе и путешественнике. В Петербурге? В Кашгаре? Поэт обращается к Махамбету, осознавая, что прошлый век – его «время и рок / Он для нас – предыстория. / О, как много в степи самых разных дорог, / А к колодцу ведет которая?». «Не завидуй поэт поэту...», – призывает О. Жанайдаров в стихотворении «Зависть – подлое чувство, мой друг».

О. Жанайдаров пишет о пост-исторических временах, древних родах и племенах, о родном Окжетпесе, сохранившем тысячу добрых сказаний. Связь с родной культурой, природой, народом неразрывна. Родные просторы смотрят глазами озер, бездонных и чистых. Поэт любит верблюдами, караванными, неземными, огромными, мощными, тоскует по тому времени, когда на месте областного аэродрома мчались кони, «копыт гремела дробь», и мечтает «на комете верхом / века проезжать, как вехи!». Или построить себе баррикаду из книг и скрыться за ними, словно в окопе: «И стану со словом еще аккуратней, / Выставляю перья свои, как копыя...». Поэт остро ощущает время:

В машине времени скользим,  
Как в лифте, по шкале столетий,  
О сколько лет и сколько зим  
В истории моей планеты.

Повесть «Вечная зима» – повесть-предостережение. «Мертвая вода, превратившись в лед, выходит из берегов мирового океана

на сушу, раздавливает все на пути, сносит сгоревшие во время войны города и села, ледяным утюгом разглаживает поверхность земли, поглощая леса и горы, наполняя впадины и внутренние моря». Ядерная катастрофа уничтожает все земное, поэтому так важно ценить жизнь, дорожить миром и согласием на планете.

Широко известны переводы казахской поэзии О. Жанайдаровым. В переводе О. Жанайдарова на русский язык в книге «Льется песня под домбру» (Москва, 2009) вышли казахские загадки, «Большая надпись Культегину» и «Тоньюкук», «Тоска по родине» Абу Насыра Аль-Фараби, произведения Махмуда Кашгари, Сайф Сарай, военные песни IX-XI веков. Из казахской поэзии XIV-XIX веков опубликованы в его переводах «Хану Тохтамышу» Сыпыра-жырау, произведения Казтуган-жырау, Доспамбета-жырау, Асана Кайгы, Умбетей-жырау, Шал-акына. Во вторую книгу «Небосвод над моей головой» (Москва, 2010) включены в переводе О. Жанайдарова произведения Шалкииз-жырау, Жиембет-жырау, Ахтамберды-жырау, Татикара-жырау, Бухар-жырау, Котеш-акына, Жанак-акына, Абыл Глеуулы, Жанкиси-жырау, Суюнбая Ароулы, Шакарима. Знание двух культур, казахской по рождению и русской по профессии, позволяет О. Жанайдарову расширить горизонты до понимания азиатской и европейской традиций в области литературы, лирической поэзии, истории и этнологии. Поэт постоянно в пути: «По всему во мне, видать, / пробуждается кочевье – плыть, лететь или бежать».

Книга переводов К. Бакбергенова «Отраженные пространства» объединяет поэзию разных поэтов, разных эпох и разных стран. Открывают книгу переводы Доспамбета-жырау, Шалкииз-жырау, Ахтамберды-жырау, Татикара-акына, Ж. Аймауытова, М. Жумабаева, К. Мырзалиева и многих других. К. Бакбергенов – поэт, переводчик, сценарист, объединивший на страницах книги «поэтов разных эпох, разных языковых стихий и культур, создает особую пространственно-временную реальность, которую подпитывает единое энергетическое поле Поэзии», – так написано о новой книге, в которую включены переводы из казахского фольклора, лужицкого, баллады Ян Вон Сика «Завещание», стихотворений Бено Будара, Томаша Навки, Георга Тракля, Франца Кафки, Райнера

Мария Рильке и многих других. Многообразие языковых стихий и культур представлено в творчестве А. Йозефа, Ф. Буды, Г. Гейне, К. Моргенштерна, Г. Заалманна, Ф. Кокота и др. Большая часть переводов выполнена с языка оригинала. Разные времена и разные судьбы объединены единым духовным поиском и энергией.

Завершают книгу переводы из казахского и лужицкого фольклора, действующими персонажами которого являются богатырь Спрейник, великаны, пастух и людки. Совершенно изящно графически оформлены «Две воронки» К. Моргенштерна и «Ночная песня рыб». Глубока по смыслу философская лирика европейских поэтов, лирична и проникновенна поэзия Г. Аутовой. Пророчески воспринимается миниатюра в прозе «Последний ратник» Слободана Симича (Сербия). «Мы несли смерть и смерть принимали, как судьбу и удел, как проклятие, без смысла, без веры. Все больше, все дальше, все тем же путем. Через свои и чужие могилы. Это длилось больше года. Не знаю сколько, и этого никто не знает. Такое время ничем нельзя измерить. Одно лишь знаю, что я остался один. Совсем один» [14, с.143]. Безусловно, художественный перевод включает национальные литературы в общемировой контекст, раздвигая границы их восприятия.

Лирический герой поэтических сборников С.-Г. Байменова «Сезам» (1999) и «Неразменное» (2004) многое готов отдать за призрак счастья настоящего («жизнь пробежала убыстренной кинолентой»), за степные просторы детства: «Большой Медведице тесна берлога / На звездном небе памяти моей...». Трогательен образ бабушки, к внучонку протянувшей ладони – «два листика с прожилками забот».

А мне манящей за границей,  
Вдали сияя, грустно снится,  
Полузабытый отчий край.

Лирический герой Сагин-Гирея мечтает о путешествиях в страны Европы и Америки, чтобы искать всюду «отсветы поэзии», «подняться над химерами примет, что разделяют расы и народы». Повседневность отпускает узника, в котором «говорит пространство», в широты, неподвластные уму. Он легко снимается с насиженного места, «чтоб мягкая горизонталь ковра / сменилась

восхождением к Эвересту, / а ровный свет – лоскутьями костра». Но возвращается поэт в детство, прошедшее на берегу Волги. Сняты ему «трав загадочные толки, / в реках месяца осколки, / маяков влекущий свет». В другом стихотворении «в смешной раскрашенный сундук / Природа прячет краски лета».

Детские воспоминания (баржи, цапли, острова), как и волжские дни, так пронзительно светлы и дороги, «что кружится голова». Словно обратный путь во времени прошел герой, перемахнув через забор будней, и стал опять самим собой, чтобы услышать, «как порой закатной / пахнет, пахнет всеохватно / камышами и водой». Но перед «свернутым, как свиток, прошлым» оправдываться вовсе не резон. Лепет книг детства, дорогих сердцу, слышит поэт сквозь годы и торопится к саду соловьиному, в раздолье речушек журчащих и трав... Трогательное стихотворение о керосиновой лампе, керосиновой душечке, которая освещала скромный быт семьи, бакенную. И поэт хранит нежную память об этой поре: «На перетоке Запада в Восток / Среди кувшинок, лотосов и цапель / Я рос».

В стихотворении «Мне в детстве говорили...» автору «меняющей за границей, / вдали сияя, грустно снится / полузабытый отчий край». Концепт памяти силен в творчестве Сагин-Гирея: «Корабль несбыточного лета / по памяти плывет / за мной». Всесильный ветер странствий наполняет строки поэзии, но веков спрессованная память давит плечи. Он вспоминает своих предков, один из которых брал Азов, а второй ласкал красавиц волооких. В них был тот же зов Небес и Поля, что заставлял будущего поэта в детстве распахивать окна для «степной сладкой стихии». На реке детства «звонят в жару кувшинки». И золотые ливни только в том краю, «где не было меня счастливей». Реалии степи постоянны в поэтических строках Сагин-Гирея: «Я Степью пленен, как когда-то был морем». Поэт созерцает свой день, как беркут с высот. Руки саксаула и царственно цветущий тамариск тянутся к нему. Запоздалая стрекоза пьет из воздуха жизни соки. Он посвящает свои стихи выдающимся личностям прошлого (Ч. Валиханову, Г. Колпаковскому и др.), чтобы не прерывалась связь времен.

Одно из ярких имен поэзии новой волны – М. Исенов.

Когда периферия жил  
Существование ставит на кон:  
Дожить сейчас, не ворожить,  
Не вспоминать, не жечь, не плакать...

В его поэзии необычные поэтические образы: «и пальцы *судорогой душат* друг друга...» («Как плоть и запах мандарина»), «*обрезы* роц слоились под туман» («Свирелело тишайше, но не сложно...»); своеобразные сравнения: «на соснах *сединой* сверкает соль», а у короля «борода *мохерилась*, как свитер» («Кричали чайки над пустынным пляжем...»). «Тонкий сумрак акаций» *раскрывает* объятия сентябрю. «*Полированный* вечер похож на рояль» («Все оказалось мрачнее, чем грезил Гойя...»).

Когда уходит возлюбленная – умирают музыка и краски: «Я пережил твою тоску и ласку...» Пейзажные зарисовки неповторимы, а городские – лаконичны («Окраины, город, утро. Розовые приюты. / Ночлежка, ларьки, притоны, закусовые, каюты»). Природа М. Исенова наделена чертами характера человека. Не случайно одно из стихотворений так и озаглавлено: «Снова ночь почти очеловеченна...», а город (стынувший, с рваными легкими) движется ползком к рассвету. У города-шелкунчика истеричный клаксон, «стрелы улиц, свирепость машинных атак». В третьем – «Министр сна пропел в агонии...» – улица кажется похожей «на верлибр / вся из парадоксальных сквозняков, / Проулков, крыш, зашторенных палитр, / И сырости междомных тупиков». В поэзии М. Исенова царствует колокольня-осень и ее златоглавая родня; листопад-первенец, сухостой *шепеляв*, *ликуют* «блики на скулах проступающих к воде еловых пагод» («Свирелело тишайше, но не сложно...»), молчание *краснеет* тонкой рябиновой веткой, и статуи *сводят* *зябко* мраморные колени. Восковая фигура *играет в жмурки* с луной («Осенний дождь упал на землю массой капель...»). Необычны эпитеты: соцветья роз (в одноименном стихотворении) «*чудовищные*» и «*пасмурные*», *золотые шары* бессмертья в листве октября. Вечереющее небо *из хрусталя*, цвет поздней осени, ноября – *плесень*, бегущий в час отлива по дну краб – словно *кисть* пианиста – это и многое другое отличительные признаки палитры поэта.

Блок, Гойя, Хемингуэй, Гораций («Клен, как мудрый Гораций, прошепчет...» – «Лето кончилось...») – к ним обращается наш современник. Он упоминает Рембо, Дали, Аполлинера, Сен Жюста, Жизель, Сальери, Кортасара, Баха, Моцарта и др. И вдруг шарманщик-шаман – такое необычное сочетание в стихотворении «Потускневшая медь – неразменная дрожь...». Лирический герой просит шарманщика спеть «лоскутную песню» (так называется второй раздел сборника. – С. А.). И возникают мотивы поэзии Мандельштама: «Песня тоненьких рук, что на цыпочках слез / потянулись обламывать лед и мороз».

Размышляя о назначении поэта и поэзии на рубеже веков, когда «рыбак на консервы сдал золотую рыбку» («Картавый двигатель»), М. Исенов приходит к противоречивым выводам: «Словно мышь в молоке, захлебнувшись стихами, / Шепчешь их торжественно и печально» («У чугунной ограды густо сухие листья...»). В стихотворении «Я старьевщик по сути своей, но не вижу причин...» поэт тащит свой груз со связкой морщин на сердце, «как бурлак пароход бечевой», и подытоживает баланс:

Спят поэты под сенью осенних оград,  
И давно уже кончился наш пробивной ренессанс  
Мы лелеем молчание, ложь, что язык без костей [15, с.56]

А печальные музы («Соглашаюсь охотно остаться примерным твоим гражданином...») «обрежут косички / цвета спелой пшеницы / И уйдут в небеса по старинной привычке, / и не станут нам сниться».

Русскоязычная казахская литература в XXI веке представлена яркими именами поэтов и писателей, содержательными и актуальными произведениями, затрагивающими самые разнообразные темы и проблемы. В жанровом отношении она характеризуется разнообразием и отчетливо выраженным авторским стилем.

#### Литература:

1. Михайлов В. Там, где кончается асфальт // sozvuchie.zviazda.by
2. Русскоязычные писатели Казахстана (Литературно-критические заметки) // Литература народа Казахстана.



- Изд. второе, дополненное /Отв. редактор С. В. Ананьева – А.: КАЗакпарат, 2014. – С.318-365.
3. Сулейменов О. Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь «1001 слово». – А.: ОФ Литературный Альянс, 2013. – 88 с.
  4. Ауэзов М. Дневники. Уйти, чтобы вернуться. – А.: ИД «Жибек жолы», 2011.
  5. Артемьева Р. Мастер // Новое поколение. 25.12.2014.
  6. Савельева В. Наш современный роман как жанровый микс и некоммерческий проект // Простор. – 2012. – №3. – С.165-177.
  7. Момыш-улы Б. Жаркое земное обиталище // Жаксылыков А. Дом сурикаата. – А.: Ценные бумаги, 2008. – С.401-410.
  8. Бадиков В. Во имя всеобщего бытия // Бадиков В. По гамбургскому счету. – А., 2007. – С.183-188.
  9. Бельгер Г. Тропа Роллана // АМАНАТ. – 2006. – №5. – С.5-6.
  10. Каирбеков Б. О книге поэм Д. Накипова «Время Ре» // Известия – Казахстан. 13.05.2009.
  11. Джандосова З. Художнику дано право говорить о вечном. Интервью с Д. Накиповым // Байтерек. – 2011. – №7-8.
  12. Калижанов У. У каждого есть свой оригинальный след // Калижанов У. В потоке времени: Статьи, исследования, эссе. – А., 2014. – С.215-217.
  13. Кулжанова Р. Кентавр казахской культуры // Яблоко. Литературный интернет-журнал Казахстана. 17.09.2007.
  14. Бакбергенов К. Отраженные пространства. Книга переводов. – А.: СаГа, 2009. – 224 с.
  15. Исенов М. Аутлэндишь. – А., 2003. – 72 с.

## ТҮЙІН

Қазақстанның мәдени бірлігі өзінің негізінде мәдениет пен әдебиеттердің өзара әсер ету барысында тарихи дәстүрлерге ие. Қазақстанның қазіргі кезеңінде бірыңғай рухани негізі бар бірегей көпмәдениетті кеңістік құрылып, орыс, ұйғыр, корей, неміс, татар, күрді, өзбек және т.б. әдебиеттер қарқынды дамып келеді. Қазақстанның қазіргі ұлттық әдебиеттері ұлттық-мәдени үрдістерді жоқтың әлемдік жаһандану жағдайында өздерінің ұлттық ерекшеліктерін сақтап отыр. Республикамыздағы әртүрлі жанрлы әрі тақырыбы бай боп келетін қазіргі әдеби үдерістің маңызды ерекшелігі мен сипатын құрап отырған ұлттық мәдениеттер мен әдебиеттер қазақ әдебиеті дәстүрімен, қазақ мотивтерімен толығып отыр. Ұжымдық монографияның тарау авторлары республикамыздағы ұлттық әдебиеттерді қалыптасуы, мазмұндылығы мен ұқсастығы, Қазақстан халықтарының ұлтаралық келісім мен шыдамдылықты нығайту тұрғысынан қарастырады.

Кітапта XX-XXI ғасырлардың тоғысы мен XXI ғасырдың бірінші онжылдығындағы Қазақстандағы ұлттық әдебиеттердің дамуының негізгі үрдістері республикамыздағы этностардың рухани туыстығы мен этносаралық диалогы контекстінде анықталады, қуғын-сүргін зардабының этикалық мәселелері, жады мен үй концептісінің дамуы, пьесалардың жанрлық құрылымы және қазіргі публицистика мен Қазақстандағы балалар әдебиетінің өзіндік ерекшеліктері айқындалады. Сын мен әдебиеттанудың жетекші үрдістеріне – дәстүрге бағытталу, әлемдік ұлттық бейне, этникалық архетиптің сақталуы, поэзиядағы лирикалық дискурстың автобиографиялылығы, ұлттық әдебиеттер дамуының понарамалық көрінісінің жаңа мүмкіндіктері жатады. Гуманизм, шынайы өнердің ұлттық нақышы, халықтар өмірінің шынайы жағдайын еске түсіру, ұлттық болмысқа көркемдік қызығушылықтың артуы және оны ұғыну Қазақстандағы әдебиеттердің барлығына ортақ болып табылады. Ұлттық сана-сезімді іздеу («Мен Кіммін?»), ұлттық ұқсастықты ашып көрсету ізденістері белсенді түрде жалғасып келеді. Көпұлтты болмыстың ұлттық өзінділік пен ұлттық өзгешелікке қызығушылық тудыруы

занды болып табылады. Драматургия, проза, поэзия мен публицистикадағы романдық ойтаным мен адамгершілік жады идеясы және Қазақстан халқының тағдырына жеке тұлғаның ортақтастығы – ұлттық әдебиеттердегі басты сипаттардың бірі.

Қазіргі әдеби үдерісті зерттеу ұлтаралық шыдамдылықтың, қоғамдық келісім мен жалпыадамзаттық құндылықтардың қазақстандық үлгісін насихаттауға бағытталады. Қазақстан Республикасы әдебиеттерінің ерекшелігі – болашаққа ұмтылуы болып табылады. Өткен күндер оқиғаларын суреттей отырып, олар ХХІ ғасырға талпыныс жасайды және де еліміздің шынайы қазіргі замандық көркем бейнесін жасап шығарады.

## RESUME

Cultural unity of Kazakhstan is based on historical traditions of mutual influence of cultures and literatures. Currently in Kazakhstan a unique multicultural space with single spiritual foundation has developed, and Russian, Uyghur, Korean, German, Tatar, Kurdish, Uzbek and other literatures are successfully developing. In conditions of globalization that destroys national cultural traditions, the authors of the monograph have for the first time proved that modern national literatures of Kazakhstan preserve their national identity. The most important feature and characteristic component of different genres and thematically rich contemporary literary process of the republic is the enrichment of national cultures and literatures by traditions of Kazakh literature, and Kazakh motifs. The authors of the monograph sections consider national literatures of the republic in terms of the impact on the formation, content and vector of identity, strengthening of inter-ethnic harmony and tolerance of the people of Kazakhstan.

The book identifies main tendencies of the development of national literatures of Kazakhstan in the turn of the XXI centuries in the context of the inter-ethnic dialogue and spiritual relationship between ethnic groups of the country, ethical issues of deportation, evolution of concepts of memory and home, genre structure of the plays, peculiarity of modern journalism and children's literature in Kazakhstan have been summarized. Leading trends of criticism and literary science have been revealed: focus on tradition, reflection of national picture of the world, preservation of ethnic archetype, autobiographical lyric poetry, new perspective of vision of panorama of national literatures. Common features of literatures of Kazakhstan are humanism, national identity of true art, artistic reproduction of concrete conditions of peoples' lives, deepening of artistic interest to national reality and possibilities of its realization. Active search of national identity («Who am I?») and disclosure of national identity is continuing. Multi-ethnic reality naturally arise interest in national identity and national specifics. Novelistic way of thinking, the ideas of moral memory and linkage between the individual and national

destiny of Kazakhstan in dramaturgy, prose and publicism – are the determining in national literatures.

Study of contemporary literary process is aimed at promoting Kazakhstan model of inter-ethnic tolerance, social cohesion and human values. Special feature of literatures of Kazakhstan is that they are looking to the future. Describing the events of the past, they are aiming to the XXI century and create artistically real contemporary life in the country.

## СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ . . . . .	3
КАЗАХСТАН В ТВОРЧЕСТВЕ И СУДЬБЕ . . . . .	11
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА . . . . .	70
УЙГУРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА . . . . .	159
НЕМЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА . . . . .	231
БЕЛОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА . . . . .	261
ТАТАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА . . . . .	281
КОРЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА . . . . .	323
КУРДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА . . . . .	373
УЗБЕКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА . . . . .	404
КАЗАХСКАЯ РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА . . . . .	445
ТҮЙІН . . . . .	483
RESUME . . . . .	485

Научное издание

**СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА  
НАРОДА КАЗАХСТАНА**

Рекомендовано к изданию Учёным советом Института литературы  
и искусства им. М. О. Ауэзова МОН РК.

Вёрстка и дизайн: Ивахнова Н.

Подписано в печать: 30.12.2014 г.

Формат: 60x84  $\frac{1}{16}$ . Усл. п. л. 30,5

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура «CharterITC».

Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Evo Press»,

ул. Макатаева, 129/1

тел.: 8 (727) 279 71 34, 352 82 02

